

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И МЕХАНИЗМЫ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Москва
ИД «ФОРУМ»
2016

УДК 327(5-012)
ББК 66.4(55)
Н76

Рекомендовано к публикации Ученым советом ИДВ РАН

Рецензенты: д.воен.н. Д.В. Гордиенко, к.и.н. А.С. Исаев

Ответственный редактор: д.э.н. В.М. Мазырин

Члены редколлегии: к.и.н. Е.В. Кобелев, к.и.н. Г.М. Локшин

Н76 Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. —
М.: ИД «ФОРУМ», 2016. — 440 с. : ил.

ISBN 978-5-8199-0675-0

В монографии представлены итоги международного коллективного исследования на тему «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии», проведенного учеными Института Дальнего Востока РАН и Института китаеведения Академии общественных и гуманитарных наук Вьетнама с участием других специалистов РФ и СРВ.

Показаны общие тенденции и процессы в сфере региональной безопасности, выявлены и проанализированы кардинальные изменения в геополитической расстановке сил в Восточной Азии в 2010-е годы. Также определены как благоприятные, так и препятствующие укреплению безопасности и сотрудничества в регионе факторы. Раскрыты традиционные и нетрадиционные угрозы и вызовы безопасности, механизмы их преодоления. Выявлены возможности подключения России к процессам интеграции в Восточной Азии.

Дана оценка политики и интересов ведущих держав в регионе, в том числе России, Китая, США, Японии и Индии. Рассмотрена ядерная проблема, как одна из самых серьезных в сфере безопасности, и пути ее решения на Корейском полуострове. Проанализирован комплекс противоречий в Юго-Восточной Азии, прежде всего территориальные споры в Южно-Китайском море, и реакция стран субрегиона на возвышение Китая. Особое внимание уделено состоянию и перспективам отношений России с АСЕАН и СРВ. Обобщен опыт использования вьетнамского фактора в продвижении интересов России в регионе.

Книга адресована ученым и специалистам-практикам, занимающимся проблемами мира и безопасности в Восточно-Азиатском регионе и АТР, преподавателям и студентам вузов, широкому кругу читателей.

Ключевые слова: архитектура региональной безопасности, традиционные и нетрадиционные вызовы, формы сотрудничества, интеграционные группировки, Восточная Азия, политика и интересы ведущих держав АТР, геополитика, Россия, Китай, Вьетнам, АСЕАН.

Оценки и выводы в статьях сборника являются полностью авторскими и не всегда совпадают с позицией Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН.

УДК 327(5-012)
ББК 66.4(55)

ISBN 978-5-8199-0675-0

© Коллектив авторов, 2016
© ИДВ РАН, 2016

Содержание

Приветственное слово 6

Введение 9

Раздел первый

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОЦЕССЫ

Титаренко М.Л.

Вызревание новой геополитической ситуации в Восточной Азии . . . 13

Хоанг Кхак Нам

Вызовы для глобальной и региональной безопасности 27

До Минь Као

Геополитические и региональные изменения
в Азиатско-Тихоокеанском регионе 46

Локишин Г.М.

Формирующаяся архитектура безопасности в Восточной Азии 57

Мазырин В.М.

Последствия глобального экономического кризиса
в странах Восточной Азии и пути их преодоления 72

Суслина С.С.

Экономические возможности двустороннего
и многостороннего партнерства в Восточной Азии 98

Нгуен Куанг Тхуан

Проблемы и возможности сотрудничества
в сфере нетрадиционной безопасности в Восточной Азии 117

Рогожин А.А.

Энергетическая безопасность Восточной Азии 137

Рогожина Н.Г.

Экологическая безопасность Восточной Азии 154

Раздел второй

ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В РЕГИОНЕ

<i>Титаренко М.Л.</i> , <i>Петровский В.Е.</i>	
Национальные интересы и роль России в Восточной Азии	177
<i>До Тиен Шам, Нгуен Хюи Хоанг</i>	
Оценки возвышения Китая и его последствий	193
<i>Портяков В.Я.</i>	
Внешнеполитический курс КНР и перспективы отношений великих держав в Восточной Азии	210
<i>Чан Кхань</i>	
Новые аспекты американской военной стратегии в Восточной Азии в XXI веке	229
<i>Кистанов В.О.</i>	
Политика Японии в Восточной Азии: проблемы, тенденции, перспективы	242
<i>Жебин А.З.</i>	
Ядерная проблема и пути ее решения на Корейском полуострове	264
<i>Уянаев С.В.</i>	
Восточноазиатская политика Индии: многосторонние и двусторонние связи как механизмы реализации	285

Раздел третий

КОМПЛЕКС ПРОТИВОРЕЧИЙ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

<i>Нгуен Суан Кыонг</i>	
Китайская «дипломатия добрососедства» и ее воздействие на безопасность Восточной Азии	307
<i>До Минь Као, Нгуен Динь Лием</i>	
Корректировка стратегии национальной безопасности Китая, ее последствия для региона и ответные меры Вьетнама	326
<i>Нгуен Динь Лием</i>	
Отношения Вьетнама с Китаем в фокусе проблем Южно-Китайского моря	344

<i>Кобелев Е.В.</i> Российско-вьетнамские отношения и проблемы региональной безопасности в Юго-Восточной Азии	363
<i>До Минь Као</i> Вьетнам и Южно-Китайское море: обстановка и тенденции	375
<i>Локишин Г.М.</i> АСЕАН и территориальные споры в Южно-Китайском море	392
<i>Кобелев Е.В.</i> Диалоговое партнерство «Россия—АСЕАН»: состояние, проблемы, перспективы развития	413
Заключение	429
Краткие сведения об авторах	438

Приветственное слово

Второе десятилетие XXI века для Азии, прежде всего Восточной Азии, ознаменовалось серьезными политическими переменами. Они многообразно воздействуют на все страны Восточной Азии — региона, для которого характерны одновременно высокая динамичность и многочисленные риски.

Эти особенности — динамичность и риски — придали Восточной Азии особую силу, потребовали от стран региона и внерегиональных государств больших усилий в политической и военной области, экономике, науке и других сферах в целях разрешения возникших проблем, в первую очередь в своих интересах, а также в интересах стабилизации глобальной безопасности.

Многие страны, ряд организаций и интеграционных образований в регионе серьезно заявили о себе в духе возрождения Азии XXI в. Осуществили подъем Китай и Индия, укрепили и повысили свои позиции Япония, Южная Корея, Сингапур, Индонезия, Вьетнам и другие страны на международной арене. Однако следствием этого стал также угрожающий рост геополитических претензий со стороны ряда держав, стремящихся установить контроль над миром вопреки нормам международного права. Малые и слабые как в экономическом, так и в военном отношении страны должны использовать любую возможность для укрепления своей безопасности. Результатом активного «вмешательства» внешних сил в региональную ситуацию становится превращение Восточной Азии в арену столкновений геополитических интересов многих сторон и вовлечение ее в круговорот нестабильности.

Благодаря своему географическому положению Восточная Азия и прежде испытывала традиционные угрозы безопасности, прежде всего военного характера. Современная Восточная Азия переживает высокую напряженность, которая сопровождается нетрадиционными вызовами. Регион сталкивается с различными проблемами нетрадиционной безопасности, по которым в нем еще нет определенного

единства, что влечет серьезные осложнения как для самой ВА, так и других регионов планеты.

Наряду с проблемами безопасности сложились основы сотрудничества внутри и вне региона на базе нового мышления, новых контактов, отвечающих новой эпохе. Процессы интеграции и регионализации протекают в Восточной Азии мощно и достигли определенных первоначальных успехов. Формируется разносторонняя система безопасности (сообщество АСЕАН, Восточноазиатское сообщество и др.), которая, как мы надеемся, будет способствовать сотрудничеству и решению проблем безопасности в Восточной Азии.

В новой системе безопасности в Восточной Азии с каждым днем возрастает роль фактора США и России — стран, ставших официальными членами Восточноазиатского саммита в 2011 г. США, имея союзников и военные соглашения в Восточной Азии, выступили «командующим» Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Россия поддерживает тесные отношения со странами региона, приносящие все более заметные результаты. Речь идет о партнерском диалоге «Россия—АСЕАН» и, конечно, российско-вьетнамских отношениях.

К сожалению, в настоящее время Восточная Азия еще не обладает достаточно мощной системой безопасности, которая бы имела поддержку всех сил, противостоящих в регионе. Необходимо создать многостороннюю систему раннего предупреждения и предотвращения кризисов. Наиболее практично строить такую систему безопасности на основе проверенного временем «Метода АСЕАН».

Вне всяких сомнений, все большая дестабилизация безопасности ввиду геополитических изменений, сказывается на механизмах сотрудничества в Восточной Азии. Поэтому она становится тем центром тяжести, который привлекает к себе внимание научных экспертов региона и всего мира.

Для прояснения ряда проблем, существующих сегодня в Восточной Азии, ученые Института Дальнего Востока, ряда других институтов Российской академии наук и их коллеги из Академии общественных наук Вьетнама, в том числе Института китайских исследований, на основе опыта международных, региональных, востоковедных исследований осуществили совместный проект «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии». Результатом этого проекта стала настоящая монография.

Книга издана на русском и вьетнамском языках для ознакомления российского и вьетнамского читателя с рядом значительных проблем. В ней проанализирована ситуация в сферах безопасности и по-

литики в Восточной Азии в первые десятилетия XXI века, рассмотрены практические основы регионального сотрудничества, процесс выработки механизмов укрепления региональной безопасности и сотрудничества путем новой интеграции.

По случаю выхода этого коллективного международного труда в свет выражаю искреннюю благодарность всему авторскому коллективу и переводчикам за проделанную работу. Мы считаем, что данное издание является не только подарком для тех, кто интересуется поднятыми в нем проблемами, но и данью памяти покойного академика РАН Михаила Леонтьевича Титаренко, человека, внесшего большой вклад в осуществление более ранних и настоящего проектов научного сотрудничества между ВАОН и ИДВ РАН.

*Президент Академии гуманитарных
и общественных наук Вьетнама
профессор, доктор наук
НГУЕН КУАНГ ТХУАН*

Введение

Мы живем в эпоху, когда роль и значение Восточной Азии, как и АТР в целом, стремительно возрастают. Фактически в этом регионе сегодня возник новый мировой центр экономического роста. Но вместе с тем это и один из самых беспокойных регионов мира в плане безопасности и стабильности. В Восточной Азии в последние годы тлеет несколько опасных локальных конфликтов, которые в любой момент могут перерасти в военные действия. Внутри региона меняется геополитическая расстановка сил, ускорилась гонка вооружений. В результате задача обеспечения мира и безопасности в этом огромном по численности населения и размера территории регионе требует возрастающих усилий как со стороны входящих в него стран, так и, особенно, политико-экономических региональных организаций, таких как ШОС, ВАС, АСЕАН и др.

Восточно-Азиатский регион имеет жизненно важное значение не только для Вьетнама, но и для России. Исторически Россия неразрывно связана с АТР и Восточной Азией, имеет в этом регионе большие политические и экономические интересы. Растущее синергетическое взаимодействие двух наших стран, совершенствование методов и укрепление механизмов взаимного диалога призваны стать действенным фактором сохранения мира, безопасности и устойчивого развития в АТР, модернизации обширного региона Восточной Сибири и российского Дальнего Востока на базе инновационного развития. В решении данных задач все большее значение приобретают отношения между РФ и ведущей региональной группировкой АСЕАН. Поэтому не случайно ученые-обществоведы двух стран поставили своей задачей выявление новых угроз и механизмов укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии.

Тем самым продолжена благоприятная тенденция коллективной научной работы ученых ИДВ РАН и Вьетнамской академии общественных наук (ВАОН) по актуальным проблемам обществоведения и ознакомления общественности России и Вьетнама с ее результатами.

Данный труд завершает совместной публикацией уже шестой по счету за 8 последних лет (2007—2015 гг.) международный проект с участием этих двух научных институтов. Можно сказать, что основы эффективного и дружественного взаимодействия двух сторон, заложенные прежним директором ИДВ академиком Титаренко М.Л., получили плодотворное развитие.

Проект реализовали Центр изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН и Институт китайских исследований ВАОН. К настоящему времени Центр изучения Вьетнама и АСЕАН стал своего рода «штабом вьетнамоведения» в России, он пользуется широким признанием в научном мире и, что особенно важно, со стороны вьетнамских коллег и политиков.

Предлагаемая читателю коллективная монография — итог двухлетнего (2014—2015 гг.) совместного исследования по гранту РГНФ. С российской стороны, помимо сотрудников Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, в нем приняли участие руководители ИДВ и научные сотрудники ряда других центров ИДВ — стратегических проблем СВА и ШОС, центров японских и корейских исследований, а также Института мировой экономики и международных отношений РАН. Вьетнамские участники проекта — это руководители и научные сотрудники институтов изучения Китая, Юго-Восточной Азии, Государственного гуманитарного университета Ханоя.

Перевод статей вьетнамских авторов на русский язык осуществлен, в основном, сотрудниками Центра изучения Вьетнама и АСЕАН на высоком профессиональном уровне, что облегчит российскому читателю задачу ознакомления и понимания научных подходов и позиций вьетнамской стороны по проблемам данного совместного исследования.

Первичные материалы совместного российско-вьетнамского исследования были опубликованы ИДВ РАН в 2014 г. в форме препринта «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии». Сама же монография, предлагаемая читателю, состоит из трех разделов и освещает наиболее актуальные проблемы современной обстановки и безопасности в регионе Восточной Азии и возможные пути их решения.

В первом разделе «Общие тенденции и процессы» анализируются новые вызовы для региональной и глобальной безопасности; формирующаяся архитектура безопасности в Восточной Азии; экономическая ситуация и рычаги укрепления безопасности и сотрудничества в регионе; проблемы и возможности сотрудничества в сфере нетради-

ционной безопасности, в том числе энергетической, экологической и др. Во втором разделе «Политика великих держав в регионе» освещены формирование новой геополитической ситуации в Восточной Азии на фоне возвышения Китая и корректировки его внешнеполитического курса; новые аспекты военной стратегии США в регионе; восточноазиатская политика Японии, Индии и др. В третьем разделе рассматривается влияние Китая, России и АСЕАН на региональную безопасность: в частности, корректировка политики обороны и безопасности Китая после XVIII съезда КПК и практика его «дипломатии добрососедства»; отношения Вьетнама с Китаем и Россией и их влияние на безопасность в регионе ЮВА; территориальные споры в Южно-Китайском море (ЮКМ) и перспективы их урегулирования. Значительная часть статей вьетнамских авторов посвящена именно последней теме, что вполне понятно.

В 2015 г., в октябре в Москве и в декабре в Ханое, участники проекта подвели его итоги. Стороны высоко оценили глубину анализа и проблемный подход участников совместного исследования. Тогда вице-президент ВАОН проф. Нгуен Куанг Тхуан (с 2016 г. — президент ВАОН), отметив успешное завершение этой работы, выразил надежду, что стороны продолжают взаимопольное сотрудничество. Руководство ИДВ РАН всецело поддерживает стремление наших вьетнамских коллег к дальнейшему углублению научного взаимодействия.

В 2016 г. наступил последний этап работы, связанный с изданием коллективного исследования на языках его участников. Наш партнер сделал это первым: в мае 2016 г. в Ханое в свет вышла книга на вьетнамском языке под названием «Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии» (524 с.). В нее вошли почти все подготовленные авторами статьи — 13 с российской стороны (10 авторов) и 9 с вьетнамской (7 авторов).

Теперь готово издание на русском языке. Его компоновка и содержание имеют свои отличия. В книгу вошло больше статей российских авторов, в том числе ряд не включенных вьетнамскими редакторами, и одна статья, дополненная после кончины академика М.Л. Титаренко его соавтором В.Е. Петровским. Российская версия также снабжена заключением, написанным руководителем проекта д.э.н, профессором В.М. Мазыриным с целью обобщить итоги совместной работы и выявить как общие подходы сторон, так и различие точек зрения по отдельным вопросам, достаточно важным для внешней политики наших стран.

Выражаем надежду, что предлагаемый читателю российско-вьетнамский научный труд о путях укрепления безопасности в Восточной Азии будет с интересом встречен научным сообществом России и Вьетнама, послужат дальнейшему развитию их сотрудничества и упрочению традиционных отношений дружбы между нашими народами.

Раздел первый

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПРОЦЕССЫ

М.Л. Титаренко

ВЫЗРЕВАНИЕ НОВОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Рассматривая в данном разделе так называемые геополитические изменения в Восточной Азии, мы имеем в виду процессы, которые происходят в системе международных отношений в этом регионе в последние годы.

Международная обстановка в АТР, вышедшем на ведущие позиции в мировом развитии, претерпевает глубокие изменения. Важными факторами этих перемен являются мощный подъем Китая, драматически изменивший всю обстановку, подъем ряда других развивающихся государств, возрождение могущества России, активное стремление Японии к превращению в «нормальное» государство без каких-либо ограничений в военной сфере. И все это происходит на фоне заметного ослабления позиций США в регионе.

Стабильность и предсказуемость развития обстановки в данном регионе, обеспеченные расширением мер доверия и углублением сотрудничества между странами АТР во всех областях, приобретают не только региональное, но и мировое значение.

1. Тектонические сдвиги в мировой системе международных отношений

На смену международной системе, возникшей после распада СССР с центром силы в лице США, в которой они определяли правила игры для всех иных участников, сегодня приходит совершенно новый мировой порядок — многополярный, а точнее, полицентричный и многоформатный. В нем США, хотя и сохраняют за собой важные, а в чем-то даже лидирующие позиции, но уже не обладают явным превосходством, которое имели в 1990-е годы.

Убедительным подтверждением этому стали провалы планов утвердить свое доминирование в Афганистане, Ираке, Ливии, а также и новый кризис в международных отношениях, возникший в связи с воссоединением Крыма с Россией и событиями в Восточной Украине. Он наглядно показал неспособность США справиться с закономерным стремлением поднимающихся государств утвердить свою, отличную от американской стратегическую концепцию нового мирового порядка, более справедливого и демократичного, и самостоятельно выбрать путь внутреннего развития.

С большим трудом формирующийся новый мировой порядок уже не будет ни однополярным, ни биполярным и даже не многополюсным, как считалось недавно. Вместо этого он идет в направлении многоформатного мирового порядка, главное отличие которого от многополярного заключается в беспрецедентно высоком уровне взаимозависимости государств, значительно более сложной и насыщенной, чем в Европе XX века. Такой порядок обеспечивает региональным странам большую возможность учета их собственной и региональной специфики. Целесообразность, прагматизм формируют различные коалиции государств по интересам, и это не ведет к хаосу, как утверждают некоторые американские политологи, а, напротив, открывает новые возможности и пути налаживания сотрудничества и соработности.

О приближающемся конце мирового порядка, сложившегося после окончания холодной войны, заговорили даже американские спецслужбы. Национальный разведывательный совет США (НРС), на рубеже 2012—2013 гг. опубликовал очередной (пятый) прогностический доклад о тенденциях и сценариях развития мира, в котором наиболее квалифицированные американские специалисты по международным отношениям дали прогноз развития мировой системы до 2030 года¹. Основная идея доклада сводится к тому, что через 15—20 лет круп-

нейшие государства, в том числе США, Китай, другие державы, утратят способность проецировать свое влияние в глобальном масштабе. Ни одно государство в мире, включая США, в принципе не сможет стать державой-гегемоном. Pax Americana, или эпоха монопольного господства США в мировой политике, начавшаяся с распадом СССР, окончательно уйдет в прошлое.

При этом наблюдается появление на международной арене и возвышение новых центров силы, не игравших ранее значительной роли. Нынешний этап глобализации привел во многом к непредвиденной ситуации. Она характеризуется взрывным ростом производительных сил в тех регионах мира, которые веками пребывали в отсталости на доиндустриальной фазе развития. Развивающиеся страны, которые прежде были поставщиками сырья и дешевой рабочей силы, превращаются в мировые фабрики и становятся крупными потребителями энергетических и продовольственных ресурсов. Прежнее разделение труда между западной метрополией и бывшими колониями отходит в прошлое. Идея многополярного мира уже материализуется в виде множественности центров экономической силы.

Под влиянием глобализации заметной тенденцией в международных отношениях стала региональная интеграция или активизация интеграционных процессов в различных регионах мира. Сам по себе этот феномен носит глобальный характер и становится все более значительным фактором мирового развития. В мире практически не осталось государств, которые не были бы членами, по крайней мере, одной или нескольких региональных группировок. Глобализация и регионализация являются взаимосвязанными, дополняющими друг друга и в то же время противоречащими друг другу тенденциями. Регионализация позволяет развивающимся странам участвовать в глобализации в щадящем режиме, не испытывая чересчур сильного давления со стороны могущественных транснациональных корпораций. Она дает больше возможностей защититься от негативных воздействий глобализации и сохранить свою национальную идентичность.

2. Перемещение центра мировой экономики и политики в АТР

Важнейшей из тенденций современного мирового развития является исторически беспрецедентный по масштабам сдвиг центра мировой экономики и политики в «новую Азию» — в ее восточный регион.

Авторы доклада НРС ЦРУ утверждают, что к 2030 г. Азия займет место лидера на мировой арене, тем самым подводя черту под эпохой исторического подъема Запада. К этому моменту по глобальному влиянию, расчет которого основан на показателях ВВП, численности населения, военных расходов и инвестиций в технологии, Азия обгонит страны Северной Америки и Европы, а Китай станет ведущей экономической державой, опередив США².

Рожденный после Второй мировой войны и измененный в начале 1970-х годов региональный порядок в ВА основывался на двух опорах: примирении между Китаем и США, произошедшем в 1972 г., и системе двусторонних военных союзов, созданной США еще в начале 50-х годов прошлого века. Примирение с окружающим миром обеспечило 30 лет беспрецедентного непрерывного роста Китая, который радикально изменил соотношение сил в ВА. В то же время созданная США система военных союзов обеспечивала им открытость морского пространства и гегемонию в западной части Тихого океана.

Тем не менее, у этого порядка было много слабостей. Во-первых, он базировался на общих интересах борьбы против бывшего СССР. Как только он распался, так и отношения Китая с США оказались под угрозой. Китай больше не был для них стратегическим партнером, а стал идеологически «чужим» и проблемой, которой надо заниматься. Он в каком-то смысле против своей воли занял место СССР и превратился в жупел, который оправдывает военное присутствие и существование двусторонних военных союзов. Во-вторых, вся эта система военных альянсов США в западной части Тихого океана была направлена на удержание КНР в прежнем положении. В-третьих, Китай долго оставался сугубо континентальной державой, а США всегда были крупнейшей морской державой. И как только Китай направил свои усилия на превращение в континентально-морскую державу, избежать столкновения интересов как с США, так и с другими прибрежными государствами было уже трудно.

3. Геополитические риски и конфликтный потенциал в Восточной Азии

Вместе со смещением центра мирового экономического и политического развития в АТР сюда переместились и противоречия между ведущими игроками мировой политики. Обостряется экономическая конкуренция за рынки, источники инвестиций и ресурсы. Усиливает-

ся и политическая конкуренция — за благоприятные внешние условия развития, за гарантии безопасности, за международный авторитет и возможность влияния на новую формирующуюся региональную архитектуру. Ряд событий поставил под вопрос сложившееся представление об этом регионе, как об оазисе мира и стабильности.

В последние годы несколько снизилась угроза силового решения главной стратегической задачи Китая — воссоединения с Тайванем. Вопрос о воссоединении двух частей Китая, представленных Китайской Народной Республикой и Китайской Республикой на Тайване, остается одним из самых сложных в регионе, а его решение имеет первостепенное значение для всего АТР. Напряженность в Тайваньском проливе сохраняется и время от времени дает о себе знать. Возросшая мощь ВВС и ВМС НОАК меняет всю обстановку в Тайваньском проливе и заставляет США вместе с их союзниками на Тайване пересматривать всю стратегию обороны.

Реальную возможность конфликта создает ухудшение китайско-японских отношений. КНР и Япония — главные игроки в ВА. Напряженность между ними возникла из-за небольших островов в Восточно-Китайском море (ВКМ) — Дяоюйдао по-китайски, Сенкаку по-японски. Спор связан не только с предполагаемыми минеральными ресурсами и морскими коммуникациями, но и с национальным престижем. Антияпонские настроения в Китае сильны в связи с сохраняющимися воспоминаниями о зверствах японских оккупантов. Ситуация в ВА осложняется конфликтом на Корейском полуострове и стремлением КНДР к овладению ядерным оружием. Главной проблемой безопасности в ВА остаются территориальные споры в Южно-Китайском море, решение которых потребует длительного времени и политической воли всех участвующих сторон.

События последнего времени в Юго-Восточной Азии породили немало серьезных проблем. Обострение противоречий вокруг спорных территорий, доходившее до вооруженных инцидентов, случалось и ранее. Однако в последнее время оно все чаще рассматривается в контексте усиления геополитической мощи Китая. Некоторые государства ЮВА, опасаящиеся могучего соседа, приступили к выработке общей позиции. Эту ситуацию стремится использовать и Вашингтон, представляя себя как возможного посредника и пытаясь служить противовесом растущему влиянию Пекина.

Особенно обращает на себя внимание обострение китайско-вьетнамских отношений. Наиболее «горячим» эпизодом в них стал летний кризис 2014 г. в связи с введением буровой платформы Китая в

ИЭЗ Вьетнама в районе Парасельских островов. В том же ряду стоят оставшееся нераскрытым крушение малазийского лайнера (рейс МН370) в водах Индийского океана, государственный переворот в Таиланде, военные действия против мусульманских меньшинств в Мьянме, политические волнения в Камбодже. Учтем также пиратство в районе Малаккского пролива и террористические действия сепаратистов на Юге Таиланда, в Индонезии и на Филиппинах.

Стабильность в ВА в целом остается непрочной. Пока мировые державы заняты усилившимися угрозами на Ближнем Востоке, в Африке и Афганистане, а теперь и в Европе, главные азиатские государства всемерно наращивают свой военный потенциал. Они стремятся усилить сдерживающие механизмы и овладеть широкими возможностями для атакующих действий против потенциального противника с большого расстояния. Поэтому споры за акваторию морей в ВА стали главным двигателем военного строительства. Страны ВА относятся к разряду государств, наиболее быстро наращивающих свои военные расходы. Основное внимание они уделяют авиации и флоту, а также береговым системам вооружений дальнего радиуса действия.

Проблема островов и морских границ в ЮКМ уникальна по глубине противоречий и охвату стран, которые уже участвуют или потенциально могут быть вовлечены в этот территориальный спор, уходящий корнями глубоко в историю. Геополитическая ситуация осложнена спором пяти прибрежных государств (прежде всего, Вьетнама и Филиппин, а также, в меньшей, степени Малайзии, Брунея и Индонезии) с Китаем и поддерживающим его в этом вопросе Тайванем. Активно вмешиваются в него США и Япония, имеющие свои важные стратегические и экономические интересы в регионе.

Растущая милитаризация зоны ЮКМ неизбежно ведет к возникновению разного рода инцидентов, вооруженных стычек, потенциально способных перерасти в конфликт, который при определенных условиях может расширяться как по составу участников и численности задействованных сил, так и по величине охватываемого пространства.

В Китае, на Тайване, Филиппинах и в СРВ местные законы включили острова в состав своей национальной территории и национальной духовной жизни, они стали неким национальным символом и даже определенным условием легитимности правительств, для которых острова должны быть защищены «любой ценой». Это делает ситуацию неопределенной, трудноразрешимой и непредсказуемой. Появилась реальная угроза, что соперничество за обладание энерге-

тическими и рыбными ресурсами ЮКМ, имеющими жизненное значение для прибрежных государств, настолько обострит эти конфликты и разожжет такой пожар национализма как в Китае, так и в странах региона, что события выйдут из-под контроля властей.

События последних лет свидетельствуют о серьезном изменении геополитической обстановки в ВА. Действия наиболее активных оппонентов в территориальных спорах указывают на выборочное и частичное использование международного права, в частности, Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву (UNCLOS). Еще более тревожна готовность применить национальные вооруженные силы для того, чтобы утвердить свою точку зрения. С 2009 г. Китай начал ясно показывать, что его возросшие вооруженные силы чувствуют себя способными применить «жесткую силу» для начала в ЮКМ — против Вьетнама и Филиппин, а позднее и в ВКМ — против Японии. Эскалация напряженности в обоих этих морях превратила их в «горячие точки» планеты. Ставки для всех стран высоки: безопасность, экономические ресурсы моря (углеводороды, рыба и другие) и транзитные пути, имеющие важнейшее значение для их экономик.

4. Последствия возвышения Китая

В Восточной Азии сложился стратегический треугольник основных политических игроков — Китай, США и Япония. В составе этого треугольника нарушителями статус-кво одновременно выступают несколько стран, которые вновь поднимают прошлые проблемы. В последнее время активно заявляет свои интересы в ВА Индия. С опозданием, но в формировании архитектуры восточноазиатской безопасности стала участвовать и Россия.

Китай существенно потеснил США и Японию в этом регионе. Он занял место главного торгового партнера Японии, Южной Кореи, стран АСЕАН, Тайваня, Индии. Укрепились его позиции в ключевых региональных организациях — АТЭС и АСЕАН. Образовались мини-группировки с сильным китайским влиянием: АСЕАН+1 (Китай), АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея). С 2015 г. в полной мере стало работать соглашение о Зоне свободной торговли Китай—АСЕАН (САФТА), обязательства в рамках которого отныне выполняют все 10 стран АСЕАН. Возрастает влияние и трехстороннего механизма сотрудничества Китай—Япония—Южная Корея. Идут переговоры о создании Всеобъемлющего регионального экономического

партнерства (РСЕР) в составе АСЕАН + 6 (АСЕАН+3+Индия, Австралия и Новая Зеландия).

Современный Китай не стремится к победе коммунизма во всем мире, но твердо намерен установить свою сферу влияния в окружающих его морях, что в принципе естественно для великой державы. При этом Китай является **поднимающейся** великой державой в регионе, где США как десятилетиями доминировавшая держава сохранять свою гегемонию на прежнем уровне уже не в состоянии. Одновременно Китай является **возвращающейся** великой державой, которая веками доминировала на своей периферии. Баланс сил все более меняется в пользу КНР, овладевшей стратегической инициативой. Китай рассматривает «разворот» США в АТР прежде всего как усиление попыток его сдерживания и оказывает давление на все соседние государства региона, добиваясь свертывания их сотрудничества с США, особенно военного. На американское «возвращение в Азию» Китай ответил «выходом в море».

Официально Китай продолжает активно выступать за укрепление региональной стабильности для концентрации всех сил на национальном развитии государств. В октябре 2013 г. Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул стратегическую концепцию формирования «Сообщества общей судьбы Китай—АСЕАН» и совместного построения «Морского шелкового пути XXI века». Очевидно, что осуществление этого грандиозного проекта требует мира и стабильности.

На открытии 4-й Конференции по взаимодействию и сотрудничеству в Азии (СІСА) в Шанхае в мае 2014 г. Си Цзиньпин призвал к созданию «новой региональной архитектуры сотрудничества в вопросах безопасности». Он также указал, что Китай готов взять на себя ведущую роль в попытке разработать «кодекс поведения для региональной безопасности и программу азиатского партнерства в области безопасности». При этом он подверг резкой критике все военные союзы в Азии, связав их с устаревшим мышлением времен холодной войны³.

Поднимающаяся время от времени волна самоутверждения и национализма создает большие трудности в решении территориальных споров. Но вероятность оформления национализма в качестве основы государственной политики КНР не так велика, как это представляют те, кто заинтересован в спекуляциях на тему так называемой китайской угрозы. Этому препятствуют активные экономические связи, увеличение количества двусторонних и многосторонних обменов. Да и в руководстве КПК хорошо понимают последствия националистического угара, если ему позволить выйти из берегов. Многое будет за-

висеть от того, насколько успешно Китаю удастся решить внутренние проблемы социально-экономического развития.

Восприятие Китая как «угрозы» может негативно отразиться на китайской программе модернизации и затруднить продолжение политики реформ и открытости. Китайские официальные лица достаточно серьезно относятся к существующему общественному мнению в стране и в мире. Следовательно, всем, кто заинтересован в скорейшем достижении разумного политического решения проблем в Восточной Азии, важно не нагнетать панические настроения, а всеми средствами содействовать созданию информированного общественного мнения в поддержку этого курса.

5. Новый азиатский курс США

Основной геополитический конкурент Китая в АТР — Соединенные Штаты Америки, у которых видят угрозу своему устоявшемуся доминированию в лице неуклонно поднимающегося Китая и оживляющейся России. Объявлено о «переносе центра тяжести американской глобальной политики» в этот регион, «перебалансировке» американских обязательств и связей с союзниками. В рамках этого курса осуществляется наращивание американской военной группировки в Восточной Азии, создание нового военного плацдарма в юго-западной части Тихого океана. США значительно активизировались в региональных организациях АТР, пытаясь вернуть свое ослабевшее лидерство.

Администрацию Б. Обамы еще на первом сроке обвиняли в недостатке внимания к этому региону, где «Китай доедает американский ланч». Провозглашенный им после выборов на второй срок «разворот» в АТР вскоре оказался довольно сомнительным ввиду осложнившегося экономического положения в самих США. К этому добавились труднейшие проблемы в Сирии, Ираке, Ливии и Афганистане, а главное — ухудшение отношений с Россией и кризис на Украине. В ноябре 2013 г. Б. Обама из-за бюджетного кризиса в США пропустил саммиты АСЕАН и АТЭС, что вызвало новую волну критики со стороны его многочисленных оппонентов в стране. Во многих государствах региона правящие элиты были огорчены быстро прошедшим периодом «обамомании».

Ослабление значимости для США проблем Восточной Азии подтвердило и приглашение Си Цзиньпина в Калифорнию летом 2013 г.,

т. е. в самом начале второго президентского срока Б. Обамы. Оно показало, что одним из главных вызовов текущего десятилетия для США стала необходимость избежать разорительного стратегического соперничества с Китаем. Призывы к Б. Обаме перейти от политики ангажирования Китая в различные совместные проекты к его более жесткому сдерживанию успеха не имели. У американцев и так слишком много проблем в этом мире. Главную ставку было решено сделать на имеющихся и потенциальных союзников и партнеров в Восточной Азии. Однако все они с растущей тревогой задумываются, хватит ли у США средств и политической воли для противостояния с Китаем и на поддержание необходимого военного потенциала в меняющейся международной обстановке.

Во время своего визита в страны Восточной Азии 22—29 апреля 2014 г. Б. Обама, с одной стороны, заверял своих союзников в непоколебимой поддержке США. С другой — выражал надежду на то, что они все же сумеют вести себя достаточно сдержанно, и даже высказывался в том смысле, что США подумывают о прочных отношениях с Пекином и рассчитывают найти с ним вместе решение спорных проблем. Но в целом визит подтвердил, что стратегия США по-прежнему нацелена на недопущение появления другой доминирующей державы в АТР. И хотя влияние США несколько ослабло по сравнению с Китаем, они остаются на весь обозримый период важным военным и экономическим партнером для малых и средних государств региона. Более того, вырисовывается их главная и пока не афишируемая цель — создание системы коллективной безопасности в АТР по модели НАТО и под руководством США.

Политикой укрепления военных союзов в АТР США стремятся выдвинуть своих союзников вперед, на первую линию, а самим оставаться на шаг сзади. Через экспорт вооружений и соглашения об использовании имеющихся баз, о временной дислокации войск проводится так называемая азиатизация АТР, сильно напоминающая провальную доктрину «вьетнамизации» войны в конце 60-х годов прошлого века. Все это только разгоняет в регионе и без того самую значительную гонку вооружений в мире.

Принципиальное значение имеет принятое Вашингтоном решение активно задействовать военно-экономический потенциал Японии как в глобальном плане, так и в качестве противовеса КНР в ВА. Это открыло, по сути, двери для снятия всех ограничений в военно-стратегической сфере для Японии. Во время визита в США японского премьер-министра С. Абе в апреле 2015 г. стороны согласовали новые ус-

тановки для сотрудничества в области безопасности, значительно расширив общие рамки этого сотрудничества и поставив новые задачи перед вооруженными силами обеих стран. Они меняют всю концепцию военного союза, который приобретает явно глобальный характер. Стороны договорились о взаимодействии в случае, если нападению подвергнется и некая «третья страна»⁴. 16 июля 2015 г. нижняя палата японского парламента утвердила «стратегию коллективной самообороны», открывшую путь к пересмотру Конституции страны.

Экономическая взаимозависимость США и Китая настолько велика, что ни одна из сторон не может позволить себе отказаться от сотрудничества, что отнюдь не снимает соперничества в различных областях. Отношения США с бывшим СССР (как, по сути, и с современной Россией) строились на основе ядерного паритета по принципу гарантированного взаимного уничтожения. А их отношения с Китаем, который пока не обладает таким арсеналом ракетно-ядерных вооружений, можно охарактеризовать принципом гарантированного взаимного экономического уничтожения. Попытки сторон наладить отношения пока особого успеха не принесли. Серьезные противоречия и нарастающее противоборство в АТР, как и соперничество на международной арене, сохраняют свое значение. Сложный характер приобретает для обеих сторон узел противоречий между Китаем и Японией.

Вместе с тем стороны проявляют все большую готовность открыто обсуждать существующие разногласия. Для этого ими создан многоуровневый механизм регулярных контактов. 10 июля 2014 г. в Пекине на 6-м Диалоге США—КНР по стратегическим и экономическим проблемам Си Цзиньпин предупредил, что конфронтация между Китаем и США стала бы «катастрофой» для обеих стран и всего мира. На 7-м Диалоге, проходившем в Вашингтоне в мае 2015 г., стояли вопросы безопасности в космосе, ПРО и многие другие. А перед его открытием помощник государственного секретаря США Д. Рассел на пресс-конференции заявил, что у Китая и США есть вопросы более важные, чем территориальные споры в ЮКМ.

В действительности, главный вопрос в китайско-американских отношениях — это вопрос мирного сосуществования. Пекин не испытывает желаний заместить Америку в качестве мирового гегемона. Помимо этого, тяжело избавиться и от тесных экономических связей между двумя странами. Мирное сосуществование будет возможно только в том случае, если обе стороны будут уважительно относиться к интересам друг друга.

Заключение

Из приведенного обзора геополитических изменений в Восточной Азии можно вывести несколько предположений на среднесрочную перспективу до 2030-х годов текущего века:

- Азиатско-Тихоокеанский регион в целом уникален в современном мире. Китай имеет огромную финансово-экономическую взаимозависимость с США, американскими союзниками и странами ЮВА. Но одновременно с этим идет нарастание политической напряженности и эскалация гонки вооружений, ужесточается борьба за доминирование в западной части Тихого океана, сравнимая с военно-политическим соперничеством между СССР и НАТО в Евроатлантике в годы холодной войны.
- Поэтому ВА еще долго будет оставаться весьма неустойчивым регионом, испытывающим серьезные вызовы безопасности, вроде ядерной программы КНДР, нерешенных территориальных проблем на море и других. Намерения США и Японии наращивать военные обязательства и усиливать оборонный потенциал малых и средних стран региона вызовет ответные действия Китая, что лишь усилит напряженность.
- Несмотря на сохраняющуюся напряженность в ВКМ и ЮКМ, территориальные споры на море вряд ли разовьются в вооруженный конфликт. Они не дошли еще до такой стадии, хотя участвовавшие инциденты с рыбаками и исследовательскими судами усиливают угрозу случайной эскалации конфликта и возможного просчета военного командования. А сложная природа проблем в ЮКМ порождает различные требования претендентов и отсутствие единства между ними. Это ведет к частому несоответствию между политической риторикой и практикой государств, вовлеченных в спор, что сильно влияет на региональную обстановку, затягивает все споры, но не позволяет им перерасти в вооруженный конфликт.
- Китай будет и впредь время от времени испытывать реакцию США на каждую попытку утверждения своего суверенитета в морях, омывающих его восточное побережье, дабы доказать военным союзникам США — Японии и Филиппинам, что у Вашингтона нет ни политической воли, ни возможностей ответить на эти провоцирующие действия Китая. Притом преследуются сразу несколько целей, и одна из них — подрыв надежности альянсов с США путем игры на противоречиях между ними и их

союзниками. Все эти действия позволят КНР поддерживать контролируемую напряженность в регионе.

- Китай все-таки будет стремиться завоевать доминирующее положение в регионе, не ввязываясь в открытую борьбу и не доводя дело до военного конфликта. Остается лишь вспомнить мудрые заветы Конфуция, который учил: «Не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе». Есть и не менее мудрые уроки современной политологии, которые учат, что в наше время безопасность неделима, что собственную безопасность невозможно обеспечить за счет безопасности других, как и добиться удовлетворения своих интересов в ущерб жизненным интересам своих соседей.
- США будут по-прежнему всеми силами пытаться сохранить свою доминирующую роль в вопросах безопасности в ВА. Это будет достигаться активным участием в региональных институтах безопасности (из 7 военных союзов США 5 приходятся на АТР) и подтверждением, хотя и в определенных пределах, того, что США остаются надежным союзником и стратегическим партнером, несмотря на проблемы в других регионах и текущие экономические трудности. Это будет осуществляться под флагом борьбы за свободу судоходства в американской интерпретации этой свободы, «господство права» (Rule of Law), продвижение демократии и универсальных прав человека. Однако США вряд ли ратифицируют Конвенцию ООН 1982 года по морскому праву, что значительно выхолащивает их призывы к «господству права». К тому же США и Китай по-разному толкуют некоторые важные положения этой Конвенции.
- Изменение баланса сил между двумя океанами приведет к перемещению части американских ВМС и ВВС из СВА ближе к ЮВА, включая их дислокацию в Австралии, на о. Гуам и на Филиппинах. Корабли береговой обороны США будут дислоцироваться у Сингапура. В целом вооруженные силы США могут быть более рассредоточены, но станут более способными к интервенции, если таковая понадобится.
- Союзнические соглашения США с Японией, Австралией, Южной Кореей, Филиппинами и Таиландом останутся краеугольным камнем их стратегического позиционирования в Восточной Азии и АТР в целом. Неудивительно, что эта цепь союзов рассматривается Китаем как инструмент его сдерживания и усиливает напряженность в регионе.

- В среднесрочной перспективе до 2030 г. США сохранят свое стратегическое доминирование в АТР, но оно уже не будет таким абсолютным, как в недавнем прошлом. США будут вынуждены считаться с попытками Китая внедриться в военно-стратегическое пространство, на котором они привыкли чувствовать себя полными хозяевами. Каждая из двух стран будет развивать свои конкурирующие стратегии в экономике и в обороне. Китай будет расширять способность отражения интервенции, а США — развивать возможности для преодоления его обороны.
- США по-прежнему не будут поддерживать ни одну из сторон в территориальных спорах в ЮКМ, но будут активно продвигать любой формат многостороннего обсуждения проблем безопасности в этом регионе, включая завершение работы над Кодексом поведения сторон в ЮКМ. Они будут также оказывать давление на все страны региона (включая Филиппины и Вьетнам) с тем, чтобы избежать применения силы в территориальных спорах.
- Восточной Азии явно не хватает полноценных механизмов обеспечения безопасности, которые бы пользовались поддержкой всех региональных акторов. Необходим многосторонний механизм раннего предупреждения и урегулирования кризисов в Восточной Азии. Ввиду многообразия государств ВА, а также интереса Китая, США, ЕС, России к данному региону, механизмы региональной безопасности должны в обязательном порядке учитывать характер взаимоотношений между крупными мировыми державами. Наиболее реалистичный путь дальнейших действий — формирование таких механизмов на базе Восточноазиатского саммита и проверенного временем «Метода АСЕАН».

Примечания

¹ Global Trends 2030: Alternative Worlds. National Intelligence Council, December 2012. URL: <http://www.dni.gov/nic/globaltrends>

² Ibid.

³ URL: <http://BBC news. 22.05.2014>.

⁴ Hornung, Jeffrey W. US—Japan: A Pacific Alliance Transformed // The Diplomat. May 04. 2015.

Хоанг Кхак Нам

ВЫЗОВЫ ДЛЯ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Проблемы безопасности существуют еще со дня сотворения мира, лишь изменяясь в масштабах, уровне и формах. При этом проблемы безопасности порождаются как естественной, так и общественной средой. Когда же мир разделился на отдельные государства, человек сразу же столкнулся с проблемами безопасности, порождаемыми уже международной средой.

Чем больше расширяются международные отношения и продолжается развитие в целом, тем больше человек изыскивает способов и методов обеспечения безопасности. Здесь и равновесие сил, сотрудничество и интеграция, институционализация, развитие международного права, создание общих стандартов, переговоры, посредничество, арбитраж и т. п. Все эти усилия, как минимум, способствуют снижению опасности войны, которая в течение нескольких предыдущих столетий как дамоклов меч висела над человечеством.

Вместе с тем международные отношения и развитие также способствуют тому, что проблемы безопасности становятся все более многовекторными и сложными, а проблемы национальной безопасности все больше становятся проблемами международной безопасности. В то же время развитие вызывает появление нетрадиционных проблем безопасности наряду с традиционными. В настоящее время оба эти вызова безопасности продолжают оставаться самыми важными вызовами для существования и развития человека.

Исходя из такого положения дел, рассмотрим основные вызовы безопасности для всего мира и для региона Восточной Азии в двух

плоскостях — традиционной и нетрадиционной безопасности. В каждой из них проблемы безопасности проанализируем вначале в мировом масштабе, затем в масштабе региона Восточной Азии.

1. Традиционные вызовы безопасности

Как нам представляется, наибольший вызов безопасности в отношении мира и региона — это **силовое соперничество между великими державами**. Этот вызов является результатом изменений в распределении потенциалов силы. После периода, когда в результате завершения холодной войны США занимали положение практически одного полюса, наступил глобальный финансовый кризис 2008 г., серьезно пошатнувший монопольное положение США. Возвышение Китая, возрождение России параллельно с подъемом других держав среднего ранга и относительным ослаблением США — все это привело к новым силовым перестановкам в направлении многополярности. В этой обстановке неизбежно столкновение между тенденциями однополярности и многополярности в процессе формирования политической архитектуры новой международной системы. США сложно сохранять свое однополярное преимущество, поэтому им приходится искать опору в лице союза стран Запада, чтобы сохранить свое монопольное положение. В то же время вновь поднимающиеся силы хотят быть одним из полюсов многополярного мира.

В этом противоречии наиболее заметную роль играет силовое соперничество США—Китай и США—Россия. США стремятся сохранить возглавляемый ими союз стран Запада, чтобы притормозить возвышение и расширение влияния Китая и России. В Европе это — укрепление и расширение НАТО, стремление к созданию стратегического превосходства и к движению на Восток с тем, чтобы ограничить пространство влияния России. Естественно, Россия не намерена игнорировать такую тенденцию, поэтому реагирует на нее, и воссоединение с Крымом и конфликт на Украине — это самая сильная ее реакция за последнее время. В АТР экономическое возвышение Китая очень быстро переросло в политическое и военное возвышение. Китай прибегает к гегемонистским действиям, создающим напряженную ситуацию в регионе. Это вынуждает США проводить политику возвращения в регион параллельно с усилиями по укреплению союза США—Япония, расширению военных связей с рядом стран АТР. Оказавшись перед давлением со стороны США и Запада, Россия и

Китай, что вполне понятно, проявляют тенденцию к сближению, хотя их отношения вряд ли могут вылиться в создание союза, наподобие западного.

Силовое соперничество между державами создало много вызовов безопасности в мировом масштабе. Преобладающий вызов — это опасность возникновения новой холодной войны со многими факторами риска для глобальной безопасности. К основным из этих факторов отнесем следующие.

Во-первых, силовые противоречия между великими державами вызывают во всем мире нестабильность и напряженность и довольно сильно усложняют формирование мирового порядка. После окончания холодной войны появилась тенденция к уменьшению этого противоречия, однако в последнее время, особенно начиная с 2008 г., наметилась тенденция к росту силовых противоречий между великими державами. И пока не просматриваются признаки того, что они будут уменьшаться. Ситуация нестабильности постоянно создает благоприятные условия для возникновения и сохранения этих проблем безопасности. Тем не менее, на сегодня силовые противоречия между великими державами пока еще не достигли уровня ожесточенного противостояния из-за боязни чрезмерно больших потерь в случае «горячей войны» между ними, поэтому возможность ее возникновения невысока.

Во-вторых, гонка вооружений во всемирном масштабе приобретает все более бурный характер, особенно гонка высокотехнологичного оружия. Она не только усиливает напряженность и является расточительной, но и приносит новые угрозы безопасности из-за утраты равновесия сил. В условиях заботы о безопасности в ситуации, вдвойне затруднительной для самой безопасности, силовое соперничество в духе беспроигрышной игры возобновилось, создав перманентную нестабильность в отношениях крупных держав и малых стран. И это еще не говоря о гонке высокотехнологичного оружия, которая повышает его возможности массового поражения, что делает мир все более беспомощным перед гонкой вооружений.

В-третьих, силовое соперничество между великими державами ведет также к борьбе за сферы влияния. Эта конкурентная борьба происходит в довольно острой форме в районах вокруг вновь поднимающихся держав, таких как Россия и Китай, но велика вероятность того, что она перекинется и на другие регионы мира, например, на Средний Восток. Как неоднократно свидетельствовала история, борьба великих держав за зоны влияния создает угрозу безопасности втянутых в

нее стран. Либо происходит нарушение суверенитета, либо они становятся зоной спорных притязаний между великими державами. В целом, безопасность малых стран гораздо легче ущемляется в условиях силового соперничества между великими державами.

В-четвертых, нестабильность в деле безопасности негативно воздействует на другие области, особенно на экономику, с ее угрозами экономической конкуренции, закрытым экономическим регионализмом, финансовыми и торговыми войнами, борьбой за рынки и т. п. Практика показывает, что силовое соперничество начало мощно действовать в экономической области. Растущая конкуренция в этой сфере повышает относительную прибыль и снижает абсолютную прибыль. Данный факт ослабляет тенденции к сотрудничеству по вопросам безопасности и интеграции. Значит, надежды на активное воздействие мирового сотрудничества и интеграции как способ обеспечения безопасности в духе неолиберализма будут сокращаться. Это воздействие делает вызовы безопасности более сложными и трудно предсказуемыми.

Вызовы безопасности из-за **силового соперничества между великими державами** считаются самыми большими, так как ареал их распространения охватывает весь мир, воздействие их, весьма сильное, затрагивает все стороны международной жизни, создает возможность возникновения длительной и сложно преодолеваемой нестабильности. Состояние международной нестабильности, естественно, неблагоприятно отражается на региональной безопасности и даже безопасности многих отдельных государств. И здесь Восточная Азия не является исключением.

В Восточной Азии силовое соперничество между великими державами также приносит новые вызовы в сфере региональной политики. После окончания холодной войны силы США и Китая в Восточной Азии возросли, а России — уменьшились. Пока остаются неясными возможности Японии. Разрозненны усилия стран АСЕАН, направленные на достижение равновесия сил. Продолжают иметь место перетасовки в региональной политике. Модели равновесия сил находятся в процессе поисков. Эти разнонаправленные и труднопредсказуемые действия создают неустойчивость современной ситуации, влияют на состояние безопасности в регионе.

Считается, что эта угроза силового соперничества для региональной безопасности вызвана «возвышением» Китая. Те, кто исповедуют концепцию «реальной политики», считают, что темпы развития Китая сделали его сильным, а затем превратили в «угрозу» для процессов

развития в Восточной Азии. Противоположная точка зрения сторонников либерализма сводится к тому, что благодаря экономическому сотрудничеству и взаимозависимости Китай станет ответственным партнером, будет стимулировать сотрудничество в Восточной Азии. Участие Китая в региональных механизмах, таких как АРФ, АСЕМ, АТЭС, АСЕАН+3, ВАС, сторонники этого подхода полагают насущно необходимым, способным внести активный вклад в дело мира, безопасности, сотрудничества и развития в Восточной Азии¹.

Тем не менее, в настоящее время реалистическая точка зрения, похоже, берет верх в условиях, когда Китай наращивает военные силы, осуществляет мощную как экономическую, так и политическую экспансию в регионе, выдвигает серию территориальных требований, обустроивает и военизирует скалистые атоллы в архипелаге Спратли, создает напряженность в отношениях со многими странами региона — Японией, Вьетнамом, Филиппинами и др. Следовательно, именно «возвышение» Китая создало новые вызовы безопасности в регионе.

Перед лицом мощного подъема и воцелений Китая США усилили свое присутствие в регионе в целях его сдерживания. Для США подпадание стран Восточной Азии под влияние «стратегического противника» совершенно неприемлемо со стратегической точки зрения. США озабочены тем, что «возвышение» Китая изменит соотношение сил в регионе и приведет к региональному гегемонизму Китая. Этот гегемонизм не только угрожает интересам и позициям США в регионе, но также создает вызовы в отношении лидирующей позиции США в мире. Кроме этого в отношениях США и Китая существует масса проблем, могущих углубить силовое соперничество. Это ядерная проблема на Корейском полуострове, проблема Тайваня, проблема стоимости китайского юаня, утрата равновесия в торговом балансе, проблема прав человека, кибербезопасность и др. Поэтому США стремятся еще больше вмешаться в дела региона, а это вызывает нарастание силового противоборства между США и Китаем.

Одновременно возросли китайско-японские противоречия, что добавило напряженности в силовое соперничество между крупными державами в регионе. Противоречия между двумя этими странами включают много проблем и споров: за позицию регионального лидера, территориальные споры, разведку на нефть в Восточно-Китайском море, исторические противоречия, проблему избрания Японии постоянным членом Совета Безопасности ООН, возможность ремилитаризации Японии, урегулирование подхода к американо-японско-

му альянсу в отношении Тайваня и др. Эти противоречия имеют тенденцию к усилению ввиду жесткой позиции Китая в отношениях с Японией, что вызывает у нее ощущение угрозы, в результате чего премьер-министр Синдзо Абэ принимает решение об укреплении оборонительных возможностей страны.

Оба силовых соперничества по линии США—Китай и Китай—Япония резко видоизменяют баланс региональных сил, создают новые вызовы безопасности. Они не только тормозят тенденцию сотрудничества в Восточной Азии, ведут к потере и так слабого доверия, но и повышают напряженность региональной обстановки, опасность военного противостояния и конфликтов, а гонка вооружений становится все более яростной. В результате военные расходы в регионе продолжают расти по мере гонки вооружений, вопреки тенденции к смягчению обстановки в мире и регионе. Начиная с 1988 г., когда в международных отношениях наметилось смягчение, и до 2006 г. Восточная Азия оставалась регионом с высоким уровнем военных расходов — они увеличились на 81 %. Темпы этого роста сопоставимы только с США и Средним Востоком — 80 %². Наконец, конкурентная борьба Китая с США и Японией создает ситуацию раскола в Восточной Азии, угрозу превращения этого региона в «пороховую бочку».

География локальных конфликтов продолжает расширяться, и это — второй источник создания крупных вызовов безопасности в мире и регионе. В связи с тем, что мир становится все более взаимозависимым, локальные конфликты порождают проблемы безопасности с международным влиянием. Они продолжают принимать самые разнообразные формы.

Территориальные конфликты весьма многочисленны в разных регионах мира, несмотря на то, что делимитация границ уже осуществлена практически повсеместно. Обращает внимание, что в последнее время вновь усилились территориальные споры с участием великих держав. К ним относятся территориальные споры Китая с Индией и Японией, а также некоторых стран в регионе ЮКМ, в Европе по поводу Крыма. Эти споры опасны тем, что вовлекают крупные страны, находящиеся за пределами споров, как, например, США и НАТО в случае с Крымом, США в ЮКМ и Восточно-Китайском море.

Еще один момент — территориальные споры на море имеют тенденцию создавать еще больше вызовов безопасности. Эта тенденция объясняется интересами стран, которые все более обращают взоры на море, исходя из потребностей разработки ресурсов моря и обеспечения безопасности судоходства, в связи с чем тенденция развития мор-

ского флота и расширения присутствия боевых кораблей в международных водах и на морских торговых путях нарастает, вслед за ней растет опасность споров и конфликтов.

Опасная особенность территориальных конфликтов — возможность оспаривания новых территорий. Типичный пример — Арктика. Разогрев Земли вызывает таяние льда в Северном Ледовитом океане и провоцирует устремления разрабатывать ресурсы и налаживать транспортные пути в этом регионе. Тенденция к борьбе за эти территории начала нарастать параллельно с тем, что многие государства ищут способы утвердить здесь свой суверенитет. Споры прилегающих стран — это понятно, но в него теперь ввязываются страны, далекие от Арктики — Китай, Япония и т. п.

Следующее — *этнические и религиозные конфликты*. Эти конфликты продолжаются и в современную эпоху, так как мир все еще разделен на более чем пять тысяч разных, больших и малых, этнических общностей, и религиозное многообразие сильно сказывается на жизни человечества. Этнические конфликты один за другим возникают во многих местах — в Африке, на Среднем Востоке, в Китае, приводя к насильственным действиям и даже к гражданской войне, что ввергает эти страны в состояние нестабильности. Этнические конфликты приводят также к сепаратизму, пусть и в мирных формах. Типичные примеры тенденции сепаратизма мы находим даже в ряде европейских стран с высоким уровнем национальной государственности и развитого регионализма, как, например, тенденции сепаратизма у шотландцев в Великобритании, басков в Испании. Не говоря уже о проблемах вокруг Грузии, Косово, Тибета и т. п. Национализм не является новым явлением, но его оживление в современных условиях обычно связано с силовым соперничеством и территориальными конфликтами.

Религиозные конфликты, хотя и не грозят, как прежде, началом религиозных войн, однако все же являются угрозой для безопасности. Продолжают сохраняться противоречия из-за религиозного многообразия, между религиозными сектами, светско-религиозные противоречия и связь религий с политикой. Более того, религиозные конфликты зачастую связаны с терроризмом и военным насилием, как в случае с радикальными исламскими организациями на Ближнем и Среднем Востоке.

И наконец — о **терроризме**. Раньше было много точек зрения, что терроризм якобы относится к области нетрадиционной безопасности. Мы же считаем, что в настоящее время можно рассматривать его к уг-

розам традиционной безопасности, так как он получил некий новый стимул развития и создает новые вызовы национальному суверенитету и безопасности.

Во-первых, современный терроризм довольно заметно прогрессирует — и в масштабах, и в мощи, и в методах действий, и в росте влияния. Несмотря на все антитеррористические действия силы терроризма продолжают расти как организационно, так и по численности. Если раньше мы знали лишь о нескольких организациях с ограниченной численностью, таких как, например, Аль-Каида, то сегодня их количество многократно возросло. Ареал их действия теперь не ограничивается Ближним и Средним Востоком и некоторыми странами Запада, но захватывает Северную и Западную Африку, Южную Азию, Центральную Азию, Китай, Индию, Россию и др.

Многие террористические организации действуют не только в своей стране, но и за рубежом. Их деятельность теперь не такая примитивная, как раньше (кидание бомб, захват заложников и т. п.), она поднялась до уровня масштабных войн, типичный пример — Исламское государство (ИГИЛ). Обратим внимание, что хотя их деятельность разрознена, но налаживается координация между ними или поддержка их со стороны других вооруженных групп, и этот процесс нарастает. В ряде случаев, когда достигается контакт между ними и религиозными и этническими силами, их влияние заметно растет по сравнению с прошлым.

Во-вторых, с развитием терроризма нарастает его воздействие на традиционную безопасность. Терроризм негативно и все более многообразно воздействует на национальную безопасность и в политическом плане, и в военном, экономическом, социальном и в сфере окружающей среды. В связи с ростом транснационального характера терроризма он создает много вызовов для международной безопасности. Все крупные террористические организации в мире имеют транснациональный характер — от идеологии до целей деятельности, от реальных сил до арены деятельности. Таковы Аль-Каида и современный ИГИЛ, который вынашивает планы создания отдельного государства, и это угрожает суверенитету и территориальной целостности Сирии, Ирака. С такими целями терроризм действительно представляет серьезный вызов традиционной безопасности в современную эпоху.

В-третьих, усиление терроризма как раньше, так и теперь влечет за собой военные действия против него, в которых участвуют целые государства, особенно великие державы. Не только терроризм, но и сама война против него в результате военного вмешательства также

несет угрозу государственному суверенитету, хотя оно и происходит под разными вывесками — гуманитарное вмешательство, ответственность за защиту слабых и др.

В настоящее время Восточная Азия остается регионом, где существует немало угроз локальных конфликтов, наряду с силовым соперничеством. Ситуация с территориальными спорами здесь крайне сложна, особенно в силу того, что в них задействованы соседние страны региона. Притом эти споры происходят как на суше, так и на море, как между крупными, так и между малыми странами. Пример — территориальные споры между Китаем и Японией, Китаем и Южной Кореей, Китаем и Вьетнамом, Малайзией и Филиппинами и Сингапуром, между Таиландом и Камбоджей... Данная конфликтная ситуация в Восточной Азии весьма сложная и не имеет прецедентов в любом другом регионе мира.

Самые потенциально опасные очаги конфликтов, способные негативно воздействовать на ситуацию во всем регионе — это проблема Корейского полуострова, острова Сенкаку/Дяюйдао, Тайвань и Восточное море (Южно-Китайское море. — *Прим. пер.*). Четыре этих конфликта в разных формах угрожают безопасности в Восточной Азии. Корейская проблема связана с оружием массового поражения и стратегическими отношениями в треугольнике Китай—США—Япония. В территориальный спор вокруг Сенкаку/Дяюйдао вовлечены две самые крупные страны региона с высоким уровнем опасности, особенно когда недавно они стали наращивать военную мощь, чтобы сдерживать друг друга. Хотя Тайвань — это проблема самих китайцев, однако есть опасность конфликта из-за нее между США и Китаем. В то же время конфликт вокруг архипелага Спратли не только затрагивает многие страны региона (Вьетнам, Китай, Филиппины, Бруней, Малайзия), но и оказывает влияние на всю стратегическую расстановку сил в Восточной Азии.

Восточная Азия отличается также этническим и религиозным многообразием. Есть государства, где проживают десятки, сотни разных этносов. Религии здесь также многочисленны — как доморожденные, так и привезенные извне. Здесь имеется все: и крупные религии, и религиозные течения — христианство, протестанство, буддизм Большой колесницы, буддизм Малой колесницы, разные виды ислама. И это не считая сотен местных верований, которые продолжают оказывать влияние на духовную жизнь региона. Многообразная и сложная этническая и религиозная ситуация также является источником вызовов национальной и региональной безопасности. В Восточ-

ной Азии, как и в ряде других мест в мире, сложились транснациональные межэтнические и межрелигиозные отношения. Это также создает возможность превратить этнический и религиозный конфликт в проблему межгосударственных отношений, в угрозу национальной и региональной безопасности.

Что касается проблемы терроризма, то Восточная Азия издавна является местом деятельности экстремистских исламских группировок. Она — третья в мире после Среднего Востока и Южной Азии по масштабам их терроризма. Ячейки терроризма здесь — это группировка Абу Сайяф на Филиппинах, Джемаа Исламия в Индонезии и Малайзии и им подобные — все они имеют тесные связи с силами Талибана и сетью Аль-Каиды. Наиболее громкие террористические акты в этом регионе — кровавое побоище 12 октября 2002 г. на острове Бали (Индонезия), захваты иностранных заложников группой Абу Сайяфа в период 2002—2003 гг. и др.

Борьба против терроризма в Восточной Азии — довольно трудная задача, так как, хотя здесь и нет государств, помогающих терроризму, однако зато есть несколько стран, исповедующих ислам и крупное сообщество исламистов численностью около 300 млн чел., которые разбросаны по разным странам. Здесь расположена Индонезия — самая крупная исламская страна в мире. Более того, развертываемая США в глобальном масштабе борьба против терроризма также вызывает разные мнения и отношение со стороны ряда стран Восточной Азии по поводу связи международного терроризма с исламом... Сложность обстановки и полное различие подходов могут стать условием для продолжения терроризма.

II. Вызовы в сфере нетрадиционной безопасности

В современную эпоху мир, государство и человек вынуждены иметь дело также с проблемами нетрадиционной безопасности. Эти проблемы возникают в процессе развития человечества и считаются обратной стороной развития. Их выход на поверхность происходит главным образом потому, что масштабы ущерба и уровень их опасности становятся все большими, они все сильнее угрожают самому существованию человека. Наряду с частными вызовами, они также создают серию общих вызовов мировой и региональной безопасности. Во-первых, это опасность подрыва оснований для развития человека, когда создаются проблемы безопасности, которые даже угрожают его

существованию. Во-вторых, хотя эти проблемы требуют международного сотрудничества для решения, однако они все больше становятся источниками крупных конфликтов между странами как в настоящем, так и в будущем. В-третьих, воздействие этих проблем нарастает, заметно меняя международную политику и экономику.

Вызовы нетрадиционной безопасности имеют разное происхождение. Рассмотрим несколько основных проблем нетрадиционной безопасности и их вызовы.

Во-первых, это проблема **экономической безопасности**. Огромная важность экономики не требует доказательств. Но именно вследствие этой важности экономика всегда создает проблемы, которые могут сильно влиять на безопасность и развитие как государств, так и каждого человека. В современную эпоху ввиду глобализации и тенденции открытости, а также процессов экономической интеграции государств, экономические потрясения в одних странах способны создать вызовы экономической безопасности других государств и всего мира. В целом сегодня экономическая безопасность государства все больше зависит от внешних факторов, а не только от внутренних усилий, как это было раньше. То есть вызовы в отношении экономической безопасности рождаются не только внутри, но и приходят извне.

В экономической области финансы — самая чувствительная вещь с точки зрения безопасности. Финансовый кризис вызывает разрушительные для экономики последствия, нанося быстрый и глубокий ущерб экономической безопасности. Мировой финансовый кризис 2008—2009 гг. пришел из США, кризис зоны евро, начавшийся сразу же вслед за ним, показал, что финансовый кризис никого не обходит стороной. Макроэкономическая политика потерпела в этих странах поражение, модель роста перестала работать эффективно. Возникли инфляция, большие долги, денежные войны, слишком высокий торговый дефицит и другие проявления кризиса. Это неизменные факторы его опасности. Когда экономика сталкивается с кризисом или со снижением темпов развития, экономическая безопасность не может быть обеспечена, вслед за этим снижается и комплексная мощь государства.

Во-вторых, проблема **безопасности окружающей среды**. Быстрое социально-экономическое развитие человека с началом нашей эры сопровождалось серьезным разрушением окружающей среды. Одновременно расширение и развитие международных отношений способствовало тому, что эти изменения, вызванные деятельностью человека, распространились по всему миру. К тому же разрушение ок-

ружающей среды, расширяясь, захватило все самые дальние уголки планеты. Сегодня ухудшение окружающей среды происходит одновременно во всех ее составных частях. Что касается геосферы, то речь идет об ухудшении почв, усталости и отравлении земель, о процессе опустынивания. Все эти факторы приводят к уменьшению количества пресной воды, истощению земель и сокращению площадей сельскохозяйственных угодий, то есть всего того, что необходимо для жизни человека.

Что касается атмосферы — это потепление климата Земли, загрязнение воздуха и другие негативные явления, такие, как уменьшение слоя озона или кислотные дожди. Эти проблемы в атмосфере ведут к изменениям климата в масштабах всей планеты, и к тому же многие природные явления растут количественно и по масштабам разрушений. В настоящее время изменение климата является одним из самых крупных вызовов нетрадиционной безопасности. Что касается гидросферы — это уменьшение и отравление источников пресной воды, которая издревле крайне необходима для повседневной жизни человека. В процессе выхода человека к морю и разработки его ресурсов море стало все более серьезно деградировать из-за заражения. Ухудшение гидросферы в глобальном масштабе не только влияет на здоровье человека сегодня, но и создает угрозу ее существованию в будущем.

Что касается органических составляющих окружающей среды, то быстрыми темпами сокращается площадь лесов, снижая возможности воспроизводства кислорода для человека и способствуя дальнейшему потеплению климата. Сокращение площади лесов, бесконтрольное использование человеком ресурсов рек, водоемов, морей и океанов ведет к тому, что не только сокращаются количественно природные разновидности живых организмов, но и возникает угроза исчезновения многих редких видов животных.

В-третьих, опасность истощения природных ресурсов и борьбы за них. Природные ресурсы постоянно необходимы для безопасности и развития. Быстрые темпы развития человечества в наше время требовали гигантского количества ресурсов окружающей среды. При том, что природные ресурсы ограничены, их воспроизводство равняется нулю в сравнении с темпами их разработок. Поэтому опасность их истощения — истина, не требующая доказательств. Но ресурсы не распределены равномерно в мире, поэтому издавна происходят конфликты и споры вокруг них. В настоящее время опасность таких споров становится все более непредсказуемой ввиду ухудшения окру-

жающей среды, все большего истощения природных ресурсов, в то время как потребности в их разработке растут, как никогда.

Конкурентная борьба за природные ресурсы между крупными странами усиливает конфликты между ними, воздействует на международную безопасность в целом и на экономическую безопасность в частности. Государство не может остановить свое развитие, а всякое развитие требует ресурсов. Крупные страны борются между собой за право разработки ресурсов вовне, в результате возникает новая тенденция — создание зон экономического влияния посредством создания ЗСТ, чтобы конкурировать друг с другом. Конкурентная борьба стран за право разработок природных ресурсов легко приводит к вмешательству во внутренние дела и экономическое проникновение путем покупки акций либо поглощения добывающих компаний стран пребывания. Не говоря уже о том, что поиски разработки ресурсов ведут к тому, что растет напряженность территориальных споров, которые становятся еще труднее решать. Все эти факторы влияют на безопасность и суверенитет государства. В этом плане опасность конфликтов из-за ресурсов — не просто нетрадиционная безопасность, она имеет немалую связь и с традиционной безопасностью.

В спорах за природные ресурсы энергетика и нефть остаются проблемами, наиболее сильно влияющими на безопасность. Важность энергетики ведет к тому, что энергетическая безопасность становится одной из самых насущных областей безопасности для всех государств. Это очень чувствительная часть безопасности, так как обеспечение энергией должно быть постоянным, непрерывным и достаточным по объему. Ее нехватка даже в краткий период времени вполне может привести к экономическому упадку. Более того, углеводороды — это средство в международных отношениях для того, чтобы оказывать воздействие на другие страны. Поэтому конфликты и споры вокруг углеводородов происходят регулярно, и они являются наиболее острыми среди споров по ресурсам. Конкурентная борьба за источники энергии и углеводороды не только используется для установления контроля над ними и ценами на сырье, но и распространяется на обеспечение безопасности международных маршрутов транспортировки нефти, еще больше расширяя сферу воздействия энергетики на безопасность.

Кроме того, другие природные ресурсы, находящиеся на грани истощения, также имеют тенденцию стать источником споров. Даже есть такие виды ресурсов, которые раньше не считались дефицитными, например, пресная вода, теперь же считаются важными ресурса-

ми, и в результате растут споры за использование воды из международных рек. Одним словом, проблема природных ресурсов — это совсем не малый вызов безопасности — как сегодня, так и в будущем.

В-четвертых, учтем вызовы безопасности, связанные с **проблемой роста народонаселения**. К настоящему времени население Земли уже превысило 7 млрд человек. Все прогнозы указывают на то, что в предстоящие несколько десятков лет численность населения нашей планеты будет продолжать и дальше расти.

Эта проблема создает вызовы безопасности различными способами. Когда численность населения растет, то, естественно, растут и потребности в ресурсах окружающей среды, а также масштабы использования энергетики и уровень потребления. Поэтому большая численность населения становится источником появления других проблем безопасности: окружающей среды, энергетической и продовольственной безопасности.

Население растет неравномерно в разных регионах мира. Так, главным образом оно растет в развивающихся странах Азии и Африки, что вызывает сохранение бедности и безработицы в этих странах. В то же время население медленно растет в развитых странах Европы, Северной Америки и в Японии, что приводит к его старению, недостатку рабочей силы и создает серьезные проблемы для социального обеспечения. Эта ситуация воздействует разными путями на обе группы стран — богатых и бедных, но она похожа в том плане, что создает вызовы и экономической, и социальной безопасности государства.

Рост населения параллельно с разным уровнем жизни в каждой стране является фактором возникновения миграции. Наряду с позитивными факторами, миграция может приводить к неблагоприятным последствиям для безопасности государства. Это явление может породить внутри государства конфликт между мигрантами и местными жителями, между социальными группами ввиду боязни преступлений, конфликта культур, потери рабочих мест, экономического бремени и т. д. Противоречия в ряде стран ЕС в связи с миграцией из Сирии в 2015 г. — один из ярких примеров такой ситуации. Иными словами, проблема миграции может создать вызовы для политической, социальной и культурной безопасности государства.

В-пятых, **проблема бедности**. По сравнению с прежними временами абсолютная численность людей, живущих в бедности или нищете, снизилась, но все равно их доля в общей численности населения Земли велика. Более того, ввиду расширения понятия о состоянии бедности, значимость и влияние проблемы бедности все больше растут.

Имеются объективные причины, приводящие к бедности: неравномерное распределение природных ресурсов и продовольствия, воздействие погодных условий, болезней и т. п. Наряду с этим действуют и такие субъективные причины, как рост населения, неправильная макрополитика, войны и конфликты, ухудшение окружающей среды, социальное расслоение и др. Среди названных причин есть ряд постоянно действующих, поэтому бедность будет оставаться большой проблемой человечества и в будущем.

Бедность создает много вызовов для безопасности. С государственной точки зрения, бедность плохо влияет на здоровье человека и сообщества, то есть здесь речь идет о личной безопасности. Бедность создает вызовы для продовольственной безопасности и безопасности питьевой воды в тех местах, где не хватает продовольствия и источников бытовой воды. Бедность рождает массу проблем для национальной экономики, а именно, снижает инвестиции в развитие, повышает безработицу, съедает социальные пособия. Бедность — это источник появления противоречий и политической нестабильности. В 2008 г. мятежи и бунты произошли в Бангладеш, на Филиппинах, в Гаити, когда поднялись цены на продукты питания. Бедность создает много социальных проблем — неравенство, рост социального расслоения и преступности, то есть негативно влияет на социальную безопасность и на безопасность в целом.

В международном ракурсе бедность также создает много проблем, негативно воздействующих на безопасность. Бедность вызывает расслоение стран на богатые и бедные, а из-за этого — неравноправие в международных отношениях. Бедность не только усиливает для бедных стран опасность дополнительных убытков, роста внешней задолженности, но и усиливает их зависимость от богатых стран. Полная экономическая зависимость может вести за собой угрозу политической зависимости. Все эти факторы приводят к росту господства богатых стран над бедными.

В-шестых, проблема болезней и эпидемий. Разные болезни исторически существуют давно и имеют все возможности распространения в будущем, несмотря на развитие науки и медицины. Процессы развития и ухудшения окружающей среды способствуют появлению новых видов вирусов и бактерий, вызывающих новые болезни в новых модификациях, за которыми медицина не успевает следить. В последнее время мы явились свидетелями появления новых разновидностей вирусов, таких как H5N1, H5N5, H7N7, H7N9. Одновременно развитие международных отношений и современных средств коммуникаций

способствует стремительному распространению болезней и эпидемий через границы государств. А также изменения климата, особенно глобальное потепление, создали условия для того, чтобы болезни и эпидемии, которые раньше были свойственны только тропикам, сегодня переместились за их пределы.

Болезни создают вызовы для экономической безопасности, так как наносится ущерб трудовой силе, растрачиваются на борьбу с ними общественные средства, они становятся серьезным препятствием для развития туризма. Если же учесть разные виды болезней растений и скота, то надо признать их дополнительную опасность для сельского хозяйства.

Болезни очень легко и быстро становятся транснациональными, в результате проблема приобретает международный характер. Более того, они могут стать вызовом для международной безопасности, когда болезнетворные вирусы и бактерии могут быть использованы для создания биологического оружия. Ввиду возможности быстрого и неконтролируемого распространения болезни в одной стране могут считаться источником, создающим вызовы безопасности других стран.

В-седьмых, проблема кибербезопасности. Мы живем в эпоху взрыва информатики и сети Интернет. Этот взрыв объясняется не только все более растущими потребностями в информации, но и развитием Интернета и средств информатики. Интернет меняет человека, государства и мир, делает их все более зависимыми от него. Безопасность и развитие человека и государства все более тесно привязаны к Интернету. И именно поэтому противоположные особенности информатики и Интернета создают все больше новых вызовов для безопасности, которых раньше не было или они не проявлялись. В целом, там, где государство и человек используют Интернет, могут быть проблемы с безопасностью. Интернет — это важное проявление развития, но он наносит больше всего ущерба человеку и государству.

Главный вызов в вопросе сетевой безопасности — это разрушительное проникновение Интернета в политическую, военную и экономическую инфраструктуру государства. В связи с тем, что государство использует все больше структур Интернета в управлении и различных областях жизни страны, проникновение с подрывными целями вполне может иметь разрушительные или парализующие последствия, как будто произошла всеобщая война. Такого рода действия получили наименование «кибервойна» (Cyber War).

Другой вызов безопасности — это когда крадут или стирают важные для страны данные. Информация — это сила. Государство хранит

все больше своих внутренних данных в Интернете. Однако с развитием хакерских технологий хищение таких данных может произойти в любое время. Раскрытие системы секретных данных государства может создать огромные преимущества для того, кто проник в нее, и ослабить государство, у которого украли секретные данные. Случай с Викиликс — один из примеров вскрытия данных через Интернет. Это событие нанесло большой ущерб США в плане информации и доверия, а также заставило заплатить высокую цену за внешнеполитические скандалы.

Еще один вызов безопасности — Интернет и транслирующие средства все больше становятся важными каналами для передачи ориентирной информации. Эти возможности возрастают с развитием свободы слова и печати. Если информация имеет возможность создавать помехи или уничтожить данные той или иной страны, это вызовет для нее нестабильность во многих областях, создаст политические, экономические, социальные и культурные вызовы.

Что касается Восточной Азии, то вышеназванные проблемы нетрадиционной безопасности носят очень серьезный характер. В этом перечне наиболее уязвимы окружающая среда, народонаселение, здоровье человека, энергетика и т. п.

В настоящее время практически все страны Восточной Азии стоят перед проблемой ухудшения окружающей среды, которое носит трансграничный характер. Вместе с тем сотрудничество по этой проблеме относительно слабое, в том числе в АСЕАН и группе АСЕАН+3. Взаимные критика и обвинения, споры вокруг прав на лов рыбы или незаконная охота в прибрежных водах происходят постоянно. Катастрофическая нехватка ресурсов окружающей среды легко порождает споры за право их разработки и за территории. К примеру, Китай и Лаос строят гидроэлектростанцию в верховьях реки Меконг, а Таиланд хочет построить систему доставки пресной бытовой воды на свой Северо-Восток. Но это вызывает протесты стран, расположенных ниже по течению реки, ввиду угрозы того, что равнины вдоль морского побережья могут быть затоплены морской водой. Споры за право на лов рыбы или незаконный промысел в морских водах друг друга очень распространены в районах между Китаем и Вьетнамом, между тремя странами — Вьетнамом, Таиландом и Камбоджей.

Следствием роста численности населения также является возможность возникновения международного конфликта. Восточная Азия имеет наибольшую численность населения в сравнении с другими регионами — одну треть населения земного шара. Восточная Азия — это

также средоточие многих государств с самой большой численностью населения: Китай — 1-е место в мире, Индонезия — 4-е, Япония — 9-е, Вьетнам — 13-е. Неравномерное распределение населения вместе с бедностью создали целый ряд проблем в региональных отношениях: миграция, положение мигрантов, незаконный труд, торговля людьми, рост трансграничной преступности. Все это создает угрозы региональной безопасности или, самое меньшее, — ведет к потере добрососедских отношений доброй членами сообщества. И более того, может создать национальные противоречия и конфликты в ряде стран между коренными жителями и иммигрантами. Кроме того, увеличение численности населения может создать проблему прав человека: например, политика контроля над ростом рождаемости в Китае и Вьетнаме критикуется некоторыми странами Запада как нарушение прав человека.

Что касается болезней, то в Восточной Азии около 7 млн человек больны СПИДом. Несколько лет назад Восточная Азия стала одним из мест с наибольшим распространением болезней и эпидемий, в том числе эпидемии свиного гриппа, вышедшей из провинции Гуандун (Китай) и выявленной в феврале 2002 г. Впоследствии в 2003—2005 гг. свиной грипп перекинулся в Гонконг, Макао, на Тайвань и несколько стран ЮВА. Птичий грипп проявился в конце 2003 г. и наиболее тяжело протекал в этом регионе. Совсем недавно, в 2015 г. возникла эпидемия новой разновидности птичьего гриппа MER-CoV в Южной Корее. Кроме того, были эпидемии болезней животных, например, коровье бешенство. Возникающие то и дело эпидемии не только препятствуют общению между народами, например, туризму, но и торговым связям. Болезни животных обычно влекут за собой запреты на импорт продуктов животноводства из зоны заражения, и, в конечном счете, вызывают недовольство партнеров друг другом.

Проблема энергетики также является источником конфликтов и споров между странами Восточной Азии. Экономическое развитие почти всех стран Восточной Азии за последние десятилетия вызвало скачкообразный рост потребности в нефти. Угроза растущей «нефтяной жажды» вызвала борьбу за морские территории с потенциальными запасами нефти, которая становится все более напряженной и трудноразрешимой. Так, потенциальные запасы нефти в районе вокруг архипелага Спратли вызвали стремление захватить этот район при отказе от поиска компромисса, превратив возможность решения территориального спора в долговременный тупик. Попытки добычи нефти в районе Спратли создают, кроме того, опасность раскола или,

как минимум, потери доверия между некоторыми странами АСЕАН. Кроме того, большие, постоянные и растущие год от года потребности в нефти приводят к выдвижению претензий по обеспечению безопасности транспортного маршрута через Малаккский пролив, особенно со стороны крупных держав. Все это подталкивает страны региона к наращиванию военно-морских сил, к борьбе за возможности контролировать морские пути между Индийским и Тихим океанами.

Статья публикуется с сокращениями.

Перевел Е.В. Кобелев

Примечания

¹ См.: Reluctant partners, wavering friends // The Japan Times, 12.04.2002; China is not a threat: Koizumi pushes China ties // The Japan Times, 13.04.2002; China will be competitor, then partner to ASEAN // The Straight Times, 18.07.2002.

² URL: <http://www.sipri.org/contents/milap/milex/>

До Минь Као

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В АЗИАТСКО-ТИХООКЕАНСКОМ РЕГИОНЕ

Мировой порядок XXI века сильно отличается от прежнего. Глобальная многосторонняя интеграция является общей тенденцией развития наряду с возникновением многочисленных мировых и региональных силовых центров, кардинально меняющих геополитическую карту мира. Мировой финансово-экономический кризис ускоряет этот процесс. В азиатской палитре новой геополитической картины второго десятилетия XXI века ярко выделяется одна страна — КНР с населением около 1,4 млрд человек, которая становится все мощнее. Поэтому Восточная Азия является регионом с двумя стремительными тенденциями развития, но также и полным острых противоречий из-за столкновения международных интересов, где Юго-Восточная Азия с Южно-Китайским морем представляет собой самую горячую точку. США, Индия, Россия, ЕС и другие также ставят здесь перед собой различные цели.

1. Пробуждение Китая и «китайской мечты»

После десятилетий реформ и политики открытых дверей Китай с каждым днем становится все могущественнее с перспективой стать сверхдержавой к 2020 г.

В политическом отношении сегодня доминируют неокOLONиализм Китая, всепроникающий капитализм с конфуцианской спецификой¹. Социализм с китайской спецификой является главным образом китайским национализмом, в основе которого лежит конфуцианская

идеология великой династии Хань, смешанная с высокомерием и национальным самоуничижением, вдобавок к перенятым технологиям и технике Запада. Отличительными нюансами руководящей идеологии являются концепции трех представительства Цзян Цзэминя, научного развития Ху Цзиньтао и «китайской мечты» Си Цзиньпина.

В экономической области в 2010 г. Китай официально сместил Японию со второй позиции среди ведущих мировых экономик (экономика Японии достигла объема 5474 млрд долл., Китая — 5800 млрд долл.).

В военном отношении достаточно полная картина модернизации китайской армии в ближайшие годы представлена в работе «Подъем военной мощи Китая и вытекающие из этого для Вьетнама проблемы» (2013 г.)². Сегодня Китай занимает 3-е место в мире по военной мощи после США и России. В Азиатско-Тихоокеанском регионе по военной мощи Китай превосходит другие государства.

Совокупная государственная мощь Китая, согласно академику РАН М.Л. Титаренко, оценивается в среднем по девяти критериям (из 9 баллов): управление, территория, природные ресурсы, население, экономика, культура и религия, наука и образование, армия, внешняя политика. К 2050 году совокупная государственная мощь Китая составит по данной шкале 8,1. Это — мощь сверхдержавы с армией, оказывающей решающее воздействие на формирование мирового баланса³.

Китайцы считают, что «их пора настала»⁴. Они более не должны «маскироваться в ожидании удобного момента» и мечтать о том, когда же Китай станет номером один в мире⁵. Генеральный секретарь КПК и Председатель КНР Си Цзиньпин выдвинул «Китайскую мечту» в трех основных смыслах: во-первых, Китай является мировой державой, во-вторых, «Китай — это морская цивилизация, идущая по пути быстрого и современного развития, это — морская экономика и главные ворота к океану». В-третьих, китайское национальное единство. Первые два пункта содержат в себе ненасытное желание стать хозяином мира и «построить морскую державу» с выходами ко всем океанам, конкурировать за источники ресурсов и территории. Заместитель директора Института российско-китайского стратегического взаимодействия А. Девятов называет Си Цзиньпина с его «китайской мечтой» современным Хубилаем⁶. Китай считает, что «...государственные интересы Китая выходят далеко за его наземные, воздушные и морские границы и включают в себя необъятные океанические районы, где осуществляется плавание китайских нефтяных танкеров, а

также космос... Туда, куда распространяются государственные интересы Китая, распространяется и миссия наших (китайских) вооруженных сил...! Стоя перед новой исторической задачей, наши (китайские) вооруженные силы охраняют не только территориальные границы, но также должны стоять на страже границ наших государственных интересов»⁷. «В ближайшее десятилетие Китай продолжит переходить от своего, относительно сильного, нынешнего положения к еще более сильному положению. Мировое влияние Китая будет возрастать, так же как будет повышаться и мировая обеспокоенность относительно Китая...»⁸.

Возможно, подъем Китая выразится в некотором положительном участии и влиянии в мировых делах, но беспокойство мира по поводу «смерти от рук Китая»⁹, особенно соседних с Китаем стран АТР и ЮВА, с каждым днем будет усиливаться. Им придется искать наиболее подходящие способы реагирования на действия Китая в XXI веке в соответствии с нормами международного права и общей тенденцией прогресса человечества.

2. Стратегические перемены в ряде великих держав и стратегия «поворота в Азию» США

Наряду с мощным подъемом Китая XXI век также демонстрирует подъем и стратегические перемены в ряде таких великих держав, как Индия, Россия и другие.

Стратегические перемены в ряде великих держав

В ряде великих мировых держав явно проявляются стратегические перемены, прежде всего в Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Подъем Индии и политика Look East («Смотреть на Восток»)

В книгах «Подъем Индии» и «Индия — подъем великой державы» наглядно продемонстрирован потенциал Индии и описаны шаги, которые необходимо предпринять стране для достижения 8 % ежегодного прироста ВВП во втором десятилетии XXI века, а также для перехода в ранг сильных мировых держав к 2050 году¹⁰.

По прогнозам американских ученых, Индия усилит свои позиции в Азии и во всем мире. В течение двух-трех последующих десятилетий уровень национального дохода страны станет третьим по счету после США и Китая. Военная и в особенности «мягкая» сила Индии также значительно возрастут¹¹.

Со времен премьер-министра Нарасимха Рао в 1990-х годах внешняя политика Индии проводится согласно известной концепции Look East («Смотреть на Восток»). С тех пор эта стратегия заимствуется правительствами разных стран и дорабатывается согласно требованиям времени и общемировой обстановке.

Во времена премьер-министра Манмохан Сингха концепция «Смотри на Восток» была нацелена на Японию и страны АСЕАН, в частности на Вьетнам.

Индия активно участвовала в Программе взаимодействия АСЕАН—Индия 2010—2015 гг., а также оказывала странам ЮВА поддержку в создании Сообщества АСЕАН к 2015 г. По словам замминистра иностранных дел Санджая Бхаттачария, «политика «Смотри на Восток» сейчас обрела новый импульс и способствует развитию все более тесных отношений с соседними странами ЮВА»¹².

Когда пост премьер-министра занял Н. Моди, центром внешней политики стали Китай и Япония. Тем не менее, непростые отношения с Пекином находились на грани сотрудничества и соперничества, в том числе продолжались приграничные споры. Во время визита министра иностранных дел КНР Ван И в Нью-Дели новое индийское правительство дало Китаю понять, что Индия не собирается отказываться от намерений играть ведущую роль в регионе ЮА, а также не скрывает своей готовности вести конкурентную борьбу с Поднебесной за влияние в Южной Азии и Индийском океане¹³.

Профессор Гарвардского университета и основоположник теории «Мягкой силы» Джозеф Най полагает: несмотря на то, что в ближайшие 10—20 лет Индия не сможет сравняться с Китаем по своей мощи, есть большая вероятность, что она составит противовес стратегическому преобладанию КНР и не будет союзником Китая¹⁴.

Подъем Индии является важным фактором влияния на общую ситуацию в сфере безопасности в мире и регионе.

Большая азиатская стратегия России

Во время третьего президентского срока В.В. Путина Россия восстановила свою репутацию и статус на международной арене.

Следуя рекомендациям отечественных политических и научных деятелей, российские лидеры начали корректировать внешнеполитические приоритеты и стратегические планы страны. Согласно теории Новой Евразии¹⁵, унаследовавшей многое от теории традиционной Евразии, «орел» России издавна все больше смотрит в сторону Европы, забывая про Азию, хотя 3/4 территории России расположены именно в этой части света. Как заявил президент В.В. Путин, Рос-

сия — одна из держав Азии, имеет свои интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹⁶.

Во втором десятилетии XXI века Россия реально представляет собой могучую державу. *Экономически* Россия полностью обеспечивает и повышает уровень жизни населения. *В политике* Россия обладает весомым голосом на международной арене, прежде всего в Организации Объединенных Наций и на всех других международных трибунах. Президент Путин неизменно считается самым влиятельным и авторитетным мировым политическим деятелем¹⁷. *В военной области* Россия традиционно занимает 2-е место в мире после Америки¹⁸.

В вопросах политической безопасности В.Путин давно придерживается «Азиатской стратегии». Благодаря ей осуществлено заметное продвижение в отношениях с Китаем, Индией, странами АСЕАН, в особенности с Вьетнамом. Ориентация на АТР призвана поддерживать интересы России в регионе, а также содействовать развитию Сибири и Дальнего Востока. Успехи российской стратегии Путина подтверждаются острой реакцией Запада и Штатов. Мы полагаем, что для предотвращения активного российского «Движения на Восток» Запад (ЕС, НАТО) и США создали фронт своего «Движения на Восток» у западных границ России¹⁹.

Цветные революции и события 2014 г. на Украине вынудили Россию переключить внимание на Запад и ослабить свою активность на Востоке. Оказалось, что украинские события в 2014 г. повлияли и на обострение ситуации в Южно-Китайском море²⁰.

Россия имеет реальное влияние и оказывает воздействие на политическую карту современного мира.

Америка и стратегия «Поворота в Азию»

Феномен победы Б. Обамы на выборах свидетельствует о небывалых со времен Второй мировой войны переменах в стратегии США²¹. Самым глобальным изменением стала политика в АТР, имеющая множество различных названий: «Поворот» (Pivot) или «Изменение баланса» (Rebalancing). В ее основу легло расширение активности и присутствия в АТР с целью защиты интересов Америки в экономической, политической и военной сферах.

Основой этой стратегии стала переориентация на Азию в экономической и военной областях. В экономике США стремятся укрепить торгово-экономические отношения со странами Азии, создать зоны свободной торговли в рамках Транстихоокеанского партнерства (ТТП). Что касается военной сферы, то США планируют перебросить в АТР до 60 % военно-морских сил в период с 2011 по 2020 г.

На практике стратегия США «Поворот в Азию» достаточно успешно развертывается в последние годы.

Соглашение об учреждении ТТП заключено в 2005 г., и его первыми 4 участниками стали Сингапур, Бруней, Чили и Новая Зеландия. Это соглашение о свободной торговле нового формата. В 2009 г. к соглашению присоединились еще 5 стран: Вьетнам, США, Австралия, Малайзия, Перу. Япония также решила принять участие в данном соглашении²². Совместно со странами-наблюдателями ТТП реально имеет потенциал распространения и перспективы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, отвечая амбициям и интересам США.

ВМФ США в настоящее время имеет порядка 50 кораблей в Тихом океане, и, по прогнозам, их количество возрастет до 65 к 2020 г. Таким образом, более 60 % ядерных подлодок США будет сосредоточено в Тихом Океане²³.

Америка со своей нынешней политикой «поворота в АТР» по-прежнему остается фактором номер один по влиянию в глобальном и региональном масштабах.

3. Динамичная и невезучая Восточная Азия

XXI век в АТР и Восточной Азии отличается одновременно динамичностью экономического развития и различными неудачами, в основном из-за того, что в самом центре Восточной Азии всегда существовала «дуга нестабильности»²⁴, связанная с безопасностью, политикой и территориальным суверенитетом отдельных государств.

Динамичная Восточная Азия

В XXI веке региональная интеграция в Восточной Азии, локомотивом которой является АСЕАН, принесла большие экономические успехи. «Восточно-Азиатский регион играл и продолжает играть роль движущей силы мирового экономического роста, начиная с глобального финансового кризиса 2008 года. Восточно-Азиатский регион будет удерживать позиции самого быстрого развивающегося региона в мире»²⁵.

К 2015 г. Восточная Азия достигла и превысила рубежи развития, намеченные «Целями тысячелетия» ООН. Со всей своей энергией Восточная Азия, в особенности АСЕАН, с каждым днем приобретают все большее значение для США и всего мира в целом.

Неудачи Восточной Азии

Существуют три крупные проблемы безопасности, которые по своему значению вышли за пределы региона. Это — ядерная проблема

в КНДР вкупе с напряженными отношениями между Северной и Южной Кореей, проблема Тайваня и конфликты в Восточно-Китайском море (ВКМ), и, в особенности, в Южно-Китайском море (ЮКМ). Основная причина этих трех проблем заключается в характере разделения данного региона, связанного с «восточноазиатской дугой нестабильности». Российский ученый Колотов полагает, что сильные страны постоянно используют свою мощь в целях «укрошения» слабых стран, захвата их территории, а те, в свою очередь, ищут способ, как противостоять сильным странам, защищать свой суверенитет и территорию.

Геополитическое, геостратегическое и глобальное значение Южно-Китайского моря с каждым днем все возрастает²⁶. Южно-Китайское море является одним из важнейших звеньев морских логистических путей, связывая моря Тихого океана и одновременно два великих океана, имеющих стратегическую важность — Тихий и Индийский. Более 90 % мирового транспортного торгового потока осуществляется по морским путям, в том числе 45 % через Южно-Китайское море²⁷. Оно имеет богатые запасы природных ресурсов, в особенности нефти и газа, гидрата метана (газовый гидрат) и морепродуктов. Южно-Китайское море является «вторым Персидским заливом»²⁸, хранит в себе богатые запасы нефти, сопоставимые с ближневосточными²⁹.

В последующие десятилетия XXI века Южно-Китайское море станет «мастерской мира» (но не в смысле того, что Китай — это мастерская мира): «В 2025 г. Южно-Китайское море приобретет большие возможности стать мировым производственным центром, или «домашним прудом» в «мастерской мира». Когда Южно-Китайское море превратится в «домашний пруд» «мастерской мира», борьба за природные ресурсы станет здесь катализатором всех потенциальных конфликтов»³⁰.

Таким образом, из-за динамичности или неудач Восточная Азия, в особенности Юго-Восточная Азия, Южно-Китайское море были, есть и будут центром притяжения интересов и практических действий как для стран региона, так и находящихся вне его, вследствие геополитических интересов и интересов собственной безопасности. Динамичность Восточной Азии дает благоприятную возможность, используя которую каждая страна может достичь реальных выгод. И напротив, несчастья Восточной Азии являются испытанием, которое заставляет страны региона сталкиваться с трудностями в экономической деятельности и в защите суверенитета и территорий и одновременно создает осложнения для экономической деятельности, так же как для морского торгового сообщения с внерегиональными странами³¹.

Заключение

В первые два десятилетия XXI века произошло много геополитических и региональных изменений, не предвиденных политиками и ведущими мировыми специалистами. Регион, испытавший наибольшее воздействие и влияние этих изменений — это Азиатско-Тихоокеанский регион, где расположен Вьетнам. Сверхдержавы и другие державы изменили вектор своей стратегии в направлении этого региона для защиты своих геополитических, экономических и стратегических интересов.

Примечания

¹ Ferguson, Niall. The decade the world tilted east // Financial Times, 27.12.2009; Goldman Merle. China's Beleaguered Intellectuals // Current History, September 2009; Cao Huy Thuân. An ninh // Thời Đại Mới 17.11.2009 (Као Хюи Тхуан. Безопасность // Новая эпоха, 17.11.2009); Nguyễn Trung. Việt Nam trong thế giới của thập kỷ thứ hai thế kỷ 21 // Thời đại mới. № 18 — 3/2010 (Нгуен Чунг. Вьетнам во втором десятилетии 21 века // Новая эпоха. № 18 — март 2010) — URL: http://www.tapchithoidai.org/ThoiDai18/201018_NguyenTrung.htm

² Sự trở dậy về quân sự của Trung Quốc và những vấn đề đặt ra cho Việt Nam. Đỗ Minh Cao chủ biên. Hà Nội: Nhà xuất bản Từ điển bách khoa, 2013 : [Военный подъем Китая и возникающие для Вьетнама проблемы / отв. ред. До Минь Као. Ханой: Изд-во энциклопедий, 2013].

³ Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай—Россия 2050. Стратегия соразвития. М.: Институт экономических стратегий, 2006. С. 16.

⁴ *Портяков В.Я.* Китайская мечта: Поднебесная создает свою систему ценностей в противовес американской. URL: <http://maxpark.com/user/1805715924/content/1797611>.

⁵ Lưu Minh Phúc. Trung Quốc mộng. Bắc Kinh. 2010 : [Лью Минь Фук. Китайская мечта. Пекин, 2010]. — Си Цзиньпин, генеральный секретарь КПК, 19 августа 2013 г. провозгласил: «Исполнение китайской мечты о великом национальном возрождении позволит Китаю стать процветающей страной, государством новых жизненных сил и счастливого народа». URL: <http://vov.vn/the-gioi/quan-sat/giac-mong-trung-hoa-tham-vong-cua-trung-quoc-troi-day-338857.vov>

⁶ *Деятвов А.* Китайская мечта и стратегическая растерянность России. URL: <http://www.business-gazeta.ru/readblog/36/722/> — Автор пишет: «...Когда была провозглашена «китайская мечта», нынешний руководитель Китая Си Цзиньпин, изучавший традиционную политическую теорию Китая об универсальной силе «безграничного благого влияния» Небесного царства на вас-

сальные земли, на практике хотел подчеркнуть роль современного Хубилая»]. См. также: Đỗ Minh Cao. «Giác mộng Trung Hoa» của Trung Quốc trong bối cảnh toàn cầu mới: Quan điểm từ dư luận nước Nga // Tạp chí Nghiên cứu châu Âu, số 5 năm 2014 : [До Минь Као. «Китайская мечта» в новой мировой обстановке: представления российского общественного мнения // Европейские исследования. № 5. 2014].

⁷ *Lam, Willy*. Beijing Learns to be a Superpower // Far Eastern Economic Review. 01.05.2009.

⁸ *Nguyễn Trung*. Việt Nam trong thế giới của thập kỷ thứ hai thế kỷ 21. Op. cit. : [Нгуен Чунг. Вьетнам во втором десятилетии 21 века. Указ. соч.].

⁹ *Peter W. Navarro, Greg W. Autry*. Death by China: Confronting the Dragon — A Global Call to Action 'Chết dưới tay Trung Quốc'. The Huffington Post. June 23. 2011.

¹⁰ Colette Mathur, Frank-Jurgen Richter, Tarun Das. India Rising: Emergence of a New World Power Paperback — November 30. 2005; Colette Mathur Frank, Jurgen Richter, Tarun Das. Ấn Độ — Sự Trỗi Dậy Của Một Cường Quốc. Hà Nội: Nxb Từ điển Bách khoa, 2014 : [Индия: появление новой мировой державы. Ханой, изд-во энциклопедий, 2014].

¹¹ Это констатация профессора из Гарварда Дж. Ни и специалиста из Оксфорда Виджайя Джоши. URL: <http://vtc.vn/311-275216/quoc-te/an-do-se-c-an-bang-su-troi-day-chien-luoc-cua-trung-quoc.htm>

¹² URL: <http://www.tinmoi.vn/asean-an-do-nang-tam-quan-he-011183510.html>

¹³ URL: <http://www.baohaiquan.vn/pages/trong-tam-chinh-sach-doi-ngoai-huong-dong-cua-an-do.aspx>

¹⁴ URL: <http://vtc.vn/311-275216/quoc-te/an-do-se-can-bang-su-troi-day-chien-luoc-cua-trung-quoc.htm>

¹⁵ *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. URL: <http://www.twirpx.com/file/737146>

¹⁶ По оценке президента РФ В. Путина, «издавна Россия является составной частью Азиатско-Тихоокеанского региона». Он отмечает: «Мы рассматриваем этот динамичный регион как важнейший фактор для успеха в будущем всей России, так же как и для развития Сибири и региона Дальнего Востока». См.: *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока.

¹⁷ Журнал «Форбс» назвал господина Путина самым влиятельным деятелем мира 2013 г. Президент России Владимир Путин представлен как политик № 1 на страницах Мирового рейтинга 2013 (World Ranking 2013), организованного ИТАР-ТАСС. URL: <http://vietnamnet.vn/vn/quoc-te/160388/putin-duoc-bau-la-chinh-tri-gia-so-1-the-gioi.html>

¹⁸ Xem: Sự trở dậy về quân sự của Trung Quốc. Op. cit. [см.: Военный подъем Китая].

¹⁹ По мнению адмирала Р. Вилларда, «необходимо «обратить взгляд» на деятельность России в АТР. Усиление активности российских ВМФ и стратегических ВВС на всем пространстве АТР вместе с повсеместной продажей оружия говорят о «концентрации усилий» этой страны в регионе». URL: <http://www.tinmoi.vn/quan-doi-my-thuc-hien-хоay-truc-sang-chau-a-nhu-the-nao-011212044.html>

²⁰ «Kịch bản Crimea» sẽ tái hiện ở châu Á — Thái Bình Dương? : [Повторится ли «Крымский сценарий» в АТР?]. URL: <http://infonet.vn/kich-ban-crimea-se-ta-i-hien-o-chau-a-thai-binh-duong-post123957.info>

²¹ Nguyễn Trung. Việt Nam trong thế giới của thập kỷ thứ hai thế kỷ 21. Thời đại mới. Số 18 — 3/2010 : [Нгуен Чунг. Вьетнам в мире второго десятилетия 21 века // Новая эпоха. № 18. Март 2010]. URL: http://www.tapchithoidai.org/ThoiDai/201018_NguyenTrung.htm

²² Kyodonews. 16.03.2012. — Премьер-министр Японии Синдзо Абэ официально заявил, что правительство Японии станет участником переговоров по «Транстихоокеанскому стратегическому партнерству с целью расширить американо-японский союз — от сферы обеспечения безопасности к экономической сфере и далее к формированию новой доминантной торговой «дуги» двух стран. URL: <http://www.anninhthudo.vn/Binh-luan/Don-doc-cua-Nhat-Dung-ca-y-gay-kinh-te-lam-mui-vu-hoi-vao-Trung-Quoc/490218.antd>

²³ URL: <http://www.anninhthudo.vn/Multimedia/Quoc-phong/My-dieu-5-ta-u-san-bay-65-tau-mat-nuoc-den-Thai-Binh-Duong/540119.antd>

²⁴ *Kolotov V.N.* Vòng cung bất ổn Đông Á — nhân tố chính trong hệ thống an ninh khu vực // Nghiên cứu Trung Quốc. № 8. 2012. Tr. 27—35 : [*Колотов В.Н.* Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности // Китайские исследования. Ханой. № 8. 2012. С. 27—35].

²⁵ URL: <http://www.worldbank.org/vi/news/press-release/2014/04/07/east-asi-an-economies-expected-to-grow-at-a-stable-pace-in-2014>.

²⁶ Đỗ Minh Cao. Ý nghĩa địa chính trị của Biển Đông // Tạp chí Nghiên cứu Trung Quốc, 2012, № 6 (130) Tr. 69—82 : [До Минь Као. Геополитическое значение Восточного моря // Китайские исследования. 2012. № 6 (130). С. 69—82]; Đỗ Minh Cao. Ý nghĩa địa chiến lược của Biển Đông trong thập niên thứ hai của thế kỷ XXI // Nghiên cứu Trung Quốc. 2012. № 11 (135). Tr. 58—67 : [До Минь Као. Геостратегическое значение Восточного моря во втором десятилетии XXI века // Китайские исследования. 2012. № 11 (135). С. 58—67].

²⁷ URL: www.chaobuoisang.net/.../vai-tro-va-y-nghia-dia-chinh-tri-cua-bien-dong-9894.htm

²⁸ 陈安刚, 武明 [Chen Angang and Wu Ming], «马六甲: 美国觊觎的战略前哨» [Malacca Strait: The United States Covets a Strategic Outpost. P. 12]. URL: <http://www.toquoc.gov.vn/Thongtin/O-Cua-Chau-A/Toan-Tinh-Cua-Trung-Quoc-Va-Dai-Loan-Ve-Dau-Khi-Bien-Dong.html>

²⁹ Peng Guangqian and Yao Youzhi, eds. The Science of Military Strategy. Beijing: Military Science Publishing House, 2005. P. 441. URL: <http://bauvinal.info.free.fr/songngu.cacnhaphantich haiquantq02.htm>; URL: <http://bauvinal.info.free.fr/songngu/cacnhaphantich haiquantq02.htm>

³⁰ URL: <http://southchinaseastudies.org/tin-ncbd/1027-bien-dong-cua-15-nam-sau>

³¹ Ai làm chủ được Biển Đông sẽ làm chủ được châu Á- Thái Bình Dương, nếu làm chủ được châu Á- Thái Bình Dương sẽ làm chủ được thế giới : [Кто хозяин Восточного моря, тот и станет хозяином Азиатско-Тихоокеанского региона, а затем и всего мира]. URL: <http://luatminhkhue.vn/tranh-chap/binh-luan-bai-tranh-chap-bien-dong-nam-a.aspx>

Г.М. Локшин

ФОРМИРУЮЩАЯСЯ АРХИТЕКТУРА БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Многосторонние межгосударственные институты

Международное право в наше время редко берет верх над политической силой и национальными прерогативами некоторых государств. Исторически сложилось так, что страны ВА до последнего времени больше полагались на глобальные механизмы управления поведением государств, чем на региональные институты, которых там фактически и не было до создания АСЕАН (1967 г.) и АТЭС (1989 г.).

На сегодняшний день весь Азиатско-Тихоокеанский регион отличается наибольшей нехваткой регулирующих институтов. В СВА, например, практически нет ни одной многосторонней субрегиональной структуры (рис. 1), за исключением второй части группы АСЕАН+3 (Китай, Япония, Южная Корея). Попытки выстроить такую структуру на основе шестисторонних переговоров по Северной Корее не дали искомого результата. Переговоры зашли в тупик и прерваны на неопределенный срок.

Исторически почти все эти организации строятся на основе норм, принятых в АСЕАН, лидеры которой создавали более широкие структуры сотрудничества по так называемой зонтичной схеме, на основе принципа концентрических кругов особых отношений. Поэтому многостороннее сотрудничество в ВА, как и во всем АТР, характеризуется минимальной институционализацией, неприкосновенностью национального суверенитета, упором на невмешательство во внутренние дела, неформальной дипломатией лидеров и добровольным выполнением достигнутых договоренностей, т. е. теми принципами, которые положены в основу АСЕАН¹.

Опыт ЕС показал, что для успеха интеграции нужны лидеры, какими были Франция и Германия. В АТР, особенно в его восточной части, роль лидера досталась именно АСЕАН и останется за ней, вероятно, еще надолго, ибо это наиболее приемлемый вариант для других, более крупных игроков — уж слишком сильны еще противоречия между ними и соперничество за «место водителя». Лидеры АСЕАН тщательно следят за тем, чтобы любые новые образования или механизмы сотрудничества в регионе были только дополнением и строились на основе существующих структур и по принципу «асеаноцентричности», т. е. ведущей роли АСЕАН.

Таким образом, малые и средние государства-члены АСЕАН стали блоками строительства многих других региональных структур. С ними появились и первые элементы регионального управления. Все эти субрегиональные структуры обеспечили (хотя и не полностью) относительную стабильность отношений между самими государствами ЮВА. Накопленный АСЕАН опыт частично перешел к более широким группировкам, возникшим на базе Ассоциации, которые тоже пытаются руководить коллективными действиями своих членов.

Провозглашенные цели всех этих структур во многом повторяются: безопасность, политическое, экономическое и социальное сотрудничество, защита окружающей природной среды. Все они являются только платформой диалога (не переговоров) на принципах невмешательства, уважения суверенитета и территориальной целостности друг друга.

Многие критикуют АСЕАН за недостаточную активность, за отсутствие единства среди государств-членов, за сложную и длительную процедуру принятия решений. Но политика, как говорил еще О. Бисмарк, это «искусство возможного». Поэтому критика АСЕАН чаще всего необоснованна, ибо не замечает ее достижений в том, что на протяжении нескольких десятилетий удалось избежать серьезных конфликтов между государствами-членами и обеспечить устойчивое экономическое развитие независимо от остроты проблем региональной безопасности. Сегодня АСЕАН — единственная многосторонняя организация во всей большой ВА, служащая площадкой, где как малые и средние страны региона, так и мировые державы могут на равных обсуждать и искать пути решения проблем безопасности. Несмотря на критику за крайне медленное продвижение к провозглашенным целям, ни одна страна из АСЕАН не выходит, а на очереди ожидают своего принятия и другие, например, Восточный Тимор и Папуа-Новая Гвинея.

АСЕАН+3

Среди возникших на базе АСЕАН форматов важнейшую роль играет созданная в 1997 г. группа АСЕАН + 3 (Китай, Япония, Южная Корея). Ассоциированная с Чиангмайской инициативой (СМИ), эта группировка сложилась во время тяжелого финансового кризиса 1998 г. в Азии, когда Китай и Япония оказали государствам АСЕАН существенную помощь. Она была задумана для обеспечения финансовой стабильности, разрешения проблемы ликвидности. АСЕАН+3 — это рамочная форма сотрудничества, основанная на диалоге, который ведется как в составе всех 13 стран, так и между АСЕАН и каждой из трех стран СВА в отдельности в формате АСЕАН+1. Также диалог между собой поддерживают на этой платформе три государства СВА, которые впервые провели трехсторонний саммит в 1999 г. и делали это вплоть до обострения отношений в 2012 г. Саммиты возобновились в сентябре 2014 г. в Сеуле, сначала на уровне заместителей министров иностранных дел. «Тройка» собралась, чтобы отметить 10-летие начала трехсторонних консультаций, но в действительности это была подготовка встречи министров, которая состоялась в марте 2015 г. А в ноябре 2015 г. в связи с саммитом АСЕАН в Куала-Лумпуре прошел первый с 2012 г. саммит «тройки» главных политических игроков ВА.

Процесс сотрудничества не ограничивается одними саммитами лидеров. Он потребовал регулярных встреч на уровне министров, их заместителей в качестве старших должностных лиц (SOM — senior officials meetings) в самых разных сферах. Таких рабочих органов насчитывается около 50, они действуют в 18 областях. Взаимодействие в формате АСЕАН+3 уже прошло определенный путь в направлении экономической интеграции. Это привело к созданию зон свободной торговли (ЗСТ) между странами АСЕАН и тройкой их партнеров из СВА. В настоящее время в завершающей стадии находятся переговоры о создании Всеобъемлющего регионального экономического партнерства в составе АСЕАН+6².

Наряду с проблемами финансовой, продовольственной и энергетической безопасности АСЕАН+3 уделяет немалое внимание различным аспектам нетрадиционной безопасности. В январе 2004 г. в Бангкоке министры иностранных дел договорились о тесном сотрудничестве в борьбе против всех видов трансграничной преступности, включая терроризм и пиратство. В том же году в Сингапуре создан Центр обмена информацией по этим вопросам.

В общественно-политических и научных кругах стран ВА продолжается дискуссия о том, что предпочтительней на данном этапе глобализации: открытый или более закрытый регионализм как средство защиты от ее негативных последствий? Китай, который имеет преобладающее влияние, предпочитает закрытый регионализм в формате АСЕАН+3, в котором нет ни США, ни Тайваня. Китайское руководство определило как реальное и главное направление своих политических усилий всемерное укрепление именно этого формата, который, как считают в Пекине, отвечает интересам стран Восточной Азии больше, чем АСЕАН+3+3 (Индия, Австралия и Новая Зеландия), где гораздо больше противоречий и разногласий.

Однако Япония и страны АСЕАН предпочли более широкую группировку — АСЕАН+6 с участием Индии, Австралии и Новой Зеландии, которая и была сформирована по их настоянию на саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре в 2005 г. В 2010 г. в Ханое к ним добавились США и Россия. Однако страны АСЕАН и Китай согласились с тем, что планируемое ими Восточноазиатское сообщество на первом этапе будет строиться все-таки на базе АСЕАН+3.

Китайским экспертам расширение формата АСЕАН+3 явно не нравится. Так, после очередной встречи министров иностранных дел с партнерами по диалогу в Малайзии в мае 2015 г. китайская газета «Глобал таймс» в статье под характерным заголовком «Возвращение к регионализму — лучший способ повысить эффективность АСЕАН» писала, что трансформация группировки АСЕАН+3 в более широкую структуру АСЕАН+Х превратило ее в арену соперничества³.

Все родившиеся на основе АСЕАН структуры признают решающую роль саммитов АСЕАН. Это главный орган, который может внести поправки в договоренности, достигнутые на других встречах. Саммиты АСЕАН+3 и ВАС неизменно проходят под председательством государств АСЕАН, проводящих эти саммиты. Даже в АТЭС, где председательство ротируется, оно раз в 2 года передается члену АСЕАН. Везде действует принцип принятия решений консенсусом. Страны АСЕАН отрицают любую форму наднациональной бюрократической структуры. Это приводит к тому, что по некоторым вопросам они не всегда могут договориться, другие же вопросы вообще не включаются в повестку дня.

При всех обстоятельствах Япония и Китай стремятся сохранить за собой инициативу в происходящих интеграционных процессах, чтобы они не пошли в не устраивающем их направлении.

Сообщество безопасности АСЕАН

Принятый в августе 2008 г. Устав АСЕАН официально превратил ее в полноценную международную межправительственную организацию. Ее правовой основой служит подписанный на I Саммите АСЕАН в феврале 1976 г. на о-ве Бали Договор о дружбе и сотрудничестве (англ. ТАС), который зафиксировал, что отношения стран-участниц между собой и, что еще важнее, — с другими партнерами по Ассоциации — должны строиться на следующих принципах:

- взаимное уважение независимости, суверенитета, равенства, территориальной целостности и национальной идентичности всех государств;
- право каждой страны на свое национальное существование без внешнего вмешательства, подрывной деятельности и применения силы;
- невмешательство во внутренние дела друг друга;
- урегулирование разногласий и споров мирным путем;
- отказ от применения силы или угрозы силой;
- эффективное сотрудничество друг с другом.

Это и был, по сути, Кодекс поведения, основанный на известных принципах Бандунга, т. е. принципах мирного сосуществования государств. И принципы эти, как показал весь последующий мировой опыт, остались актуальными и по сей день. Поэтому Договор 1976 г. полностью сохранил свое значение. Он стал важнейшим инструментом АСЕАН не только потому, что позволил разрешить немало споров и разногласий и сохранить мир в регионе, но и потому, что кроме стран-членов к нему присоединилось 16 государств — партнеров АСЕАН по диалогу и ЕС. Участие в Договоре ТАС установлено как обязательное условие получения статуса диалогового партнера АСЕАН и участия во всех многосторонних форматах, созданных АСЕАН.

АСЕАН де факто позиционирует себя как двигатель интеграции во всей Восточной Азии. Активно разрабатывается План всеобъемлющего экономического партнерства с целью создания Восточноазиатского сообщества. Речь при этом идет о выработке далекоидущего «паназиатского видения» региональной интеграции. Однако интеграция в Восточной Азии выглядит проблематичной, так как тут действуют две соперничающие главные державы — Китай и Япония. Поэтому, хотя вопрос этот и стоит в повестке АСЕАН, но на более отдаленную перспективу.

Важным этапом на этом пути является строительство триединого Сообщества АСЕАН, состоящего из сообществ политики и безопасности, экономического и социально-культурного. На этой основе страны АСЕАН в 2015 г. формально завершили создание Экономического сообщества, в рамках которого должен сложиться общий рынок со свободным движением товаров, инвестиций и квалифицированной рабочей силы по образцу ЕЭС, и одновременно с гармонизацией региональной экономической политики государств и укреплением региональных связей. Не всех целей удалось достичь, но главным для столь разных государств ЮВА был, как всегда, не конечный результат, а сам процесс, который будет продолжен.

Одним из столпов Сообщества АСЕАН является Сообщество политики и безопасности (СБА). Как говорилось при планировании его создания в 2004 г., СБА должно было усилить способность государств АСЕАН противостоять традиционным и нетрадиционным угрозам. Оно также должно было укрепить их отношения с партнерами по диалогу и другими дружественными странами⁴.

СБА — это не военный союз и не система коллективной безопасности. Оно не предполагает создания ни военной организации, ни каких-либо совместных вооруженных сил, и в его нормативных актах нет ничего подобного ст. 5 Североатлантического договора (нападение на одну страну есть нападение на всех). Члены Сообщества связаны лишь обязательством не применять силу в отношении друг друга, рассматривать свою безопасность в неразрывной связи с безопасностью других членов и как часть общей безопасности региона, руководствоваться единой оценкой ситуации и вытекающими из нее задачами. В АСЕАН это называют **«взаимозависимостью безопасности»**, или **«системой совместной безопасности»**. Это — форма сотрудничества государств, чья национальная безопасность настолько взаимозависима, что ее невозможно рассматривать в отрыве друг от друга, и когда национальные интересы в сфере обороны и безопасности каждой отдельно взятой страны зависят от того, что произойдет со всей группой стран⁵.

Структура СБА опирается на регулярные встречи министров иностранных дел и обороны, которые обязаны отчитываться перед Советом АСЕАН, т. е. лидерами государств, и вносить предложения по наиболее важным вопросам. Они выработали свою программу сотрудничества, которая предусматривает установление системы оповещения и связи при пиратских нападениях, проведение совместных

учений и подготовку кадров в военных учебных заведениях государств АСЕАН и стран — партнеров по диалогу.

Лидеры АСЕАН, сознавая уязвимость и хрупкость позиций каждой страны в отдельности, попытались преодолеть свои противоречия и споры, сделав ставку на укрепление единства и солидарности между собой. Это оказалось нелегко, но постепенно привело к тому, что ее участники начали все чаще говорить одним голосом по мировым и региональным проблемам. Что бы ни говорили и писали многочисленные критики АСЕАН, фактом остается то, что почти за полвека ее существования ни один из многочисленных кризисов в отношениях между членами Ассоциации в вооруженный конфликт не перерос. И стало это возможным благодаря традиционной культуре диалога, или «методу АСЕАН» (ASEAN Way), который означает, прежде всего, терпеливый, а порой долгий и трудный поиск согласия. Естественно, не всегда способы урегулирования споров и разногласий, принятые в АСЕАН, оказывались достаточно успешными, но многие испытания они выдержали.

Региональный форум АСЕАН по проблемам мира и безопасности (АРФ)

Через широкую систему различных форумов АСЕАН тесно связана с основными державами мира и поддерживает с ними постоянный диалог. Среди них особое значение имеет Региональный форум АСЕАН по проблемам мира и безопасности (АРФ), созданный в 1994 г. Он является главной площадкой обсуждения политических проблем региональной и международной безопасности. АРФ сегодня — это самый широкий по охвату многосторонний и многоуровневый институт в АТР, который призван содействовать объединению усилий в сфере безопасности. Деятельность АРФ проходит в регулярных консультациях дипломатических ведомств по актуальным проблемам мирового и регионального развития с целью разработки мер доверия и превентивной дипломатии.

Страны ВА воздерживаются идти дальше диалога к более глубоким формам сотрудничества. Они опасаются любой «наднациональности» в каких бы то ни было региональных организациях, рассматривая других членов этих организаций как потенциальных конкурентов, стремящихся к получению стратегических выгод для себя. Это особенно видно по работе АРФ, который западные партнеры по диа-

логу безуспешно пытаются сдвинуть от принятия мер доверия к превентивной дипломатии. У ряда стран АСЕАН сразу возникли опасения, что тем самым их интересы безопасности могут быть ущемлены, а стратегическая автономия утрачена.

Уже на второй встрече АРФ в Брунее в 1995 г. был одобрен ряд мер доверия в регионе, включая добровольный обмен информацией о состоянии национальных вооруженных сил и диалог по вопросам безопасности на различных уровнях, стимулирование членов АРФ к участию в Реестре ООН по обычным вооружениям, регулярная публикация всеми Белой книги по обороне. В 2005 г. превентивная дипломатия была включена в компетенцию рабочей межсессионной группы АРФ по мерам доверия. США, Япония, Австралия, Канада и другие страны с гораздо большей готовностью хотели бы идти по пути превентивной дипломатии, в то время как большинство азиатских участников, по-прежнему обремененных территориальными и пограничными проблемами, воспринимали возможность превентивных действий скорее как угрозу собственной государственной независимости.

В этом плане показателен и подход Китая, настаивающего на таком понимании превентивной дипломатии, которая подразумевает «мирные дипломатические действия, предпринимаемые суверенными государствами в целях предотвращения вооруженных конфликтов между государствами региона с согласия всех стран, напрямую вовлеченных в данный спор»⁶. Стоит отметить, что в итоге базовые параметры именно данного определения вошли в качестве основополагающих в концептуальные документы АРФ по превентивной дипломатии.

Таким образом, количество случаев, которые относятся к сфере действия превентивной дипломатии, сокращалось, что психологически воспринималось азиатскими участниками Форума как достаточно комфортная ситуация, не ущемляющая их права. В то же время, как показывала практика, за пределами возможностей превентивной дипломатии применительно к ВА оставались вопросы территориальных споров и внутренних конфликтов, имеющих международные последствия.

В повестке АРФ наряду с глобальными вопросами международной безопасности постоянно присутствуют терроризм, безопасность на море, оказание помощи при стихийных бедствиях. По последнему вопросу были достигнуты серьезные соглашения. Они включают три принципиальных требования.

1. За определение потребностей в гуманитарной помощи после природных катастроф в первую очередь отвечает пострадавшая страна.

2. При необходимости она должна облегчить предоставление помощи другими странами или международными организациями.

3. Внешняя помощь должна осуществляться под ее общей координацией⁷.

На нынешнем этапе позитивное значение имеет общий подход к региональным конфликтам, одобренный на встречах АРФ. Он предполагает три стадии: разработку и осуществление мер доверия; создание структур превентивной дипломатии; реализацию согласованных мер по урегулированию конкретного конфликта. Эти меры должны быть направлены на сдерживание развернувшейся в регионе дорогостоящей гонки вооружений, сокращение военных гарнизонов на островах и ненаращивание там вооруженных сил, на открытость намерений друг друга, на предотвращение возможных ошибок и просчетов, на договоренность о неразмещении на островах дальнобойной артиллерии, на создание систем раннего оповещения на основе обмена информацией, линий «горячей связи» между руководством и отдельными ведомствами различных стран и т. д.

Состоявшаяся 9—10 августа 2014 г. в столице Мьянмы очередная сессия АРФ, как и предшествующая, не могла пройти мимо усилившейся напряженности в ЮКМ. Незадолго до этого Китай вывел свою буровую платформу из ИЭЗ Вьетнама, что позволило временно ослабить напряженность в регионе. Министры иностранных дел государств-участников выразили надежду на то, что и другие спорные проблемы ЮКМ будут решаться в соответствии с международным правом и Конвенцией 1982 г. Госсекретарь США Дж. Керри выступил с предложением «заморозить» любые односторонние действия, подрывающие статус-кво в ЮКМ. Но эта инициатива поддержки Китая не получила. Министры иностранных дел АСЕАН тоже не стали обсуждать предложение США. Генеральный секретарь АСЕАН Ле Лыонг Минь сказал, что это не вопрос для АСЕАН, ибо Китай уже взял на себя такое обязательство в ДОС 2002. И он же сказал, что вопросы суверенитета должны решаться между непосредственно заинтересованными странами⁸.

Как и все предыдущие, эта сессия АРФ позволила провести целый ряд важных двусторонних переговоров. АРФ является единственной многосторонней структурой в ВА, где представлены Северная и Южная Корея. И форум АРФ в Мьянме позволил неформально встретиться всем участникам шестисторонних переговоров по ядер-

ной проблеме Северной Кореи. Таким образом, АРФ становится все более значимым местом дипломатических контактов по важным политическим проблемам Азии.

Встречи министров обороны АСЕАН с партнерами (АДММ+)

Регулярные встречи министров обороны только АСЕАН проводились с 2006 г. В октябре 2010 г., когда в АСЕАН председательствовала СРВ, на эту встречу в Ханое были приглашены их коллеги из 8 стран — диалоговых партнеров АСЕАН, включая Китай, Японию, Южную Корею, Индию, Австралию, Новую Зеландию, США и Россию. С тех пор такие встречи проводятся раз в два года, и они стали новым важным институтом в регионе. В перерывах между встречами министров проходят совещания высших должностных лиц (SOM) министерств обороны тех же стран. Эта структура объединила под своей эгидой ранее проходившие неформально встречи начальников генеральных штабов, командующих сухопутными войсками, флотом, ВВС и разведкой стран АСЕАН.

В мае 2013 г. в Брунее министры обороны стран АСЕАН договорились создать в масштабах всей АСЕАН систему прямой связи (DCL) министров обороны. Концепция этой системы была разработана и одобрена 20 мая 2014 г. на 8-й встрече министров в Мьянме. Система вступила в строй одновременно с завершением создания Сообщества безопасности АСЕАН в декабре 2015 г. После того как этот многосторонний механизм покажет свою эффективность, предполагается расширить его сферу действия до формата АДММ+8.

Формат АДММ+8 должен стать эффективной платформой сотрудничества между АСЕАН и странами — партнерами по диалогу. С этой целью создано 5 экспертных групп по гуманитарной помощи при стихийных бедствиях, по безопасности на море, военной медицине, борьбе с терроризмом и операциям ООН по поддержанию мира. Особое значение придается многими странами АСЕАН рабочей группе по разминированию. АДММ+8 активно содействует сотрудничеству различных оборонных учреждений и служб участвующих стран в разработке и принятии мер по предупреждению возможных просчетов и ошибочного понимания действий друг друга на море в целях недопущения нежелательных инцидентов. В рамках АДММ+8 проходят учения по спасательным операциям при стихийных бедствиях, которые в последние годы заметно участились в регионе.

В 2010 г. в соответствии с планом строительства Сообщества безопасности АСЕАН в Ханое был также учрежден Морской форум АСЕАН (АМФ). На него приглашаются представители ВМФ 8 государств — партнеров по диалогу, т. е. создана новая структура — АМФ+8, которая занимается общими вопросами безопасности на морях вообще, безотносительно к ЮКМ. Морской форум также проводит межсессионные заседания экспертов по морской безопасности, предназначенные для обмена информацией и опытом работы.

Восточноазиатский саммит (ВАС)

Восточноазиатский саммит (ВАС) в составе лидеров государств группы АСЕАН+6 был учрежден на саммите АСЕАН в Куала-Лумпуре в 2005 г. Он замышлялся как инструмент формирования будущего Восточноазиатского сообщества. Предполагалось, что группа АСЕАН+3 будет заниматься вопросами интеграции и проводить в жизнь все главные проекты, тогда как ВАС в первоначальном составе будет не более чем пристройкой к нему. Но ситуация сильно изменилась с включением в данный формат России и США на 5-м саммите в Ханое в 2010 г. Их полноправное участие в ВАС сделало его, пока потенциально, авторитетным механизмом предотвращения конфликтов. Возникла даже возможность, хотя пока и теоретическая, превращения ВАС в восточноазиатскую версию ОБСЕ.

До этого многие считали, что если шестисторонние переговоры по Северной Корее приведут к успеху, это создаст возможность превращения их в формат, предназначенный для обеспечения безопасности в ВА. Однако, как отмечал японский ученый Ямашита Идзи (Yamashita Eji) перед первым саммитом ВАС на о. Бали в расширенном составе в 2011 г., есть надежда, что вместо переговорного механизма по Корее эту задачу сможет решать именно ВАС. По его мнению, «это означает, что ВАС, утратив свое значение основы региональной экономической интеграции, неожиданно приобрел новый смысл как механизм дипломатии и обеспечения безопасности и предотвращения региональных конфликтов»⁹.

На первом же расширенном саммите с участием С. Лаврова и Х. Клинтон стороны достигли типичного для АСЕАН компромисса. С одной стороны, решено, что приоритетными проблемами ВАС будут финансы, образование, энергетика, стихийные бедствия, предотвращение эпидемий птичьего гриппа. Все пять задач входят в сферу

экономического и культурного сотрудничества. А что касается отношений между группировкой АСЕАН+3 и ВАС, было решено, что первый формат остается главным механизмом строительства Восточноазиатского сообщества, а второй является «руководимым лидерами государств форумом диалога и сотрудничества по широким стратегическим, политическим и экономическим проблемам, представляющим общий интерес и направленным на укрепление мира, стабильности, экономического процветания и интеграции в Восточной Азии»¹⁰.

В ноябре 2015 г. в Куала-Лумпуре отмечали 10-летие ВАС. Оно не ознаменовалось сколько-нибудь значительными успехами в решении важных экономических и политических проблем региона. Тем не менее, пополнившись в 2011 г. лидерами США и России, ВАС превратился в самый представительный форум, на котором ежегодно могут встречаться высшие руководители 18 государств АТР. И то, что он сохранился и продолжает действовать на протяжении уже 10 лет, можно отнести к его успехам в первой фазе своего существования. Но ВАС — это не дублер АТЭС, где решаются исключительно экономические и финансовые проблемы. ВАС представляет собой попытку стран региона найти естественную архитектуру, на которой в дальнейшем можно будет строить нечто вроде ОБСЕ.

Слабость ВАС пока заключается в отсутствии институтов этого процесса. Лидеры государств-членов собираются меньше чем на один день раз в году. При этом отсутствует какой-либо механизм продолжения и реализации их договоренностей. В ВАС нет системы шерпов, которая существует, например, в группе G7.

И, тем не менее, в экспертном сообществе в целом преобладает мнение, что при всех своих ограничениях ВАС показал себя как конструктивный и содержательный форум. И инициатива его создания себя оправдывает хотя бы потому, что в регионе нет никакой другой подобной структуры, сводящей вместе лидеров 18 государств. В обстановке, когда регион все более втягивается в противостояние Китая с США и Японией, особенно необходим объективный и инновационный подход стран-участниц ВАС к опасно растущей напряженности между главными региональными игроками.

Первый вопрос, который обсуждается в настоящее время, состоит в том, чтобы превратить ВАС из преимущественно структуры АСЕАН, работающей по ее принципам и под ее руководством (такovým он был создан на саммите АСЕАН в 2005 г. в Куала-Лумпуре), в форум, равный для всех участников. «Асеноцентричность» имеет свои плюсы и

минусы, и выбор будет непростым. В создавшейся международной обстановке представляется более желательным, чтобы АСЕАН по-прежнему играла свою роль, без которой динамика отношений больших держав может подорвать весь процесс. Это не исключает равного участия всех 18 членов ВАС в подготовке каждого саммита и осуществлении их решений.

Второй вопрос касается роли ВАС в строительстве Восточноазиатского сообщества. И в этом проявились базовые разногласия, которые наметились еще в процессе подготовки саммита в Куала-Лумпуре в 2005 г. В АСЕАН преобладает мнение, что с расширением географического состава ВАС строительство этого сообщества должно быть вне его компетенции. Другие, наоборот, настаивают на сохранении этой темы в повестке ВАС. Для этого сама концепция сообщества должна быть расширена, включив страны, находящиеся за пределами ВА, тем более, что само понятие «регион» уже давно не совпадает с географическими границами.

На базе Восточноазиатских саммитов образуется главная региональная площадка для диалога лидеров. Данная диалоговая платформа предназначена для формирования объединительной повестки дня, поэтому требует поддержки со стороны других форумов. Для этого необходимо, чтобы в ВАС была весомо представлена политическая составляющая, прежде всего, проблематика региональной стратегической стабильности, принципиальные вопросы экономического развития.

Китай до последнего времени активно возражал против рассмотрения на ВАС вопросов традиционной безопасности в ВА, особенно территориальных споров в ЮКМ, но был вынужден пойти на уступки. Он настаивает на возвращении к первоначальной функции ВАС, которая была согласована в Куала-Лумпуре при его учреждении, а именно на формировании Восточноазиатского сообщества. ВАС, как утверждается в упомянутой выше статье в газете «Глобал Таймс», «стал терять эффективность, потому что начал уделять слишком большое внимание проблемам традиционной безопасности, особенно территориальным спорам в ЮКМ. При обычных условиях многосторонние структуры могут заниматься вопросами традиционной безопасности, но когда речь идет о территориальных спорах, участники которых крайне возбуждены, оптимальная функция таких структур состоит в том, чтобы содействовать доверию, а не вмешиваться в эти споры, отходя от нейтралитета»¹¹.

В ходе 7-го Восточноазиатского саммита в Пномпене в ноябре 2012 г. министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров выдвинул идею запуска многостороннего диалога по вопросам формирования в АТР устойчивой и надежной архитектуры безопасности и сотрудничества. Речь идет о выработке рамочных принципов выстраивания межгосударственных отношений. Это подразумевает мирное урегулирование споров, неприменение силы или угрозы силой, отказ от конфронтации и действий, направленных против третьих стран, налаживание партнерских связей между действующими на азиатско-тихоокеанском пространстве многосторонними объединениями, и, разумеется, неделимость безопасности, то есть недопустимость укрепления собственной безопасности за счет безопасности других государств. На следующем саммите в Брунее Россия вместе с Китаем и при поддержке Брунея внесла предложение о начале консультаций стран ВАС по этому вопросу и получила полное согласие всех участников. Консультации начались, и они открывают путь к выработке общих правил поведения государств не только в ВА, но и в перспективе во всем АТР, что станет основой для создания необходимого механизма коллективной безопасности в этом макрорегионе.

Заключение

Таким образом, в рамках АСЕАН уже создана разветвленная система часто дублирующих друг друга институтов, занимающихся вопросами безопасности — традиционной и нетрадиционной. Остается только не решенным вопрос, как все они будут соотноситься с ВАС. В некоторой степени, такое развитие архитектуры безопасности можно было бы считать весьма позитивным явлением, так как оно сводит вместе главных акторов, включая Китай и США.

Несмотря на все трудности, формирующийся сложный и многоуровневый механизм взаимодействия членов АСЕАН друг с другом и с партнерами по диалогу открывает перспективу превращения Восточноазиатских саммитов (ВАС) в достаточно эффективный механизм поддержания мира и стабильности в западной части АТР. В более отдаленной перспективе он мог бы стать таковым и для всего гигантского региона, т. е. превратиться в некий аналог ОБСЕ для АТР с учетом всех отличий этого региона от Европы. Пока это не является задачей сегодняшнего дня, и путь к созданию такого механизма может занять многие годы, но, как говорят в Китае, самый длинный

путь начинается с первого шага. Выход из нынешнего тупика нужно искать не на рельсах консолидации существующих в ВА военных альянсов и «закачивания» туда все новых и новых вооружений, а путем формирования надежных международно-правовых механизмов мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества.

Примечания

¹ См.: *Воскресенский А.Д.* Теория и практика региональных трансформаций // Большая Восточная Азия: мировая политика и региональные трансформации / под ред. профессора А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 83–124.

² См. подробнее: АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. М.: ИД «ФОРУМ», 2010.

³ Li Kaisheng. Return to regionalism best way to improve ASEAN efficacy // Global Times, 2015-8-11.

⁴ Joint Communique of the 37th ASEAN Ministerial Meeting, Jakarta, June 30, 2004. URL: <http://www.Aseansec.org/16192.htm>

⁵ См.: *Васильев Л.Е., Локшин Г.М.* Сообщество безопасности АСЕАН // АСЕАН в начале XXI века: актуальные проблемы и перспективы. С. 37–66.

⁶ RFA, Bangkok. 2014-08-11.

⁷ ARF Chairman's Statement, 15th ARF, 24 July 2008.

⁸ URL: <http://www.MOFA.Vn>, 12-08-2014.

⁹ URL: <http://www.ceac.jp/e/letter>. 10 September 2001. Vol. 4. No. 5.

¹⁰ URL: <http://www.aseansec.org/4979.htm/>

¹¹ Li Kaisheng. Op. cit.

В.М. Мазырин

ПОСЛЕДСТВИЯ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

1. Состояние ведущих мировых экономик

Впервые после мирового экономического кризиса 1930-х годов XX века мы наблюдаем столь глубокий и затяжной спад. Проявился он и в Восточной Азии, и в ее важной части — ЮВА. Здесь ситуация не столь пессимистична, как в США и Европе, но рецессия сказывается и сегодня, после принятых экстренных мер и радужных ожиданий скорого выздоровления.

Рост экономик стран Восточной Азии¹ и Океании снизился в 2013 г. до 7,2 %, в 2014 г. до 6,9 %, отражая хозяйственное замедление Китая и АСЕАН. Тем не менее, эти региональные лидеры обеспечивают 2/5 глобального роста экономики — в 2 раза больше остальных районов развивающегося мира. В перспективе эксперты ожидают постепенного восстановления глобального роста с уровня 2,5 % в 2012—2014 гг. до 3,1 % в 2015—2017. Показатели более развитых стран, по прогнозу ВБ, поднимутся с 1,7 % в 2014 г. до 2,2 %².

Эти прогнозы исходят из того, что нефтяные цены удержатся на уровне 2015 г., когда они были на 45—60 % ниже прежнего максимума, достаточно длительное время и начнут подниматься только с 2017 г. Данное снижение обусловлено поставками нефти вне рамок действующих соглашений, в том числе при участии ИГИЛ через Тур-

цию, и попытками ряда членов ОПЕК сохранить свою рыночную долю, не говоря уже о разработке месторождений сланцевой нефти в США и Европе. Соответственно этому, цены на СПГ с поставкой в Японию, упавшие примерно на 30 % от максимального уровня, согласно тем же оценкам, далее будут оставаться устойчивыми.

Постепенное повышение активности в развитых экономиках вместе со значительным снижением цен на топливо должны поддержать позитивные тенденции в развивающихся странах (РС) Восточной Азии. Экономика этого региона в целом продолжает торможение в 2015 г. — по прогнозам, до 6,7 % и в дальнейшем стабилизируются. В группе же РС, без Китая, показатель улучшится на 0,5 п.п. в 2015 и 0,3 в 2016 г. — в основном за счет крупных экономик АСЕАН³.

Положение в США, ЕС и Японии

Пять лет спустя после начала глобального финансового кризиса экономики развитых стран — США, ЕС и Японии — показали в 2013 г. первые признаки выздоровления (табл. 1). Это позитивный сигнал для стран ЮВА, хотя пока за ним не последовало расширения заказов на их продукцию.

Таблица 1. Динамика ведущих экономик мира в 2008—2016 гг.*

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015 **	2016 **
США	0,4	-2,4	3,0	1,7	2,8	1,6	2,2	2,6	2,8
ЕС	0,6	-4,1	1,9	1,4	-0,3	0,2	0,9	1,5	1,6
Япония	-1,2	-5,2	4,4	-0,7	2,0	2,0	-0,1	0,6	1,0
Китай	9,6	8,7	10,4	9,2	7,8	7,6	7,3	6,8	6,3
Индия	6,7	7,2	8,4	6,9	3,4	3,8	6,9	7,3	7,5

Источник: World Economic Outlook. IMF, October 2013, November 2015; Asian Development Outlook 2012. Confronting Rising Inequality in Asia. ADB, 2012. P. 6.

* Темпы роста ВВП, % к предыдущему году; ** прогноз.

Монетарные власти стран Запада ответили на кризис резким смягчением монетарной политики, что проявилось в снижении учетных ставок сначала почти до нуля, а затем в ряде стран и до отрицательных значений. Это последовательно увеличивало ликвид-

ность в банковской системе. Однако данные меры еще должны принести искомый эффект, поскольку частные заимствования не расширились так, как ожидалось. Банки сталкиваются с необходимостью увеличивать свой капитал и поэтому не стремятся раздавать кредиты. Потребители и бизнес также неохотно берут в долг ввиду высокой неопределенности в экономике и низкой уверенности в ее выздоровлении.

О нормализации положения в *американской экономике* свидетельствует снижение безработицы в августе 2015 г. до 5,1 % — равновесного уровня в долгосрочном плане, не требующего дальнейшего послабления монетарной политики. Другие показатели также отражают активное восстановление крупнейшей в мире экономики. Рост ВВП во втором квартале составил 2,7 % по сравнению с 2,9 % в первом, но в третьем неожиданно снизился до 1,5 %. Выросло частное потребление, особенно товаров длительного спроса. Индекс промышленной активности PMI устойчиво держится выше 50 пунктов (с 2012 г.), в непроизводственном секторе — выше 56, что говорит об оживлении в промышленности и сфере услуг⁴. Базовая инфляция приблизилась к 2 %, хотя экономика США пока не чувствует себя достаточно уверенно.

Ожидается, что в 2015—2016 гг. прирост ВВП в США может достичь 3 %, хотя в 2017 г. приблизится к своему потенциальному значению в 2,5 %⁵. Лежащее в основе выздоровления потребление обусловлено нормализацией условий в сфере жилищного строительства и на рынке труда. В то же время укрепление доллара сдерживает чистый экспорт как еще одну составляющую экономического роста.

В *еврозоне* процесс восстановления сильно отстает. Здесь, несмотря на возросшие темпы роста, в основном в Германии и Франции, промышленное производство остается вялым, а безработица высокой. Во втором квартале 2015 г. прирост ВВП составил 1,9 % против 1,7 % в первом. Безработица сократилась на 0,1 % в третьем квартале с уровня 11 % годом ранее. Индекс PMI достиг соответственно 52 и 54 пунктов в сентябре. Предполагается, что ЕЦБ продолжит меры количественного смягчения ввиду по-прежнему очень низкой инфляции (0,9 % в августе)⁶.

Оживление экономики еврозоны опирается больше на низкие цены на энергоносители, слабый евро, другие финансовые стимулы, но сдерживается действием негативных следствий финансового кризиса. Среди них выделим несбалансированность счетов, высокий уровень безработицы и долговой нагрузки как факторы, влияющие на

среднесрочные перспективы. Поэтому в 2015—2016 гг. темпы роста в Европе, по прогнозам, не превысят 1,6 %⁷.

Япония благодаря концепции *абэномики* вначале показала бурный рост, но затем вновь замедлилась. Ей требуются структурные реформы, чтобы стимулировать предложение, так как за 20 лет темпы роста ВВП упали здесь с уровня более 4 до 1 %⁸. Во втором квартале 2015 г. был зафиксирован рост на 0,8 % после целого года непрерывного снижения с 3,7 до —1,9 %. Сдвиг вверх достигнут в основном благодаря повышению внутреннего спроса на 0,7 %. В то же время темпы базовой инфляции по ИПЦ упали до —0,1 %, что возродило риск дефляции. Стало ясно, что экономическая программа правительства Абэ пока не обеспечила долгосрочного подъема. Возможно, низкие цены на нефть, слабая иена и ряд объявленных в июне 2014 г. реформ помогут Японии подтянуть динамику до 1,4 % в 2016 и 1,5 % в 2017 г. после заметной стагнации в 2014 г.⁹ Но вероятность этого незначительна.

Динамика Китая и Индии

Динамику экономического развития стран ЮВА определило замедление роста двух крупнейших соседних экономик Азии — Китая и Индии до 7,6 и 3,8 % в 2013 г., 7,3 и 6,9 % соответственно в 2014 г. Ситуация кардинально изменилась в сравнении с прошлой декадой, когда средние темпы роста экономики Китая составили 10,2 %, а Индии 7,2 %¹⁰.

Замедление экономики КНР вызвано мерами по преодолению ее перегрева, нестабильности в финансовом секторе и курсом на достижение более устойчивого развития в связи с исчерпанием резервов экстенсивной модели роста. В Индии снижение темпов больше обусловлено слабостью инфраструктуры и незавершенностью структурных реформ. Сегодня сложно рассчитывать, что Китай, как было в конце 1990-х годов, выступит в роли локомотива, который выведет страны ЮВА из нового тупика.

Но статистические данные говорят, что экономика КНР по-прежнему достаточно прочна: ее подъем во втором квартале 2015 г. на годовой базе составил 7 %, третьем 6,7 %, хотя достоверность данных вызывает сомнения¹¹. Местный индикатор деловой активности составил 4,7 вместо 7 во втором квартале. PMI в производственной сфере был равен всего 47 пунктам, в непроизводственной 53. При этом показатели экспорта и ПИИ оказались хорошими. Экспорт за 8 месяцев достиг

объема всего 2014 г. (380 млрд долл.), а зарегистрированные ПИИ — 85 млрд долл. (рост на 9 % на годовой базе)¹².

В 2015 г. ожидается замедление темпов роста экономики КНР до 6,8 %, а в 2016 г. до 6,3 %, чему сопутствует быстрое уменьшение инфляции. Если в 2011 г. она составляла почти 8 %, то в 2012 г. снизилась до 3 %, а сегодня стала отрицательной. Меры по укреплению финансовой стабильности и переходу на путь устойчивого развития подразумевают также сокращение долгов местных правительств, теневой банковской активности, избыточных производственных и других мощностей, потребления электроэнергии, загрязнения окружающей среды. Однако они ведут к снижению капиталовложений и промышленного бума, поэтому если рост экономики окажется существенно ниже намеченного (6,5—7 %), власти КНР могут применить новые стимулы¹³.

Китаю предстоит провести балансировку текущих счетов, реформы по реструктуризации экономики, но вероятность больших потрясений невелика. Тем не менее, такая политика будет подавлять экономическую активность в краткосрочной перспективе. Важно, чтобы ей не мешали стимулирующие меры, которые ведут к неконтролируемому расширению расходов на местах.

Китай неожиданно сменил в августе 2015 г. механизм регулирования обменного курса, понизив юань на 3 % к доллару США¹⁴, что можно оценить как меру по дальнейшей либерализации экономики. Это вызвало подвижки на всем мировом финансовом рынке, особенно в соседних странах, которым пришлось скорректировать курс национальных валют, чтобы защитить конкурентоспособность своих экспортных товаров. На практике шаг Пекина оправдан: юань был переоценен долгое время, особенно с середины 2014 г., когда укреплялся доллар. Вследствие повышения номинального курса юаня золото-валютные резервы Китая сократились за год с июня 2014 г. на значительную сумму — оценочно 480 млрд долл.¹⁵ Несмотря на такое изменение, рыночный курс китайской валюты остается ниже официального, т. е. она будет ослабевать.

Возвышение КНР в предыдущие десятилетия, ее превращение не только в мирового экономического тяжеловеса, но и глобальную торговую державу заметно изменило направления регионального экспорта. Китай стал все более важен для стран ЮВА как торговый партнер, особенно импортер. Доля их экспорта в США в общерегиональном экспорте за 2002—2012 гг. сократилась с 18 до 8 %, тогда как в КНР выросла с 5,1 до 9,3 %, в частности в Индонезии, Малайзии,

Филиппинах, Сингапуре, Таиланде и Вьетнаме она превысила 11—12 %. Относительно ВРП АСЕАН тот же параметр вырос с 3,4 до 5,9 % (в Малайзии и Вьетнаме до 9 %, Сингапуре до 16 %, т. е. более чем вдвое). Поэтому снижение спроса на товары из стран ЮВА в Китае нанесло дополнительный удар по их экономикам. Сильнее других пострадали Сингапур, Таиланд и Малайзия. По подсчетам Азиатского банка развития (АзБР), спад в китайской экономике в 2007—2012 гг. на 1 п.п. вызывал замедление роста ВВП в странах ЮВА на 0,17 п.п.¹⁶ Эта тенденция укрепилась с началом глобального кризиса, когда ввиду замедления роста и спроса со стороны ведущих экономик мира активизировалась торговля внутри Восточной Азии.

Китай активизировал переход к производству товаров с более высокой добавленной стоимостью. Сумеют ли другие развивающиеся страны ВА воспользоваться этим зависит от того, насколько передислокация трудоемкого производства ограничится китайской территорией. Потребность такого и иного перемещения будет расти с повышением зрелости экономики КНР. Менее развитые экономики региона способны конкурировать в этом с внутренними районами Китая, только если создадут хотя бы такие же выгодные условия. Огромным преимуществом Китая является великолепная инфраструктура, высокая производительность труда, благоприятный инвестиционный климат, налаженная логистика. О решаемости такой задачи говорит опыт Вьетнама, куда с нарастающей скоростью переносят фабрики ведущие мировые компании.

Проявления мирового кризиса в ЮВА

Глобальный финансовый шторм, начавшийся в США в 2008 г. и затем захвативший другие регионы, затронул также страны АСЕАН. Последствия для них отчасти оказались тяжелее, чем от азиатского финансового кризиса 1997—1998 гг., ввиду масштабов и глубины этого деструктивного процесса. Нынешний кризис распространился, хоть и в разной степени, на экономики всей Юго-Восточной Азии. Это произошло вследствие роста их уязвимости к внешним воздействиям, прежде всего, со стороны тех государств, которые определяют развитие мировой экономики, т. е. представляют Запад.

Негативное влияние оказали спад производства вследствие снижения внешнего спроса на основные экспортные товары стран АСЕАН, массовый приток горячих денег на фондовые рынки ЮВА,

увеличение корпоративных и государственных долгов в результате антикризисных пакетов поддержки национальных экономик и других причин. Затем стал ощущаться эффект укрепления валют развитых стран, количественного смягчения финансовой политики в США, Японии и Европе, проявившийся в снижении учетных ставок. Делая эти выводы, эксперты АзБР ставят вопрос, готов и сможет ли субрегион справиться с этими последствиями или он снова будет вынужден обратиться за внешней поддержкой, как было 1997—1998 гг.?¹⁷

По данным МВФ, *рост экономик ЮВА* замедлился в 2013 г. до 5,2 % в сравнении с 5,9 % годом ранее. Хорошие результаты показали Филиппины, тогда как Индонезия и Малайзия заметно отстали. Самым слабым итогом отметился Таиланд (не считая Брунея) вследствие длительных беспорядков в стране, ситуация начала выправляться в конце 2014 г.¹⁸ Мьянма, Камбоджа и Лаос сумели добиться максимального роста. Сингапур и остальные страны прибавили относительно 2012 г. незначительно (табл. 2). Характерно, что за редким исключением результаты 2013 года хуже, чем были в 2010—2012 гг.

В 2014 г. произошло дальнейшее замедление темпов роста в ЮВА до 4,7 % (в АСЕАН-5 до 4,6 %). Эта тенденция настораживает, так как ожидался подъем на 5,9 % почти во всех странах региона, и результаты лучше 2013 г. показали только СРВ, Малайзия и Мьянма¹⁹. Она отражает степень, во-первых, нездоровья мировой экономики, а во-вторых, все более глубокой зависимости от нее стран ЮВА. Ближайшие прогнозы МВФ это учитывают, не обещая группе АСЕАН-5 улучшения. Так, Индонезию в 2015 г. ожидает прирост ВВП на 4,7 %, в 2016 г. на 5,1 %, Малайзию на 4,7 и 4,5 %, Филиппины на 6,0 и 6,3 %, Таиланд на 2,5 и 3,2 %, Вьетнам на 6,5 и 6,4 % соответственно. За те же годы показатели всей группы по прогнозу МВФ мало изменятся (4,6 и 4,9 %).

Вместе с тем, констатируя такую тенденцию, не следует забывать о ее закономерном и долгосрочном характере для всех развивающихся стран. По расчетам профессора МГУ В.А. Мельянцева, с середины 2000-х до 2012—2014 гг. среднегодовые темпы их экономического роста упали почти наполовину — более чем на 3—4 п.п., в том числе в КНР — на 2/5, т. е. на 4,8—5,3 п.п., в Индии почти на 4 п.п.²⁰

Наиболее заметно воздействие кризиса проявилось в реальном секторе экономики, пострадавшем от резкого сокращения экспорта. Этот эффект был кратким, и его удалось быстро преодолеть, что отражают данные о внешних товарных поставках (табл. 3) и состоянии текущего счета платежного баланса стран ЮВА. Восстановить товарные

потоки удалось благодаря частичной переориентации продаж за пределы США и ЕС. После провала в 2008 — первой половине 2009 г. в регионе господствовала тенденция роста торговли.

Несмотря на признаки улучшения в глобальной экономике, поставки на основные экспортные рынки выросли ограниченно (табл. 3), ввиду все еще слабого спроса на ведущие товары регионального экспорта — пальмовое масло, натуральный каучук, сырую нефть. Это больше ударило по экономике Индонезии и Малайзии. Также в подавленном состоянии находится спрос на уголь и медь из Индонезии, рис из Таиланда, электронику из Малайзии и Таиланда. В итоге доходы от экспорта в Индонезии и Малайзии сократились на 5,2 %, Брунее на 5,5 % за 1-е полугодие 2013 г. Еще большее падение произошло в Сингапуре и Таиланде. В 2014 г. положение выправилось. Лучшими оказались Филиппины и Вьетнам, поднявшие экспорт на 14,6 % и 11,6 %, хотя годом ранее они показали противоположные результаты²¹.

В 2014 г. суммарный импорт членов АСЕАН немного снизился (на 0,3 %), но у большинства стран вырос, причем у некоторых (Камбоджа, Лаос, Мьянма) значительно. Это привело к ухудшению их торгового баланса, а затем и баланса текущего счета, что в итоге ослабило макроэкономическую стабильность.

Профицит *текущего счета* сократился в среднем по региону с 7,1 % ВВП в 2009 г. до 2 % в 2013 (рис. 1). При этом в Индонезии дефицит счета вырос до 3,5 % от ВВП (в 2012 г. он составлял 2,8 %), в Таиланде вместо положительного баланс стал отрицательным, в Малайзии профицит резко снизился. На Филиппинах профицит вырос до 4,2 % против 2,8 % годом ранее благодаря денежным переводам от мигрантов (11,8 млрд долл.) и расширению аутсорсинга услуг. Во Вьетнаме на основе такого же притока валюты и профицита внешней торговли положительный баланс текущего счета составил в 2012—2014 гг. 4—6 % ВВП²². По прогнозам, профицит текущего счета платежного баланса стран АСЕАН может вырасти в 2015 г. до 2,3 % ВВП субрегиона²³. В частности, ожидается, что Таиланд вернется к профициту, а в Индонезии дефицит сократится.

Одной из главных причин усиления экономических дисбалансов в зоне АСЕАН выступает *снижение цен* на основные товары экспорта из ЮВА, на некоторые — до самого низкого уровня с 2007—2009 гг. Несмотря на их легкий подъем во 2-м квартале 2015 г., это — пока доминирующая тенденция в мире. Медленное восстановление экономик развитых стран и торможение роста в Китае вызвали падение

Таблица 2. Динамика экономического роста стран ЮВА в 2008—2014 г.*

Страна	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014**
Бруней	-1,9	-1,8	2,6	3,4	1,0	-1,8	-2,3
Вьетнам	5,7	5,4	6,4	6,2	5,2	5,4	6,0
Индонезия	6,0	4,6	6,2	6,5	6,3	5,8	5,1
Камбоджа	6,7	0,1	6,0	7,1	7,3	7,0	7,0
Лаос	7,8	7,5	8,1	8,0	7,9	8,2	7,6
Малайзия	4,8	-1,5	7,4	5,2	5,6	4,7	6,0
Мьянма	3,6	10,3	10,6	9,6	5,6	7,7	8,7
Сингапур	1,5	-0,6	15,2	6,1	2,5	3,9	2,9
Таиланд	2,6	-2,3	7,8	0,1	6,5	2,9	0,7
Филиппины	4,1	1,1	7,6	3,6	6,8	7,2	6,1
АСЕАН-10***	4,1	2,0	7,6	4,9	5,9	5,2	4,7

Источник: ASEAN Finance and Macroeconomic Surveillance Database: Table 2. Selected key ASEAN macroeconomic indicators (August 2014); Table 6. Growth of the GDP in ASEAN (December 2014); World Economic Outlook Database. IMF, October 2013, November 2015; Statistical Yearbook of Vietnam 2014, Hanoi, 2015. P. 788—789.

* Темпы роста ВВП, % к предыдущему году; ** данные за 2014 г. — оценка; *** средневзвешенный показатель рассчитан по удельному весу ВВП стран, входящих в Ассоциацию — АТЛАС метод.

мирового спроса на энергоносители и сырье. Цена нефти упала в 2015 г. сильнее всех (а за ней и газа), по углю наблюдается долгосрочный понижающий тренд. Цены на несырьевые товары также сильно упали с конца 2014 г. Индекс цен этой группы, по оценке ВБ, снизился с 97,63 в августе 2014 г. до 79,95 год спустя. Цена на кофе сорта Арабика, отражающая спрос на продовольствие ведущих мировых рынков, в 2015 г. была ниже на 26 % относительно уровня годовой давности²⁴.

Падение нефтяных и продовольственных цен, в свою очередь, негативно сказалось на доходах бюджетов стран-экспортеров. В то же время оно выгодно повлияло на промышленное производство, так как привело к снижению производственных расходов и себестоимо-

Таблица 3. ВВП, внешняя торговля, инвестиции, безработица в странах АСЕАН

Страна	Годы	ВВП	Безра- ботица	Экспорт за год		Импорт за год		Инве- стиции*	Инве- стиции**
		млрд долл.	%	млрд долл.	рост, %	млрд долл.	рост, %	млрд долл.	рост, %
Бруней	2009	10,8	1,7	7,2	-47,0	2,4	-7,2	0,37	-49,1
	2014	17,1	—	10,6	(7,5)	3,6	(0,4)	0,568	-27,6
Вьетнам	2009	96,3	4,6	57,1	-9,9	69,95	-13,3	7,6	-76,3
	2014	186,2	3,6	148,1	11,6	145,7	10,3	9,2	3,4
Индонезия	2009	546,9	—	116,5	-17,6	96,8	-33,4	4,877	28,0
	2014	983,6	6,2	176,3	(3,4)	178,2	(4,5)	22,276	20,8
Камбоджа	2009	10,4	—	4,2	-12,2	5,8	-11,6	0,53	-69,1
	2014	16,8	0,3	10,7	16,8	19,0	106,8	1,726	35,4
Лаос	2009	5,6	1,9	1,1	-3,7	1,5	4,1	0,319	-216,7
	2014	11,8	—	2,6	1,8	2,7	(16,5)	0,913	114,0
Малайзия	2009	193,1	—	156,9	-20,0	123,3	-19,0	1,381	139,9
	2014	326,3	3,1	234,2	2,6	209,0	1,5	10,714	-14,8
Мьянма	2009	24,97	—	6,3	11,5	3,85	-8,9	0,579	—
	2014	65,8	4,0	11,0	(3,5)	16,2	35,1	0,946	-177
Сингапур	2009	182,7	—	269,8	-21,9	245,8	-26,5	16,809	3,2
	2014	307,9	2,9	410,0	(0,1)	366,2	(1,8)	72,098	28,4
Таиланд	2009	264,3	—	152,5	-13,1	133,8	-30,3	4,976	-41,7
	2014	373,2	0,7	227,6	(0,5)	228,0	(8,6)	11,539	-12,7
Филиппины	2009	161,4	—	38,3	-27,7	45,5	-31,7	1,948	-166,1
	2014	284,9	6,4	61,8	14,6	67,8	4,0	6,2	60,6
АСЕАН-10**	2009	1496,3	—	810,49	-20,6	726,35	-26,6	39,387	-9,1
	2014	2573,6	—	1292,6	1,7	1236,3	-0,3	136,18	15,7

Источник: ASEAN Statistics: Table 1. Selected basic ASEAN indicators (February 2011, August 2015); Table 2. Selected key ASEAN macroeconomic indicators (August 2014); Table 6. Growth of the GDP in ASEAN (December 2014); Table 18. Intra- and extra-ASEAN trade, 2009 (July 2010); Statistical Yearbook of Vietnam 2011, Hanoi, 2012. P. 860—874; 2014, Hanoi, 2015. P. 788—789.

Примечания: в скобки поставлены последние полученные Секретариатом АСЕАН данные; курсивом выделены данные за более ранние годы.

* освоенный за год объем прямых иностранных инвестиций; ** для данных за 2014 г. дан прирост к 2013 г., для данных за 2009 г. — к 2010 г.

сти других товаров, тем самым стимулируя спрос. Пока что это не вызвало заметных сдвигов на рынках.

При быстром изменении цен, различном уровне благополучия экономик и низкой хозяйственной активности внутри стран АСЕАН темпы инфляции тоже варьировались. В Индонезии она поднялась до 7,3 % в 2013 г. с 4,3 % в 2012 г., в 2014 г. аналогично, в Лаосе и Мьянме проявилась еще сильнее, а в других странах ЮВА слабее. Самой высокой инфляция с 2010 г. была во Вьетнаме, но за 2013—2014 гг. ее показатель по ИПЦ упал более чем вдвое — с 9,2 до 4,1 %²⁵ (табл. 4). В целом базовая инфляция оставалась стабильной и немного повысилась в среднем по АСЕАН-5 за 2012—2014 гг. (с 3,6 до 4,6 %) , а в 2015 г. предположительно вернется к прежнему уровню (3,7 %) ²⁶.

В связи с осложнением финансовой ситуации обострился вопрос сбора налогов, так как демографические тренды старения населения и роста его запросов требуют увеличения социальных расходов. Восточная Азия стареет быстрее всех других регионов мира в силу как падения рождаемости, так и увеличения средней продолжительности жизни. Это ухудшает перспективы экономического роста, поскольку порождает повышение пенсионных выплат и расходов на здравоохранение, увеличивает нагрузку на бюджет.

Важнейшим двигателем экономики стран ЮВА выступает внутренний спрос, отчасти опирающийся на увеличение занятости: безра-

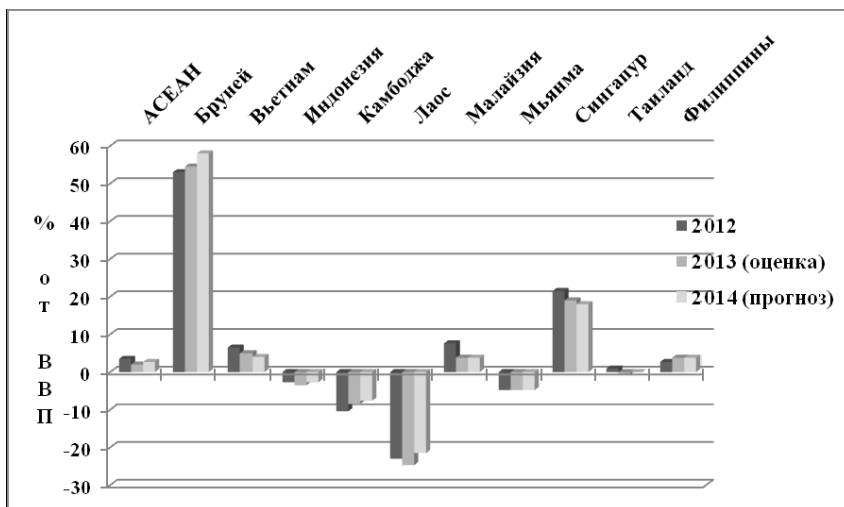

Рис. 1. Баланс текущего счета стран АСЕАН, процентов от ВВП

ботица остается низкой почти во всех из них (табл. 2). *Общественное потребление* поднялось в Малайзии в 2013 г. на 7,4 % благодаря щедрым денежным вливаниям правительства и повышению зарплат в госсекторе, которые стимулировали расходы граждан. Индонезия показала прирост в 5,1 %, Филиппины — 5,3 %, Вьетнам — 5,4 % (здесь потреблению тоже помог рост денежных переводов от мигрантов). В Таиланде же показатель упал на 3,4 % вследствие сильного наводнения и сокращения государственных закупок²⁷.

В более развитых странах ЮВА замедлился рост *инвестиций* в основной капитал: в Малайзии он снизился за первую половину 2013 г. до 9,5 %, тогда как в 2012 г. равнялся 20 %, в Индонезии упал с 9 % (этот уровень сохранялся три года подряд) до 5,2 %, в Таиланде с 13,3 до 5,1 %. Притом доля капиталонакопления относительно ВВП немного снизилась везде, кроме Брунея, Малайзии, Филиппин и Камбоджи, в среднем составляя в нем от 20 до 30 %²⁸. Инвесторы проявляли осторожность, ожидая повышения учетной ставки в США. Это выразилось в сокращении объема строительных работ на инфраструктурных объектах или их заморозке. Причиной сокращения инвестиций были и действия властей, пытавшихся таким путем преодолеть перегрев своих экономик, например, в Индонезии и Сингапуре. На этом фоне отличились Филиппины, показав рост на 12,7 % в первой половине 2013 г. за счет государственных расходов на инфраструктурное строительство и частных инвестиций в жилищное и офисное строительство.

В целом страны Восточной Азии пока привлекательны для иностранных инвесторов, что проявилось через ПИИ. Иностранный капитал шел на новые рынки АСЕАН, в Сингапур, Индонезию и на Филиппины, а из Малайзии и Таиланда наблюдался отток (табл. 3). В Камбодже инвестиции были больше направлены в строительную отрасль в форме кредитных ресурсов, а в Лаосе — в энергетику в форме ПИИ (на сооружение 8 новых ГЭС и одной ГЭС удалось привлечь 3,7 млрд долл.). Во Вьетнаме общественные инвестиции поднялись в 2013 г. на 7 %, а иностранные почти на 9 %, в 2014 г. показатели еще выросли²⁹. Мьянма впервые за счет внутренних экономических реформ добилась внимания иностранных инвесторов, включения страны в систему преференциальной торговли с Европой, сумела привлечь поток туристов и начать экспорт газа.

Вместе с тем под воздействием кризиса резко возросла финансовая волатильность в целом и *фондовых рынков* ЮВА особенно. Наиболее сильно она проявилась в СРВ вследствие повышенной привлека-

Таблица 4. Бюджетные и монетарные показатели стран ЮВА в 2012–2013 гг.

Страна	Масса денег		Бюджет баланс		Инфляция		Курс	Ставка	Индекс
	2012	2013	2012	2013	2012	2013			
Бруней	1,0	1,4	17,47	—	0,4	0,2	–8,3	0	—
Вьетнам	15,8	21,4	–4,8	–5,15	9,2	6,0	1,0	–3,4	9,8
Индонезия	15,0	12,7	(2,31)	(1,69)	4,3	8,4	7,7	1,8	–2,5
Камбоджа	20,9	14,6	3,78	—	2,5	4,6	–1,7	–0,8	—
Лаос	31,0	17,0	(1,37)	(4,01)	4,7	6,9	–0,2	0,2	—
Малайзия	9,0	7,3	(4,5)	(3,9)	1,2	3,2	–3,2	0	8,0
Мьянма	31,7	33,6	—	—	2,8	5,6	—	0	—
Сингапур	7,2	4,3	1,62	—	4,3	1,5	–8,3	0	–2,0
Таиланд	15,9	7,3	(4,54)	(2,01)	3,6	1,7	–3,6	0	–3,0
Филиппины	9,6	29,5	(2,3)	(1,42)	3,0	4,1	–6,6	–1,6	1,0

Источник: ASEAN Statistical Yearbook 2014: Table 8. Inflation rate (Dec. 2014); Table 10. Interest rate, deposit (Dec. 2014); Table 11. Exchange rate (Dec. 2014); Table 15. Fiscal balance (government surplus/deficit); Table 13. Broad money supply (Dec. 2014); Table 16. Current account balance (Dec. 2014); IMF Database 2014; World Economic Outlook Database. IMF, October 2013; Sanchita Basu Das. South East Asian Economies. Op. cit. P. 25.

Примечания:

- прирост денежной массы в обращении M2 на конец года, процентов (кроме Малайзии (M3) и Филиппин (M4));
- баланс государственного бюджета от ВВП, процентов;
- темпы роста инфляция по индексу потребительских цен на конец каждого года, процентов;
- номинальный курс национальных валют к доллару США на конец года, процентов;
- процентные ставки по 3-месячному депозиту на конец года, процентных пунктов;
- национальный индекс фондовой биржи — изменение за январь—декабрь 2013 г., процентов.

тельности рынка, а в Малайзии и Сингапуре ввиду их большей открытости мировому хозяйству. Ситуацию усугубил рост стоимости биржевых активов и обменных курсов валют, вызванный возвращением капитала в регион после снижения учетных ставок в США и ЕС. Значит, изменения в финансовом положении западных стран напрямую определяют сегодня финансовую стабильность в ЮВА. Сильнее

других она оказалась подорвана в Индонезии, где упали и валюта, и фондовый рынок. Поэтому обострилась потребность тщательно взвешивать выигрыши и потери от привлечения дополнительного объема капитала в регион.

Растущие рынки испытывают сильные опасения относительно смены направления движения капитала в случае изменения политики ФРС США и повышения учетной ставки, дальнейшего укрепления доллара. Это отчетливо проявилось в августе 2013 и 2014 г., когда неопределенность позиции ФРС вызвала пусть краткое, но массовое бегство капитала с рынков ЮВА. Беспокойство усилилось и ввиду ухудшения перспектив роста гигантов азиатской экономики — КНР и Индии.

По прогнозам, в случае новой паники приток капитала в страны ЮВА — основы их процветания — может сократиться на 548 млрд долл., т. е. почти вдвое, до самого низкого уровня с 1980-х годов. В третьем квартале 2015 г. отток средств из паевых фондов Таиланда, Индонезии и Филиппин достиг рекордных 5,1 млрд долл. В ответ страны ЮВА тоже перешли к политике количественных смягчений, пытаются нейтрализовать воздействие США³⁰.

Одновременно они стремятся наращивать свои золотовалютные резервы как подушку безопасности. Страны ЮВА с более открытым рынком создали более солидные накопления (Таиланд — 160 млрд долл., Малайзия — 140 млрд, Индонезия — 100 млрд), слабее страховка у группы АСЕАН-4 (во Вьетнаме она больше, чем у других и выросла за 2013—2014 гг. с 25,5 до 39,5 млрд)³¹.

Опасность возникновения пузырей на фондовой бирже и давления на валютные курсы осознана в странах АСЕАН в разной степени, что замедлило принятие превентивных мер. Во многих мегаполисах ЮВА легкость получения кредита в сочетании с высоким спекулятивным спросом привела к скачку цен на недвижимость, иногда выше пиковых значений 2007 г., обострив угрозу макроэкономических дисбалансов на фоне нестабильности.

Избежать рисков в условиях наплыва краткосрочного капитала наиболее сложно. Предпринятые в последние годы попытки стерилизовать его объемы лишь увеличили ликвидность на местных финансовых рынках. Но прирост денежной массы в обращении в 2012—2013 гг. в большинстве государств ЮВА, кроме Мьянмы, Филиппин и Вьетнама немного замедлился (табл. 3)³². Последствием таких явлений стало разрегулирование обменных курсов, снижение экономической стабильности и темпов роста во многих из них.

Среди факторов дестабилизации экономики и финансов стран АСЕАН выделим также *рост долгов* коммерческих предприятий, уровень которых до начала глобального кризиса был относительно низким. Причина этого в том, что местные банки, всемерно стимулируя спрос, увеличили кредитование потребителей, а европейские и другие банки в то же время его снизили ввиду своих трудностей³³. Сказалось и ужесточение требований банков развитых стран к межбанковским кредитам, что сделало заимствование финансовыми средствами банками ЮВА более дорогим и менее доступным. Только в нефинансовом секторе долги выросли за 2004—2014 гг. почти в 4 раза³⁴.

Обострение налогового бремени вследствие обозначенных процессов характерно для всех государств ЮВА. Частым явлением стало преодоление внутренним долгом уровня в 50 % ВВП (в Малайзии, Вьетнаме, Филиппинах) и иногда даже 100 % (в Сингапуре), что чревато серьезнейшим нарушением макроэкономических пропорций³⁵. Если добавить к этому еще и внешний долг, то задолженность каждого члена АСЕАН превысит размер его ВВП.

Более ощутимы сегодня такие характерные для развивающихся стран явления, как *растрата природных ресурсов и загрязнение окружающей среды*. Они в полной мере относятся к государствам Юго-Восточной Азии. Например, Вьетнам, начавший добычу нефти в 1980-е годы, в перспективе уже ближайшего десятилетия ожидает истощения своих запасов и пытается компенсировать потери, инвестируя в нефтедобычу за рубежом, в том числе в России. Дефицит невозобновляемых физических ресурсов — закономерное следствие развития большинства стран этого региона по экстенсивному пути. Переход к экономике знаний — на этап инновационного развития — важное условие решения данной проблемы.

Еще острее экологические вызовы, причем, если в странах Северо-Восточной Азии они в основном преодолены, то в Юго-Восточном регионе положение обратное. По оценке специалистов Гарвардского университета, наиболее тревожна ситуация в ряде мегаполисов ЮВА, например, Бангкоке, Джакарте, Маниле, недалеко «отстали» от них Ханой с г. Хошимин во Вьетнаме³⁶. Индонезия, поощряющая выжигание тропических лесов для освобождения земли под плантационные культуры, самый яркий негативный пример. Характерно, что эксперты АСЕАН и независимые исследователи замалчивают многие такие проблемы, объясняя их чисто экономическими причинами, как правило, финансовыми трудностями, а не просчетами властей.

2. Меры по преодолению кризиса. Монетарная и фискальная политика

Реагируя на эти угрозы, правительства стран ЮВА перестроили свою монетарную и бюджетную политику, применив налоговые и иные меры. Так, в некоторых странах значительно снижены *учетные ставки*, оставшиеся на докризисном уровне, несмотря на позитивные сдвиги в экономике. Эти послабления дали искомый эффект, увеличив банковские заимствования в странах АСЕАН и показав достаточно оптимистичный настрой местных потребителей и бизнеса³⁷. Последний раз ставки поднимались на рубеже 2015 г., но затем было проведено их снижение, как требовала конъюнктура.

Использование инструментов монетарной политики для стабилизации экономики различается по странам ЮВА (табл. 4). В одних правительства подняли учетную ставку (в 2013 г. Индонезия, Лаос, в 2014 г. Малайзия, Индонезия и Филиппины), в других понизили (Таиланд и Вьетнам), в третьих оставили без изменения. Сингапур, как самая открытая экономика региона, активнее прибегал к регулированию валютного курса, хотя и остальные страны не пренебрегали этим инструментом.

Характерно, что *цена валют* стран ЮВА в 2014 г. снизилась к доллару и юаню, но выросла против евро и иены, укрепив их в реальном выражении — взвешенном с учетом объемов торговли с ведущими партнерами этих стран. Относительно обесценился лишь малайзийский ринггит. По номиналу больше обесценились денежные единицы Вьетнама, особенно Индонезии (табл.4). Самые серьезные проблемы усиление американской валюты поставило перед экономиками Камбоджи и Восточного Тимора, уровень долларизации которых предельно высок. Но и в других частях региона, где эта зависимость ниже (например, в СРВ она оценивается в 11,4 %³⁸), положение непросто. Судя по алармизму экспертов, влияние доллара на экономики стран ЮВА по-прежнему выше, чем юаня, что, с точки зрения привязки к Китаю, должно успокаивать их, а в плане усиления зависимости от США — наоборот, настораживать, причем признать такую опасность и, как следствие, необходимость сокращать ее они прямо не могут. Ориентация на США ряда членов АСЕАН пока незыблема.

Одновременно они стремятся наращивать свои *золотовалютные резервы* как подушку безопасности. Страны ЮВА с более открытым рынком создали самые солидные накопления (Таиланд 160 млрд долл., Малайзия 140 млрд, Индонезия 100 млрд), слабее страховка у

группы АСЕАН-4 (во Вьетнаме она больше, чем у других и выросла за 2013—2014 гг. с 25,5 до 39,5 млрд)³⁹.

Финансовая система региона стала более эластичной вследствие предпринятых по следам азиатского кризиса реформ. Так, более осторожное управление минимизировало ее потери от токсичных финансовых активов, которые нанесли тяжелый ущерб банкам США и ЕС. Возвращение капиталов после 2009 г. служит признаком веры в экономики стран региона, повышает их устойчивость в условиях глобального кризиса.

Однако возобновление притока, особенно с 2010 г., напомнило, что ситуация конца 1990-х годов, когда горячие деньги быстро ушли отсюда, вызвав обвал фондовых рынков и тяжелую рецессию, может легко повториться. Избежать рисков в связи с резким увеличением наплыва краткосрочного капитала наиболее сложно. Предпринятые в последние годы попытки стерилизовать эти объемы лишь создали избыток ликвидности на местных финансовых рынках, что привело к разрегулированию обменных курсов, снижению экономической стабильности и темпов роста.

В последние годы *бюджетная консолидация* была ключевым приемом почти всех стран ЮВА, так как их расходы росли, а доходы падали. У большинства членов АСЕАН, кроме Сингапура, возник, хотя после 2012 г. и начал сокращаться, дефицит бюджета (табл. 4). Государственные расходы и недобор налогов расширились несколько лет по мере стимулирования экономического роста, о чем говорит увеличение в них бюджетного дефицита и общественного долга. Так, Малайзию длительный рост дефицита заставил искать контрмеры, среди которых оказалось увеличение налогооблагаемой базы и отмена субсидирования, особенно цен на нефтепродукты. Вьетнам для облегчения нагрузки на бюджет, возникшей вследствие роста социальной поддержки незащищенных слоев сразу после начала кризиса, отменил в 2013 г. субсидии в сфере образования и здравоохранения. Более строгий подход применили Индонезия и Филиппины. Власти же Таиланда, приняв ряд мер, сделали это непрозрачно, в духе популизма, что повлекло массовое социальное недовольство. Проводя такие сравнения, Санчита Дас отмечает более мягкую политику правительства Сингапура, где сохранился, хотя и сократился, бюджетный профицит⁴⁰. Оно занялось реструктуризацией экономики и подъемом производительности труда, одновременно оказывая поддержку малоимущим слоям населения и мелкому бизнесу.

Все эти меры позволили расширить налоговые поступления, особенно в группе АСЕАН-5. В Монголии и в меньшей степени ЛНДР дефицит бюджета и задолженность хозяйствующих субъектов сохранились. Большой дефицит возник в Мьянме, в СРВ общественный долг вырос, а в Малайзии остался высоким. Данное явление более характерно для экономик с высокой нормой накопления и недостаточным контролем над расходами госбюджета.

Эти, иные сохраняющиеся риски, как и последствия кризиса в еврозоне, потребовали дальнейшего укрепления *механизмов коллективной финансовой безопасности* стран ВА. Возникли опасения, что если Азии потребуется экстренная помощь, то МВФ не сможет оказать ее, будучи занятой исправлением ситуации в Европе. Прецедент уже имел место: во время азиатского кризиса МВФ не оказал должной поддержки (это сделал Китай), а собственные фонды СВОП оказались недостаточными. Именно после этого в рамках АСЕАН плюс 3 была принята Чиангмайская инициатива 2000 года как механизм финансовой безопасности. Общий страховой фонд вырос с 1 млрд долл. до 84 млрд накануне глобального кризиса, но этой суммы оказалось недостаточно. Новый кризис выявил недостатки такого механизма: размер оказался слишком мал, чтобы фонд эффективно работал, поэтому члены АСЕАН прибегли к двусторонним свопам с США, РК и Японией, обратились к региональным агентствам. В итоге произошла радикальная трансформация Фонда: он стал многосторонним, просто и более экономно расходуемым, и в мае 2009 г. был увеличен до 120 млрд долл. В мае 2011 г. приступил к работе региональный надзорный орган по этим операциям — макроэкономический исследовательский центр (AMRO)⁴¹.

На 15-й встрече в мае 2012 г. министры финансов АСЕАН+3 решили еще раз удвоить фонд — до 240 млрд долларов США и увеличить несвязанную долю МВФ до 30 % в 2012 г., 40 % в 2014 г., а также создать специальный антикризисный механизм. Однако данный механизм так и не был создан, участники ограничились обещаниями, которые не выполняются, что вызывает обратный эффект. Стало ясно: чтобы заменить МВФ, фонд должен быть значительно больше и проще в части получения кредитных средств, считают Я. Менон и Тиам Хи⁴². Пока это не сделано, а механизм АСЕАН+3 не работает из-за разногласий по ЮКМ. Но принятые соглашения и собственные золото-валютные резервы стран ЮВА составляют реально первую линию защиты в случае углубления финансового кризиса.

Таким образом, ситуация сложилась далеко не благоприятная, но порождающая сдержанный оптимизм. Для него есть следующие основания. В ЮВА сохраняется устойчивый внутренний спрос, растет частное и общее потребление, что служит главным мотором роста. Ожидается повышение внешнего спроса благодаря оживлению экономик США и ЕС в 2014 г. Росту экспорта на развитые рынки должна помочь девальвация валют в странах ЮВА относительно доллара и евро, а на китайский рынок — и относительно юаня. Инвестиции получили стимул в связи с увеличением общественных расходов на инфраструктурные проекты. По этим причинам улучшился инвестиционный климат в ряде стран региона. Начали давать результаты меры фискального маневра, заметно снизились темпы инфляции. Главным же двигателем становится оживление производственной активности.

В следующие 5 лет членам АСЕАН предстоит принять макроэкономические, притом осторожные, меры для укрепления финансовой стабильности и реализации структурных реформ, в частности, в ряде стран придется поднять учетную ставку. Это создаст основу для нового роста как в ЮВА, так и в остальных РС Восточной Азии. Скорее всего, динамика повысится, отражая выздоровление их экономик как в плане потребления, так и инвестиций, а отчасти и благодаря низким ценам на энергоносители.

Вместе с тем недобор экспортных доходов будет тормозить в РС ВА укрепление реального эффективного курса их валют. Снижение цен на нефть и газ, будучи благоприятным для ВА в целом, окажет разное влияние на отдельные страны региона в зависимости от участия в добыче и экспорте/импорте этих продуктов, их доли в потреблении энергии в стране в целом, интенсивности энергопотребления. Лаос, Филиппины, Таиланд, острова Океании выиграют значительно, а Малайзия, Вьетнам и другие понесут потери в ВВП. В Индонезии результат зависит от изменения цен на уголь и газ, поставляемых за рубеж. Эти выводы сделаны Всемирным банком на основе анализа текущей ситуации⁴³.

В условиях неопределенности, доминирующей в глобальной экономике, позитивные прогнозы носят рискованный характер, так как спад в еврозоне и Японии будет ослаблять мировую торговлю, ударяя по экспорту из стран региона. Повышение учетной ставки в США в сочетании с укреплением доллара при диссонансе финансовой политики развитых государств способно вызвать повышение цены заимствования и финансовой волатильности, что, в свою очередь, может

привести к сужению притока капитала. Существенное замедление китайской экономики неизбежно спровоцирует соответствующие эффекты, особенно затронув экспортеров готовых товаров.

3. Региональная интеграция и конкуренция

Страны ЮВА сегодня сильнее **интегрированы** регионально и связаны глобально, чем когда-либо прежде, и, по оценке АзБР, процесс усилился под воздействием мирового финансового кризиса⁴⁴. Об укреплении макроэкономических взаимосвязей говорит рост корреляции ежегодных темпов роста экономик региона: по расчетам Я. Менона и Тиам Хи, ее коэффициент для ЮВА равен 0,7, а для всей Восточной Азии 0,59⁴⁵. К тому же соседи убедились, что экономическая кооперация принесла им большие выгоды, позволила достичь впечатляющего прогресса в развитии. Расширяются масштабы рынка и производства, стимулы спроса, мультипликативный эффект сооружения общих инфраструктурных объектов, разделения рисков и распределения ресурсов путем либерализации трансграничных потоков и т. д. Притом возникла и крепнет уникальная азиатская **модель регионализма** — открытая, динамичная, рыночная, демократическая (процесс идет снизу вверх) — отличная от европейской, которая на наших глазах все больше теряет свою привлекательность.

Но повышение взаимосвязанности несет в себе и серьезные риски, главным из которых является растущая уязвимость перед внешними шоками и воздействиями. В мировой хозяйственной среде, лишенной барьеров, а часто и государственных границ, как оказалось, не только быстро перемещаются товары, услуги, позитивные факторы, но и распространяются болезни. Это явление имманентно капиталистической системе. По мнению экспертов ВБ, всему региону передана «инфекция» из США и ЕС. В частности, сегодня нарастат каскадный эффект кризиса в еврозоне, угрожающий «заражением» всего сообщества АСЕАН⁴⁶. Поэтому усиление процесса регионализации на примере ЮВА надо рассматривать как ответ на вызовы глобализации, как ее альтернативу. В связи с этим вряд ли можно считать нормальным, что дискуссия о региональной интеграции в странах АСЕАН больше сфокусирована на ее преимуществах, чем на цене и рисках.

Перед лицом опасности распространения негативных эффектов страны АСЕАН стремятся так управлять рыночными процессами ин-

теграции, чтобы максимально использовать ее выгоды и минимизировать потенциальную цену. В ряде сфер более тесная кооперация не обязательно означает большую интеграцию. Пример — растущее взаимодействие в обеспечении безопасности финансовых сетей, которую сложнее всего обеспечить. Создание общего фонда золотовалютных резервов является более эффективным защитным средством, чем меры национальной макроэкономической политики, призванные сдержать негативное воздействие извне. Конечно, укрепление региональной финансовой сети должно дополнять глобальные финансовые реформы, чтобы найти ответы на системные шоки.

С 2013 г. десять стран ЮВА активировали подготовку к созданию Экономического сообщества АСЕАН (ЭСА) с целью сформировать единый рынок и производственную базу, повысить конкурентоспособность, достичь более равноправного экономического развития и уже на этой основе взаимодействовать с мировым хозяйством. В условиях глобальной финансовой неустойчивости, фрагментации производственных процессов в Азии это позволяет снизить себестоимость товаров, что служит основной целью торговой и инвестиционной политики.

Процесс создания ЭСА, начатый в сентябре 2007 г., формально был завершен в 2015 г., хотя не все показатели плана движения по этому пути были достигнуты⁴⁷. Главным достижением является снижение тарифных барьеров в торговле товарами, в то же время меры по отмене нетарифной регламентации запаздывают, сдерживая эффекты либерализации. С трудом поддается решению другая проблема — сокращения разрыва в уровне развития экономик стран ЮВА: более слабые очень ждут помощи теперь уже от новых механизмов интеграции. Все они, как и другие страны мира, ставят национальные интересы выше общих, что тормозит изменение местных норм и правил, приведение их в соответствие с региональным курсом.

Наряду с углублением интеграции между членами АСЕАН расширяется их взаимодействие как организации с партнерами в Северо-Восточной Азии и АТР. Ассоциация играет центральную роль в активизации сотрудничества с большими экономиками Азии. Подписаны и уже работают пять соглашений о свободной торговле с Австралией и Новой Зеландией, КНР, Индией, Японией и Южной Кореей. Наряду с созданием этих ЗСТ начаты переговоры по формированию общерегионального экономического партнерства — ВРЭП. Эта структура должна охватить почти половину мирового рынка (3,5 млрд потребителей) и дать одну треть глобального ВВП (по оцен-

ке, 26,2 трлн долл.)⁴⁸. Однако переговоры далеки от завершения, появились конкурентные, еще более глобальные проекты.

Так, в ноябре 2015 г. создано Транстихоокеанское партнерство из 12 стран АТР, еще раньше Китай запустил собственный евразийский проект Экономического пояса Шелкового пути. Россия и участники ЕАЭС также предложили свою альтернативу в форме ЗСТ с Вьетнамом⁴⁹. Очевидно, что участие стран ЮВА в этих объединениях или создание более широких в масштабах ВА будет нарастать, проверяя их единство на прочность. На фоне далеких от урегулирования территориальных споров в Южно-Китайском море это может добавить противоречий в отношении членов АСЕАН, покажет, сможет ли Ассоциация и дальше играть центральную роль в интеграционных процессах в Восточной Азии.

Заключение

Главными вызовами для стран ВА в 2014—2015 гг., как и на ближайшую перспективу, служат волатильность финансовых рынков, неопределенность перспектив экономического роста. Данные болезни, как, впрочем, и громкие успехи различных «азиатских тигров», связаны с усилением их встроенности в мировую систему хозяйства. Ввиду сохранения, а по многим позициям и усугубления проблем в еврозоне и США, можно предсказать, что трудности стран АСЕАН вряд ли решатся скоро без оздоровления ситуации в ВА. Поэтому, говоря о рецептах роста и первоочередных — реальных мерах по лечению выявленных болезней, не надо забывать о главном: мировая система капитализма предельно ослабла и требует глубокой трансформации.

При негативном глобальном прогнозе страны ВА способны справиться с возможными рисками, прежде всего, на путях дальнейшей региональной интеграции и «отцепления» от западного мира. Наряду с долгосрочными мерами по развитию производства и формированию собственных сбытовых цепочек сегодня требуется укрепление финансового сектора, в том числе решение налоговых задач и выработка осторожных бюджетов на среднесрочную перспективу. Перед самыми крупными экономиками региона стоят задачи увеличения государственных доходов и снижения расходов, чтобы создать новые возможности для инвестиций как в производственный сектор, так и в социальную сферу. В странах — производителях нефти снижение цен

на нее будет дальше подрывать доходы бюджета, тем самым ведя к сокращению расходов, что требует реструктуризации экономики. Остальные нуждаются в бюджетной консолидации, укреплении фискальной системы, чтобы создать финансовые резервы. Особенно это необходимо наиболее слабо развитым экономиками Лаоса, Камбоджи, Мьянмы, Монголии.

Помимо этого странам АСЕАН важно повысить конкурентоспособность в сфере услуг, чтобы поддержать рост своих экономик в долгосрочном плане. Все более важную роль сегодня играют такие социально ориентированные сектора хозяйства, как финансы, образование, здравоохранение, транспорт и телекоммуникации. Именно они служат двигателем продуктивности в отраслях промышленности с высокой добавленной стоимостью. Понимая это, члены Ассоциации взяли обязательства по либерализации сферы услуг и объединению национальных систем в региональную сеть в контексте формирования ЭСА. Пока прогресс очень скромный: страны АСЕАН входят в разряд наиболее сильно ограничивающих торговлю услугами в мире. Но решение этой задачи вполне по плечу странам региона при условии преодоления последствий глобального финансового кризиса и повышения своей экономической самостоятельности.

Примечания

¹ Восточную Азию Всемирный банк делит на развитые страны (Япония), НИС (Сингапур, Гонконг, Тайвань, Южная Корея), развивающиеся страны (КНР и государства АСЕАН без Сингапура), а также Монголию, что затрудняет выявление общих тенденций в ВА.

² East Asia and Pacific Economic Update. Adjusting to a Changing World. The World Bank. Washington, April 2015. P. XVII.

³ Ibid. P. XVIII.

⁴ Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam Quý 3 — 2015. Hà Nội: VEPR (Обзор макроэкономической ситуации во Вьетнаме в 3 кв. 2015 г. Ханой: Институт изучения экономической политики), 2015. P. 3.

⁵ East Asia and Pacific Economic Update. Op. cit. P. XVII.

⁶ Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam. Op. cit. P. 4.

⁷ East Asia and Pacific Economic Update. Op. cit. P. XVIII.

⁸ Sanchita Basu Das. South East Asian Economies: waiting for a rebound // Southeast Asian Affairs 2014. Ed. by Daljit Singh. Singapore: ISEAS, 2014. P. 23.

⁹ Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam. Op. cit. P. 4—5; East Asia and Pacific Economic Update. Op. cit. P. XVIII.

¹⁰ Sanchita Basu Das. South East Asian Economies. Op. cit. P. 21.

¹¹ Эксперты высказывали сомнения, что прирост ВВП в Китае достиг в 3 кв. 2015 г. даже 6,2 %, так как потребление электроэнергии выросло за первую половину года всего на 0,7 % по сравнению с 2,2 % годом ранее — см. Майкл Петтис. Китай: ставки снижаются, тревога нарастает // The Wall Street Journal. Цит. по: URL: <http://inosmi.ru/world/20151106/231220904.html#ixzz3rV0BUkdu> (06.11.2015).

¹² Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam. Op. cit. P. 6; Майкл Петтис. Китай: ставки снижаются, тревога нарастает.

¹³ East Asia and Pacific Economic Update. Op. cit. P. XVIII; World Economic Outlook Database. IMF, October 2015. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/weodata/weorept.aspx> (дата обращения: 22.11.2015).

¹⁴ Курс снизился с 6,1 юаня за 1 доллар США до 6,2, хотя с 2010 г. он поднялся до этого значения с уровня 6,8 юаня за доллар.

¹⁵ Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam. Op. cit. P. 7;

¹⁶ Sanchita Basu Das. South East Asian Economies. Op. cit. P. 22; Menon Jayant and Thiam Hee Ng. Challenges facing a globally connected ASEAN // Global Economic Uncertainties and South East Asian Economies. Ed. By S. Chirathivat, Ch. Sabhasri and A. Chongvilaivan. Singapore: ISEAS, 2015. P. 2—3.

¹⁷ Menon J. and Thiam Hee Ng. Challenges facing a globally connected ASEAN. Op. cit. P. 2.

¹⁸ Sanchita Basu Das. South East Asian Economies. Op. cit. P. 24, 26.

¹⁹ Термин АСЕАН-5 стал применяться недавно и включает Индонезию, Малайзию, Филиппины, Таиланд и Вьетнам, не охватывая Сингапур, который по основным показателям считается уже высокоразвитой страной. Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam. Op. cit. P. 7.

²⁰ Мельянцева В.А. Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран. М.: Ключ-С, 2015. С. 53.

²¹ Sanchita Basu Das. South East Asian Economies. Op. cit. P. 30; Statistical Yearbook of Vietnam 2013, Hanoi, 2014. P. 527; Ministry of finance of Vietnam. General department of customs. Statistics of main exports, December 2014. Table 2X/TCHQ. Hanoi, 2015.

²² IMF. International financial statistics — 03.04.2014; Sanchita Basu Das. South East Asian Economies. Op. cit. P. 30—31; Мазырин В.М. Экономика Вьетнама на подъеме: тенденции 2013—2014 гг. // Вьетнамские исследования. Вып. 5. М.: ИДВ РАН. С. 198.

- ²³ East Asia and Pacific Economic Update. Op. cit. P. XIX.
- ²⁴ Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam. Op. cit. P. 2. — Индекс продовольственных цен по шкале ФАО, как сообщает агентство Блумберг, упал за 2013—2014 гг. с 217 пунктов на 30 %.
- ²⁵ Sanchita Basu Das. South East Asian Economies. Op. cit. P. 29; *Мазырин В.М.* Экономика Вьетнама на подъеме. С. 200.
- ²⁶ World Economic Outlook Database. IMF, October 2015. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/weodata/weorept.aspx?> (дата обращения: 22.11.2015).
- ²⁷ В частности, риса — важного экспортного товара страны. См.: Sanchita Basu Das. Southeast Asian Economies. Op. cit. P. 24, 27, 28.
- ²⁸ Ibid.; Statistical Yearbook of Vietnam 2014. Hanoi, 2015. P. 841—842.
- ²⁹ *Мазырин В.М.* Экономика Вьетнама на подъеме. С. 192—193; Statistical Yearbook of Vietnam 2013. Op. cit. P. 168.
- ³⁰ Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam. Op. cit. P. 3.
- ³¹ Современный Вьетнам. Справочник. М.: ИД «ФОРУМ», 2015. С. 174.
- ³² Подробнее см.: ASEAN Statistical Yearbook 2014: Table 13. Broad money supply (as of December 2014). URL: <http://www.asean.org/resources/category/asean-statistics> (дата обращения: 01.11.2015).
- ³³ Это произошло вследствие того, что основные финансовые институты еврозоны — МВФ, ЕЦБ и ЕК, понесли огромные расходы на спасение кризисных экономик еврозоны.
- ³⁴ Báo cáo kinh tế vĩ mô Việt Nam. Op. cit. P. 7.
- ³⁵ Economic Intelligence Unit. Country forecast report. Washington, November 2013. P. 34.
- ³⁶ Lựa chọn thành công. Bài học từ Đông Á và Đông Nam Á cho tương lai Việt Nam. Báo cáo chính thức của Chương trình Việt Nam thuộc Trung tâm Châu Á. Harvard University : [Успешный выбор. Уроки Восточной и Юго-Восточной Азии для Вьетнама. Официальный доклад по программе изучения Вьетнама при Азиатском центре]. URL: www.minhbien.org/?p=221 (дата обращения: 16.01.2008).
- ³⁷ *Menon J. and Thiam Hee Ng.* Challenges facing a globally connected ASEAN. Op. cit. P. 10.
- ³⁸ В данном случае степень долларизации рассчитана как соотношение стоимости валютных вкладов к денежной массе в обращении; она снизилась за 2011—2014 гг. примерно на 14 %. См.: Современный Вьетнам. С. 176.
- ³⁹ Современный Вьетнам. Справочник. Указ. соч. С. 174.
- ⁴⁰ Sanchita Basu Das. South East Asian Economies. Op. cit. P. 33.

⁴¹ *Menon J. and A. Chongvilaivan*. Southeast Asia beyond the Global financial crisis: Managing capital flows // ASEAN Economic Bulletin 28. No. 2 (2011), P.107—114.

⁴² *Menon J. and Thiam Hee Ng*. Challenges facing a globally connected ASEAN. Op. cit. P. 17.

⁴³ East Asia and Pacific Economic Update. Op. cit. P. XVIII—XIX.

⁴⁴ ADB Asian Economic Integration Monitor, July 2012. Manila: ADB, 2012. P. 45.

⁴⁵ *Menon J. and Thiam Hee Ng*. Challenges facing a globally connected ASEAN. Op. cit. P. 5 (рассчитано на основе данных 2008—2010 гг.).

⁴⁶ *Menon J. and Thiam Hee Ng*. Challenges facing a globally connected ASEAN. Op. cit. P. 1, 5.

⁴⁷ Moving forward in unity to a peaceful and prosperous community. ASEAN Annual Report 2013—2014. Jakarta: ASEAN Secretariat, July 2014. P. 35.

⁴⁸ Sanchita Basu Das. South East Asian Economies. Op. cit. P. 35.

⁴⁹ Подробнее см.: *Мазырин В.М.* Первое соглашение о свободной торговле Евразийского экономического союза с Вьетнамом // Международная экономика. 2015. № 11. С. 51—63.

С.С. Суслина

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ДВУСТОРОННЕГО И МНОГОСТОРОННЕГО ПАРТНЕРСТВА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В последнее десятилетие на фоне мирового экономического кризиса, усиления конкурентной борьбы между участниками мирового хозяйства, «валютных войн», отсутствия прогресса по Дохийскому раунду переговоров в ВТО неуклонно растет политическая и экономическая значимость процессов регионализации и экономической интеграции в разных регионах мира.

Прогресс интеграционных связей в Восточной Азии за последние годы очевиден: в разы выросло количество преференциальных торговых соглашений как на двусторонней, так и на многосторонней основе, растет объем внутрирегиональной торговли и инвестиционного сотрудничества; создано множество площадок для диалога: АСЕАН+3, АСЕАН+6, Восточноазиатский саммит. В Восточной Азии (ВА) находятся три из пяти мировых центров современных инновационных технологий — Япония, Южная Корея и Китай (в том числе Тайвань). С весомым экономическим вкладом этих дальневосточных стран, а также стран Центральной и Юго-Восточной Азии экономика всей ВА развивается сравнительно высокими темпами, а сам регион становится мировым финансово-экономическим центром.

В то же время восточноазиатский регионализм сталкивается с рядом серьезных проблем, таких как отсутствие всеобъемлющего соглашения, недостаточный уровень развития инфраструктуры и неравномерность развития стран региона. При этом обостряются противоречия между ключевыми акторами, прежде всего США и КНР,

которые, преследуя каждый свои интересы, по-разному видят подходы к решению этих проблем. В итоге регион становится ареной противостояния субрегиональных инициатив, таких как Транстихоокеанское партнерство (Trans-Pacific Partnership, TPP), Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство (Regional Comprehensive Economic Partnership, RCEP) и Азиатско-Тихоокеанская зона свободной торговли (Free Trade Area for Asia-Pacific, FTAAP).

Во многом это объясняется тем, что современная обстановка в Восточной Азии характеризуется существенными изменениями. К их числу следует отнести динамичный подъем китайской экономики, разворот США в сторону Азии, соперничество и сотрудничество этих двух государств, которое определяет основу региональной политики. Немало осложняет ситуацию стремление Японии стать так называемым нормальным государством.

Что касается России, то она, пережив нелегкий в своем развитии период в 1990-е, в 2000-е годы вернулась в список мировых держав, но в последнее время ввиду событий на Украине ее отношения с западными государствами складываются непросто. В настоящее время Россия стремится наладить и укрепить связи со странами Северо-Восточной Азии, рассматривая этот регион как новый центр мировой политики и экономики. Кроме того, политическая обстановка в СВА оказалась под сильным прессингом нерешенности проблемы Корейского урегулирования и чревата периодическими непредсказуемыми катаклизмами, что, например, имело место в августе 2015 г. и продолжается в настоящее время в связи с обострением отношений между двумя корейскими государствами.

РК и Япония заинтересованы в интеграции в Восточноазиатское сообщество. ВАС может объединить 3,4 млрд человек, или 54,1 % мирового населения; суммарный экспорт и импорт стран ВАС в 2012—2013 гг. достиг 10 трлн долларов США, что сопоставимо с показателем ЕС (12 трлн долл.), кроме того, 44 % торговли происходит внутри ВАС¹. Если брать его северо-восточную часть, то только на Южную Корею, Японию и Китай в совокупности приходится более 70 % мирового объема производства. Определяющую роль играют сферы финансов, энергетики, чрезвычайного реагирования, здравоохранения, образования. Россия делает особую ставку на продвижение идей по коллективной безопасности и экономического сотрудничества в этом регионе.

Страны-участники ВАС (без России и США) в ноябре 2012 г. заявили о начале переговоров по заключению соглашения о свободной

торговле в форме Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП). Интеграционные процессы с участием АСЕАН, КНР, Японии и Республики Корея обеспечивают сдерживание соперничества между тремя странами за влияние на АСЕАН; заключение трехстороннего соглашения о свободной торговле может стать фактором снижения политической напряженности в отношениях между КНР, РК и Японией, которые омрачаются территориальными спорами и историческими разногласиями.

Северо-Восточная Азия — это наиболее динамично развивающееся в геополитическом и экономическом отношении пространство мира, куда уже почти сместился центр мировой экономики и где во многом определяются пути и формы дальнейшего мирового развития. По мнению российских ученых, в настоящее время СВА относится к тем немногим регионам мира, «процессы в которых напрямую влияют на структуру и содержание мирополитического пространства и их, условно говоря, можно назвать «глобальными регионами»².

Стремительное развитие региональных стран превратило СВА в один из глобальных центров производства, распределения и потребления, главного держателя золотовалютных ресурсов, мирового инвестора. Здесь находят свое воплощение самые футуристические проекты в области науки и технологий, отрабатываются модели модернизации политического и экономического устройства на основе сплава западных демократических форм правления и традиционных местных политических культур. При этом Китай, Япония и обе Кореи часто рассматриваются как географическое, историческое и культурное «ядро» СВА.

В то же время в СВА действует ряд системных и исторически обусловленных факторов, которые порождают геополитическое соперничество и политику силового балансирования между региональными державами³. Здесь пока не удастся создать прочную и эффективную систему безопасности и сотрудничества по ряду причин. Среди главных — дефицит взаимного доверия. Негативную роль в отношениях между странами СВА играет наличие исторически обусловленных обид, прежде всего, между Японией и Китаем, Японией и Кореей, в какой-то мере — Россией и Японией, Китаем и Россией. СВА — это единственный регион, в котором большинство государств претендует на статус ведущей региональной державы. Немаловажно и то, что ключевые государства СВА характеризуются высокими амбициями на основе последних достижений в социально-экономическом развитии.

Наличие в регионе проблемы разделенной Кореи ведет к формированию двухъярусной структуры многостороннего сотрудничества. Первый ярус — это начавшееся в 2003 г. взаимодействие в рамках шестисторонних переговоров по ядерной проблеме на Корейском полуострове (КНР, КНДР, РК, Россия, США и Япония). Предполагалось, что эти переговоры могут в перспективе привести к созданию региональной организации по поддержанию безопасности в регионе. Однако участники будущего мирного режима в СВА не смогли определить приемлемое место, которое займет объединенная Корея в региональной системе безопасности⁴.

Второй ярус или уровень многостороннего сотрудничества в регионе — это трехстороннее сотрудничество государств, образующих «ядро» СВА — Китая, Японии и Республики Корея. Саммиты глав «тройки» проводятся регулярно с 1999 г., и 10 лет они проходили исключительно в рамках мероприятий форума «АСЕАН+3». Но с декабря 2008 г. они приняли и трехсторонний формат. В отличие от шестисторонних переговоров, трехстороннее взаимодействие сосредоточено в основном в экономической, технологической, экологической и культурно-гуманитарной областях. Экономический союз трех стран способен стать крупнейшим экономическим блоком мира, опередив США и ЕС (в 2012 г. объем ВВП этих трех стран составил 21,8 % мирового)⁵. На торговлю между ними приходится 17 % мирового товарооборота и 90 % всех восточноазиатских торговых потоков⁶.

Заключение соглашения о свободной торговле стало бы для трех стран не только способом расширения торгового взаимодействия со странами мира, но и инструментом их внутренней и внешней политики. Многочисленные экспертизы по изучению перспектив трехстороннего соглашения о свободной торговле прогнозируют потенциальный прирост ВВП РК в диапазоне от 0,95 % до 5,15 %, Китая — от 0,03 % до 1,54 %, Японии — от 0,03 % до 1,24 %⁷.

За последние десятилетия взаимозависимость и взаимосвязанность экономик ключевых стран СВА — КНР, Японии и РК — значительно возросли. КНР, Япония и РК превратились в крупнейших торговых партнеров друг для друга. Доля региональной торговли в общем объеме внешней торговли трех стран увеличилась с 2008 по 2013 год на 9,4 п.п. (с 10,2 % до 19,6 %)⁸.

Одновременно наблюдается обострение конкуренции между тремя странами в обрабатывающей промышленности, в частности в сталелитейной, автомобильной и судостроительной отраслях, на фоне однотипной структуры экономики и внешнеторгового обмена. Все

три страны экспортируют и импортируют электрооборудование и электронику, продукцию тяжелого машиностроения; значительную роль в экспорте трех стран играет продукция точного приборостроения. В сфере обрабатывающей промышленности степень зависимости (доля) Японии и Республики Корея от региональной торговли увеличилась за 2000—2012 гг. с 12,9 % и 2,8 % до 18,3 % и 8,8 % соответственно, в то время как Китай, увеличив общий объем торговли более чем в полтора раза, снизил свой удельный вес в этой сфере, который и так был невелик, с 7,4 % до 5,4 %⁹.

В Японии и РК торговля услугами занимает соответственно 80 % и 60 % ВВП, в Китае ее доля равна 40 %¹⁰, причем все три страны с трудом сводят баланс торговли услугами: в Китае наблюдается растущий дефицит, который в 2013 г. достиг 122 млрд долл., в Японии дефицит несколько снизился, но сохранился, составив в том же году 16 млрд долл., в Южной Корее с 2012 г. возник профицит, достигший в 2013 г. 5,9 млрд долл.¹¹ Хотя Япония, Китай и РК могли бы эффективно дополнить друг друга, так как каждая страна имеет свои преимущества в сфере услуг, реализация потенциала сотрудничества в этой области пока низкая.

В числе главных факторов, затрудняющих переговорный процесс по зоне свободной торговли между этими странами, следует все же назвать труднопреодолимый конфликт экономических интересов. Япония выступает против либерализации торговли продуктами сельского и лесного хозяйства, рыболовной промышленности, причем Япония особенно опасается открытия торговых границ с КНР. РК не хотела бы либерализации рынка автомобильных запасных частей, автомобилей и другой продукции машиностроения, особенно для Японии. В отношении Китая южнокорейцы обеспокоены перспективой притока китайской агропродукции, а также товаров легкой промышленности. В Китае озабочены защитой своей автомобильной отрасли и рынка услуг¹².

В сфере инвестиционного сотрудничества между тремя странами объем внутрирегиональных инвестиций также находится на довольно низком уровне, причем ежегодные показатели сильно колеблются. Основной поток капитала идет из Японии и РК в Китай, в то время как для КНР два ближайших соседа по СВА пока не стали объектами крупных вложений, несмотря на общий рост инвестиционной деятельности КНР¹³.

Китай добивается признания своего статуса как рыночной экономики. Впервые этого удалось добиться в соглашении с Новой Зеландией.

дий, что создало необходимый Китаю прецедент — в рамках ВТО Китай вплоть до 2016 г. считался «нерыночной экономикой», вследствие чего к нему могли применяться более строгие антидемпинговые меры¹⁴. Япония посредством соглашений о свободной торговле во многом реализует концепцию «экономической дипломатии», поддерживая интересы национального бизнеса за рубежом через заключение межгосударственных договоренностей¹⁵.

У РК, которая стремится одновременно стимулировать заключение многосторонних соглашений и всеобъемлющих ЗСТ с крупнейшими развитыми странами¹⁶, при выборе партнеров по соглашению о свободной торговле часто экономические интересы уходят на второй план, уступая место политическим, как, например, в соглашениях с ЕС и США.

Очевидно, что цели, которые Япония, КНР и Корея стремятся реализовать через заключение трехстороннего соглашения о свободной торговле, не ограничиваются соображениями торговли. Китай надеется повысить взаимозависимость трех стран, что позволило бы снизить влияние США в регионе, которое во многом проводится через Японию и РК. Япония, пытаясь «реанимировать» экономический рост, в первую очередь руководствуется экономическими интересами и рассчитывает на усиление своих позиций в СВА после заключения такого ССТ. Республика Корея видит в этом проекте возможность реализовать себя в качестве «медиатора» в соперничестве Китая и США, интересы которых в ВА представляет Япония.

Это нарушает почти завершенную финансово-политическую вертикаль «глобализации» с США на самом верху в соответствии с замыслом охвата всего мира подконтрольными Вашингтону структурами Транстихоокеанского партнерства и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства. По мнению экспертов, «Япония в первую очередь борется в АТР с Китаем. Это — два претендента на экономическое лидерство, которое Токио потерял, когда у него начались внутриэкономические проблемы, и сейчас для Японии очень важно нивелировать влияние Пекина в регионе»¹⁷. США предполагают в ближайшем будущем связать 12 стран АТР Транстихоокеанского партнерства (ТТП), которое унифицирует правила торговли и снимет административные барьеры между ними. После заключения этого эпохального соглашения США намерены установить похожий режим с Европой в виде Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП). Однако политикам вступающих в ТТП стран еще предстоит трудные переговоры: известно, что

японская сторона хочет сохранить таможенные барьеры для свинины, риса и ряда других сельскохозяйственных продуктов. Камнем преткновения станет и принцип определения страны происхождения товара.

Что касается позиции России, то ее, как и Китай, пока никто не приглашал принять участие в этой новой формирующейся структуре. Россия исходит из того, что если речь идет о форматах регионального сотрудничества, которое будет способствовать созданию благоприятных условий для экономического развития, появлению новых рабочих мест, способствовать экономическому развитию стран региона, то, безусловно, это можно только приветствовать. Однако, как отметил в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в октябре 2015 г. президент РФ Путин В.В., «ряд стран пошли по пути закрытых эксклюзивных экономических объединений, причем переговоры об их создании идут кулуарно, втайне и от собственных граждан, от собственных деловых кругов, общественности, и от других стран. Другие государства, чьи интересы могут быть затронуты, также ни о чем не информируются. Вероятно, всех нас хотят поставить перед фактом, что правила игры переписаны, и переписаны опять в угоду узкого круга избранных, причем без участия ВТО. Это чревато полной разбалансировкой торговой системы, раздроблением глобального экономического пространства»¹⁸.

Пока еще не совсем ясно, как будут соотноситься эти формирующиеся уровни многосторонней региональной архитектуры, как они будут взаимодействовать с другими интеграционными блоками в Восточной Азии и в АТР. Однако очевидно укрепление тенденции азиатского многополярного регионализма.

Новый взгляд на всеобъемлющую интеграцию в ВА представила Россия, которая, являясь мостом между Европой и Азией, стремится с помощью выгодных многосторонних экономических проектов подключиться к процессам регионализации в ВА, рассчитывая на более тесную кооперацию с наиболее перспективными для нее экономическими партнерами — КНР, РК, Японией, Индией, Вьетнамом и другими странами АСЕАН. Как подчеркивал академик Титаренко М.Л., «позитивная роль России в регионе может быть реализована, только если она будет полноценным членом регионального пространства. Для России критически важно стать частью этой точки мирового роста, чтобы воспользоваться ее стимулирующим воздействием для социально-экономического развития Дальнего Востока и Сибири, для интеграции в растущий мировой экономический и политический

центр и реинтеграции постсоветского пространства и создания евразийского союза — как ответ на вызовы глобализации»¹⁹.

Для России, особенно в нынешней ситуации, экономическая интеграция на евразийском экономическом пространстве жизненно важна. Но и в целом создание Евразийского экономического союза (ЕАЭС) окажет положительное влияние на мировую экономику, так как придаст ей более плюралистический и равноправный характер. Возникновение ЕАЭС — это ответ на чрезмерную моноцентричность современной модели мировой экономики, которая не учитывает интересов возникших в последние десятилетия новых центров экономической силы.

Интеграционный подход России оказался созвучен евразийской инициативе президента Пак Кын Хе, изложенной в октябре 2013 г., согласно которой Евразия должна стать настоящим единым материком. Южнокорейский президент считает, что создание зоны свободной торговли в Евразии позволит снять многие противоречия между странами, в том числе ускорить процесс экономического объединения Корейского полуострова и создать огромный по емкости единый рынок, подобный Евросоюзу.

Если взять один из уязвимых участков Восточной Азии — Корейский полуостров, то здесь, как в капле воды, видны ключевые проблемы и преимущества геоэкономических процессов в мировом ракурсе. Актуален вопрос, почему же тенденции экономического сближения и интеграции не срабатывают на этом узлом для многосторонних экономических проектов участке и есть ли перспективы изменения сложившегося положения дел на Корейском полуострове? Сможет ли мирное разрешение Корейской проблемы стать одним из реальных рычагов укрепления безопасности и сотрудничества в регионе ВА?

Ситуация на Корейском полуострове развивается и в большей степени подчинена проявлению геополитических интересов соседних крупных стран, в числе которых Китай, Япония, Россия и США (хотя последняя и не имеет непосредственно границ с корейскими государствами). Поэтому, рассматривая процесс примирения стран Корейского полуострова как необходимое условие стабилизации и обеспечения безопасности в СВА и Восточной Азии, следует его анализировать на широком фоне глобальных изменений геополитического пространства Евразийского континента.

Россия же, испытывая осложнение политических отношений с Западом и строя свою стратегию интеграции в инфраструктурную па-

радигму Восточной Азии, рассчитывает на стратегическое партнерство с КНР. Москва с интересом рассматривает экономические инициативы Китая по инфраструктурной модернизации Евразии, которые открывают для РФ возможность включиться в масштабный процесс экономического моделирования на всем континенте, но при этом не препятствуют реализации собственных концепций и проектов Транс-евразийского масштаба.

В 2015 г. главы России и Китая подписали документ, который может надолго определить внешнеполитический курс российского государства: в нем говорится о синхронизации интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе, куда входят Россия, Казахстан, Белоруссии, Армения и Киргизия, с китайским проектом «Экономический пояс Шелкового пути». Это лишь одна из двух частей масштабного замысла КНР под названием «Один пояс, один путь».

Как отмечал президент России В.В. Путин, экономические проекты ЕАЭС будут «гармонично дополнять» китайские интеграционные инициативы. «По сути, речь идет о выходе в перспективе на новый уровень партнерства, подразумевающего общее экономическое пространство на всем Евразийском континенте»²⁰. Этот концептуальный суперпроект способен за полтора десятилетия преобразить экономическую карту современного мира. В рамках данной концепции предусмотрена прокладка морского Шелкового пути, соединяющего Китай и Европу через Индийский океан. Несмотря на то что сейчас в грузовых контейнерных перевозках на этом маршруте обращаются товары на почти 1 трлн долл., экономика Китая и сопредельных стран требует радикального развития портовой инфраструктуры и новых судоходных путей²¹. Центральным проектом «Морского Шелкового пути 21 века» может стать строительство судоходного канала через Малайский полуостров в Таиланде, что сократит расстояние между портами Юго-Восточной Азии и Европы на 1—1,2 тыс. км и избавит от прохода через Малаккский пролив.

Сухопутная часть Шелкового пути — «Экономический пояс» — еще более масштабный инфраструктурный проект, ориентированный на строительство высокоскоростных транспортных сетей на территории всего евразийского континента, сопряженных с созданием новых центров промышленного роста и социального благополучия. Проект ориентирован на инфраструктурное развитие сразу нескольких экономических коридоров между Азией и Европой, из которых лишь в одном — Северном — предполагается участие России. Он проходит от Пекина по территории Западного Китая, Казахстана и далее по тер-

ритории России до Балтийского моря с ответвлением на Белоруссию, Польшу и Германию. Основу этого пояса составят железнодорожные и автомобильные магистрали, плотность которых на всей протяженности коридора должна существенно возрасти, генерируя возможности для комплексного экономического развития прилегающих территорий.

Проектом предусмотрено несколько стратегических осей, вдоль которых должны развиваться инфраструктура, промышленность, расти городские агломерации и межкультурное взаимодействие. Крупнейший в истории Евразии инфраструктурный бум запланирован по линиям Бангладеш—Китай—Индия—Мьянма, Китай—Пакистан (Белуджистан), Китай—Таджикистан—Иран и другим направлениям от Пекина до Западной Европы. Самый длинный сухопутный пояс экономической мощи Евразии, по китайской концепции, протянется от Пекина до Лондона, что потребует использования возможностей развитой транспортной инфраструктуры Европы, включая тоннель под Ла-Маншем.

Нетрудно заметить, что российский проект «Трансевроазиатский пояс *Razvitie*» (ТЕПР) может пойти встречным путем китайской инициативе. Хотя отечественная концепция и отличается от китайской, но весьма созвучна по подходам и имеет ту же геополитическую направленность на интеграционные процессы в пределах евразийского континента. Российский путь традиционно тяготеет к железнодорожным магистралям, но при этом предполагает развитие вдоль них трубопроводной, электроэнергетической, телекоммуникационной, промышленной и социальной инфраструктуры. Реализуемые отечественные проекты коренной модернизации БАМа и Транссиба и проекты развития скоростного пассажирского движения имеют своей основной предпосылкой появление вдоль этих транзитных каналов целых кластеров промышленных предприятий и городских агломераций. Россия занимает 30 % территории Евразии и благодаря этому объективно является «коммуникационным ядром» между странами Азии и экономическими центрами в Европе.

Известно, что в Азии разработана и воплощается в жизнь концепция единого свободного транспортного пространства «Бесшовная Азия» (*Seamless Asia*). Концепция ТЕПР, предложенная группой российских ученых и экономистов, как раз один из таких комплексных проектов. Первая цель ТЕПР — раскрытие транзитного потенциала России за счет перевозок грузов и людей между Европой и ЮВА по своей территории. Вторая — развитие промышленности и городских

агломераций в пределах тяготения транзитных транспортных магистралей.

Российские инфраструктурные инициативы не противоречат и не конкурируют с концепцией китайского Шелкового пути, а дополняют ее, хотя лидерство Китая в процессе инфраструктурного переустройства Евразии выглядит бесспорным. Не вызывает сомнений, что крупнейшая экономика региона может стать локомотивом процесса создания инфраструктурной сети в масштабах всего континента.

В геополитическом плане возрождение Шелкового пути многие эксперты связывают с желанием Китая прекратить гегемонию США и других западных стран в глобальном геополитическом пространстве, привлекая на свою сторону другие государства континента через интеграционные экономические проекты. Стратегия «Один пояс, один путь» имеет огромное значение для развития всей Евразии, это важный шаг в процессе экономической и транспортной интеграции Европы и Азии. Эта стратегия представляет собой абсолютно новую модель международных отношений, основанную на принципах открытости и инклюзивности, взаимной выгоды и взаимных предпочтений для всех участников. ВСМ Москва—Казань — один из первых этапов строительства единого транспортного коридора Экономического пояса Шелкового пути, который свяжет Европу с АТР.

Подтверждением реальности этих перспектив служат решения двоянного саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) в Уфе 8—10 июля 2015 г. Среди главных результатов — то, что к шести членам ШОС (Россия, Китай, Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан) добавлены два новых — Индия и Пакистан. Накануне саммита в российских и мировых СМИ были высказаны некоторые амбициозные заявления относительно радужных перспектив БРИКС и ШОС. В частности, ратификация договора о создании валютного пула БРИКС российским правительством в апреле 2015 г. была преподнесена как важный фактор спасения этих стран от нынешнего кризиса. Речь также шла о создании Банка развития БРИКС с суммарным капиталом порядка 100 млрд долл., 60 % которых будут внесены Китаем (40 млрд долл.) и Россией (20 млрд долл.)²².

Страны БРИКС, хотя пока не стали главным локомотивом восстановления глобальной экономики, способствовали диалогу и сотрудничеству важнейших развивающихся экономик. ШОС помогает обеспечить безопасность и сотрудничество членов организации. БРИКС, ставит задачи, во-первых, укреплять взаимное доверие, соз-

давать свое сообщество, совместными усилиями отстаивать мир и стабильность, способствовать созданию более справедливого международного порядка. Во-вторых, предстоит углублять практическое сотрудничество, ускорять создание Банка развития БРИКС и Пула валютных резервов, чтобы эти структуры начали приносить плоды.

Встретившись в кулуарах саммитов БРИКС и ШОС в Уфе летом 2015 г., лидеры РФ и КНР Владимир Путин и Си Цзиньпин обсудили проблему евразийской экономической интеграции и пришли к выводу, что самым удобным форумом для ее осуществления станет Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). Саммит ШОС показал, что, во-первых, руководствуясь Стратегией развития ШОС до 2025 года, необходимо укрепить сплоченность организации, поднимать ее роль в обеспечении стабильности и развития в регионе. Во-вторых, следует сверять позиции по важным международным и региональным проблемам. В-третьих, надо решительно бороться с силами терроризма и экстремизма на пространстве ШОС, наращивать возможности Региональной антитеррористической структуры. Воспользовавшись шансами, которые дает сопряжение Экономического пояса Шелкового пути и Евразийского экономического союза, следует реализовать многосторонние проекты сотрудничества. Руководители России и Китая говорили о том, как установить более тесные связи между Экономическим поясом Шелкового пути и ЕАЭС вплоть до формирования общего экономического пространства между КНР и Россией.

Для России, которую США пытаются подвергнуть изоляции, группа ШОС приобретает все большее значение. Москва рассчитывает, благодаря взаимодействию с Китаем, преодолеть усилившееся политическое давление со стороны Запада и возродить рост экономики.

Колоссальный экономический и финансовый потенциал Китая превращает «один пояс, один путь» в несущую конструкцию его геоэкономической стратегии, которая все сильнее воздействует на мировую экономику. Пока не совсем ясны конкретные формы его сопряжения с ШОС и БРИКС, равно как и с созданным недавно Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС). Но уже очевидно, что китайская интеграционная инициатива придаст ШОС и БРИКС новое измерение.

Однако приходится признать, что, хотя политические отношения между Пекином и Москвой находятся на высоком уровне, торгово-экономическое сотрудничество «хромает». Российская экономика в 4,5 раза больше зависит от Китая, чем китайская от российской.

Причина кроется в слабой диверсификации российской экономики. Это очень наглядно отражается на структуре взаимного товарооборота. У РФ в 2014 г. почти 70 % экспорта пришлось на минерально-топливное сырье. А в китайском экспорте 62 % составляют машины, оборудование и готовая продукция. России хотелось бы, чтобы вдоль железной дороги, идущей от Чунцина, в России возникали малые и средние предприятия.

Идея пояса Шелкового пути выглядит грандиозной. На ее реализацию намечается выделить 21 трлн долл. Причем 8 трлн внесет частный бизнес. Неконкурентоспособность России становится очевидной на примере стран Кавказа и Центральной Азии, где РФ шаг за шагом сдает позиции. Например, экспорт нефти и газа в Китай в 2012 г. составил 2,6 % ВВП этих стран, России — 0,2 %. Импорт готовой продукции из Китая был равен 6,2 % ВВП этих стран, России — 8,5 %. Но ведь еще в 2000 г. на Россию приходилось 14,5 % импорта готовой продукции в ВВП этих стран²³.

Китай становится крупнейшим инвестором в Азии. Эффективность и активизация инвестиционной деятельности Китая определяется повышением роли частных предприятий. Складывается определенное «разделение труда», при котором китайские государственные инвесторы специализируются на инвестициях, имеющих стратегический характер, особенно в странах с высокими политическими рисками. В то же время частники демонстрируют растущую активность на рынках развитых стран в отраслях обрабатывающей промышленности, сфере недвижимости, предпочитая слияния и поглощения. Китай сумел сформировать мощный и долгосрочный инвестиционный поток за рубеж. Но и иностранные инвестиции в сам Китай в 2014 г. по объему почти сравнялись с американскими. Однако стоимость основных факторов производства, прежде всего рабочей силы, непрерывно растет. Китай быстро утрачивает имевшиеся у него ранее конкурентные преимущества в трудоемких отраслях. В сложившихся условиях вывоз капитала становится средством для оптимизации отраслевой структуры и повышения конкурентоспособности экономики путем выстраивания устойчивых трансграничных производственно-технологических цепочек. Начался процесс переноса за рубеж, в страны ЮВА, трудоемких производств самих китайских компаний.

Новый тренд в китайской инвестиционной политике непосредственным образом затрагивает и Россию. Нынешнее положение в российско-китайском инвестиционном взаимодействии нельзя считать удовлетворительным. Объем накопленных прямых китайских инве-

стиций в российскую экономику в конце 2014 г. составлял 9,29 млрд долл., что меньше 1,5 % от суммарного объема китайских ПЗИ²⁴.

Москва сейчас задумалась о передаче огромных неиспользуемых земель в Забайкальском крае в аренду китайцам, что в Пекине назвали «идеологическим раскрепощением» России перед Китаем. Для районов, подчиняющихся министерству развития Дальнего Востока, утвержден особый режим так называемых территорий опережающего развития (ТОР). На Дальнем Востоке уже выбрано девять территорий опережающего развития, суммарный объем бюджетных инвестиций в них прогнозируется в 20 млрд руб. Наибольший интерес китайские инвесторы проявляют к будущему агропромышленному парку «Михайловский» (ТОР), который граничит с провинцией Хэйлунцзян.

Национальные интересы неумолимо диктуют новые правила игры для этих двух стран, определяя путинский «Разворот на Восток» и начатое Си Цзиньпином «Возвращение на Запад», как можно назвать современную редакцию существовавшего две тысячи лет Великого шелкового пути²⁵.

57 европейских и азиатских государств подписали в июне 2015 г. в Пекине акт о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Участие в новой финансовой организации имеет большое значение и для России, которая претендует на ряд позиций в руководстве АБИИ, и для Европы — под документом поставили подписи делегаты Германии, Великобритании, Франции и др.²⁶ Уставной капитал банка установлен в размере 100 млрд долл., соотношение инвестиций азиатских стран и стран за пределами Азии составляет 75 к 25. Сейчас вклад России в уставной капитал банка составляет 5,9 %, ФРГ достались 4,1 %, Индии — 7,5 %. Самая большая доля принадлежит основателю банка — Китаю (20,06 %)²⁷, хотя АБИИ является не китайским, а международным банком. Для России подписание акта означает, прежде всего, участие еще в одной международной финансовой организации. Участие в АБИИ даст России возможность привлекать ресурсы банка, кредиты для реализации инфраструктурных проектов. Среди проектов, которые Россия хотела бы реализовать, реконструкция Транссибирской железнодорожной магистрали, железной дороги Байкал—Амур, модернизация автодорог Чита—Хабаровск и Хабаровск—Владивосток.

Несмотря на трудности, вызванные резким снижением цен на энергоносители и сырье и падением китайского экспорта в РФ, задача вывести объем взаимной торговли на уровень 200 млрд долл. к 2020 г. остается неизменной. При этом Китай готов совместно с Рос-

сией увеличивать объем расчетов в национальных валютах. В 2014 г. центральные банки двух стран подписали соглашение о валютном свопе на 150 млрд юаней (1 юань по курсу ЦБ РФ обменивается на 0,16 долл.)²⁸. Это должно уменьшить финансовые риски и стимулировать реализацию таких гигантских проектов, как трансграничные газопроводы, а также способствовать увеличению китайских инвестиций в инфраструктуру и промышленность РФ.

На Западе российско-китайское сотрудничество часто трактуется как формирование новой стратегической оси. Китай и Россия неоднократно указывали, что не собираются создавать военный союз в любой форме, а их отношения всеобъемлющего стратегического взаимодействия и партнерства не направлены против третьей стороны. Развитие и национальное возрождение, защита регионального мира и стабильности — это совместная цель сторон.

Резервы сближения далеко не исчерпаны и в области энергетики, и в области совместных вложений. Достигнута договоренность по банку БРИКС и по ШОС. Создается и резервный фонд валют стран БРИКС. Договоренность о валютном свопе рубль—юань будет работать однозначно в сторону вытеснения доллара из межстранового и, тем более, внутривосточного оборота. Это неизбежная тенденция к повышению роли национальных валют в мире.

Не следует забывать и другого серьезного игрока в Восточной Азии — Индию. Более 10 лет назад Дели и Москва договорились проложить транспортный коридор по Каспию через территорию Ирана. Российско-индийские политические отношения находятся на высоком уровне. Индийцы помнят, что Москва поддержала их во время войны с Пакистаном в 1971 г., и сейчас, когда трудности испытывает Россия, осуждают санкции против нее²⁹.

По прогнозам экспертов Всемирного банка, к 2025 г. среди пяти крупнейших экономик мира все почетные места, за исключением США, займут ведущие азиатские державы. Причем по объему ВВП они будут расположены в следующем порядке: Китай, США, Япония, Индия, Индонезия³⁰. В настоящее время на долю стран БРИКС приходится 42 % населения мира, их территория занимает 26 % суши, а доля в мировой экономике составляет 27 %. За 10 лет вклад стран БРИКС в рост глобальной экономики превысил 50 %³¹. Они стали главным локомотивом восстановления мировой экономики. Участники БРИКС являются крупными державами на своих континентах, а также важными членами ООН, G20. Многое зависит от того, как странам БРИКС, расположенным на четырех континентах, удастся

создать совместные экономические и финансовые структуры, способные конкурировать с мощной экономикой Европейского союза, не говоря уже о единой мощной экономике США. К тому же Китай и Индия, ставшие уже космическими и ядерными державами, стремятся расширить свое глобальное влияние в мире, получить новейшие западные технологии и завоевать рынки этих стран. Причем все это происходит в тот момент, когда Запад во главе с США всячески стремится экономически и политически изолировать Россию от остального мира, используя кризисную ситуацию в Украине.

Заключение

Выявленные тенденции и форматы международного и регионального сотрудничества свидетельствуют о том, что проблема региональной безопасности и сотрудничества в Восточной Азии носит сложный и многоплановый характер. Создание архитектуры всеобъемлющей региональной безопасности в регионе остро ставит вопрос о ликвидации рудиментов холодной войны (Корейский и Тайваньский вопросы), а также построении общей системы безопасности в СВА и всей Восточной Азии.

В качестве фундамента для созидания этой новой системы региональной безопасности видятся активизировавшиеся в последнее десятилетие интеграционные процессы, вовлекающие страны региона в перспективные экономические группировки и выступающие как экономические рычаги ее укрепления.

В настоящее время ключевыми проблемами безопасности, на которые экономическое сотрудничество может оказать свое сдерживающее влияние, являются: нормализация отношений на Корейском полуострове с разрешением ядерной проблемы; улучшение взаимопонимания по территориальным и другим спорам между КНР, Японией и РК; смягчение противостояния США и КНР; вхождение России в регион СВА как мировой державы в условиях обострения отношений с Западом из-за конфликта с Украиной и т. д. Необходимо формировать в регионе климат доверия, так как именно его отсутствие, например, препятствует решению Корейского вопроса. По нашей оценке, «формированию отношений взаимного доверия между государствами региона могло бы способствовать развитие диалога по вопросам, представляющим общий интерес»³². Через диалог нужно укреплять доверие путем создания совокупности региональных партнерств или

сообществ по конкретным направлениям. Среди них энергетическая безопасность, безопасность мирного использования ядерной энергии, транспортная и продовольственная безопасность, международная информационная безопасность, включая безопасность киберпространства.

Что касается роли России в двустороннем и многостороннем сотрудничестве в регионе, то ее возможности партнерства со странами СВА и Восточной Азии достаточно широки и реальны. Они подкрепляются как самим уникальным расположением страны, ее природно-ресурсным богатством, так и целенаправленным курсом ее руководства на расширение интеграционного сотрудничества со странами Восточно-Азиатского региона. Этот исторический выбор России предопределен не какими-то временными конъюнктурными факторами, а давно назревшими задачами ее системного обновления и структурной модернизации.

Примечания

¹ Japan's Foreign Policy by Region (Chapter 2) // Ministry of Foreign Affairs of Japan. Diplomatic Bluebook 2013–November 11. 2013. P. 10–16. URL: http://www.mofa.go.jp/policy/page22e_000013.html

² *Лукин А.* Перспективы сотрудничества в Северо-Восточной Азии. Теории международных отношений и мировая политика. М., 2013. Т. 3. № 3–4. С. 34–35.

³ *Aaron L. Friedberg.* Ripe for Rivalry: Prospects for Peace in Multipolar Asia. *International Security*, Vol. 18. № 3 (Winter, 1993–1994). P. 5–33.

⁴ *Жебин А.З.* Корейская проблема: ищем решение. Россия и США делают еще одну попытку реанимировать шестисторонние переговоры // Независимая газета. 08.04.2015.

⁵ Официальный веб-сайт Всемирного банка. URL: <http://data.worldbank.org>

⁶ A milestone&new starting point for China, Japan, ROK // Xinhua. 11.11.2009.

⁷ *Cui, Yuming.* Ntw Evidence of Asian Economic Integration: Prospects and Challenges of a Trilateral FTA between China, Japan and South Korea // *Perspectives on federalism*. Vol. 5. Issue 1. 2013.

⁸ Рассчитано автором по: Trade Map: Trade statistics for international business development [Electronic resource] // International Trade Centre. URL: <http://www.trademap.org/SelectionMenu.aspx>

⁹ *한중일의 협력과 경쟁 심화* : [Углубление сотрудничества и экономического взаимодействия между Республикой Корея, Китаем и Японией] // IT news. 28.01.2014. URL: <http://www.itnews.or.kr/2014/01/한중일의-협력과-경쟁-심화/>

¹⁰ Joint Study Report for an FTA among China, Japan and Korea [Electronic resource]. Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. 16.12.2011. URL: <http://www.meti.go.jp/press/2011/03/20120330027/20120330027-3.pdf>

¹¹ Trade Map: Trade statistics for international business development // International Trade Centre. URL: <http://www.trademap.org/SelectionMenu.aspx>

¹² 동아시아 경제공동체 구축을 위한 한중일의 전략 및 협력방안 : [Стратегия и план сотрудничества Республики Корея, Китая и Японии для формирования экономического блока в Восточной Азии] / Чон Сын Ён // KJCF Korea-Japan Cooperation Foundation for Industry and Technology. 26.03.2010. URL: <http://kjc.or.kr/jpinfo/research.html?bid=issuebrief&qry=read&no=30352&page=8&no=31063>

¹³ Joint Study Report for an FTA among China, Japan and Korea // Ministry of Economy, Trade and Industry of Japan. 16.12.2011. URL: <http://www.meti.go.jp/press/2011/03/20120330027/20120330027-3.pdf>

¹⁴ China's Free Trade negotiations: Economics, Security, and Diplomacy (Chapter 6) / S. Hoadley and J. Yang // Cross Regional Trade Agreements. Springer-Verlag Berlin Heidelberg. 2008. P. 123—146.

¹⁵ A Comparison of the FTA Strategies of Japan and China and Their Implications for Multilateralism / Junji Nakagawa // Indiana University Research Center for Chinese Politics and Business. RCCPB Working Paper #11. October 2011. URL: http://www.indiana.edu/~rccpb/Working_Paper/Liang%20Nakagawa%20RCCPB%2011%20FTAs%20PUB.pdf

¹⁶ 한-러 FTA 논의 현황과 전망 ROK-Russia FTA: Issues and Prospects / 한홍렬 (Хан Хон Ёль) // 21st IFES-APRC International Conference. 2—3.11.2009. С. 131. URL: http://www.hanyang.ac.kr/home_news/H5EAKB/0008/101/2009/07.pdf

¹⁷ Цирюлик-Франц Д. Транстихоокеанское партнерство срывается из-за американских выборов // Независимая газета. 12.08.2015.

¹⁸ Выступление президента РФ Путина В.В. на пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. URL: kremlin.ru.

¹⁹ Титаренко М.Л., Виноградов А.В. Продвигать вперед развитие отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Стратегический партнерский диалог между Россией и Китаем. Современное состояние, проблемы и предложения: в 2 кн. Кн. 1. М.: ИДВ РАН, 2014. Ч. 1. С. 17.

²⁰ Новая транспортная инфраструктура // Коммерсантъ (тематическое приложение). № 21. 18.06.2015.

²¹ Там же.

²² Нигматулин Р. Станут ли БРИКС и ШОС мировыми лидерами? // Независимая газета. 03.07.2015.

²³ *Скосырев В.* Россия может остаться на обочине Шелкового пути // Независимая газета. 16.06.2015.

²⁴ *Цыплаков С.С.* Экспорт капитала из Китая как политическая кампания // Независимая газета — Дипкурьер. 15.06.2015.

²⁵ *Тавровский Ю.В.* Новый шелковый путь пройдет через Уфу // Независимая газета. 29.06.2015.

²⁶ URL: http://russian.news.cn/importnews/2015-06/29/c_134364975.htm — По мере роста операций банка планируется открыть региональные структуры и представительства. Директор АБИИ будет избираться из числа представителей азиатских стран-участниц банка сроком на 5 лет с возможным переизбранием еще на один пятилетний срок. Согласно плану, АБИИ начнет работу к концу 2016 г.

²⁷ *Гущина А.* Азиатский банк объединил Европу и Россию. В Пекине появится штаб-квартира международной финансовой организации // Независимая газета. 30.06.2015.

²⁸ *Скосырев В.* В противостоянии с США Москва опирается на Пекин // Независимая газета. 09.07.2015.

²⁹ *Скосырев В.* Москва и Пекин нервнируют Запад. Путин и Си Цзиньпин встретились на фоне мегаобвала бирж в КНР // Независимая газета. 09.07.2015.

³⁰ *Нигматулин Р.* Станут ли БРИКС и ШОС мировыми лидерами?

³¹ *Скосырев В.* Китай не претендует на гегемонию в БРИКС // Независимая газета. 05.06.2015.

³² Рабочая тетрадь «Безопасность и сотрудничество в Северо-Восточной Азии». Совместный документ российских и южнокорейских экспертов. М.: РСМД, 2015. № 25. С. 23.

Нгуен Куанг Тхуан

ПРОБЛЕМЫ И ВОЗМОЖНОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ НЕТРАДИЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Вступление

Политической тенденцией современного взаимосвязанного мира, в том числе в Восточной Азии, является мирное, стабильное, ведущее к процветанию, взаимовыгодное развитие.

Противостояние идеологических систем, существовавшее в период холодной войны, утратило прежнее значение. Благодаря этому, как никогда, кардинально снизилась военная конфронтация. Тем не менее, из-за быстрых и непредсказуемых геополитических изменений в мире и регионе, серьезно и многосторонне воздействующих на общую международную политическую жизнь, возникли новые проблемы, в том числе проблемы безопасности. Чтобы обеспечить общую международную и региональную безопасность, требуются новые подходы, способы решения этих проблем и учета их многочисленных аспектов.

В международных и региональных исследованиях все большее внимание уделяется нетрадиционной безопасности. Более глубокое понимание этого «нового» явления послужит конкретным вкладом в обеспечение общей безопасности в мире и в Восточной Азии. Сотрудничество в разрешении проблем нетрадиционной безопасности в таком важном и динамичном регионе, как Восточная Азия, является нелегкой задачей. Разрешение этих проблем имеет хорошие перспективы лишь при условии больших совместных усилий регионального сообщества и международной поддержки и понимания, прежде всего, стран, имеющих здесь собственные интересы.

I. Вызовы нетрадиционной безопасности в Восточной Азии

1. О понятии «нетрадиционная безопасность»

К настоящему времени во всех международных научных исследованиях и материалах еще отсутствует единая трактовка содержания «нетрадиционной безопасности». Как правило, многие различают понятия нетрадиционной и традиционной безопасности. Если традиционная безопасность в основном ассоциируется с военной сферой, то нетрадиционная — с невоенной. На практике же нелегко дать определение «нетрадиционной безопасности».

Китай и страны Юго-Восточной Азии полагают, что нетрадиционная безопасность зависит от решения проблем *контрабанды, наркомании, торговли женщинами и детьми, морского пиратства, терроризма, контрабанды оружия, отмывания денег, международных экономических преступлений и высокотехнологических преступлений*¹.

В России и на Западе сохраняется множество различных трактовок понятия нетрадиционной безопасности. Одним из методов общетеоретического определения данной проблемы явилось выделение ряда нетрадиционных угроз либо анализ новых областей и отраслей безопасности невоенного характера.

Ясно одно: все угрозы безопасности проявляются, по меньшей мере, на двух уровнях: глобальном и региональном. На глобальном уровне возникают разрушительные процессы, частично вызванные глобализацией, тогда как на региональном проявляются специфические особенности многочисленных нетрадиционных угроз безопасности.

Политики и ученые СРВ рассматривают нетрадиционную безопасность как важную часть общей международной безопасности, на которую влияют *стихийные бедствия, угрозы продовольственной, финансовой, информационной, энергетической безопасности* и др.² Вместе с тем они разделяют общую точку зрения о том, что «нетрадиционная безопасность зависит от угроз не только государственной безопасности, человеческому обществу в масштабах одной или нескольких стран, но и всему человечеству». Эти проблемы проявляются во многих сферах, кроме военной³. Белая книга Национальной обороны Вьетнама 2004 г. констатирует: «Еще неразрешенные проблемы, вызванные пограничными конфликтами, территориальными спорами на суше и на море, вместе с другими проблемами нетрадиционной безопасности, такими как незаконная торговля и транспортировка оружия, наркомания, морской разбой, транснациональная преступность,

терроризм, незаконная миграция, деградация окружающей среды и экологии... также относятся к сфере безопасности Вьетнама»⁴.

Таким образом, все проблемы нетрадиционной безопасности являются результатом глобального и регионального развития, последующих процессов на государственном уровне. На глобальном уровне они порождены общими процессами, связанными с отрицательными аспектами глобализации. На региональном уровне имеют место особые проявления в виде многочисленных нетрадиционных угроз. На государственном уровне они проявляются во всех сферах, отраслях и конкретных географических районах.

В данном материале внимание сосредоточено на ряде таких основных проблем нетрадиционной безопасности, как финансово-экономическая, продовольственная безопасность, противодействие техногенным катастрофам, стихийным бедствиям, чрезвычайным явлениям медицинского, образовательного, миграционного, морского характера, киберпиратству. В географическом разрезе акцент сделан на конкретных процессах в Восточной Азии, происходящих в ее суб-регионах — Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии.

2. Истоки проблем нетрадиционной безопасности в ВА

Восточная Азия в частности и Азиатско-Тихоокеанский регион в целом вступили в XXI век в обстановке важных международных и региональных политических перемен. Поэтому Восточная Азия сталкивается с новыми многочисленными вызовами и угрозами, новыми испытаниями и лишениями. К кругу проблем нетрадиционной безопасности, проявляющихся в этом регионе, относятся те, что лежат в геополитической области, определяются волей политического руководства региональных стран и их союзников, естественными условиями, географией региона и поведением его жителей.

Основываясь на вышесказанном, автор анализирует эти проблемы не только посредством разделения их на группы по ряду критериев, сходных с теми, которые выявили другие исследования⁵, но и по другим критериям. Такими критериями выбраны характеристики политического пространства, физической географии, человека, являющиеся конкретными корнями проблем нетрадиционной безопасности. На практике в целях выработки конкретных направлений сотрудничества в их разрешении на предстоящие годы выделим следующие проблемы нетрадиционной безопасности Восточной Азии.

1. Неравенство в финансово-экономическом развитии. В первые два десятилетия XXI века Восточная Азия оказалась одним из самых дина-

мично развивающихся регионов мира. В самой Восточной Азии развитие протекает с различной интенсивностью: одни субрегионы и страны развиваются быстрее и динамичнее по сравнению с другими. Субрегионы Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии развиваются динамичнее по сравнению с регионом Сибири и Дальнего Востока России. Китай, Япония, Южная Корея развиваются динамичнее и быстрее других стран региона. В АСЕАН Сингапур, Таиланд, Индонезия, Малайзия показывают более высокие темпы развития в сравнении с Вьетнамом, Лаосом, Кампучией, Мьянмой. Осознав эти различия, страны Восточной Азии смогут при наличии научного, рационального подхода решить проблемы финансово-экономической безопасности.

2. Специфический характер природно-географических условий региона. Восточная Азия в природно-географическом отношении включает несколько стран, лежащих на вулканических горах Тихого океана и расположенных прямо в океане, что служит основной причиной возникновения опасных, очень частых *стихийных бедствий*, ежегодно происходящих в ВА. Это регулярные землетрясения в Китае, Японии, Индонезии, ураганы и наводнения, постоянно охватывающие приморские государства, такие как Филиппины, Япония, Вьетнам. Наряду с бурями и наводнениями проявляются жара и засуха, вызывающие опустошение посевных площадей, наносящие ущерб урожаям в Китае, Монголии, Вьетнаме и др.

Стихийные бедствия являются большим испытанием для Восточной Азии. Странам Восточной Азии необходимо определить направления поиска форм сотрудничества в урегулировании этой группы проблем нетрадиционной безопасности.

3. Демографические особенности. Восточная Азия является регионом с высокой плотностью населения, равной порядка 230 человек на 1 кв. км, в 5 раз превышающей среднюю плотность населения в мире⁶ (без учета региона Сибири и Дальнего Востока России). Эта площадь во всех субрегионах и странах — различна. Так, плотность населения Вьетнама — 254 человека/кв. км, что почти в 2 раза превышает плотность населения КНР — 136 человек/кв. км⁷. Регион Сибири и Дальнего Востока России имеет очень низкую плотность населения — около 1 человека/кв. км, по данным 2002 г., и в настоящее время этот показатель постепенно снижается⁸. Следовательно, в настоящее время Восточной Азии угрожают многочисленные проблемы безопасности, связанные с большой численностью населения на ограниченной территории. Среди них выделяется проблема *продовольственной безопасности*, требующая обеспечить достаточный объем продовольствия

для поддержания жизни людей и постоянного повышения качества их жизни.

Также актуальна задача *предотвращения и быстрого реагирования на угрозы, создаваемые человеком: загрязнение окружающей среды, истощение природных ресурсов* (важнейшими из которых являются *водные источники*), *морское пиратство, незаконная миграция и торговля людьми, использование рядом стран «демографического оружия»*, которые подрывают безопасность других стран. Насущны задачи улучшения условий жизни населения в регионе в сфере *здравоохранения, образования* и т. д. Наряду с этим ряд стран должны решить проблему *старения населения*, которая, по мнению автора, является одной из самых неотложных и важных среди проблем нетрадиционной безопасности в ВА и которая пока мало изучена.

4. Быстрое развитие информатики. Восточная Азия является одним из быстроразвивающихся регионов в плане информационных технологий и внедрения информатики. Япония, Южная Корея, Китай обладают высоким уровнем информатизации. Многие крупные мировые «сетевые войны» возникли в Восточной Азии. Сетевая безопасность поэтому имеет отношение не только к государственной безопасности конкретных стран региона, но и влияет на международную безопасность.

II. Сотрудничество в сфере нетрадиционной безопасности в Восточной Азии

1. Факторы и уровни решения проблем нетрадиционной безопасности

Ввиду указанной специфики нетрадиционной безопасности в Восточной Азии, при анализе соответствующих проблем с целью найти эффективные пути их решения считаем верным исходить из следующих основных принципов.

1. Для решения проблем глобального происхождения и взаимосвязей применимы структуры и методы глобального характера, требуются длительные сроки либо короткие в зависимости от конкретных проблем.

2. При решении проблем, имеющих региональные происхождение и зависимость, необходимо опираться на структуры и методы регионального характера.

В современной обстановке международной интеграции все страны с каждым днем становятся все более взаимозависимыми. Отдельные

события в одной стране иногда влияют на благополучие других стран и наоборот. Нетрадиционная безопасность также относится к этому формату и зависит от этих принципов.

Необходимость координации сотрудничества в мире, в рамках регионов и отдельных сообществ для решения проблем нетрадиционной безопасности в международном масштабе в целом и в ВА, в частности, обусловлена следующими обстоятельствами.

1. *Глобальный уровень.*

а) Международные нормы и законы — реальные полезные критерии и инструменты для решения проблем.

Восточная Азия, являясь мегарегионом планеты, сталкивается со множеством проблем, в том числе нетрадиционной безопасности, имеющих глобальные причины и последствия, например, с проблемой финансово-экономической безопасности. Глобальный финансово-экономический кризис 2008—2009 гг. наложил определенный отпечаток на экономическое развитие стран региона. Преодоление его последствий потребовало усилий не только региона ВА и его отдельных стран, но и всего международного сообщества, координируемых в рамках общей системы. Она включает международные институты и правила ООН, в том числе Всемирного банка (ВБ) и Международного валютного фонда (МВФ). В финансово-экономическом и торговом формате международные институты и нормативы способствуют стабильному развитию стран региона. ВТО является одновременно организацией содействия и «международным арбитром», помогающим своим странам-членам обеспечивать более быстрое, стабильное торгово-экономическое развитие — основы урегулирования возникающих конфликтов.

О здравоохранении. Эпидемию атипичной пневмонии (ТОРС) 2003 г., как и респираторный синдром (БРС) в Южной Корее в 2015 г. удалось погасить не в одностороннем порядке, лишь силами стран региона, а прибегнув к такому международному институту, как ВОЗ, и помощи других стран.

О свободе мореплавания. Морская конвенция ООН 1982 г. является международной законодательной базой, гарантирующей свободу мореплавания стран региона и внерегиональных стран, имеющих интересы в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях.

Международные неправительственные организации (Хьюман райтс воч, Красного Креста и Красного полумесяца), межправительственные агентства (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН — ФАО и др.) со своими институтами и нормами яв-

ляются эффективным инструментом разрешения таких проблем нетрадиционной безопасности, как *торговля людьми, рост числа беженцев и терпящих бедствие на море*;

б) *природные катаклизмы*. Вулканический пояс Тихого океана, климатические особенности Тихого океана вызывают ежегодно множество ужасных бедствий в Восточной Азии. Это — цунами⁹, землетрясения¹⁰, извержения вулканов¹¹, наводнения¹², засухи¹³, превышающие возможности отдельных государств справиться с ними, поэтому они требуют общих усилий международного и регионального сообществ для преодоления последствий;

с) *недостаточная ответственность человека*. Деятельность человека, включая политическую, экономическую, из-за ограниченного политического кругозора, эгоизма, корысти, по причине узости национальных интересов, групповых, келейных интересов нередко становится тем фактором в Восточной Азии, который вызывает угрозы и испытания для *нетрадиционной безопасности* на глобальном и региональном уровнях. Это использование топлива и сырья без соблюдения научно-технических норм, приводящее к глобальному потеплению климата, хаосу на рынках поставок и потребления энергии, изменению энергетической карты мировой географии, истощению природных ресурсов¹⁴. Сюда же можно отнести действия стран, которые хотят установить отдельные «правила игры» для ряда районов, территорий, особенно островных морских архипелагов, на которые они заявляют свой суверенитет. Тем самым создаются новые нетрадиционные угрозы безопасности, такие как односторонний запрет на лов рыбы, превращение подводных каменных рифов в «искусственные острова» и т. д.

Другим примером еще большей безответственности явилось бесследное исчезновение самолета Малайзии МН370 8 марта 2014 г. Причинами этой катастрофы могут быть и политический мотив, и техническая ошибка, и природное бедствие. Но в стремлении обнаружить следы и найти истинные причины трагедии с надеждой избежать подобных катастроф в будущем 26 государств объединили усилия, ведя совместные поиски более года и понеся огромные расходы.

2. Региональный уровень.

Недостаток сил региона и каждой страны для решения значительных, сложных и опасных проблем.

Многие проблемы региональной безопасности одновременно имеют и международный, и региональный характер. Например, некоторые проблемы регионального уровня не удастся решить в регионе,

несмотря на наличие в нем своих систем и организаций, прилагающих к этому всевозможные усилия. *Трансграничная преступность, угроза терроризма, транснациональная торговля людьми, хакерские атаки* требуют участия не только организаций и сил региона, но и международного участия.

3. Государственный уровень.

Недостаток комплексности в управлении страной.

Иногда недостаток комплексности или слабость в управлении страной делают невозможным решение проблем нетрадиционной безопасности в рамках одного государства. Типичным примером явилось землетрясение в провинции Сычуань в Китае в 2008 г., когда ныне бывший премьер Вэнь Цзябао не смог своевременно мобилизовать силы страны на помощь пострадавшим. По мнению многих, правительство Южной Кореи промедлило в предотвращении эпидемии в 2015 г., когда требовалось своевременно скоординировать усилия всех министерств. По таким же причинам последствия тайфунов и наводнений не урегулировались своевременно и должным образом на Филиппинах и во Вьетнаме.

Очевидно, что возникшие проблемы нетрадиционной безопасности как на глобальном, региональном, так и страновом уровне, будь то угроза, испытание или несчастье, должны решаться при участии региональных, государственных, международных организаций и учреждений. Быстрота и своевременность их взаимодействия по урегулированию этих проблем — условие скорейшей эффективной нормализации жизни населения региона, общий вклад в обеспечение международной безопасности.

2. Возможности сотрудничества в сфере нетрадиционной безопасности

При динамичном развитии и большом потенциале возможности сотрудничества по решению проблем нетрадиционной безопасности имеют хорошие перспективы. Тем не менее, наряду с возможностями в их решении проявляются также определенные трудности.

Благоприятные факторы

Наряду с международными организациями в ВА существуют системы, организации, трибуны для координации деятельности по предотвращению, реагированию и решению проблем нетрадиционной безопасности. Эти учреждения и организации формируются и действуют согласно двум основным режимам — двустороннему и многостороннему.

Двустороннее сотрудничество реализуется через организации, системы и трибуны, принадлежащие двум партнерам. Так, в 2000 г. Китай и Вьетнам подписали Соглашение по разграничению залива Бакбо и Соглашение о морском промысле в заливе Бакбо. К настоящему времени Китай и Вьетнам осуществили более 10 совместных патрулирований на море, призванных надежно обеспечить мирную обстановку, стабильность на архипелагах; укрепить солидарность и дружбу пограничных стран, имеющих совместные интересы в Восточном море. При этом среди рыбаков пропагандировались положения Соглашения о морском промысле в заливе Бакбо, которое стороны подписали 25 декабря 2000 г., чтобы они действовали в духе закона, сохраняли ресурсы моря, избегали нарушений морской экологии. В вышеназванных целях Вьетнам и Таиланд также провели совместные морские патрулирования.

Все ЗСТ, как двусторонние, например, Вьетнама и Японии, Вьетнама и Чили, Вьетнама и Лаоса, Вьетнама и Республики Корея, так и многосторонние, такие как ЗСТ между АСЕАН и Индией, АСЕАН, Австралией и Новой Зеландией, АСЕАН и Республикой Корея, АСЕАН и Японией, АСЕАН и КНР, Вьетнамом и Евразийским экономическим союзом, являются системами, вносящими вклад в решение финансово-экономических проблем многих стран Восточной Азии.

Многостороннее сотрудничество ведется в рамках организаций, систем и трибун, включающих многих партнеров. В АТР в целом, в Восточной Азии в частности все многосторонние институты существуют в двух формах: 1) под управлением АСЕАН по формуле АСЕАН плюс 1 (например, между АСЕАН и Китаем) или АСЕАН плюс 3 (Китай, Япония и Южная Корея). Такой же характер имеют Региональный форум АСЕАН (АРФ), Саммит министров иностранных дел стран Восточной Азии (СМИД), Совещание министров национальной обороны стран АСЕАН (АСМО) и расширенное (АСМО+); 2) в рамках более широких многосторонних институтов: Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС); Форум «Азия—Европа» (АСЕМ), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др.

В ВА существуют также «особое стратегическое партнерство» — по сути, вид неофициального союза между Японией и Австралией, — основанное в 2014 г.; треугольник Япония—Филиппины—Австралия, созданный с целью оказать содействие США в развертывании стратегии «перебалансировки» в АТР и реализации их стратегических госу-

дарственных намерений; многостороннее объединение в сфере безопасности между Индией, Японией и Австралией (без США и Китая), направленное на защиту их государственных интересов и противодействие угрозе сговора между этими двумя державами.

Эти институты вносили и вносят конкретный вклад в разрешение многих проблем безопасности, в том числе нетрадиционной. Например, в октябре 2000 г. Таиланд совместно с Международной программой ООН по контролю за наркотиками организовали Конференцию по реализации до 2015 г. программы «АСЕАН без наркотиков» с участием членов Ассоциации, США, Канады, Японии, Южной Кореи, Китая, Индии, Новой Зеландии, Австралии и ЕС. Конференция приняла Бангкокскую политическую декларацию по реализации данной программы и план действий в формате сотрудничества АСЕАН—Китай в борьбе против наркомании (операции против наркотической опасности).

В июле 2013 г. в столице Брунея состоялось 20-я конференция министров иностранных дел АРФ и 3-й Саммит министров иностранных дел стран Восточной Азии (СМИД-3). Министры одобрили выполнение Ханойского плана действий и декларации о намерениях АРФ до 2020 г., в том числе по эффективному сотрудничеству в деле противодействия природным бедствиям, транснациональной преступности и терроризму, обеспечения сетевой безопасности и т. д. Одновременно признана необходимость укрепления региональной экономической интеграции путем скорейшего завершения переговоров по Региональному всеобъемлющему экономическому партнерству (РВЭП) в 2015 г.

На Конференции АРФ по безопасности мореплавания на Бали в 2014 г., в которой приняли участие около 100 представителей министерств иностранных дел и учреждений, связанных с безопасностью мореплавания в Юго-Восточной Азии из 27 стран, участники рассмотрели результаты реализации Рабочего плана АСЕАН по морской региональной безопасности, обменялись опытом сотрудничества в деле обеспечения безопасности мореплавания, в частности поиска и спасения людей на море, пресечения незаконного рыбного промысла, транснациональной преступности, в том числе морского пиратства, вооруженного грабежа на море, контрабанды оружия, наркотрафика и торговли людьми с использованием морских путей.

В докладе по теме «Сотрудничество по безопасности мореплавания в формате Совещания старших должностных лиц АСЕАН по пре-

дотвращению и противодействию транснациональной преступности» представитель Вьетнама внес следующие предложения:

- страны АСЕАН и участники форума АРФ должны стимулировать противодействие угрозам миру, стабильности, так же как и безопасности, порядку и свободе мореплавания в регионе на основе Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., ДОС 2002 г. и Регионального соглашения по борьбе с пиратством в Азии;
- объединять усилия всех ответственных органов, улучшать обмен информацией между ними по безопасности мореплавания; повышать эффективность взаимодействия по задержанию и принятию мер в отношении морских пиратов и других преступлений против безопасности мореплавания;
- координировать организацию совещаний, учебных семинаров, обмена кадрами и т. д., связанных с предотвращением и противодействием транснациональной преступности и разрешением конфликтных проблем безопасности мореплавания, охраной порядка и безопасности на море, защитой законного суверенитета государств.

подавляющее большинство делегатов конференции разделили и выразили глубокие опасения ввиду недавних событий в Восточном море, особенно в связи с тем, что Китай надстраивает и расширяет надводную часть каменного рифа 07 архипелага Чыонгша (Спратли) и превращает его в «военную базу» и морскую тыловую базу.

На практике двусторонние и многосторонние структуры безопасности предназначены не только для гарантии общей (традиционной) безопасности, но и должны эффективно содействовать разрешению проблем нетрадиционной безопасности в регионе. В этом деле наряду с некоторым прогрессом выявились немалые трудности.

Во-первых, отсутствует общее понимание нетрадиционной безопасности между странами региона. Восточная Азия является большим регионом, включающим множество государств с различными уровнями политического, экономического, научно-образовательного развития, из-за чего отсутствует единство взглядов на нетрадиционную безопасность. Заинтересованность и цели у каждой страны — различны, поэтому одна проблема может рассматриваться одними странами как относящаяся к сфере нетрадиционной безопасности, а другими — нет, что сдерживает их совместные усилия.

Во-вторых, налицо недостаток политической воли, организационных возможностей и законодательной базы. Хотя страны Восточной Азии далеко продвинулись в создании двусторонних и многосторон-

них механизмов сотрудничества по предотвращению и преодолению проблем нетрадиционной безопасности, достигнутые результаты в значительной мере еще далеки от реальных потребностей. Заявления, организация диалогов и форумов в большинстве своем — мягкие формы, не имеющие обязательной силы, поэтому нередко сотрудничество в борьбе против некоторых типов нетрадиционных угроз в регионе, таких как организованная преступность, незаконная торговля людьми и т. д., не приносит желаемых результатов.

В-третьих, проявился рост осознания государственного суверенитета в странах региона. Благодаря ряду исторических факторов, геополитическим изменениям в мире и регионе в настоящее время почти все развивающиеся страны региона обрели государственный суверенитет, создающий основные преимущества в повестке дня государственной безопасности и интересов. Это является одной из причин, ограничивающих возможности сотрудничества стран региона в решении проблем нетрадиционной безопасности.

В-четвертых, сказалось мощное возвышению и провокационное поведение ряда государств региона.

Показательным здесь является Китай. Эта страна официально сменила Японию в роли второй крупнейшей экономики мира (2010 г.). Самая населенная страна на планете непрерывно повышает потенциал национальной обороны, модернизирует армию. Она игнорирует «правила игры» современной международной финансовой системы, основанной и управляемой странами Запада. Китай требует реформировать международные экономические и финансовые институты, такие как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Всемирную торговую организацию (ВТО) и другие международные соглашения в своих интересах. Он отстаивает закрытый формат интеграции в Восточной Азии, который создает и хочет направлять сам, не желая допускать влияния зарубежных стран. В частности, СМВД рассматривается в качестве механизма помощи АСЕАН+3 в построении Сообщества Восточной Азии; активно стимулируется процесс переговоров по созданию Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) в целях укрепления базиса экономической интеграции Азиатско-Тихоокеанского региона, исключая США.

С конца 2012 г. Китай укрепляет АСЕАН+1 и выдвигает множество инициатив по упрочению отношений с АСЕАН. Хотя количество инициатив Поднебесной очень велико, но их содержание и цели четко не определены, вызывая у стран АСЕАН опасения и осторожность.

Председатель Китая Си Цзиньпин провозгласил понятие «новая безопасность в Азии», в том числе определил 4 принципа строительства мирной, стабильной и развитой Азии¹⁵. С одной стороны, Китай выдвинул ряд таких «инициатив», как создание Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ), Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Морского Шелкового пути XXI века в целях совершенствования своего образа и умиротворения соседних стран. С другой стороны, он продолжает усиливать деятельность с великодержавных позиций: оказывает жесткую конкуренцию в богатых природными ресурсами районах в Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, нарушает суверенитет и юрисдикцию Японии, Вьетнама, Филиппин, наращивает территорию 7 коралловых рифов в архипелаге Чыонгша (Спратли), не подлежащих суверенитету Китая. Эти действия не только препятствуют свободе мореплавания ряда стран региона и вне его, имеющих общие интересы в регионе, но также вызывают обеспокоенность у многих стран региона. Именно возвышение и подобные действия Китая создают многочисленные трудности для регионального сотрудничества по решению здесь проблем нетрадиционной безопасности.

Объявление Японией «права на коллективную оборону» укрепило ее отношения с Австралией и Индией, стимулировало сотрудничество с АСЕАН, задействовало многосторонние механизмы с участием США, внерегиональных членов ВАС, АТЭС и др., стремящихся играть все большую роль в архитектуре региональной безопасности. Это вызывает недовольство Китая и в то же время создает реальные трудности для регионального сотрудничества в деле решения проблем нетрадиционной безопасности.

В предстоящий период сотрудничество в разрешении проблем нетрадиционной безопасности в Восточной Азии имеет наряду с трудностями очень *благоприятные перспективы* в силу следующих факторов.

Прежде всего, это повышение глобального стратегического значения АТР и Восточной Азии. Многие внерегиональные страны, такие как США, ЕС, Россия, Индия и другие, имеющие здесь свои интересы, активно разворачивают и реализуют собственную азиатско-тихоокеанскую политику и стратегию. Так, США осуществляют стратегию «перебалансировки» сил в Азии, «разворота в Азию» и создания Транстихоокеанского торгового партнерства (ТТП)¹⁶. Россия проводит стратегию «Поворота на Восток», предложенную президентом В.В. Путиным¹⁷. Индия реализует политику и стратегию «Смотреть

на Восток», инициированную премьер-министром Нарендра Модии¹⁸. Чтобы обеспечить свои интересы, все названные державы предлагают определенные методы разрешения проблем безопасности, в том числе нетрадиционной безопасности в Восточной Азии, прежде всего нынешних горячих проблем в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Многочисленные обращения США по официальным каналам к КНР с предложением прекратить деятельность по надстройке и расширению 7 коралловых рифов в ЮКМ являются типичным примером¹⁹. Объективно это — эффективная косвенная помощь региональным государствам в решении проблем безопасности, включая нетрадиционные аспекты, гарантии их национального суверенитета и устойчивого развития²⁰.

Во-вторых, развиваются традиции сотрудничества. В последние годы были достигнуты важные успехи в пресечении угроз нетрадиционной безопасности в Восточной Азии. Китай и Вьетнам вместе провели множество морских патрулирований, осуществили спасение людей, терпящих бедствия в море. Австралия и Китай организовали учения по спасению людей от стихийных бедствий в южнокитайской провинции Сычуань. Несмотря на скромный масштаб этих акций, они имеют важное как практическое, так и политическое значение²¹. Проведение Таиландом специальной конференции по переселенцам в Индийском океане в мае 2015 г. с участием 17 государств и международных организаций, искавших пути решения проблем переселенцев и торговли людьми в ЮВА, сотрудничество 26 стран в поиске малазийского самолета рейса МН370, пропавшего в 2014 г., сотрудничество Вьетнама и Малайзии в поимке 8 пиратов, ограбивших малазийский танкер в морских водах Вьетнама в июне 2015 г., и т. д. являются хорошими примерами традиционного сотрудничества стран региона. Эта традиция должна получить развитие в предстоящий период.

В-третьих, формируется Сообщество АСЕАН. 31 декабря 2015 г. стало днем основания Сообщества АСЕАН. С этого момента руководящая роль АСЕАН состоит в сохранении и стимулировании обстановки мира и безопасности в регионе, прежде всего в выработке и продвижении норм поведения сторон, эффективном применении существующих механизмов сотрудничества — Договора о дружбе и сотрудничестве (ТАС), Соглашения о зоне ЮВА, свободной от ядерного оружия (SEANFWZ), Балийской декларации о принципах взаимовыгодных отношений, Заявления из 6 пунктов по проблеме Восточного моря, Декларации о поведении сторон в Южно-Китайском море

(DOC) и др. На основе этих документов АСЕАН создала платформу для взаимодействия стран АСЕАН, сформировала по своей инициативе такие структуры, как АСЕАН+1, АСЕАН+3, ВАС, АРФ, Совещание министров обороны стран-членов АСЕАН плюс (СМОА+).

Сообщество АСЕАН будет играть активную роль в реагировании на вызовы нетрадиционной безопасности, такие как безопасность мореплавания, климатические изменения, стихийные бедствия, эпидемии, управление водными ресурсами. Одновременно предстоит эффективнее использовать системы сотрудничества, начиная с АРФ — первой многосторонней системы безопасности в АТР, и до СМОА, СМОА+ — механизмов сотрудничества на уровне министров национальной обороны АСЕАН и между АСЕАН и ее партнерами по диалогу.

Названные выше факторы станут залогом успеха в деле более быстрого и эффективного решения проблем нетрадиционной безопасности в ВА.

Заключение

Нетрадиционная безопасность является важным структурным комплексом общей безопасности в Восточной Азии. Данная сфера широка, включает множество проблем, и в настоящее время еще не существует ее единого понимания как в регионе, так и в мире. Нетрадиционная безопасность имеет глобальный и трансрегиональный характер. В Восточной Азии их разрешение будет возможно лишь при общих усилиях всех государств региона.

В Восточной Азии сложился комплекс двусторонних и многосторонних механизмов сотрудничества в сфере нетрадиционной безопасности, которые помогли достичь определенных успехов в этом деле. В будущем, особенно после появления Восточноазиатского сообщества, взаимодействие в сфере нетрадиционной безопасности обретет новые перспективы. Тем не менее, в обстановке геополитических перемен и трансформации системы безопасности в Восточной Азии проблемы нетрадиционной безопасности будут усложняться, создавая очень большие препятствия для совместных действий.

В целях повышения эффективности сотрудничества в предстоящий период странам Восточной Азии необходимо: 1) выработать единое понятие нетрадиционной безопасности в регионе. Это поможет определить конкретные проблемы нетрадиционной безопасности как

основы для выдвижения и выполнения политических установок, координации сотрудничества; 2) создать и развивать механизмы укрепления взаимного доверия между государствами региона, повысить «региональное самосознание», а также создать социальную базу, требующуюся для регионального сотрудничества по проблемам нетрадиционной безопасности; 3) поддерживать действующие диалоговые площадки, договоренности и механизмы, одновременно с этим принять временные меры в ограниченных масштабах для стимулирования к более активному участию в региональном сотрудничестве по вопросам суверенитета тех стран, которые пока проявляют в этом деле колебания; 4) формировать и укреплять механизмы всестороннего сотрудничества в регионе, сочетая экономическое сотрудничество с сотрудничеством по безопасности, чтобы создать прочную и эффективную основу для противодействия угрозам нетрадиционной безопасности.

Международные правовые нормы, политическая решимость высших руководителей стран, сознание и усилия подавляющего большинства населения стран региона являются предварительными условиями успешного сотрудничества по разрешению проблем нетрадиционной безопасности в Восточной Азии, вкладом в сохранение общей безопасности в регионе и на планете.

Перевел В.П. Ларин.

Использованная литература

1. Nguyễn Quang Thuấn. Phát biểu kết luận Hội thảo khoa học quốc tế «Hợp tác Việt Nam — Trung Quốc giai đoạn mới», Hà Nội, 27.03.2015 : [Нгуен Куанг Тхуан. Заключение доклад на Международном научном симпозиуме «Сотрудничество между Вьетнамом и Китаем на новом этапе» в Ханое 27 марта 2015 г.].

2. Đỗ Minh Cao. Chiến lược an ninh năng lượng của Trung Quốc: Tác động và ảnh hưởng. NXB. Khoa học xã hội, H., 2014. : [До Минь Као. Стратегия энергетической безопасности Китая: Воздействие и влияние. Ханой, изд-во общественных наук, 2014].

3. Đỗ Minh Cao (Chủ biên). Sự trỗi dậy về quân sự của Trung Quốc và những vấn đề đặt ra cho Việt Nam. Nhà xuất bản Từ điển Bách khoa, Hà Nội, 2013, 254 trang : [До Минь Као (отв. ред.). Военный подъем Китая и его проблемы для Вьетнама. Ханой, изд-во Энциклопедических словарей, 2013. С. 254].

4. Đỗ Minh Cao. Ảnh hưởng của những thay đổi địa chính trị và khu vực đến an ninh của Việt Nam // Nghiên cứu Ấn Độ và châu Á. 2014, Số 9 (22). Tr. 52—66 : [До Минь

Као. Влияние геополитических и региональных перемен на безопасность Вьетнама. Исследования Индии и Азии. 2014. № 9 (22). С. 52—66].

5. Đỗ Minh Cao. Nhân tố năng lượng trong «Đại kế hoạch châu Á» của Nga // Nghiên cứu châu Âu. 2013, Số 2 (149). Tr. 22—36; Cùng tác giả. Vấn đề Biển Đông: Quan điểm của Nga. Nghiên cứu châu Âu. 2014, Số 3 (138) tr. 11—18 : [Энергетический фактор в «Великом азиатском плане» России // Европейские исследования, 2013, № 2(149). С. 22—36; Проблема Восточного моря: Точка зрения России. Европейские исследования. 2014. № 3 (138). С. 11—18].

6. Đỗ Minh Cao. Biển Đông trong «Hành động phía Đông» của Ấn Độ. Nghiên cứu Ấn Độ và châu Á. Số 2 (27)- Tr. 12—24, 2014 : [До Минь Као. Восточное море в «Восточном направлении» Исследования Индии и Азии. ISSN: 0866-7314- № 2 (27)- С. 12—24, 2014].

7. Hoàng Minh Hằng. Hợp tác Đông Á trong việc giải quyết các vấn đề an ninh phi truyền thống. Nghiên cứu Đông Bắc Á, số 10 năm 2007 : [Хоанг Минь Ханг. Восточно-азиатское сотрудничество в решении проблем нетрадиционной безопасности // Исследования Северо-Восточной Азии. № 10. 2007.].

8. Trần Minh Sơn. Những chuyển động trong cấu trúc an ninh khu vực châu Á — Thái Bình Dương : [Чан Минь Шон. Сдвиги в системе региональной безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона]. URL: <http://tapchiquptd.vn/zh/quoc-phong-quan-su-nuoc-ngoai/nhung-chuyen-dong-trong-cau-truc-an-ninh-khu-vuc-chau-a-thai-bin-h-duong/6914.html>

9. «Большая Восточная Азия»: мировая политика и региональные трансформации / под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МГИМО(У) МИД РФ, 2010.

10. Колдунова Е.В. Нетрадиционные аспекты безопасности в Юго-Восточной Азии: характерные черты и тенденции эволюции в 2005 г. // Юго-Восточная Азия в 2005 г. Актуальные проблемы развития. М.: ИВ РАН, 2006.

11. Нетрадиционные аспекты безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе: подходы к анализу. URL: <http://e.120bal.ru/pravo/12056/index.html?page=18>

12. Лузянин С.Г. Северо-Восточная Азия: внутренние и внешние измерения развития и безопасности. URL: http://www.perspektivy.info/book/severovostochnaja-azija_vnutrennije_i_vneshnije_izmerenija_razvitija_i_bezопасности_2012-03-07.htm

13. Littlefield Alexis. East Asian Security Order as a Response to Chinese Foreign Policy. URL: http://www.wiscnetwork.org/porto2011/papers/WISC_2011-516.pdf

14. Walsh Eddie. Non-traditional security threats in Asia: Finding a regional way forward. URL: [http://www.eastasiaforum.org/2011/06/04/non-traditional-security-threats-in-asia-finding-a-regional-way-forward/The Johns Hopkins University](http://www.eastasiaforum.org/2011/06/04/non-traditional-security-threats-in-asia-finding-a-regional-way-forward/The%20Johns%20Hopkins%20University)

15. Non-traditional Security Threats in Southeast Asia. URL: <http://www.stanleyfoundation.org/publications/archive/SPC03Cpb.pdf>

16. Non-Traditional Security Challenges for East Asia (and Beyond). URL: http://www.brookings.edu/~media/events/2007/11/28-east-asia/1128_east_asia_lim.pdf

17. Non-Traditional Security in East Asia: Regional Frameworks and Responses. URL: <http://pisa.elliott.gwu.edu/non-traditional-security-east-asia-regional-frameworks-and-responses>

Примечания

¹ В коммюнике руководителей АСЕАН и Китая на 6-й постоянной конференции в Пномпене (Кампучия) 1 ноября 2002 г. было сказано: «Решения проблем нетрадиционной безопасности постоянно встречаются со все большими препятствиями, такими как контрабанда, наркомания, торговля женщинами и детьми, морское пиратство, терроризм, контрабанда оружия, отмывание денег, международные экономические преступления и преступления в сфере высоких технологий».

² На церемонии начала новой программы по подготовке кадров факультета управления бизнесом Ханойского государственного университета, генерал-полковник Нгуен Ван Хыонг — бывший член ЦК КПВ и бывший заместитель министра общественной безопасности подчеркнул важную роль нетрадиционной безопасности для государственной безопасности Вьетнама: «К настоящему времени мы по-прежнему противостоям таким проблемам, как стихийные бедствия, продовольственная, финансовая, информационная и энергетическая, являющимся факторами нетрадиционной безопасности, пассивно. Во многих сферах, ситуациях не удалось найти эффективных мер противодействия. Более того, проблемы нетрадиционной безопасности, лежащие в общей сфере государственной безопасности, непосредственно угрожают существованию строя, что определяет необходимость тщательных исследований и обобщений». URL: <http://nguyentandung.org/an-ninh-phi-truyen-thong-moi-de-doa-moi-toi-an-ninh-quoc-gia.html>

³ Подробнее о дискуссии см.: Научный симпозиум ВАОН 2013 г. в Ханое «Нетрадиционная безопасность и ее воздействия на Вьетнам» URL: <http://www.tapchiconsan.org.vn/Home/Thong-tin-ly-luan/2013/22790/Hoi-thao-khoa-hoc-An-ninh-phi-truyen-thong-va-tac-dong.aspx>

⁴ Национальная оборона Вьетнама в первые годы XXI в. / Министерство национальной обороны. Ханой: Изд-во «Мир», 2004. С. 11.

⁵ Автор подразделяет проблемы нетрадиционной безопасности в Восточной Азии на 5 тем: (i) проблемы безопасности, имеющие отношение к устойчивому развитию, включая охрану окружающей среды, развитие природных ресурсов, рождаемость и контроль над распространением эпидемий; (ii) угрозы региональной стабильности из-за потери контроля или порядка, включая экономическую безопасность, социальную безопасность, права человека и беженцев; (iii) транснациональная преступность, включая торговлю людьми и наркотиками; (iv) негосударственные организации, нарушающие существующий международный порядок, прежде всего международный терроризм; (v) проблемы безопасности, связанные с развитием технологий и глобализации, включая сетевую безопасность, информационную безопасность и безопасность применения генной инженерии. См.: *HỢP TÁC ĐÔNG Á TRONG VIỆC GIẢI QUYẾT CÁC VẤN ĐỀ AN NINH PHI TRUYỀN THỐNG*: [Сотруд-

ничество в Восточной Азии для решения проблем нетрадиционной безопасности] // Nghiên cứu Đông Bắc Á : [Исследования Северо-Восточной Азии]. № 10. 2007.

⁶ URL: https://vi.wikipedia.org/wiki/%C4%90%C3%B4ng_%C3%81

⁷ URL: <http://vietbao.vn/Xa-hoi/Mat-do-dan-so-Viet-Nam-cao-gan-gap-doi-TrungQuoc/20716655/157/>

⁸ URL: <http://thethao60s.com/index/3384472/18082012.aspx>

⁹ В 2004 г. произошло ужасное двойное бедствие — землетрясение и цунами, возникшие в открытом Индийском океане, стерли с лица земли многие прибрежные районы Восточной Азии и погубили сотни тысяч людей. 11 марта 2011 г. аналогичное бедствие обрушилось на район Тохоку, Япония, унеся сотни жизней жителей родины сакуры.

¹⁰ Землетрясение в Сычуане 2008 г. стало самым крупным в Китае после Таншаньского землетрясения 1976 г., унесшего жизни более 250 тысяч человек.

¹¹ Например, в 2011 г. начали действовать со все возрастающим гулом 22 вулкана Индонезии. В 2011 г. в Японии начал извергаться вулкан Синмоэ, 18 ноября 2013 г. на западе острова Суматра начал действовать вулкан Синабунг, подняв в атмосферу столб пепла и пыли на высоту 8 км, в июне 2015 г. вулкан Синабунг непрерывно извергался чудовищным столбом пепла и пыли, заставив около 6000 человек стать беженцами.

¹² Например, в 2011 г. наводнения, вызванные тропическим тайфуном Ваши на юге Филиппин, погубили 650 человек. Исторический тайфун в центральном Вьетнаме в 2013 г. заставил 20 тысяч семей числом свыше 78 тысяч человек от провинции Куангнам до провинции Фуиен мигрировать из прибрежных районов ввиду угроз затопления, оползней, проседания земли в безопасные места. Только в Куангнгае переместилось свыше 16 тысяч семей числом около 67 тысяч человек.

¹³ Опустошение почв в Китае. Около 27 % общей площади Китая, т.е. порядка 2,6 млн кв. км рассматриваются как опустошенные, тогда как 18 % других почв подверглись песчаной эрозии. URL: <http://www.thanhvien.com.vn/the-gioi/trung-quoc-bi-sa-mac-hoa-nghiem-trong-392189.html>; Опустынивание во Вьетнаме. В приморье южного Чунгбо облысение гор и опустынивание пашни охватило примерно 45 % из примерно 852 тыс. га земель. Опустынивание здесь происходит очень быстро. В Ниньтхуане оно достигло порядка 90 тыс. га, в Биньтхуане — 81 тыс. га, что составляет 23,6 и 11,3 % территории этих провинций. В Куангнгае оно достигло более 122 га, в Биньдине — 786 га. См. THỰC TRẠNG HẠN HẠN HOANG MẠC Ở NINH THUẬN NGUYỄN NHÂN VÀ GIẢI PHÁP KHẮC PHỤC : [Ситуация опустынивания в провинции Ниньтхуан: причины и методы преодоления]. URL: <http://text.123doc.org/document/1397362-sa-mac-hoa-o-vung-duyen-hai-nam-trung-bo-viet-nam.htm>

¹⁴ См.: Đỗ Minh Cao. Chiến lược an ninh năng lượng của Trung Quốc: Tác động và ảnh hưởng. NXB. Khoa học xã hội, H., 2014 : [До Минь Као. Стратегия энергетической безопасности Китая: Воздействие и влияние. Ханой, изд-во «Общественные науки», 2014].

¹⁵ Четыре принципа «новой безопасности в Азии»: «общая безопасность», «всесторонняя безопасность», «безопасность сотрудничества» и «надежная безопасность».

¹⁶ Đỗ Minh Cao. Ảnh hưởng của những thay đổi địa chính trị. Op. cit. : [До Минь Као. Влияние политических и региональных изменений].

¹⁷ Đỗ Minh Cao. Nhân tố năng lượng trong «Đại kế hoạch châu Á» của Nga // Nghiên cứu châu Âu, 2013, Số 2 (149). Tr. 22—36 : [До Минь Као. Энергетический фактор в «Великом азиатском плане» России // Европейские исследования. 2013. № 2. С. 22—36]; Đỗ Minh Cao. Vấn đề Biển Đông: Quan điểm của Nga // Nghiên cứu châu Âu. 2014. Số 3 (138). Tr. 11—18 : [Проблема Восточного моря: точка зрения России // Европейские исследования 2014. № 3. С. 11—18].

¹⁸ Đỗ Minh Cao. Biển Đông trong «Hành động phía Đông» của Ấn Độ // Nghiên cứu Ấn Độ và châu Á. 2014. № 2 (27). Tr. 12—24 : [До Минь Као. Восточное море в Восточной политике Индии // Исследования Индии и Азии. 2014. № 2. С. 12—24].

¹⁹ 1 июня 2015 г. министр обороны США Эштон Картер продолжил потопить Китай прекратить деятельность по незаконному превращению и милитаризации островов в Восточном море. URL: <http://www.tienphong.vn/the-gioi/my-lai-yeu-cau-trung-quoc-ngung-xay-dao-o-bien-dong-871597.tpo>

²⁰ До Минь Као. Китай строит «Морской шелковый путь 21 века». URL: <http://dantri.com.vn/xa-hoi/trung-quoc-dang-xay-dung-con-duong-to-lua-tren-bien-the-ky-21-1076218.htm>

²¹ URL: <http://www.bayvut.com.au/s%E1%BB%B1-ki%E1%BB%87n/australia-v%C3%A0-trung-qu%E1%BB%91c-di%E1%BB%85n-t%E1%BA%ADp-c%E1%BB%A9u-h%E1%BB%99-thi%C3%AAn-tai>

А.А. Рогожин

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

В середине текущего десятилетия мировые энергетические рынки пережили фундаментальные изменения, обусловленные воздействием двух факторов — прогнозировавшегося резкого роста спроса на энергоносители в Восточной Азии (ВА) и довольно неожиданного бума добычи сланцевого газа и нефти в Северной Америке.

Фактор резкого роста спроса и предложения на нефть и газ

Китай оказался центральной движущей силой скачка спроса в Азии и стал крупнейшим в мире импортером нефти, обойдя США. Давняя историческая зависимость Японии от импорта нефти и газа, преимущественно с Ближнего Востока, резко возросла после катастрофы на АЭС Фукусима. Обеспечение надежного и удобного доступа к поставкам нефти и газа, таким образом, становится все более важным приоритетом для Японии, которая проявила возросший интерес к усилению рынков и выстраиванию новых энергетических партнерств в АТР и в мире в целом. Южной Корее не удалось уменьшить зависимость от импорта нефти и газа, а все страны Юго-Восточной Азии (ЮВА) за исключением Брунея стали нетто-импортерами нефти.

Данные изменения позволяют предположить, что существующая система энергетической безопасности устарела и для стран ВА пришло время внести серьезные коррективы в политику по обеспечению

энергетической безопасности в Восточно-Азиатском регионе в соответствии с новыми реалиями в глобальной и региональной энергетике. Представляется важным оценить, как страны ВА смогут приспособиться к становящейся все более сложной ситуации в области энергетической безопасности¹.

При этом следует учитывать новую роль США на рынке нефти и газа Восточной Азии с учетом того, что, с одной стороны, зависимость США от ближневосточной нефти стремительно снижается, с другой — зависимость ВА от поставок с Ближнего Востока растет весьма высокими темпами. С 2006 г. новые технологии позволили обратить вспять долгосрочный и структурный процесс падения американской добычи нефти. В то же самое время спрос на нефть в США снизился по сравнению с пиковым уровнем, достигнутым в 2005 г., и, скорее всего, в будущем будет расти очень медленно, если будет.

В результате зависимость США от импорта нефти стремительно сокращается, и представляется вероятным, что она продолжит уменьшаться в течение следующего десятилетия, пока импорт из региона Ближнего Востока и Персидского залива не станет незначительным. Даже экспорт саудовской нефти в США уже начинает испытывать на себе давление. Хотя недавнее резкое падение цен на нефть, скорее всего, замедлит рост североамериканского предложения нефти, рост добычи, как ожидается, продолжится и при более низких ценах.

Никаких иллюзий на этот счет (вроде надежд на технологические трудности американских добывающих компаний) питать, на наш взгляд, не следует. Представляется весьма вероятным, что благодаря росту добычи сланцевого природного газа США уже в следующем десятилетии станут экспортировать, в том числе в ВА, и сжиженный природный газ (СПГ).

В то время, пока США все больше обеспечивают себя энергоносителями, рост спроса на нефть в Азии и, особенно, в Китае, сделал ВА крупнейшим покупателем нефти из стран Ближнего Востока. Глобальные потоки нефти в результате этих изменений решительно сместились в сторону оси Ближний Восток—Восточная Азия.

Импорт нефти с Ближнего Востока странами ВА заметно усилился с ростом спроса на нефть. Китайский спрос на нефть, к примеру, удваивался в течение каждого из последних двух десятилетий. Примерно 60 % нефти, потребляемой этой страной, теперь импортируется, и половина этого импорта поступает с Ближнего Востока. Саудовская Аравия в отдельные месяцы поставляет больше нефти в Китай, нежели в США. В целом, более 80 % экспорта нефти из этого региона

поступает в настоящее время в Азию, которая зависит от Ближнего Востока в удовлетворении более 50 % своих потребностей в нефти, и эта зависимость, скорее всего, значительно возрастет в течение следующего десятилетия. Рост импортной зависимости стран Восточной Азии сделал эту проблему еще более насущной, превратив ее в прямой повод для беспокойства всего региона.

Недавнее резкое падение цен на нефть, скорее всего, ослабит ожидаемый рост предложения нефти в странах, находящихся за пределами ОПЕК, тем самым увеличив необходимость в импорте странами ВА нефти с низкими издержками, что, естественно, повысит зависимость региона от поставок из стран Персидского залива. Это, соответственно, усилит обеспокоенность стран ВА по поводу их надежности, тем более, что они, несомненно, останутся главной движущей силой роста мирового спроса на нефть и газ.

Если еще в начале нынешнего века этот вывод считался неоспоримым только в отношении к Северо-Восточной Азии (СВА), то в уже в ближайшие годы и, тем более, на перспективу он будет применим и к ЮВА. По оценке Мередит Миллер (Meredith Miller), старшего вице-президента по торговле, экономике и энергетическим вопросам в Национальном бюро азиатских исследований США (US National Bureau of Asian Research), «к 2035 г. Юго-Восточная Азия станет четвертым по размерам импортером нефти в мире»².

Основные параметры новой стратегии в области энергетической безопасности

Очевидно, что современная архитектура энергетической безопасности в ВА должна отражать эти реалии в трех ключевых измерениях: 1) геополитической стратегии; 2) институтов и управления; 3) динамики энергетических рынков. Как представляется, в основе всех измерений должен лежать курс на партнерство.

Геополитическая стратегия и энергетическая безопасность Восточной Азии

В условиях, когда зависимость региона от ближневосточной энергии растет, а нестабильность на Ближнем Востоке обостряется, проблема надежности обеспечения поставок нефти и СПГ в ВА требует повышенного внимания. Как представляется, существует два аспекта этой проблемы. Первый связан с усилиями по укреплению политиче-

ской стабильности в самом Ближневосточном регионе; второй — с защитой морских путей транспортировки энергоносителей в ВА.

Укрепление политической стабильности на Ближнем Востоке

Как свидетельствуют события второго десятилетия текущего века, США постепенно перестают быть лидирующей внешней державой на Ближнем Востоке. Можно предположить, что отныне странам ВА придется в большей степени полагаться на собственные политические ресурсы и вести более активную дипломатию для обеспечения своих энергетических интересов на Ближнем Востоке.

Однако возможности политического влияния стран Восточной Азии на Ближнем Востоке весьма ограничены. В значительной мере они базируются на использовании таких инструментов, как инвестиции, экономическая помощь, культурно-гуманитарное сотрудничество. Япония, Китай, Южная Корея имеют в этом регионе наиболее сильные дипломатические и экономические позиции, однако и они пока остаются весьма скромными акторами и их политическое влияние невелико. Тем более, что оно заметно ослаблено существующими и обостряющимися время от времени американо-китайскими и японо-китайскими противоречиями.

США, в частности, не торопятся привлекать Китай к более активному участию в делах Ближнего Востока, а у КНР есть немало существенных расхождений с США по поводу целей, средств и методов политики в ближневосточном регионе. Однако Китай неизбежно будет вынужден играть более заметную роль на Ближнем Востоке в результате увеличения его инвестиций в энергетику региона благодаря крупномасштабным контрактам по импорту энергоносителей, более широким торговым интересам.

Хотя правительство С. Абэ пытается усилить международные позиции Японии в сфере безопасности на Ближнем Востоке, остается неясным, как и в какой степени Япония сможет взять на себя более существенное бремя в этой сфере. В еще большей мере неясны возможности и намерения по обеспечению безопасности в регионе Южной Кореи и, тем более, стран ЮВА.

Таким образом, странам ВА, несмотря на разные подходы к обеспечению политической стабильности на Ближнем Востоке и, что немаловажно, разные возможности для участия в этом процессе, придется искать некие тщательно согласованные подходы для обеспечения политической стабильности в ближневосточном регионе.

Защита морских путей транспортировки энергоносителей в ВА

Обеспечение надежной и стабильной транспортировки энергоносителей морским путем с Ближнего Востока в ВА — важный компонент в обеспечении энергетической безопасности. Заинтересованность всех стран ВА в безопасных морских путях более очевидна, нежели готовность договариваться по геополитическим вопросам. В этой области открываются и куда более широкие возможности для их сотрудничества, в первую очередь для Японии. Она обладает значительным военно-морскими потенциалом и твердо намерена его расширять. Так же заинтересован Китай, стремительно развивающий военно-морской флот, который уже способен совершать походы через Индийский океан в направлении Ближнего Востока. ВМФ Южной Кореи и стран ЮВА пока в состоянии обеспечить локальные операции, не выходящие за пределы акватории восточной части Индийского океана.

Определенный опыт такого сотрудничества уже имеется: Китай и Япония участвуют в операциях по противодействию пиратству в Аденском заливе. К тому же китайский проект Морского шелкового пути может развиваться и в русле совместных усилий по формированию более организованного и объединенного набора механизмов реагирования на чрезвычайные ситуации на море и потенциально возможные перебои в поставках нефти через Ормузский пролив, Персидский залив³ или Баб-эль-Мандебский пролив.

США в принципе поддерживают идею партнерства со странами ВА и, в первую очередь, с Китаем, в деле обеспечения безопасности морских путей в районе Персидского залива. Они даже готовы к созданию некой коалиции стран, заинтересованных в разработке планов действий в случае чрезвычайных ситуаций, связанных с перебоями в морских поставках нефти и СПГ из ближневосточного региона. Определенные шаги в этом направлении уже сделаны: *во-первых*, проблемы защиты морских путей обсуждаются министрами обороны стран АТР в рамках Диалога Шангри-Ла, организованного Международным институтом стратегических исследований. *Во-вторых*, с 2013 г. ведется Стратегический и экономический диалог США—Китай, встречи в рамках которого проводятся раз в полгода. На них обсуждаются вопросы, связанные с выработкой общих стратегических подходов к ключевым ближневосточным вызовам, в том числе проблемы энергетической безопасности. По мнению большинства экспертов, этот диалог мог бы быть расширен за счет подключения к нему других стран Восточной Азии.

Достижение взаимовыгодных договоренностей — процесс, несомненно, непростой и, скорее всего, довольно длительный. Необходимо учитывать, что индийский силовой истеблишмент весьма прохладно отнесется к любым мерам, предполагающим предоставление Китаю большей роли в Индийском океане. Кроме того, серьезные противоречия в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях между рядом стран ВА следует каким-то образом урегулировать, дабы не допустить распространения напряженности в упомянутых акваториях на сотрудничество в области защиты морских путей в западной части Индийского океана.

Управление энергетикой и соответствующими институтами в ВА

В связи с растущей уязвимостью стран ВА в свете потенциальной угрозы перебоев в поставках энергоносителей с Ближнего Востока, они остро нуждаются в углублении и расширении сотрудничества по обеспечению энергетической безопасности и управлению отраслью.

И хотя сотрудничество между восточноазиатскими странами в последние два десятилетия активно расширялось, ситуация в области энергетической безопасности ухудшалась, развиваясь в сторону усиления атмосферы игры с нулевой суммой и соперничества за контроль над зарубежными поставками нефти и региональными маршрутами ее транспортировки. Высокие цены на нефть и ограничение глобального предложения, особенно после 2000 г., значительно усилили их озабоченность относительно ненадежных поставок и привело к росту цен, оказавшему воздействие на рост экономики.

К настоящему времени правительства стран ВА поддерживают и стимулируют свои национальные нефтяные компании получать контроль над нефтегазовыми активами по всему миру в надежде, что это позволит им обеспечить более безопасное предложение энергоресурсов в будущем. Китай далеко вырвался вперед в деле реализации этого подхода, однако Япония, Южная Корея, Индонезия, Малайзия и Таиланд также придерживаются курса государственной поддержки национальных компаний в конкурентной борьбе за нефтегазовые активы на внешних рынках.

Фактически контроль как над энергетическими ресурсами за рубежом, так и над маршрутами их транзита стали элементами национальной конкуренции в сфере стратегии и безопасности. Не удивительно, что эта тенденция усиливает становящееся все более острым политическое соперничество в ВА.

Весьма важно, чтобы защита поставок энергоносителей стала мощным стимулом для развития взаимодействия и улучшения работы институтов, регулирующих энергетическую сферу стран региона. Сотрудничество в отстаивании странами ВА общих интересов энергетической безопасности до недавнего времени было весьма скромным и, как правило, неэффективным. Хотя региональные институты, такие как АТЭС и Восточноазиатский саммит, содержат в долгосрочной повестке инициативы в этой области, ни одна из них не реализовывалась последовательным образом и не привела к усилению регионального сотрудничества в энергетике.

Элементы регионального сотрудничества в области энергетической безопасности существуют, однако они носят фрагментированный характер и остаются преимущественно не связанными друг с другом. Япония и Южная Корея являются членами МЭА (учреждено в 1970-е годы), чтобы обеспечить создание глобальной системы сотрудничества по накоплению нефтяных резервов, которые могут быть коллективно использованы в случае серьезных перебоев предложения нефти. Обе страны обладают большими запасами на случай чрезвычайных ситуаций, которые могут быть задействованы, если МЭА коллективно постановит, что подобное решение уместно.

Тем не менее, наиболее быстрорастущие импортеры нефти в ВА, а именно Китай и члены АСЕАН, не являются членами МЭА. Вместо этого Китай создает свои собственные стратегические резервы для использования их на случай кризиса. АСЕАН ставила перед собой цель создать региональные нефтяные резервы и скромную программу обмена нефтью на случай потенциального перебоя в поставках, однако эта инициатива получила слабую поддержку на практике. В отсутствие коллективных запасов ВА фактически оказывалась в полной зависимости от готовности членов МЭА предоставить свои запасы при возникновении чрезвычайной ситуации.

Потребность обновления существующей структуры управления

В последние годы МЭА обратилось к Китаю и Индии с инициативой так или иначе вовлечь их в деятельность МЭА в качестве стран, не являющихся членами агентства. Китай уже участвовал в целой серии разнообразных встреч, сумев извлечь немало полезного из опыта МЭА в деле управления нефтяными резервами на случай чрезвычайной ситуации.

Сейчас становится ясно, что страны ВА, особенно крупные (Китай и Индонезия) мало заинтересованы в присоединении к МЭА на

предлагаемых условиях и испытывают некоторое недоверие к МЭА, рассматривая агентство как институт, отражающий интересы США и Европы. Впрочем, против их присоединения к МЭА явно настроены многие более мелкие члены агентства, которые выступают против сокращения их голосующих прав, неизбежного в случае принятия в члены агентства новых крупных импортеров.

Между тем предпочтительный для Китая подход к региональному и глобальному сотрудничеству в области энергетической безопасности определить трудно. КНР, как представляется, склоняется к альтернативному МЭА механизму, возможно, в рамках таких институтов, как G-20, в котором в меньшей степени доминируют ведущие промышленно развитые страны. Неясно и то, насколько реализуемым будет этот подход на практике.

КНР не приняла идею России использовать Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) для укрепления регионального сотрудничества в энергетике. Вместо этого Китай продолжает развивать национальную стратегию поддержки и расширения национальных нефтегазовых компаний (ННК), накопления стратегических резервов для собственного использования и развития наземных трубопроводных маршрутов из Центральной Азии, Мьянмы и России для доставки нефти и газа, которые помогут ему диверсифицировать риски предложения.

Из вышеприведенного анализа можно сделать вывод о том, что, несмотря на перспективы реформ системы управления энергетикой, ВА, крупнейший и наиболее быстрорастущий с точки зрения потребления и импорта нефти и газа регион мира, остается преимущественно за пределами существующей системы глобального управления энергетикой. В случае серьезного перебоя предложения ВА окажется в значительной степени неподготовленной к обмену резервными запасами нефти и снижению воздействия этого шока на экономику региона. Любое прерывание потока энергоносителей из региона Персидского залива также окажет существенное, но труднопрогнозируемое воздействие на восточноазиатские рынки и нефти, и СПГ.

ВА остро нуждается в построении региональных институциональных механизмов управления этими растущими рисками предложения и усилении общих подходов к инфраструктуре и энергетической политике в регионе. Это позволило бы странам ВА совместно решать проблемы поддержания региональной энергетической безопасности, включая сотрудничество в области создания стратегических резервов нефти, повышение прозрачности данных в области энергетики, за-

щиту ключевых морских путей транспортировки энергоносителей, диверсификацию источников предложения, а также поддержание стабильности нефтяных рынков. К сожалению, все попытки создания регионального форума или клуба — не говоря уже о действенном органе с правом принятия коллективных решений — успеха пока не имели. Заинтересованные стороны в регионе пока не проявили решимости более тесно сотрудничать друг с другом в этой области.

Учитывая, что энергетические рынки становятся все более глобальными, интегрированными и динамичными, энергетическая безопасность региона достижима лишь с помощью сотрудничества. Решение этой задачи крайне важно для глобальных рынков нефти и СПГ, поскольку борьба азиатских государств за поставки нефти или СПГ в случае чрезвычайной ситуации может привести к резкому скачку мировых цен и ущерб мировой экономике.

Динамика энергетических рынков в Восточной Азии

Помимо стратегических и институциональных усилий, новая архитектура энергетической безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе также предполагает шаги по улучшению гибкости и устойчивости региональных рынков нефти и СПГ, а также усилия по наращиванию инвестиций в новые поставки.

Взросший динамизм восточноазиатского рынка газа

Этот рынок является одним из ключевых региональных энергетических рынков, который заметно выиграет от повышения гибкости и расширения использования рыночных принципов. Природный газ все еще остается относительно слабо используемым видом топлива в Азии по сравнению с другими регионами мира. Но спрос на более чистый источник энергии — природный газ — стремительно растет, что позволяет диверсифицировать структуру потребления энергоносителей и снизить выбросы углерода и загрязнение воздуха.

Расширение поставок СПГ и развитие более гибкого рынка СПГ может сыграть ключевую роль в этом переходе к более чистой и более надежной структуре потребления энергоносителей. Учитывая большую протяженность морских путей в Азии, СПГ будет крайне важным способом распространения природного газа в регионе. Однако очень высокие цены на азиатский СПГ и преобладающие системы за-

ключения контрактов, резко ограничивающие гибкость выбора пункта назначения партий сжиженного газа, замедляют рост использования СПГ.

Япония долгое время была лидером в деле развития этого доступного, надежного и гибкого рынка. Так, например, она инициировала новый диалог между производителями и потребителями, который стал ежегодным форумом по поиску общих позиций между поставщиками и потребителями по вопросу о расширении рынка СПГ, а также проведении рыночных изменений и реформ. Японские коммунальные компании ТЕРСО и Chubu объединили свои закупки СПГ, чтобы оказывать большее воздействие на цены и условиях контрактов. Это партнерство сделает компании крупнейшим отдельным игроком на рынке СПГ в мире. Кроме того, впервые японские и южнокорейские покупатели СПГ создали механизмы совместных закупок, чтобы повысить свою способность добиваться более выгодных цен и более гибких условий от поставщиков СПГ.

Эти и другие меры должны реализовываться во всем регионе, чтобы расширить рынки СПГ за счет повышения доступности цен. В частности, стороны заинтересованы работать над ускорением развития спотовых рынков СПГ и возможных торговых узлов. Сингапур пытается построить новый крупномасштабный торгово-перевалочный узел (hub) для нефтепродуктов и СПГ-хаб. Япония развивает свой собственный СПГ-хаб. Эти усилия могут существенно увеличить эффективность и географическую гибкость рынка и привести к возникновению конкуренции между различными видами поставок газа, что может, в свою очередь, сделать СПГ более доступным в Азии.

Новые поставки СПГ из США, которые появятся на рынке в ближайшие пять-десять лет, должны оказать влияние на цены по другим контрактам. Более того, положения о пункте назначения, которые ограничивают способность перенаправить законтрактованные объемы предложения на другие рынки, предполагается ослабить, чтобы создать более ликвидный и гибкий рынок. Американские контракты на поставки СПГ не содержат в себе подобных ограничений и могут помочь ускорить эти изменения, чтобы сделать ценообразование более прозрачным и менее жестким.

Стоит задача направить усилия правительств и ключевых игроков рынка также на снижение рыночных барьеров для новых поставок СПГ в Азию. И здесь особую роль могут сыграть США. Процесс выдачи разрешений на экспорт СПГ в страны, которые не имеют соглашений о свободной торговле с США, до сих пор остается весьма

извилистым и медленным. Этот процесс должен быть упрощен и ускорен.

США уже отменили 40-летний запрет на экспорт сырой нефти. Эта политика больше не имела смысла в эпоху роста американской добычи нефти и снижения зависимости от импорта. Американская легкая нефть из низкопроницаемых пластов становится избыточной для американской системы нефтепереработки, ориентированной в большей степени на тяжелую нефть, однако она очень высоко ценилась бы на азиатском рынке нефтепереработки. К тому же ВА остро нуждается в диверсификации своего импорта нефти и максимально возможном сокращении доли поставок с Ближнего Востока.

Поддержание роли восточноазиатских инвестиций

Правительство ВА нуждаются в стимулировании новых инвестиций в разведку и добычу как нефти, так и природного газа. Хотя Восточно-Азиатский регион имеет, по-видимому, более ограниченные геологические перспективы, нежели другие регионы, здесь все равно существуют крупномасштабные возможности освоения ресурсов, которые ограничены жестким контролем над иностранными и частными инвестициями в разведку и разработку нефти и газа.

Китай, Индонезия, Малайзия — это всего три примера стран, где более гибкий подход к входящим инвестициям мог бы привести к появлению значительных новых внутренних источников предложения в долгосрочной перспективе. Китай также мог бы выиграть от привлечения дополнительных инвестиций в освоение своих огромных ресурсов сланцевого газа.

Перспективы российско-азиатских энергетических связей

Россия представляет собой особый случай: ее рыночные возможности увеличения и диверсификации поставок нефти и газа в Азии огромны, однако обострившиеся стратегические противоречия и ограничения стоят на пути направления российских поставок туда, где они необходимы.

С одной стороны, Россия уже является значимым поставщиком в Азию — как через нефтепровод ВСТО, так и через поставки СПГ и нефти с проектов, реализуемых на острове Сахалин. Россия еще больше развернулась лицом к Азии в энергетике, подписав с Китаем масштабное соглашение о строительстве нового газопровода.

Тем не менее, Япония и Южная Корея присоединились к Западу в вопросе введения санкций в адрес России из-за ее политики в отно-

шении Украины, что ограничивает их способность работать с Россией по новым трубопроводным и СПГ-проектам. Два возможных СПГ-проекта на российском Дальнем Востоке представляются наиболее вероятными жертвами этих санкций. Новые планы экспорта газа России сейчас, судя по всему, концентрируются на Китае, однако Япония и Южная Корея также могут стать бенефициарами этих усилий в случае строительства трубопроводных ответвлений из Китая. Таким образом, Азия в целом значительно выиграет в энергетической сфере, если разрешение конфликта Запада и России приведет к снятию существующих санкций.

Продолжение усилий по укреплению региональных связей

Существуют и другие области, где действия властей могут улучшить интеграцию, гибкость рынков и безопасность предложения. В Юго-Восточной Азии существуют возможности для создания целостной газотранспортной сети за счет ускорения реализации концепции Азиатской газотранспортной сети. СВА и ЮВА обладают большим потенциалом строительства интегрированных трансграничных электроэнергетических сетей. Эти системы, однако, должны быть поддержаны более тесным сотрудничеством между странами региона.

Резюмируя все вышесказанное, можно утверждать, что в ВА существуют большие возможности повышения гибкости и адаптивности региональных рынков нефти и газа. Подобные усилия позволят улучшить энергетическую безопасность региона в новую эпоху роста зависимости от становящегося все более нестабильным Ближнего Востока.

Энергетическая безопасность Восточной Азии в условиях резкого падения цен на нефть и газ

Современная эпоха ознаменовалась другим знаменательным событием, открывшим новые возможности для обеспечения энергетической безопасности стран ВА. Если ранее страны региона, нетто-импортеры нефти и газа, рассматривали энергетическую безопасность в первую очередь как *«бесперебойность поставок в необходимых объемах по приемлемым ценам»*, то в 2014 г. необходимость акцентировать ценовой фактор отпала — в течение нескольких осенних месяцев произошло снижение мировых цен на нефть более чем вдвое. Средняя

цена на нефть упала до шестилетнего минимума в начале 2015 г., снизившись на 50 % в течение всего лишь одного года. Далее последовало, зачастую в автоматическом режиме, снижение цен на газ.

Если ранее практически все страны региона покупали нефть и газ с наценкой именуемой *Asian premium* (это одно из существенных обстоятельств, которое делало Восточную Азию особо привлекательным рынком сбыта нефти и газа⁴), то в 2014 г. эта наценка сначала резко пошла на убыль, а затем в большинстве контрактов вообще исчезла. Цены в газовых контрактах также определялись в основном уже без *Asian premium*.

Общая тенденция удешевления нефти и газа оказала в 2015 г. огромное воздействие на страны ВА, которые потребляют более половины мировой нефти. Абсолютное большинство оценок цен на нефть на перспективу пессимистично⁵. Но для ВА как региона, являющегося нетто-импортером нефти, такая тенденция в целом весьма выгодна, ибо дает передышку (скорее всего, достаточно длительную) после крайне неблагоприятного периода необычно высоких цен на нефть и газ.

Поскольку ВА ныне является центром глобального спроса на энергию, то энергетическая политика входящих в него стран в новых условиях может оказать, и отчасти уже оказывает, существенное воздействие на мировую энергетическую безопасность. В мире в целом падение цен на нефть подтолкнуло к изменениям в политике, потребительском поведении, а также в оценке перспектив развития рынков нефти и газа.

Однако то, как скажется на энергетической безопасности отдельных стран ВА резкое падение цен на нефть, зависит во многом от специфики их восприятия данного явления и соответствующей реакции на практике. В некоторых странах региона более низкие цены на нефть были восприняты как возможность провести столь необходимые политические реформы и улучшить торговый баланс; для других они вызвали серьезные негативные последствия.

Россия и энергетическая безопасность Восточной Азии

Низкие цены на нефть и газ, дополненные падением спроса на европейском рынке и ростом конкуренции за европейских потребителей между российскими, ближневосточными и африканскими поставщиками нефти и газа, делают ориентацию экспорта в восточном направлении и крупномасштабное сотрудничество с азиатскими партнерами стратегическим приоритетом для РФ.

Сотрудничество с азиатскими партнерами направлено не только на рост экспортных поставок, но и преодоление нехватки собственно российских инвестиций (учитывая низкие цены на нефть). Россия планирует частично решить последнюю проблему с помощью привлечения азиатских компаний в российские добывающие проекты. Если ранее иностранные инвесторы не могли приобретать доли участия в компаниях, разрабатывающих крупные месторождения (с запасами более 9,5 млн т), если эта доля превышает 10 %, то в настоящее время реализуется возможность предоставления инокапиталу возможности владеть долями в размере от 29 % до 49 % в добывающих компаниях, вплоть до наделения их правом приобретать контрольную долю в компаниях, разрабатывающих стратегические месторождения.

Учитывая стагнацию спроса на европейском рынке, Россия сталкивается с серьезной проблемой реализации крупных экспортных инфраструктурных проектов в восточном направлении на фоне растущей нехватки инвестиций из-за падения выручки энергетических компаний и доходов правительства РФ.

Так, например, к 2022 г. Россия планировала расширить пропускную способность нефтепровода Восточная Сибирь—Тихий океан (ВСТО) с текущего уровня в 50 млн т/год до 80 млн т/год. Чтобы обеспечить финансирование этих проектов, компания Роснефть использует долгосрочные контракты, позволяющие хеджировать риски. По данным на октябрь 2015 г., в рамках 30-летнего соглашения с Китаем было законтрактовано лишь 38 млн т/год нефти (76 % от общего потенциального объема поставок по ВСТО). Газпром строил грандиозные планы: в конце 2014 г. он прогнозировал, что поставки газа в Китай могут превысить текущий экспорт в Европу (150—160 млрд куб. м/год)⁶.

Но Китаю может не понадобиться столько российского газа: CNPC уже снизила прогноз спроса. Госплан КНР предполагает, что к 2020 г. потребление газа в стране превысит 360 млрд куб. м, но CNPC ожидает, что спрос в лучшем случае достигнет 334 млрд куб. м, а в худшем — не превысит 269 млрд куб. м. К 2020 г. Китай будет импортировать 75—80 млрд куб. м трубопроводного газа. Сейчас этот объем он получает из Туркмении и Мьянмы. Тогда же начнутся поставки газа в небольших объемах из РФ по газопроводу «Сила Сибири».

К 2030 г. сам Китай намерен добывать 270—346 млрд куб. м (в зависимости от успехов в разработке месторождений сланцевого газа), импортировать по трубам 120—130 млрд куб. м и еще 70—80 млрд куб.

м в виде СПГ (в том числе из России). Большинство месторождений, где потенциально ожидается рост добычи газа, находятся в западных и северо-центральных регионах Китая. Именно в эту часть Китая должен был выйти планируемый газопровод «Сила Сибири-2». Однако пока неясно, когда начнется его строительство, в том числе и потому, что стоимость его резко возросла⁷.

Получается, что, даже если другие страны не будут наращивать поставки трубопроводного газа в Китай, на долю Газпрома к 2030 г. придется не более 40—55 млрд куб. м в год. Заключение второго газового контракта с Китаем пока откладывается. Ван Чжэнь пояснил, что Китай возлагает большие надежды на сланцевый газ, старается привлечь к его добыче частные компании и развивать необходимую инфраструктуру. Если в Китае произойдет сланцевая революция, то избыток предложения газа на китайском рынке может достичь 100 млрд куб. м. Но даже если прорыва в этой сфере не случится, дефицита газа не будет.

Россия связывает большие надежды с Восточной Азией, однако, несмотря на то, что крупномасштабные нефтегазовые контракты с Восточной Азией обсуждались на протяжении более чем 20 лет, их результаты к настоящему времени довольно скромны, даже принимая во внимание недавнюю сделку между Россией и Китаем. Газовые контракты с Японией и Южной Кореей так и не получили развития, а Китай будет покупать российский газ фактически по себестоимости.

Единственным достижением российских продаж энергоносителей в Азию до заключения газовой сделки с Китаем в мае 2014 г. стали продажи нефти в Китай. Тем не менее, Россия заключила контракты по нефти, лишь получив китайские кредиты, оцениваемые примерно 25—30 млрд долл., для Роснефти и разрешив китайской Sinopec приобрести нефтегазовые активы в России.

Российская энергетическая политика пока не достигла сколько-нибудь существенных результатов и на японском и южнокорейском направлениях. Если Россия не сможет расширить круг потребителей своих нефти и газа в ВА, то будет вынуждена принять де-факто китайскую монополию на инвестиции в российскую энергетику на Дальнем Востоке и, соответственно, мириться с еще большей зависимостью от Китая.

Долгосрочные планы РФ по строительству Транскорейского газопровода, связывающего восточносибирские месторождения с Корейским полуостровом, пока не реализованы. Падение цен на нефть еще

больше ослабит перспективы энергетических и иных инфраструктурных проектов между Южной Кореей и Россией. Низкие цены разбили надежды на реализацию давних планов РФ по строительству Транскорейского газопровода, соединяющего полуостров с восточно-сибирскими и арктическими месторождениями.

В отсутствие согласия Пхеньяна любой газопровод из России в Южную Корею пройдет через территорию Китая, поскольку Пекин уже выступил против любых альтернатив через территорию Монголии. Трубопровод в Южную Корею через Северную Корею мог бы пойти в обход Китая, снизив влияние последнего на Россию. Этот трубопровод дал бы альтернативных потребителей российских энергоносителей, способствуя укреплению переговорных позиций РФ с Китаем по поводу цен на поставляемый ему газ.

* * *

В заключение представляется возможным констатировать, что страны ВА в целом сталкиваются с фундаментально изменившимся набором глобальных и региональных проблем в области энергетической безопасности. Решение этих проблем потребует более масштабного сотрудничества, а также признания, что энергетическая безопасность — это не игра в национальное соперничество и завоевание преимуществ с нулевой суммой. В реальности, это — игра с положительной суммой, в рамках которой достигаются общие и взаимовыгодные цели и результаты. Страны региона должны подняться до осознания этого факта и стоящих перед ними проблем.

Примечания

¹ Автор ограничился анализом проблем энергетической безопасности применительно к нефти и газу, не умаляя роли угля, атомной энергии и альтернативных источников энергии.

² Asian Pacific Potential // The Oil & Gas Journal. 25.05.2015. P. 24.

³ В арабских странах его принято именовать Арабским.

⁴ По разным оценкам, сделанным в Японии, Китае и Южной Корее, по нефти она составляла для поставок с Ближнего Востока от 1 до 1,5 долл. за баррель.

⁵ Так, эксперты известной консалтинговой компании Robert W. Baird & Co., занимающейся анализом тенденций развития мирового рынка энергоно-

---

сителей, однозначно прогнозируют длительное снижение цен на нефть и газ (Daugherty Deon. Oil Prices Expected to Go Lower for Longer. June 26, 2015. Available at: URL: http://www.rigzone.com/news/oil_gas/a/139348/Survey_Oil_Prices_Expected_to_Go_Lower_for_Longer#sthash.xtAsMRdD.dpuf (accessed 27.06.2015). К ноябрю 2015 г. средняя стоимость барреля нефти, проданного странами ОПЕК (так называемая корзина ОПЕК), упала ниже 40 lkk/ впервые с 2009 года. URL: <http://www.rbc.ru/economics/16/11/2015/564a31349a7947e0552c1872> (16.11.2015).

⁶ Ставка Газпрома на Азию может не оправдаться. URL: <https://news.mail.ru/economics/23483111/> (02.10.2015)

⁷ «Сила Сибири» подорожала более чем наполовину. URL: <https://news.mail.ru/economics/24133012/?frommail=1> (30.11.2015).

Н.Г. Рогожина

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Влияние экологических процессов на безопасность оценивается по-разному: традиционно — как непосредственная причина возникновения внутренних и международных конфликтов, принимающих нередко форму вооруженных столкновений; более широко — в контексте взаимосвязи проблем экологии, развития и безопасности. Во втором случае во главу угла ставится вопрос о дестабилизирующем воздействии экологического кризиса на социально-экономическое и политическое развитие страны, на обострение внутренних проблем, способных создать угрозу национальной, региональной и глобальной безопасности. Чаще всего непосредственным результатом деградации природы становятся резкое ухудшение здоровья населения, снижение роста аграрного производства, общий спад экономической активности, обострение проблемы бедности и увеличение социальных диспропорций, политическая нестабильность, этнические и религиозные конфликты.

Для стран Восточной Азии обращение к теме экологической безопасности связано не только с международными конфликтами, вызванными соперничеством за ограниченные природные ресурсы и их деградацией (хотя таковые имеют место быть: по международным водным ресурсам, по природным ресурсам Южно-Китайского моря). Более веской — прямой причиной является осложнение перспектив достижения экономического и социального прогресса, которые непосредственно связаны с решением экологических проблем.

При всем многообразии стран, входящих в состав Восточной Азии и многовариантности их развития выделим общую причину обострения их экологических проблем — развитие индустриального

общества с присущими ему приоритетными ценностными установками на наращивание темпов экономического роста, который обеспечивается экстенсивным путем за счет переэксплуатации природных ресурсов и загрязнения окружающей среды.

Страны Восточной Азии относятся к разряду наиболее динамично развивающихся. Но за свой экономический рост они заплатили высокую экологическую цену, которая измеряется экономическими и социальными потерями, эквивалентными 5—13 % ВВП. Обострение экологической ситуации в регионе проявляется в деградации водных и земельных ресурсов, росте объемов выбросов загрязняющих веществ в атмосферу и водное пространство, обезлесении, в потере биоразнообразия, разрушении экосистем. При этом экологические проблемы стран ВА выходят за рамки национальных границ и приобретают глобальный характер, прежде всего вследствие их воздействия на изменение климата, связанного как с ростом объемов выбросов парниковых газов (по этому показателю Китай лидирует в мире), так и с распространением процесса обезлесения (прежде всего, в Индонезии и странах Индокитая).

В целом, деградация окружающей среды превращается в тормоз экономического прогресса стран Восточной Азии и ведет к утрате конкурентоспособности их экономик, ориентированных на внешние рынки, где в последние годы ужесточаются требования к экологическому качеству товаров и услуг.

Именно этими соображениями и руководствуются многие страны Восточной Азии, выдвигая защиту окружающей среды в число приоритетов национальной безопасности. И выражая опасения по поводу продолжающегося ухудшения экологической ситуации, они сегодня открыто заявляют о необходимости изменения традиционного подхода к развитию по формуле «сначала надо стать грязным, а потом думать о чистоте окружающей среды», последствием которого стало превращение ВА в один из самых экологически неустойчивых регионов в мире.

Экологические проблемы Китая в контексте обеспечения национальной безопасности

Нависшую над страной экологическую угрозу, способную подорвать стабильность существующей экономической и политической системы, сегодня открыто признает руководство КНР. Разрастание

экологических проблем в Китае при общей основе их возникновения в мире приобрело чрезвычайно опасный для страны характер. Это вызвано, во-первых, особым воздействием демографического фактора на весьма скудные природные ресурсы (по мнению китайских специалистов, численность населения — с точки зрения ресурсной обеспеченности — в 1,5—2 раза превышает «оптимальный уровень»)¹. Второй причиной является масштабность допущенных руководством страны ошибок при проведении политики «большого скачка» и «культурной революции», которые приумножили неизбежные экологические затраты форсированной индустриализации.

Все осуществленные в мире индустриальные революции сопровождались ростом загрязнения и деградацией окружающей среды. Но китайская промышленная революция, которая проводится в сжатые в историческом плане сроки и отличается масштабностью перемен в экономике, привела к необратимым изменениям в экологической сфере. Экологические потери экономической модернизации в Китае выше в сравнении с другими развивающимися странами (если в среднем по Восточно-Азиатскому региону этот показатель составляет 5 %, то для Китая он оценивается выше и возрастает из года в год). По данным Министерства охраны окружающей среды, в 2010 г. экологический ущерб оценивался в 230 млрд долл., что в четыре раза превысило показатели за 2004 г.²

Согласно официальным заявлениям, особую угрозу для безопасности страны представляют три проблемы — качество водных ресурсов, загрязнение воздушного пространства в городах, деградация земельных ресурсов. Статистика свидетельствует о том, что четверть китайцев пьет воду, не соответствующую стандартам, а треть горожан дышит загрязненным воздухом. По данным ВОЗ, 7 из 10 самых грязных городов мира находятся в КНР, в том числе и столица страны³. Только девять из 161 города, где проводится мониторинг качества воздушного пространства, отвечают требованиям новых экологических стандартов, введенных в 2014 г.

Согласно последнему исследованию Berkeley Earth, загрязнение воздуха ежедневно убивает 4 тыс. китайцев, или 1,6 млн человек в год, что составляет 17 % от общего количества смертей⁴. В стране насчитывается 200 «раковых деревень», а в Пекине число заболевших раком легких возросло на 60 % в течение последнего десятилетия⁵. Смертность в Китае от неблагоприятной экологии в 4 раз выше, чем в развитых странах⁶. Высокий уровень загрязнения атмосферы, который вызывает рост расходов на здравоохранение и приводит к снижению

производительности труда⁷, оценивается как ежегодный ущерб экономике в 6,5 % ВВП. И эта сумма будет возрастать по мере увеличения численности городского населения.

Кислотные дожди наносят вред одной трети территории страны. Около 27 % земельных угодий превращены в пустыни (в период с 1994 г. по 2009 г. ежегодный рост площади пустыни вырос с 2300 кв. км до 3500 кв. км, а ущерб экономике страны составил 8,3 млрд долл.)⁸, а на 37 % идет процесс эрозии почв. Все это в сочетании с обострением водной проблемы становится ограничителем роста аграрного производства. В Центральном Китае используется каждый клочок земли, в Северном Китае есть земля, но нет воды.

Процесс деградации земельных ресурсов — прямой результат расширения хозяйственной активности и проводимой экономической политики, которая еще в годы «большого скачка» с его лозунгом «зерно — главное звено» привела к истреблению лесов, распашке лугов, осушению болот, вызвав необратимые последствия в природной среде, которые сегодня дополняются результатами развития промышленности. Загрязнению подвержено около 10 млн из 120 млн га посевной территории страны. В результате этого ежегодно теряется 10 % выращенного в стране риса⁹.

Но обеспечение продовольственной безопасности страны требует решения не только земельного, но и водного вопроса. Китай стоит на пороге самого крупного в мире водного кризиса. Несмотря на то, что по общему объему водных ресурсов Китай занимает 3-е место в мире, в пересчете на душу населения имеет только четверть от общемирового показателя. Как следствие этого треть китайских городов сталкиваются с дефицитом водоснабжения, а 12,5 % крестьянских хозяйств не получают достаточного количества воды (в северном Китае этот показатель составляет 70 %), что приводит к потере урожайности. Возможности же удовлетворения возрастающего спроса на воду — 1000 млрд куб. м к 2030 г. (на треть больше по сравнению с 2013 г.) ограничены, несмотря на предпринимаемые Китаем меры по увеличению ее запасов. Было построено 860 тыс. хранилищ воды, емкостью 692,4 млрд куб. м, что потребовало крупных капиталовложений¹⁰. Поэтому и процесс индустриализации в Китае идет сложнее по сравнению с Японией или Южной Кореей, где воды было в достатке.

Экономические затраты, связанные с нехваткой водных ресурсов, дополняются потерями, вызванными повышением уровня их загрязнения. Загрязнено 70 % водных ресурсов КНР, при этом вода из 52

рек, протекающих через городские поселения, не может быть использована даже для орошения¹¹. От загрязнения водных ресурсов в первую очередь страдают промышленно развитые регионы — юг и восток страны. Общие социальные потери, связанные с этим, оцениваются в преждевременной смерти 60 тыс. человек ежегодно, не говоря уже о том, что в целом неблагоприятная ситуация с качеством водных источников угрожает 360 млн китайцев.

Тенденция к обострению экологических противоречий на современном этапе развития Китая сохраняется, чему способствуют следующие моменты. Конкурентоспособность страны в глобальной экономике в значительной мере обеспечивается за счет минимизации вложений в экологическую и социальную сферу в рамках осуществления модели экстенсивного экономического роста. Связанный с этим иррациональный характер использования природных ресурсов (с сопутствующим увеличением производства отходов) усугубляется нарастанием нагрузки на природные системы со стороны растущего по численности населения¹². Именно это обстоятельство и обуславливает выход экологических проблем Китая за рамки национальных границ¹³.

Однако по мере увеличения численности населения и роста его доходов при сохранении высокой экономической динамики в рамках существующей модели развития спрос на природные ресурсы будет только расширяться. И это грозит глобальными изменениями на мировых товарных рынках, провоцируя конфликт интересов в мире. Уже сегодня Китай вынужден удовлетворять свой возрастающий спрос на природные ресурсы за счет их импорта. За последние десять лет страна совершила такой качественный скачок в потреблении, который на Западе занял сто лет¹⁴. Темпы потребления материальных и энергетических ресурсов в КНР превосходили среднемировые показатели¹⁵.

Тем не менее, возможности удовлетворения этих потребностей уже сегодня ограничены¹⁶, и это угрожает перспективам экономического развития и нарастанию социально-экономических конфликтов в обществе при обострении соперничества за доступ к природным ресурсам между городом и деревней, между промышленностью и сельским хозяйством. Ситуация усугубляется и тем, что природные ресурсы, население и производство распределены по территории страны крайне неравномерно.

Но интерес китайского руководства к проблеме охраны окружающей среды мотивируется не только прагматическими причинами эко-

номического свойства, но и политическими соображениями. Дегра- дация окружающей среды представляет все большую угрозу для под- держания политической стабильности, поскольку может ослабить экономическую основу существующей политической власти и вы- звать рост социальной напряженности. Местные чиновники не без основания долгое время опасались, что если население узнает всю правду об уровне загрязнения окружающей среды, это может спрово- цировать социальный взрыв¹⁷.

Несмотря на то, что власти КНР долгое время относили экологи- ческую информацию к разряду секретной, утаить от общества правду об обостряющейся экологической ситуации они уже не могут. Да и население стало активно реагировать на экологическую угрозу своему существованию. Некоторыми экспертами даже рассматривается веро- ятность перерастания экологических протестов, число которых в по- следние годы увеличивается по мере резкого ухудшения состояния атмосферы и водных ресурсов, а также в результате поглощения па- хотных площадей городами и промышленными объектами, в общеде- мократическое движение. В экстремальных условиях, например, при резком обострении водной проблемы, социальное недовольство в об- ществе может проявиться в форме его массовой политической моби- лизации с угрозой для ослабления власти КПК в стране.

На волне массового недовольства ростом загрязнения атмосфе- ры (прежде всего в Пекине) власти страны вынуждены были пойти в 2014 г. на уступки в предоставлении населению данных о монито- ринге воздушного пространства в 170 городах страны, что является большим прогрессом в сравнении с ситуацией двухгодичной дав- ности¹⁸.

Сегодня КНР подошла к тому рубежу своего развития, когда воз- никла настоятельная потребность усилить экологическую состав- ляющую национальной стратегии развития. Если исходить из таких показателей, как увеличение объема инвестирования в экологиче- скую сферу, число закрытых вредных производств¹⁹, количество принятых новых законов и программных документов, то власти Ки- тая действительно проявляют заинтересованность в минимизации экологического риска бурного экономического развития, исходя из однозначного вывода о негативном воздействии деградации окру- жающей среды на темпы экономического роста и перспективы мо- дернизации страны²⁰.

Как и в начале 1980-х годов, когда государство приступило ры- ночным реформам, так и сегодня, когда оно планирует структурные

преобразования экономики, интерес к экологической проблематике резко повышается. Новые задачи диктуют и изменения в экологической политике, что важно с учетом вхождения Китая в группу средне-развитых стран. При увеличении в 2020 г. объема ВВП в четыре раза по сравнению с 2000 г. это предполагает отказ от традиционной модели экстенсивного экономического роста.

Нехватка природных ресурсов уже сегодня ставит вопрос об их рациональном использовании, что, в свою очередь, отвечает интересам интенсификации экономического развития и перехода страны на качественно новую ступень индустриального развития при опоре на новейшие достижения науки и техники. Последнее должно обеспечить Китаю и конкурентные преимущества на мировом рынке.

Именно поэтому одновременно с ужесточением мер по контролю над загрязнением²¹ государство все больше внимания уделяет тем направлениям экологической деятельности, которые дают к тому же высокую экономическую отдачу. Речь идет о развитии альтернативных источников энергии²², внедрении «зеленых» технологий, повышении ресурсоэнергоэффективности экономики. Это — необходимое условие ее дальнейшей модернизации на качественно новой технологической базе и средство сокращения выбросов парниковых газов, по показателю которых Китай вышел на 1-е место в мире. Объем выброса двуокиси углерода США, которые в списке его производителей стоят на 2-м месте в мире, составляет две трети от китайского показателя²³.

В КНР провозглашен курс на создание экоцивилизации, концепция которой одобрена в 2013 г. Всекитайским собранием народных представителей и с тех пор стала политической программой развития страны. Построение экоцивилизации (чисто китайский феномен, не имеющий аналогов в мире), по словам Председателя КНР Си Цзиньпина, представляет собой «китайскую мечту» по модернизации страны в соответствии с идеями социализма, имеющими китайскую специфику²⁴. Речь идет о совершении стратегического перехода от экстенсивного использования природных ресурсов в промышленности и сельском хозяйстве к развитию современных технологий, присущих инновационному обществу.

Выдвижение задачи по построению подобного общества используется властями в качестве аргумента, оправдывающего реформу госкомпаний, налоговую и судебную реформы, другие крупномасштабные изменения в стране²⁵. Новая программа «зеленого развития» Китая утверждает приоритет экологических критериев перед ростом

ВВП при оценке деятельности местных органов власти, а также вводит в практику менеджмента предприятий отчетность об их экологической деятельности, доступную для общественности²⁶.

По мнению руководителей страны, Китаю предстоит показать миру новый сценарий неоиндустриализации, основанный на развитии новых технологий, рациональном потреблении природных ресурсов, на снижении уровня загрязнения окружающей среды, полной реализации преимуществ огромного человеческого потенциала страны²⁷.

Постановка этой задачи на высшем политическом уровне является ответом на обостряющийся в стране экологический кризис и знаменует собой новый этап в осуществлении мер, направленных на обеспечение экологической безопасности²⁸. Сам факт выдвижения такой задачи говорит о серьезной обеспокоенности китайских властей обострением экологической ситуации. К тому же на Китай оказывается сильное политическое давление со стороны международной общественности, озабоченной изменением климата и ролью КНР в этом процессе.

Но обеспечение экологически безопасного развития зависит не только от политической воли руководства страны. Сегодня она сталкивается с немалыми трудностями в реализации нового курса — не хватает финансовых²⁹ и технических ресурсов, поддержки со стороны местных органов власти, по-прежнему отдающих приоритет экономическим ценностям развития³⁰. Но главная трудность в другом — в необходимости перестройки всей экономики³¹. Отсутствие современной производственной, а не только экологической технологии снимает вопрос о способности Китая в течение ближайших лет приостановить процесс разрушения природы. Не идет руководство и на проведение реформ по расширению участия населения в процессе принятия решений³². Без этого многие меры в экологической сфере обречены на провал.

Поэтому строить иллюзии по поводу создания в стране действенной системы экологической безопасности пока не приходится. Экологическая ситуация в Китае, скорее всего, станет еще хуже, прежде чем улучшится. И проблема в том, насколько эффективно будет осуществляться принятый сейчас технико-экономический подход к обеспечению экологической безопасности. Спасение с помощью науки и техники — таков лозунг власти, взятый ею сейчас на вооружение и успешно апробированный в Японии.

Южная Корея — зигзаги «зеленого развития»

В сопоставлении с Китаем экологическая ситуация в Южной Корее выглядит не столь драматичной, что обеспечивается достаточно эффективной экологической политикой государства. Но так же как и в Китае, забота об охране окружающей среды мотивирована прежде всего экономическими соображениями. Стоит задача придать импульс экономическому развитию, темпы роста которого стали снижаться, что является показателем исчерпания реализуемой модели догоняющего развития в ее индустриальном варианте. Решение этой задачи рассматривалось прежним президентом страны Ли Мён Баком в рамках реализации стратегии «зеленого роста», основным средством которой должны были стать достижения научно-технического прогресса. Как заявил в интервью Korea Herald бывший премьер-министр страны Ли Хон Гу, «Корея, которая отставала в развитии экологической науки в мире, сегодня становится объектом всеобщего внимания благодаря провозглашению курса на зеленый рост»³³.

Принятый в 2009 г. и рассчитанный до 2050 г. проект зеленого роста должен привести к структурным сдвигам в экономике страны в направлении преимущественного развития наукоемких и технологичных отраслей с целью повышения ее энергоэффективности и повышения конкурентоспособности путем создания экспортных возможностей для новой индустрии зеленых технологий, товаров, услуг. Ли Мён Бак оценил эти экономические изменения как шанс для вхождения страны в постиндустриальный мир³⁴. На инвестиции в зеленые технологии выделялось 25 % от всего объема вложений в НИОКР³⁵.

Но забота об охране окружающей среды, которая укладывалась в концепцию зеленого развития, преимущественно рассматривалась в рамках снижения угрозы изменения климата. Принятие соответствующих мер должно было повысить авторитет и влияние Южной Кореи в мире как надежного и ответственного члена международного сообщества, готового взять на себя добровольные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов (на 30 % к 2020 г.), и избежать возможного применения против нее, как одного из крупнейших производителей двуокиси углерода³⁶ торговых ограничений со стороны европейских стран³⁷.

Стратегия зеленого роста как в Южной Корее, так и в Китае является неотъемлемой частью их экспортноориентированного развития и основывается на амбициозных целях использования своих технологических ресурсов. Их создание оценивается обеими странами как

стратегически важное для роста производства, позволяющее занять лидирующие позиции в мире.

Зеленое развитие стало новой экономической философией, в которой охране окружающей среды отводится роль двигателя экономического прогресса в рамках перехода от материальной цивилизации трех последних столетий к зеленой цивилизации XXI века, основанной на гармоничном сосуществовании человека и природы³⁸.

Аналогично ситуации, складывающейся в Китае, интерес к новой модели развития исходил прежде всего от руководителя страны. С его сменой в 2013 г. произошли изменения и в оценке зеленого роста как фактора обеспечения экологически безопасного развития. Преимущественно экономическая мотивация предлагаемой стратегии развития ослабляла ее экологическую значимость. Но слабым оказался не только экологический компонент стратегии зеленого роста, не была просчитана до конца ее экономическая составляющая — те неизбежные затраты, которые вынужден нести бизнес в случае перестройки на новые ориентиры развития. Если на развитие современных технологий власти планировали выделить 6,7 млрд долл. в течение первых пяти лет осуществления стратегии зеленого развития, то вклад частного бизнеса оценивался в 83,6 млрд³⁹. Большое недовольство бизнеса вызывает проект создания рынка продажи квот на выбросы двуокиси углерода, запланированный на 2015 г., реализация которого обойдется ему в 26,7—28,9 млрд долл. в течение трех лет⁴⁰.

Новое правительство пока не имеет четкого представления о том, каким образом следует обеспечивать экологически безопасное развитие, говоря лишь о необходимости сохранения своих обязательств перед мировым сообществом по сокращению выбросов парниковых газов.

Означает ли это отход от провозглашенной стратегии зеленого роста? Скорее, сделана корректировка курса с учетом наличных технологических возможностей и снижения угрозы потери конкурентоспособности ведущих отраслей корейской экономики (сталелитейной, автомобильной, химической промышленности, судостроения) в краткосрочной перспективе.

Дело в том, что обеспеченность современными технологиями, которые требуются для сокращения выбросов двуокиси углерода и повышения энергоэффективности промышленности, остается довольно низкой и составляет только 50 % от уровня развитых стран, которые и являются их основными импортерами.

Сейчас разрабатывается сценарий реализации новой концепции под условным названием «Зеленый рост 2.0» с еще до конца не прора-

ботанным содержанием. Говорится о создании так называемой творческой (креативной) экономики, основанной, по словам президента Пак Кын Хе, на слиянии информационных технологий, культуры и промышленности.

Но эти концептуальные недоработки в стратегии будущего эколого-экономического развития Южной Кореи не противоречат проводимой ею политике по оказанию «зеленой» помощи странам Восточной Азии в объеме 200 млн долл. в год в соответствии с намеченными целями — укрепить позиции в регионе в ожидании роста рынков зеленых товаров и услуг и занять особое место в обеспечении экологической безопасности в мире как мостика между развитыми и развивающимися странами.

Страны ЮВА в поисках выхода из экологического кризиса

Проблема обеспечения экологически безопасного развития привлекает сегодня особое внимание руководства стран ЮВА. Повышение актуальности экологической проблематики в мировой политике и экономике не могло не повлиять на отношение стран ЮВА к вопросам охраны окружающей среды.

Страны ЮВА демонстрируют устойчивые темпы экономического роста на протяжении последних десятилетий, что позволило повысить благосостояние населения региона. Но за это была заплачена высокая экологическая цена. Их экономическое и социальное развитие сопровождалось увеличением нагрузки на природные ресурсы и ростом загрязнения окружающей среды. И, судя по всему, ситуация в сфере экологии будет только обостряться исходя из ряда факторов. Это быстрое экономическое развитие, улучшение материального положения и увеличение численности населения, урбанизация, глобализация торговли и расширение спроса на природные ресурсы, стремительный рост потребностей в энергетических ресурсах, последствия изменения климата⁴¹.

Нарастающая экологическая напряженность в странах ЮВА представляет угрозу для их безопасности по двум основным причинам. Во-первых, налицо утрата природного капитала, потребность в котором только увеличивается с ростом индустриального производства и доходов населения при сохранении большой прослойки бедных, существующих за счет использования природных ресурсов.

Во-вторых, усиливаются риски для здоровья населения, так как оно испытывает последствия загрязнения окружающей среды, проявляющегося в ухудшении качества водных ресурсов и воздуха, прежде всего в городах.

По сравнению с Южной Кореей и Китаем, экономический рост стран ЮВА в большей мере происходит за счет использования обширного природного капитала⁴². О расточительном характере природопользования можно судить по объему энергопотребления в ЮВА, который ежегодно возрастает на 4 %⁴³, а к 2020 г. увеличится в три раза по сравнению с 1990 г. В значительной мере это объясняется высокой энергоемкостью экономик стран ЮВА. Интенсивная эксплуатация возобновляемых и невозобновляемых природных ресурсов, таких как лесные, рыбные, минеральные компоненты, обернулась их деградацией. По имеющимся прогнозам, к 2100 г. страны Юго-Восточной Азии потеряют три четверти своих лесов, 42 % своего биоразнообразия⁴⁴.

Загрязнение твердыми частицами воздушного бассейна городов Вьетнама, Индонезии, Мьянмы и Камбоджи в четыре раза превышает соответствующие показатели в Германии и во Франции. Экономическая стоимость загрязнения атмосферы в Индонезии оценивается в 5,5 млрд долл. в год, или 1,3 % ВВП⁴⁵. Сокращение на 20 % концентрации твердых частиц в воздухе Бангкока принесет доход от улучшения состояния здоровья населения в размере 0,4—1,6 млрд долл., в том числе за счет снижения концентрации свинца — 0,3—1,5 млрд долл.⁴⁶

Серьезной проблемой для большинства стран ЮВА является загрязнение водоемов и грунтовых вод тяжелыми металлами, кислотами, маслами. Ухудшение качества водных ресурсов угрожает перспективам решения экономических и социальных задач. По оценкам МБРР, предотвращение загрязнения водных ресурсов в Индонезии может привести к снижению на 50—60 % смертности населения, что даст выигрыш в 213—315 млн долл.⁴⁷ Индонезия имеет самые худшие в регионе показатели доступа населения к чистой воде — его имеют 30 % горожан и всего 10 % сельских жителей.

Все эти проблемы будут только нарастать с изменением климата, хотя последствия уже сегодня проявляются в интенсивности стихийных бедствий. Каждый год на Филиппины обрушивается до 20 тайфунов, а в 2013 г. тайфун Haiyan обошелся экономике в 192 млрд долл. и унес жизни 6300 человек.

Высокая энергоемкость экономики стран региона⁴⁸, стимулируемая расширением экономической активности и увеличением числен-

ности населения, использование угля в качестве основного энергетического источника — все это ведет к росту выброса парниковых газов. Их объем, по оценкам Международного энергетического агентства, удвоится в период с 2011 по 2035 г., что превосходит показатели для развитых стран и сопоставимо с данными по Китаю и Индии⁴⁹.

Хотя в целом доля субрегиона в общемировом производстве парниковых газов остается скромной (3,8 %), однако, судя по данным Азиатского банка развития, это нанесет ему экономический ущерб от потепления климата к 2100 г. в 6,7 % ВВП ежегодно, что в 2 раза выше среднемирового показателя⁵⁰.

Резкое ухудшение состояния окружающей среды во всех странах ЮВА ставит под сомнение устойчивость осуществляемой модели экономического развития. Ее реализация чревата не только ухудшением экологической ситуации, но и не гарантирует устойчивости экономической системы, ограничивая ресурсную базу производства (как природную, так и людскую). Соответственно, возрастают и экономические затраты на восстановление природных ресурсов и улучшение состояния окружающей среды. Ситуация усугубляется тем, что расходы на преодоление экологических последствий форсированной экономической модернизации превышают возможности даже стран с высокими темпами экономического роста. По заявлению секретариата АСЕАН, «невосполнимое истощение региональных природных ресурсов и деградация окружающей среды будут иметь далекоидущие последствия для региональной экосистемы и поддержания качества жизни»⁵¹.

Становится очевидным, что регион не может позволить себе следовать традиционным путем развития, основанным на принципе «сначала рост, потом борьба с загрязнением», и должен достичь экологических целей развития. Перспективы достижения долгосрочного экономического и социального прогресса стран ЮВА зависят от того, смогут ли они повысить эффективность использования природных ресурсов, предотвратить процесс их истощение и улучшить качество окружающей среды⁵².

Решение о переходе к «стратегии зеленого роста», поддержанное странами ЮВА, было принято еще в 2005 г. на 5-й конференции министров по охране окружающей среды стран АТР. Провозглашение этой цели придало четкую направленность экологической политике стран ЮВА, которые исходят из того, что забота об охране окружающей среды становится локомотивом их экономического роста и позволяет им повысить конкурентоспособность своей экономики на ос-

нове развития и внедрения чистых технологий и распространения чистого производства.

В Таиланде концепция зеленого развития нашла отражение в стратегии «экономики самообеспечения», которая вписана в общий контекст социально-экономического развития страны на 2012—2016 гг. и нацелена на соблюдение паритета экологических и экономических возможностей. Это дало толчок развитию чистого производства и зеленой индустрии, а у государства возник стимул к поддержке инноваций в сельском хозяйстве, в управлении отходами, в производстве альтернативных источников энергии⁵³.

Побудили к этому таиландское правительство и опасения по поводу ужесточения экологических требований к ведущим экспортным товарам страны на международных рынках. Оно также проявило стремление повысить эффективность производства, потребления за счет использования современных технологий с целью снизить давление на ограниченные природные ресурсы, необходимые для поддержания экономического роста, обеспечить энергетическую и продовольственную безопасность.

В Камбодже принята Национальная дорожная карта зеленого роста (National Green Growth Roadmap), хотя, как свойственно такому типу документов, она носит в основном декларативный характер. Государство уделяет внимание решению задач по развитию гидроэнергетики с целью обеспечения энергетической безопасности страны и снижения стоимости электроэнергии, которая является одной из самых высоких в мире. Но, приступая к осуществлению этой задачи путем строительства плотин на реке Меконг, власти Камбоджи столкнулись с серьезной оппозицией других государств Индокитая, расположенных в бассейне этой реки, обеспокоенных нарушением экологического баланса и ухудшением продовольственной ситуации.

Чтобы предотвратить возникновение конфликтной ситуации в субрегионе, Камбоджа планирует отказаться от сооружения крупных плотин и строить микрогидроэнергетические объекты, которые пройдут социальную и экологическую оценку, чтобы исключить вероятность нанесения ущерба окружающей среде и переселения людей с затопляемых территорий.

Еще одной экологической проблемой для Камбоджи, вызывающей обеспокоенность международной общественности, является ускоряющийся процесс истребления тропических лесов в основном из-за распространения нелегальной лесоразработки. В связи с этим власти страны объявили о стремлении сохранить лесные угодья на

60 % территории и увеличить площадь государственного лесного хозяйства в 2 раза к 2029 г.

Самую большую угрозу экологической безопасности Камбоджи и, особенно, Вьетнама представляет развернутое в верхнем течении р. Меконг строительство ГЭС, которое ведется китайскими компаниями с согласия Лаоса на средства Таиланда. Оно грозит уничтожением рыбных ресурсов для значительной части населения этих стран, обмелением и затоплением пахотных земель солеными водами моря в дельте Меконга, являющейся житницей Вьетнама.

Власти Индонезии тоже уделяют внимание сохранению тропических лесов, которые за период с 2000 по 2012 г. сократились по площади на 6 млн га. По темпам их истребления Индонезия превзошла Бразилию⁵⁴. Потеря лесов вызвана в основном четырьмя причинами — коммерческие лесоразработки, развитие плантационного хозяйства, развитие добывающей промышленности и производство пальмового масла. Провозглашена задача обеспечить на 90 % выполнение добровольных обязательств по сокращению выбросов парниковых газов на 26 % к 2020 г. (а при международной поддержке и 30 %). В рамках постановки этих задач и при получении международной финансовой поддержки Индонезия с 2009 г. приступила к осуществлению программы REDD+ по сокращению эмиссии парниковых газов путем введения моратория как на лесоразработки, так и выдачу лицензий на производство пальмового масла.

Переход к зеленому развитию означает также изменение структуры энергопотребления за счет использования возобновляемых источников энергии, доля которых должна возрасти с 4 % в 2006 г. до 15 % к 2025 г. в значительной мере благодаря производству биотоплива на территории в 10 млн га к 2025 г.

Вьетнам поставил перед собой цель к 2050 г. создать зеленую экономику, которая обеспечит сохранение природного капитала и сокращение выбросов парниковых газов при поддержке темпов роста экономики за счет развития и использования новых технологий. Потребление энергии в расчете на единицу ВВП будет уменьшаться на 1,5—2 % в год, интенсивность выбросов парниковых газов — на 8—10 %, а в случае получения международной поддержки этот показатель будет удвоен⁵⁵.

Учитывая наличие большой дифференциации в уровне социально-экономического развития стран ЮВА, можно предположить, что процесс создания низкоуглеродной зеленой экономики в субрегионе будет растянут во времени, сопровождаясь появлением «лидеров»

и «аутсайдеров». Среди явных лидеров в реализации этого курса можно выделить Малайзию и Сингапур, которые придерживаются курса на осуществление зеленой революции на базе развития новых технологий. Зеленый рост будет привлекать инвестиции в сохранение природного капитала, обеспечение экономической устойчивости.

Включение экологического императива в стратегию экономического развития на раннем этапе индустриализации позволило Сингапуру избежать обострения экологической ситуации. Тем не менее, сегодня эта задача звучит с новой силой ввиду необходимости повышения эффективности использования ограниченных природных ресурсов, большинство которых страна вынуждена импортировать. За последние 10 лет жители Сингапура стали использовать электроэнергию больше на 64 %, воды — на 21 % и на 21 % производить больше отходов.

В связи с этим были выдвинуты следующие цели на 2030 г.: сократить энергозатраты на 35 % по сравнению с 2005 г., обеспечить оптимальное использование земли, добиться рециклирования 70 % отходов, уменьшить объем потребляемой воды в домашнем хозяйстве до 140 л в сутки на человека (учитывая существующие проблемы с водоснабжением острова), сделать 80 % всех зданий «зелеными», сократить на 16 % выбросы парниковых газов в случае принятия международного соглашения, а при его отсутствии — на 7–11 %. Задачи решаются путем развития современной инфраструктуры и технологий, что должно не только превратить Сингапур в удобное место для проживания людей, но и гарантировать повышение конкурентоспособности экономики.

Малайзия признала зеленый рост в качестве фундаментального принципа программы экономического развития до 2020 г. Власти страны, которые исходят из того, что зеленая экономика может стимулировать экономический рост, поставили своей целью повысить долю возобновляемых источников энергии в общем объеме энергопотребления до 11 % к 2020 г. Это принесет экономию в 22,8 млрд долл., создаст 50 тыс. новых рабочих мест и сократит выбросы парниковых газов на 40 %. Уже сегодня созданная в стране зеленая индустрия оценивается в 21,8 млрд долл., ее рост за период с 2010–2011 гг. составил 6 %. По оценке президента Наджиба Разака, «новая энергетическая экономика открывает большие возможности, и я хочу, чтобы Малайзия оказалась в выигрыше от ее создания. Мы уже продемонстрировали, что устойчивое развитие может быть предтечей успеха»⁵⁶.

Хотя задачи по созданию зеленой экономики провозглашены и даже заложены в долгосрочных планах развития стран субрегиона, их выполнение затягивается. Политическую волю и решимость государств к принятию действенных мер в сфере экологии ослабляют ограниченность финансовых и технологических средств, неэффективная институциональная основа управления охраной окружающей средой, сохраняющийся скептицизм в отношении идеи устойчивого развития.

Поэтому и перспективы зеленого развития в странах ЮВА остаются не ясными. Им предстоит совершить экоиндустриальную революцию, чтобы обеспечить потребности общества в продовольствии, воде, жилье, энергии, используя при этом только 20 % ресурсов и производя 20 % выбросов на душу населения по сравнению с современной моделью производства и потребления. Но для того, чтобы реализовать поставленную цель, необходимо включить в модель догоняющего развития индустриального типа элементы развития постиндустриального общества.

Пока же достигнутых результатов в экологической деятельности явно недостаточно, чтобы остановить процесс деградации окружающей среды. Как отметил бывший министр экологии Индонезии Эмиль Салим, «мы не можем решить проблемы собственными силами. Индонезия аналогично другим развивающимся странам сталкивается с дилеммой при переходе (под внешним воздействием) от использования ископаемого топлива к источникам чистой энергии. Технологии возобновляемых источников энергии дорогостоящие. И когда государство стоит перед выбором — еда для бедных или технологии возобновляемых источников энергии, то оно выбирает первое»⁵⁷.

Обеспечение экологической безопасности требует нахождения баланса между экономическими и экологическими интересами развития. Но этот баланс, как показывает опыт стран Восточной Азии, трудно соблюсти, если по-прежнему приоритетными остаются экономические интересы.

Концепция зеленого развития пока четкого ответа на экологические вызовы не дает. Но это не означает, что она по своей сути ошибочна. На сегодня она — скорее эксперимент, успех которого зависит от многих факторов — экономических, технологических и, конечно, политических. И толчком к его проведению на национальном уровне служит политизация проблемы изменения климата на глобальном уровне, ведущая к принятию странами Восточной Азии обязательств по сокращению выбросов парниковых газов. А это, в свою очередь,

диктует и выбор средств решения данной задачи с преимущественной ориентацией на повышение эффективности использования природных ресурсов на базе развития чистых источников энергии и чистых технологий. В итоге достигается двойной эффект — и экологический, и экономический. Решение экологических проблем и достижение устойчивого роста имеет общую составляющую — научно-технический прогресс.

Обеспечение экологической безопасности в странах Восточной Азии предполагает экологизацию процесса экономического развития, который, бесспорно, растянется не на одно десятилетие. Сегодня можно лишь делать предположения относительно общих направлений поиска средств по минимизации экологического ущерба экономическому развитию региона.

Примечания

¹ Ушаков И.В. Китай: экологический вызов // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 12. С. 76.

² Wong E. Cost of Environmental Damage in China. Growing Rapidly amid Industrialization // The New York Times. 29.03.2013.

³ В Китае экологические проблемы ежегодно «съедают» до 13 % роста ВВП. Available at URL: <http://www.ecoindustry.ru/news/view/9891.html> (20.07.2006).

⁴ Available at URL: http://www.enr.com/top_stories/article/48893 (дата обращения: 20.08.2015).

⁵ Liu Jianqiang. China's environment ministry an «utter disappointment. Available at URL: <http://www.chinadialogue.net/article/show/single/en/5788-China-s-environment-ministry-an-utter-disappointment> (07.03.2013).

⁶ Риски для здоровья населения сопоставимы с теми, с которыми сталкивалась Великобритания 50 лет назад.

⁷ Из-за роста числа заболеваний, связанных с загрязнением окружающей среды, Китай ежегодно теряет 6,4 млн трудовых часов.

⁸ Green Economy and Green Jobs in China. Current Status and Potential for 2020. Jiahua Pan, Haibing Ma and Ying Zhang Isa Mastny, editors. World Watch Report. Washington, 2011. P. 8.

⁹ Ivanova Nadya. Toxic Water: Across Much of China, Huge Harvests Irrigated with Industrial and Agricultural Runoff. Available at URL: <http://www.circleofblue.org/waternews/2013/world/toxic-water-across-much-of-china-huge-harvests-irrigated-with-industrial-and-agricultural-runoff/>

¹⁰ *Lyu Xing. Stress and Challenges: What's Facing China's 'Nine Dragons of Water' // Journal of the East Asia Foundation. Vol. 10. No. 1. Spring 2015.*

¹¹ *Connecting East Asia: A New Framework for Infrastructure. ADB. JBIC. The World Bank. Washington. 2005. P. 22.*

¹² В расчете на единицу промышленной продукции Китай потребляет воды в 10 раз больше, чем в развитых странах. Энергоемкость китайской промышленности в 6,1 раза выше, чем в Японии и 2,5 раза, чем в США.

¹³ На долю Китая, вклад которого в производство мирового ВВП оценивается лишь в 4 %, приходится 12 % мирового потребления энергоресурсов, 15 % воды, 28 % стали, 25 % алюминия, 50 % цемента.

¹⁴ По мнению американского эколога Л. Брауна, если темпы роста экономики КНР останутся в пределах 8 % в год, то к 2030 г. доход на душу населения в Китае, где будет проживать 1,45 млрд человек, поднимется до нынешнего уровня в США. Следствием этого станет резкое увеличение спроса на основные потребительские товары. Тогда Китай будет потреблять зерна в объеме, эквивалентном 2/3 от современного мирового уровня. Если спрос на нефть будет расти так же, как сегодня в США, то ее потребуются 5 млрд т ежегодно, в то время как в мире сегодня в год добывается лишь 4,2 млрд т. Спрос на бумагу может превысить в 2 раза нынешний объем ее производства в мире. Если динамика роста автотранспортного парка сохранится, то, согласно подсчетам Института нефти, спрос Китая на нефть в ближайшие 25 лет возрастет на 500 %.

¹⁵ *James West, Heinz Schandl, Sonja Heyenga. Resource Efficiency: Economics and Outlook for China. United Nations Environment Programme. 2013. P. 2.*

¹⁶ Площадь пахотной земли на душу населения в КНР составляет по мировым стандартам лишь одну треть от потребности, ресурсы пресной воды — одну четверть, а лесные ресурсы и растительный покров — всего одну шестнадцатую. На одного жителя Китая приходится на 25 % меньше воды, чем в среднем в мире.

¹⁷ *The Far Eastern Economic Review Online. Vol. 164. № 38. 2001.*

¹⁸ С 2010 г. власти Пекина стали публиковать информацию об уровне загрязнения атмосферы, после того как с 2008 г. в преддверие проведения Олимпиады эти данные стали появляться на сайте посольства США.

¹⁹ В 2014 г. властями страны были зафиксированы экологические нарушения у 3400 компаний и 388 строительных объектов. Арестовано было 8,5 тыс. человек, а в отношении 4,5 тыс. заведены судебные дела. См. *Graham Land. Are China's anti-pollution policies already bearing fruit? // Asian Correspondent. July 24, 2015.*

²⁰ *The People's Daily Online. 01.11.2004.*

²¹ В 2014 году правительство КНР заявило о реализации национальной программы борьбы с загрязнением атмосферы, которая предполагает умень-

шение доли угля в энергопотреблении страны (до 62 % к 2020 г.), являющегося главным источником загрязнения и производства двуокси углерода (Китай является главным производителем, импортером и потребителем угля в мире); сокращение использования загрязняющего окружающую среду оборудования и автомобилей. Наряду с этим предполагается субсидировать потребление природного газа, атомной энергии и возобновляемых источников энергии. По подсчетам специалистов, на осуществление этих мер потребуется израсходовать в три раза меньше средств по сравнению с убытками, которые несет Китай из-за загрязнения атмосферы (примерно 6,5 % ВВП, или 535 млн долл. — данные за 2012 г.). См. Keith Crane, Zhimin Mdo. *Costs of Selected Policies to Address Air Pollution in China*. Published by the RAND Corporation, 2015.

²² В 2010 г. по пятилетнему плану социально-экономического развития страны, тогда, когда в КНР практически отсутствовала инфраструктура по производству солнечной энергии, была поставлена цель достичь показателя в этой сфере к 2015 году в объеме 15 гВт. К намеченному сроку этот объем превысил 100 гВт. См. Cecily Huang and Daniel Graham *China: The Green Leap Forward / The Diplomat*. August 13. 2015.

Сегодня Китай стал ведущим в мире рынком по производству солнечной энергии, который оценивается в 23,5 млрд долл. На долю Китая приходится львиная доля инвестиций в развитие возобновляемых источников энергии. См. Stephen Junor. *China's Climate Change Paradox // The Diplomat*, September 30. 2014.

²³ Nature. Volume 524. P.:27. August 20, 2015 Available at URL: <http://www.nature.com/news/china-s-carbon-emissions-overestimated-1.18199>

²⁴ Environment and Society for Green Development. 2013 Policy Research. Report on Environment and Development. Ed. by Fang Li, Yonghong LI, Haiying LI. China Council for International Cooperation on Environment and Development. 2013. P. 15.

²⁵ *Daniel H. Rosen*. *Avoiding the Blind Alley: China's Economic Overhaul and its Global Implication*. Executive Summary. Report. Produced by An Asia Society Policy Institute In Collaboration With Rhodium Group. New-York. October 2014.

²⁶ По обращениям населения Министерство экологии проводит проверку деятельности компаний на предмет соблюдения ими норм экологической безопасности. В случае выявления нарушений они подвергаются штрафным санкциям, которые варьируются от получения предупреждения до закрытия предприятия. Статья 59 обновленного закона об Охране окружающей среды вводит новые правила наказания для загрязняющих предприятий: штрафы будут увеличиваться ежедневно пропорционально нанесенному окружающей среде и здоровью населения ущерб.

²⁷ The People's Daily. 03.11.2004.

²⁸ С 1 января 2015 г. в Китае введен в действие обновленный Закон о защите окружающей среды (взамен старого от 1989 г.), который отвечает новым потребностям экологизации развития страны.

²⁹ Несмотря на провозглашенную властями «войну против загрязнения», расходы государства на охрану окружающей среды снизились почти на 10 % с 2012 г. по 2013 г. (с 33 млрд долл. до 30 млрд долл. — меньше, чем было заложено в бюджете). См. Isabel Hilton. Addressing the Gap between Rhetoric and Reality in China's Air Pollution Control: Why Civil Society Is Essential. In China's Air Pollution Problems. Roundtable. The National Bureau of Asian Studies. April 28. 2014. P. 5.

³⁰ В соответствии со статьей 26 обновленного Закона об охране окружающей среды чиновники на местном уровне будут оцениваться как по своей экономической, так и экологической деятельности, и данные об этом будут доступны общественности. См. Robert L. Falk and Jasmine Wee. China's New Environmental Protection Law. Implications for Overseas Investors and Trading Partners / Morrison & Foerster LLP. 11.10.2014.

³¹ Вопреки объявленной центральной властью «войны против загрязнения», данные за 2015 г. свидетельствуют о том, что прогресса в улучшении качества окружающей среды достигнуто не было, поскольку промышленно развитые провинции страны не торопились вводить жесткий экологический контроль над тепловыми электростанциями и фабриками.

³² В стране имеется только 300 неправительственных организаций, которые обладают законным правом (имеют срок работы не менее пяти лет и прошли процедуру официальной регистрации) защищать экологические права населения, которое, в свою очередь, в индивидуальном порядке лишено возможности подавать судебные иски на «грязные» предприятия. К тому же НПО не вправе привлекать к судебной ответственности чиновников в случае несоблюдения ими экологического закона.

³³ Available at URL: <http://urbantimes.co/2012/06/south-korea%E2%80%99s-focus-on-green-growth-and-bold-methods-of-energy-conservation/> (дата обращения: 20.08.2015).

³⁴ Путем осуществления политики зеленого роста Южная Корея намеревалась войти в группу лидеров в области построения низкоуглеродной экономики, заняв 7-е место в мире в 2020 г. и 5-е в 2050 г.

³⁵ *Sang In Kang, Jin-gyu Oh, Hongseok Kim.* Korea's Low-Carbon Green Growth Strategy. A case study. Working Paper No. 310. OECD Development Centre. 12 March 2012. P. 20.

³⁶ По уровню производства валового национального продукта страна занимает 14-е место в мире, а по объему выбросов парниковых газов — 11-е.

³⁷ Например, рассматривалась возможность введения Евросоюзом завышенных цен на транспортные средства, производящие в большом объеме двуокись углерода.

³⁸ *Jisoon Lee*. Green Growth Korean Initiatives For Green Civilization. National Research Council for Economics, Humanities and Social Sciences, Seoul, Korea. 2010.

³⁹ Sang In Kang, Jin-gyu Oh and Hongseok Kim. Korea's Low-Carbon Green Growth Strategy. Research area: Southeast Asian Economic Outlook. A case study. Working Paper No. 310. OECD Development Centre. 12 March 2012. P. 18.

⁴⁰ Available at URL: <http://af.reuters.com/article/commoditiesNews/idAFL6N0PT3CZ20140718?sp=true> (дата обращения: 20.08.2015).

⁴¹ *Zbicz D.* Asians Future. Critical Thinking for a Changing Environment. USAID. Sept. 2009.

⁴² Например, экспорт леса из Индонезии составил в 2003 г. 6,6 млрд долл., что на 1,2 млрд долл. больше, чем в 1985 г.

⁴³ См. yearbook.enerdata.asia.

⁴⁴ Available at URL: <http://environment.harvard.edu/news/huce-headlines/air-pollutions-invisible-toll#sthash.6gac8YaF.dpuf>; URL: <http://environment.harvard.edu/news/huce-headlines/air-pollutions-invisible-toll>

⁴⁵ Investing in a More Sustainable Indonesia. Country Environmental Analysis 2009. The World Bank Group, Washington. 2009. P. 8.

⁴⁶ Thailand Environment Monitor. World Bank, Bangkok. January 2000. P. 5.

⁴⁷ Indonesia Environmental Monitor 2003. Manila, 2004. P. 30.

⁴⁸ С 1980 по 2011 г. энергоэффективность экономики повысилась только на 12 % в сравнении со среднемировым показателем 26 % и 38 % в странах ОЭСР, 74 % в Китае и 44 % в Индии. См.: Towards Green Growth in Southeast Asia. OECD 2014. P. 27.

⁴⁹ Towards Green Growth in Southeast Asia. OECD 2014. P. 25.

⁵⁰ The economics of climate change in Southeast Asia: A regional review. Asian Development Bank 2009 Available at URL: <http://www.lse.ac.uk/IDEAS/publications/reports/pdf/SR004/ADB.pdf>

⁵¹ Lorraine Elliott. Environment, Development and Security Issues and Responses. 13th Asia Pacific Round Table. 30 May — 2 June 1999, Kuala Lumpur. P. 5.

⁵² Development Asia. Asian Development Bank. January—March 2012. P. 5.

⁵³ Департамент промышленных работ и Комитет по инвестициям предоставляют различные льготы предприятиям, которые вкладывают средства в проекты, направленные на ограничение негативных экологических последствий своей хозяйственной деятельности. На май 2012 г. в стране было зарегистрировано 609 предприятий «зеленой промышленности». См.: Chaiyasit

Anuchitworawong, Prinyarat Leangcharoen, Kannika Thampanishvong. Green Growth and Green Jobs in Thailand. Comparative Analysis, Potentials, Perspectives. June 2012. P. 20, 34.

⁵⁴ В 2012 г. Индонезия потеряла 840 тыс. га своего девственного леса в сравнении с 460 тыс. га в Бразилии, где лесных площадей в 4 раза больше.

⁵⁵ Pham Hoang Mai. Progress on the Viet Nam Green Growth Strategy. Update on Recent Developments. Presentation for the PMR PA5 meeting. Washington DC. March 2013.

⁵⁶ Revkin, Andrew C. Malaysia's Prime Minister says fast Growing Nations Have Role In Curbing Warming November 19, 2014. Available at URL: http://dotearth.blogs.nytimes.com/2014/11/19/malaysias-prime-minister-says-fast-growing-nations-have-role-in-curbing-warming/?emc=edit_tnt_20141119&nlid=58215871&tntemail0=y (24.11.2014).

⁵⁷ Development Asia. Asian Development Bank. January—March 2012.

Раздел второй

ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В РЕГИОНЕ

М.Л. Титаренко, В.Е. Петровский

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ И РОЛЬ РОССИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Россия как крупнейшая евразийская держава имеет долгосрочные военные, политические и экономические интересы в Восточной Азии и во всем АТР. Задача состоит в том, чтобы обеспечить здесь не только безопасность России, но и ее геоэкономические позиции, интегрироваться в региональную экономику и существенно повысить конкурентоспособность страны. Будущее российских регионов Сибири и Дальнего Востока, а с ними и общий подъем экономики страны тесным образом связаны с благополучием этого региона. Все это требует активной и прагматичной восточной политики. В основном она опирается на развертывание реального взаимовыгодного широкомасштабного экономического сотрудничества с Китаем и Индией, Вьетнамом и другими странами АСЕАН.

Как известно, президентом РФ Путиным В.В. еще на первом сроке его пребывания у власти была поставлена задача «полноформатного выхода России на Азиатско-Тихоокеанское пространство», обеспечения реальной сбалансированности между евро-атлантической и азиатско-тихоокеанской стратегией РФ. Эта линия зафиксирована в Указе президента «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации», который он подписал 7 мая 2012 г. при вступлении в должность.

Так что «поворот» российской политики в Азию начался задолго до американской «переконфигурации» и, тем более, до последних событий на Украине. Осложнение отношений с США и Западной Европой из-за кризиса на Украине, естественно, сделало работу на «восточном» азимуте внешней политики России еще более приоритетной. Угроза ее вытеснения из Европы повышает значимость отношений со странами Восточной Азии. Важно использовать все появляющиеся возможности для «врастания» России в формирующиеся здесь структуры региональной безопасности, экономической интеграции и реализации своих национальных интересов на Востоке. Это включает как развитие двусторонних связей со всеми государствами региона, так и участие в деятельности многосторонних структур, таких как АСЕАН, АТЭС и другие.

Взаимодействие со странами Восточной Азии (за исключением Японии) в политическом плане все последние десятилетия успешно развивалось на многих направлениях. Россия — постоянный член Совета Безопасности ООН. После окончания холодной войны она никогда не вмешивалась в их внутренние дела. Как крупнейшая азиатская и тихоокеанская морская держава, Россия не менее всех других заинтересована в сохранении здесь стабильности, мира, развития и свободы судоходства. При этом у нее нет никакой скрытой повестки дня. Она не ищет привилегий, не вынашивает планов создания своих баз и не намерена с кем-либо соперничать за влияние. Как писал министр иностранных дел РФ Лавров С.В., «Россия не претендует на военное превосходство, не ставит перед собой задачи обеспечения безопасности своих восточных рубежей за счет ослабления безопасности других государств. У нас нет планов создания в АТР военных баз, мы не формируем со странами региона закрытых оборонных альянсов¹. Все эти преимущества дают России то, что называется «мягкой силой». Вопрос только в том, чтобы ею умело и более эффективно пользоваться.

Главная проблема — все еще незначительное экономическое присутствие России в ВА как в сфере торговли и инвестиций, так и на других направлениях экономического и научно-технического взаимодействия. Россию пока не видят здесь в качестве экономического партнера, такого как США, Китай или Япония. Это тот пробел, который придется заполнять не один год.

Вместе с тем 2015 год выявил очень важную тенденцию во взаимодействии России с государствами Восточной Азии и АТР — она направлена на формирование прочной концептуальной и экономиче-

ской базы для продвижения в экономическом ареале этой части мира. 3—5 сентября 2015 г. во Владивостоке состоялся первый Восточный экономический форум, в котором приняли участие более 2,5 тысяч российских и иностранных бизнесменов, инвесторов, экспертов. На форуме выступил президент России В.В. Путин. Лейтмотивом его выступления стала готовность привлечь бизнес, в том числе иностранный, на Дальний Восток, сформировать новые правила, по которым бизнесу предстоит работать здесь в современных условиях. «...Это расширение экономической свободы, предоставление для отечественных и зарубежных инвесторов лучших условий для ведения бизнеса, чтобы по эффективности, по отдаче от капитала Дальний Восток России успешно конкурировал с ведущими деловыми центрами», — подчеркнул он на встрече с участниками форума. — «На Дальнем Востоке мы предлагаем потенциальным партнерам по-настоящему эксклюзивные возможности и преференции»².

По словам В.В. Путина, Россия будет активно укреплять взаимодействие со странами АТР в создании инфраструктуры, развивать торговлю и промышленную кооперацию, полноценно участвовать в совершенствовании и развитии в регионе «экономики знаний и интеллекта». Президент особо подчеркнул, что АТР сегодня — «это не только крупный производственный центр, признанная «мастерская мира». Он напомнил, что ввиду бурного развития систем образования, университетов, инжиниринговых центров, высокотехнологичных производств Россия намерена укрепить здесь сотрудничество в сфере науки и образования, способное стать мощным стимулом для технологического развития всех государств АТР.

Безусловно, для реализации этих планов потребуется время. Но Россия четко и понятным языком продемонстрировала серьезность своих намерений и решительный настрой идти по пути достижения поставленных целей.

Экономическая интеграция в Восточной Азии и АТР находится на пороге глубоких качественных изменений, связанных с формированием основных механизмов многосторонних интеграционных процессов в сфере экономики и торговли. Россия, которая начинает стратегический «разворот на Восток», не может стоять в стороне от интеграционных процессов в регионе, который постепенно превращается в новый центр мировой экономики. Ей важно своевременно подключиться к ним именно сейчас, когда формируются «правила игры», чтобы наилучшим образом обеспечить свои торгово-экономические интересы и накопить необходимый опыт.

Участие РФ в переговорах по созданию зон свободной торговли и интеграционных проектов в Восточной Азии и АТР определяется ее долгосрочными геэкономическими и геополитическими соображениями, причем в настоящее время, когда Россия находится в поисках «точки входа» в этот процесс, последние можно оценить как наиболее актуальные.

Как отмечает аналитик В.П. Оболенский, пока «Россия по существу находится в стороне от развернувшихся в мировом экономическом пространстве тектонических сдвигов, сосредоточившись на выстраивании Евразийского экономического союза, который на фоне проектируемых глобальных интеграционных сообществ выглядит, в лучшем случае, объединением второго ряда... перед Российской Федерацией объективно встает выбор: либо замкнуться в сугубо региональном экономическом пространстве, либо подключиться к одному из двух формируемых экономических суперблоков (ТТП и ВРЭП)»³.

Если дилемма действительно такова, то трезвая оценка собственных возможностей сейчас для страны не менее важна, чем способность правильно оценить направленность и перспективы идущих переговорных процессов, с тем чтобы определить возможность и целесообразность подключения к ним России, цели и задачи ее участия в переговорах, формат и модальность их ведения.

«Вызов» со стороны созданного США Транстихоокеанского партнерства побуждает Пекин активизировать международное сотрудничество в АТР, повышать уровень институционализации своей азиатской стратегии. Что же касается России, то она не может и не должна слепо копировать ни китайский опыт, ни чей-либо иной. Высокий уровень обязательных требований, выдвигаемых соглашением по ТТП⁴, служит серьезным барьером для подключения России к этому формату. К таким вопросам можно отнести, в первую очередь, ряд тарифных ограничений по наиболее чувствительным товарным группам в торговой структуре России, а также нетарифные ограничения торговли, нормы регулирования которых в России в значительной степени отличаются от правил, утвержденных соглашением по ТТП. Это вопросы конкуренции, электронной коммерции, государственных закупок, интеллектуальной собственности, санитарных и фитосанитарных мер⁵.

Не менее, а возможно даже и более важным для России является обстоятельство, что она, в отличие от таких торгово-экономических «гигантов», как США и Китай, в настоящее время заинтересована не столько в дальнейшей либерализации региональной торговли,

сколько в усилении ее транспарентности и торгово-экономической взаимосвязанности, создании справедливой, устойчивой и сбалансированной торгово-экономической системы в АТР, отвечающей приоритетам и уровню развития российской экономики, особенно ее экспортноориентированных товаропроизводящих отраслей.

Поэтому Россия, впервые со времени своего вступления в АТЭС в 1998 г., став в 2012 г. страной — председателем АТЭС, взяла курс на отстаивание приоритетов транспарентности и взаимосвязанности торгово-экономических отношений в АТР, поскольку именно это помогает ей стать активным и заинтересованным участником обсуждения новых правил региональной торговли. Такой курс соответствует и долгосрочным геополитическим интересам страны, связанным с усилением ее присутствия в АТР и укреплением российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия.

Выступая на рабочем заседании глав государств и правительств Форума АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г., В.В. Путин высоко оценил подготовленную под китайским председательством дорожную карту по содействию в продвижении к Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ). «Предусмотренные в ней меры помогут гармонизировать реализуемые на пространстве АТЭС интеграционные инициативы. Тем более что в АТР действует большое количество торговых соглашений, различающихся как по глубине либерализации, так и по количеству участников», — отметил российский президент. — «Конечно, это создает и потенциальную опасность разделения общего региона на отдельные конкурирующие между собой объединения. Нам, наоборот, необходимо действовать на основе принципов прозрачности и открытости... при взаимном учете интересов и возможностей сторон. Исходим также из того, что любые новые договоренности не должны наносить ущерба многосторонней торговой системе ВТО»⁶.

Именно поэтому Россия полностью поддержала положения Пекинской дорожной карты, в которой отмечается необходимость «увеличить транспарентность действующих и недавно заключенных РТС/ССТ посредством повышения эффективности Механизма АТЭС по обмену информацией в сфере РТС/ССТ. Это будет содействовать наращиванию сотрудничества в интересах создания АТЗСТ и подтолкнет экономики к налаживанию политического диалога и организации других мероприятий по обмену информацией в рамках данного механизма... Данный атэсовский механизм дополнит механизм транспа-

рентности для РТС в рамках ВТО, в котором экономики-участницы также будут стремиться максимально наращивать свое участие»⁷.

Россия поддержала также принятый Пекинским саммитом «План действий АТЭС по усилению взаимосвязанности на 2015—2025 гг.». В созданной по решению этого саммита целевой группе по АТЗСТ Россия вместе с Китаем намерена продвигать взаимосвязанность в рамках АТЭС и отстаивать принцип межблоковой коммуникации, настаивая на подключении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) к созданию АТЗСТ.

И с геоэкономической, и с геополитической точек зрения России целесообразно начать работу по обсуждению создания АТЗСТ с подключения к переговорам по ВРЭП, а не ТПП (куда Россию и Китай так и не приглашают). Для опережающего социально-экономического развития Восточной Сибири и Дальнего Востока и активизации интеграционных процессов в рамках ЕАЭС также исключительно важно присоединение России к многосторонним институтам регионального развития, создаваемым Китаем, среди которых — Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонд Шелкового пути.

Россия решила присоединиться к Азиатскому банку инфраструктурных инвестиций в качестве одного из его учредителей, заявил первый вице-премьер России И.Шувалов на торжественной церемонии открытия Азиатского экономического форума в Боао в 2015 г. Он подчеркнул, что используя институциональные возможности Евразийского союза и инструменты других инициатив в регионе, Россия и ее партнеры смогут расширить сотрудничество не только в области поставок энергоресурсов, но и в сфере высоких технологий в транспорте, промышленности, строительстве, связи и сельском хозяйстве⁸.

Не менее важно и подключение России и ЕАЭС к участию в реализации инициированного Китаем мегапроекта «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП). 8 ноября 2014 г. Председатель КНР Си Цзиньпин объявил, что КНР выделит 40 млрд долл. США для создания Фонда Шелкового пути в целях оказания финансовой поддержки проектам в рамках инициативы «один пояс, один путь». Фонд Шелкового пути был зарегистрирован 29 декабря 2014 г. в Пекине и с этого дня начал официально действовать.

Россия ведет детальную и кропотливую работу по присоединению к механизмам экономической интеграции в АТР. К сожалению, как подчеркивает С. Рогов, «критическая масса» Российской Федерации здесь пока невелика — примерно 2 % населения и 3 % глобального

ВВП. В случае евразийской интеграции эта доля возрастет, но будет значительно уступать другим региональным интеграционным образованиям⁹. Но именно правильный выбор пути и готовность следовать ему до конца — залог конечного успеха.

Создание всеобъемлющей архитектуры безопасности и сотрудничества

Россия проводит в АТР в целом, включая Восточную Азию, все более активную, но вместе с тем взвешенную и ответственную политику, не имеющую разумной альтернативы. Она всемерно содействует становлению здесь эффективных институтов региональной безопасности, особенно в условиях роста напряженности на Корейском полуострове и ожесточившихся споров за суверенитет в ЮКМ.

Стратегические цели России в Восточной Азии состоят в том, чтобы содействовать миру, стабильности и процветанию, что, в свою очередь, призвано способствовать интеграции России в региональную архитектуру безопасности и сотрудничества, решению задач модернизации российской экономики.

В силу этого российская дипломатия акцентирует внимание на преимуществах превентивной дипломатии, содействует координации политики региональных держав, особенно в сфере международной экономической безопасности и сотрудничества. Опорой могут служить многосторонние переговорно-консультационные механизмы, существующие в регионе международные режимы в сфере экономики и безопасности, а также конструктивные двусторонние отношения с рядом стран и международных объединений.

Если стержневым направлением политики России в Евро-Атлантическом регионе стало продвижение концепции Договора о всеобъемлющей безопасности (закрепление в юридически обязывающем документе принципа общей и неделимой безопасности), то приоритетом российской политики в АТР следует признать формирование и продвижение многостороннего консультационного форума по вопросам региональной безопасности и сотрудничества, основанного на том же принципе.

На первый взгляд, в Восточной Азии и АТР нет недостатка в структурах международного взаимодействия: это и переговорно-консультационные механизмы в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), и Восточноазиатские саммиты

(ВАС), и форум «Азия—Европа» (АСЕМ), и АТЭС, и ШОС, и БРИК, и многочисленные диалоговые форматы «второй дорожки». Однако пока не создан «рамочный» механизм диалога по всем вопросам безопасности и сотрудничества в Азии, а существующим форматам еще предстоит более четко определить свой функционал и механизмы взаимной координации.

Особое значение для формирования в ВА всеобъемлющей архитектуры безопасности и сотрудничества имела совместная инициатива лидеров КНР и РФ, выдвинутая в сентябре 2010 г., которая остается актуальной и по сегодняшний день. Они призвали все страны АТР при осуществлении двустороннего и многостороннего сотрудничества в области безопасности уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность, не вмешиваться во внутренние дела друг друга; подтвердить приверженность принципу равной и неделимой безопасности и оборонительный характер своей военной политики; не применять военную силу и не угрожать ею; не предпринимать и не поддерживать любые действия, направленные на свержение правительств и подрыв стабильности других государств¹⁰.

Эта инициатива, которая отразила принципиально новый уровень внешнеполитического взаимодействия России и Китая, основана на принципе «сетевой дипломатии» — горизонтального взаимодействия и неиерархической координации усилий разнонаправленных и разноформатных двусторонних и многосторонних механизмов безопасности и диалоговых форумов, уже существующих в АТР. Сетевая дипломатия полностью соответствует азиатско-тихоокеанским реалиям и может привести в перспективе к созданию новой региональной архитектуры безопасности и сотрудничества — транспарентной, инклюзивной и равноправной.

К настоящему времени проделана большая работа по реализации указанной договоренности, разработана дорожная карта по координации российско-китайских действий в АТР. Предусматриваются, в частности, расширение сотрудничества в рамках многосторонних региональных объединений, взаимодействие в выработке и практической реализации мер по обеспечению безопасности сторон.

Как отметил в июле 2015 г. С.В. Лавров, «три года назад в рамках т.н. механизмов Восточноазиатских саммитов (ВАС), где представлены все остальные игроки АТР, по нашей инициативе был начат процесс консультаций на тему формирования новой открытой архитектуры безопасности в АТР. Состоялось уже три раунда таких консультаций — в Брунее, России и Малайзии. Планируется очередной раунд в

Индонезии. Так что этот процесс будет очень длительным — слишком много накопилось проблем, слишком разрознены структуры, существующие в регионе... Но если мы будем настойчиво и целеустремленно работать над этой инициативой, то она имеет перспективу»¹¹.

Россия и Китай продвигают данную инициативу совместными усилиями. Они продолжают добиваться создания в АТР надежной, отвечающей современным реалиям, транспарентной и всеобъемлющей архитектуры равноправной и неделимой безопасности, основанной на верховенстве международного права, взаимном доверии, принципах мирного урегулирования споров, неприменения силы или угрозы силой, уважении интересов всех государств. Россия и Китай совместно с АСЕАН и другими заинтересованными партнерами намерены продолжить диалог по этой проблеме в рамках Восточноазиатского саммита и других многосторонних объединений.

Российская дипломатия внесла и вносит немалый вклад в укрепление международно-правовых основ региональной безопасности. В целях ослабления международной напряженности она активно и на всех уровнях стимулирует все заинтересованные стороны проявлять ответственный подход, исходить из общих интересов поддержания мира и стабильности в регионе, уважения и соблюдения норм международного права. РФ активно участвует в диалогах министров обороны стран АСЕАН с их внерегиональными партнерами в формате АДММ+8. Одним из заметных достижений стал успешный саммит АТЭС во Владивостоке в 2012 г.

Многосторонний переговорно-консультационный механизм в Восточной Азии и АТР мог бы выглядеть как периодические встречи, в разных форматах и на разных уровнях, представителей внешнеполитических ведомств, экспертного сообщества и гражданского общества заинтересованных стран, на которых обсуждались бы вопросы политики, безопасности, торгово-экономического, научно-технического и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Такой механизм был бы более устойчив и менее подвержен колебаниям в случае возможного обострения двусторонних отношений внутри этого «многоугольника» — даже при соблазне прервать официальные переговоры в качестве дипломатического демарша неформальные контакты сохранялись бы, поддерживая необходимые каналы связи.

Многосторонний диалог в предлагаемом формате также помог бы укрепить взаимное доверие и транспарентность. Ведь опыт прежних лет показывает, что традиционные двусторонние отношения эпохи

холодной войны всегда могут быть поводом для подозрений. Поэтому было бы принципиально важно изначально заявить об открытости многостороннего диалога, в том числе и для других возможных участников, стран и международных организаций. Это ни в коей мере не повлияло бы на конфиденциальность обсуждений, если в этом будет необходимость — гибкий механизм консультаций и переговоров позволил бы использовать разные форматы и уровни коммуникаций.

Важно также понимать, что будущий многосторонний механизм, в случае его создания, будет характеризоваться отсутствием формальных взаимных обязательств и напоминать не международную организацию, а, скорее, международный режим. В рамках такого режима страны-участницы вырабатывают согласованные принципы, нормы, правила и процедуры принятия решений, но сами решения принимаются исключительно на добровольной основе и самостоятельно, с учетом интересов других участников. Таким образом, предлагаемый «многоугольник» стал бы механизмом обмена информацией и координации политики, а не площадкой для централизованного и формального принятия решений.

Стратегическое партнерство с Китаем — ключ к миру и стабильности

В противоречивой и сложной обстановке в современном мире еще больше возрастает значение стратегического партнерства и взаимодействия в решении глобальных проблем России и Китая — двух соседних великих держав, придерживающихся общих либо близких позиций по основным вопросам мировой политики.

С начала нового тысячелетия Россию и Китай связывают отношения стратегического партнерства. Это такая форма организации совместной деятельности государств, которая рассчитана на долгосрочную, прогнозируемую перспективу, основана на договорном признании интересов друг друга, уважении и соблюдении таких интересов и направлена на достижение общих или сходных жизненно важных целей. Она пришла на смену хорошо известным принципам мирного сосуществования, но не отменила, а восприняла и дополнила их применительно к реалиям XXI века.

Стратегическое партнерство в корне отличается от военного союза. Оно заключается не в определении общего вероятного противника и планировании совместной военной деятельности против него, а в

договоренностях о сотрудничестве в решении общих задач безопасности и развития. Такие договоренности не представляют никакой угрозы третьим странам¹².

Создание уникального механизма регулярных встреч на уровне глав государств и правительств, постоянных контактов между заинтересованными государственными ведомствами, солидной договорно-правовой базы двусторонних отношений, активизация торгово-экономического сотрудничества и налаживание широких гуманитарных связей помогают российско-китайскому взаимодействию с каждым годом становится все более комплексным и сбалансированным.

Состоявшиеся 20—21 мая 2014 г. государственный визит в КНР президента Путина, а год спустя Си Цзиньпина в Москву имели большое значение для дальнейшего продвижения двух стран по пути всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия. Россия и Китай еще раз продемонстрировали миру, что они твердо стоят на позициях защиты справедливого миропорядка, выступают против политики диктата и насилия, за строгое соблюдение норм международного права, рассматривают двусторонние отношения между собой как действенный рычаг повышения совокупной государственной мощи и международной конкурентоспособности обеих стран.

Принципиальным является то, что общность подходов к актуальным проблемам современности не является результатом союзнических обязательств или принуждения, а представляет собой результат взвешенных оценок и учета интересов обоих государств. В 2014—2015 гг. Китай и Россия убедительно продемонстрировали способность проводить независимую внешнюю политику. После кризиса на Украине Пекин не присоединился к западной кампании давления на российское руководство, но при голосовании в ООН по воссоединению Крыма с Россией воздержался. И это вполне понятно, если учесть проблемы Китая с сепаратистами на Тайване и в Синьцзяне. Не прерывая сотрудничества с Западом, КНР добилась новых успехов в развитии взаимовыгодного партнерства с Россией. Политические позиции Китая в мире выглядят еще более прочными и стабильными на фоне роста взаимного отчуждения и недоверия между Россией и ее западными партнерами в лице Евросоюза и США.

Россия также заняла сдержанную позицию в отношении кризиса в ЮКМ летом 2014 г. Она призвала обоих своих стратегических партнеров — Китай и Вьетнам — проявить сдержанность. Территориальные споры в ЮКМ с Китаем никак не отвечают интересам России,

поэтому, не ввязываясь в них на чьей-либо стороне, она всемерно поощряет участников к мирному урегулированию разногласий как путем двусторонних переговоров, так и с помощью многосторонних структур, сложившихся на базе АСЕАН и при ее центральной роли. Все последние годы Россия продолжает тесное сотрудничество с Вьетнамом в разработке месторождений нефти и газа на шельфе этой страны, строго придерживаясь норм международного права. Важным фактором сохранения стабильности в ЮКМ является и активное военно-техническое сотрудничество России с Вьетнамом.

С одной стороны, Пекин с некоторой ревностью следит за налаживанием отношений Москвы и Ханоя. Особенно недовольны здесь сотрудничеством российских и вьетнамских компаний по освоению природных богатств шельфа, хотя Москва твердо обещала не вести деятельности на спорных территориях. С другой стороны, пребывание в Камрани ВМФ дружественной России предпочтительнее, чем рассматриваемых как соперника США. Об этом свидетельствует статья в газете «Хуанцю шибао», издающейся ЦК КПК, с характерным названием «То, что Россия возвращается в Камрань, совсем не обязательно плохое дело». Ее автор считает, что российское военное присутствие в регионе усложнит ситуацию, но может дать Китаю больше пространства для маневра.

По инициативе лидеров России и Китая возник целый ряд диалоговых структур и организаций нового типа, которые позволяют продвигать и отстаивать жизненные интересы безопасности, территориальной целостности и суверенитета обеих стран политическими средствами, не прибегая к методам военной конфронтации, кроме, разумеется, случаев прямой военной угрозы. Примером таких совместно реализованных инициатив является создание Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), образование диалоговых структур Россия—Индия—Китай (РИК), а затем БРИКС (Бразилия—Россия—Индия—Китай—Южная Африка).

15-й саммит ШОС и 7-й саммит БРИКС, проходившие в Уфе в июле 2015 г., имели особенно большое значение для России, которая противостоит санкциям и изоляции со стороны Запада. Они показали, что у Москвы есть немало других возможностей в различных регионах и в особенности в ВА. Саммит ШОС принял Стратегию развития сотрудничества до 2025 года. Одним из главных ее направлений будет сотрудничество ЕАЭС с Китаем в строительстве «одного пояса, одного пути». «Азиатско-европейский» вектор нынешнего китайского руководства и евразийский поворот России в сторону Китая и Вос-

точно-Азиатского региона способны усиливать друг друга, создавая позитивный синергетический эффект. Саммит ШОС утвердил полное членство в ней Индии и Пакистана, что сделало эту организацию одной из самых представительных в мире.

Иногда можно слышать вопрос, не ведет ли активно развивающееся всестороннее сотрудничество России с Китаем, включая поставки ему вооружений, к еще большему ужесточению его требований в территориальных спорах? Разум и логика здравого смысла подсказывают, что нормализация отношений и всестороннее сотрудничество двух великих азиатских держав на уровне стратегического партнерства не имеют альтернативы. Это является одним из главных достижений внешней политики постсоветской России и важнейшим условием мира и безопасности всех народов Восточной Азии и АТР. Невозможно даже представить, что ждало бы все малые и средние государства региона, если бы события развернулись в обратном направлении. Поэтому вполне можно согласиться с мнением одного из ведущих китайских специалистов по России Фэн Шаолэя, который считает, что «углубление китайско-российского сотрудничества в АТР даст мощный импульс надеждам всей планеты, не уверенной в завтрашнем дне, сделает мир динамичнее, а пути прогресса более разнообразными»¹³.

Россия полностью поддерживает выдвинутую председателем КНР Си Цзиньпином на саммите Конференции по взаимодействию и развиту в Азии (СВМДА) в Шанхае (22—23 мая 2014 г.) новую концепцию безопасности в Азии, которая открывает дополнительные возможности для построения в АТР прочной архитектуры региональной безопасности.

Во время встречи в Пекине с председателем КНР Си Цзиньпином 3 сентября 2015 г. президент России В.В. Путин заявил: «Мы высоко ценим тот уровень отношений, который сложился между Китаем и Российской Федерацией за последнее время... Китай остается для Российской Федерации крупнейшим торгово-экономическим партнером...»¹⁴. Сложившийся в последние годы характер российско-китайских отношений отвечает коренным интересам обеих сторон, являясь для них надежным «тылом» в нынешней международной обстановке, важным фактором обеспечения национальной безопасности. Данный курс прочно закреплен в подписанных с Китаем документах о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия.

Усиление КНР не представляет угрозы для российских интересов на региональном и глобальном уровне. Россия и Китай — несущие

опоры многополярной международной конструкции, равно заинтересованные в ее стабильности и устойчивости. Сфера близости или совпадения их интересов существенно шире сферы возможных разногласий или несовпадений. Более того, Китай выступает объективным союзником России в деле продвижения инициатив по созданию многосторонних механизмов безопасности в ВА и АТР. В последние годы Пекин заметно активизировал свою деятельность в этом направлении с целью обеспечить безопасность и стабильность по периметру своих границ и обеспечить благоприятные внешние условия для социально-экономического развития страны. Причем Китай не просто стремится интегрироваться в существующие международные механизмы на региональном и глобальном уровне, но, по мере роста своей роли в мировой экономике и политике, претендует также на участие в выработке новых «правил игры» в сфере глобального управления и построения нового международного порядка.

Новое с трудом пробивает себе дорогу, и Восточная Азия — не исключение. Нерешенные вопросы прошлого и отсутствие стабильных и устойчивых механизмов гарантирования законных интересов безопасности, экономического и политического суверенитета, отсутствие устойчивого и авторитетного переговорного механизма между странами нередко приводили и приводят к быстрому перерастанию напряженности между отдельными странами в конфликты и войны.

В Восточной Азии и АТР крепнет убеждение, что нужны принципиально иные подходы к урегулированию мировых проблем, такие решения, которые отвечали бы интересам безопасности и развития. Все большее влияние на ход мировых событий оказывает группа стран с быстроразвивающейся экономикой, добивающихся справедливого миропорядка, изменения сложившейся финансово-экономической системы, обеспечивающей ныне в первую очередь интересы развитых стран. Констатация того, что современный мировой порядок разбалансирован и нуждается в реформировании, закономерно ведет к необходимости укрепления его фундаментальных «опор», основанных на многополярности и полицентричности. Именно такого курса придерживаются Россия, Китай, Индия, страны ШОС, БРИКС и ряд развивающихся стран.

Россия и Китай выступают объективными партнерами в деле осмысления концептуальных основ нового мироустройства. Российско-китайские отношения прошли путь от взаимопонимания к взаимодействию и сотрудничеству в созидании нового мирового порядка.

Их уникальный опыт может и должен быть востребован остальными странами — участницами современных международных отношений.

По инициативе лидеров России и Китая возник целый ряд диалоговых структур и организаций нового типа, которые позволяют продвигать и отстаивать жизненные интересы безопасности, территориальной целостности и суверенитета наших стран политическими средствами, не прибегая к методам военной конфронтации, кроме, разумеется, случаев прямой военной угрозы. Возникновение таких структур и целого ряда подобных новых неформализованных объединений на основе общности важных интересов развития и обеспечения безопасности, а также сохранения своей цивилизационной и этнической идентичности, есть ответ стран региона на вызовы глобального кризиса и кризиса современного мироустройства.

Примечания

¹ URL: http://MID.ru/27_09_2010

² URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/50232>

³ URL: http://rescue.org.ru/analytics_7_globalizaciya-regionalizma-i-vyzovy-dlya-rossii.html

⁴ Дисбалансы транстихоокеанского пространства / под ред. В.В. Михеева, В.Г. Швыдко. М., 2014. С. 121. — ТТП подразумевает расширение границ и углубление межгосударственных договоренностей по унификации правового поля: соглашения о либерализации торговли товарами и услугами по нормам соглашений о свободной торговле (ССТ) намечается дополнить правовым регламентом инвестиций, инновационных обменов, защиты интеллектуальной собственности, трудовых отношений, управления миграционными потоками, экологических стандартов и конкурентных норм.

⁵ *Кадочников П.А., Флегонтова Т.А.* Перспективы и противоречия переговоров по созданию Транстихоокеанского партнерства // Российский внешне-экономический вестник. № 9. 201. С. 29.

⁶ URL: <http://news.kremlin.ru/news/46997>

⁷ Пекинская дорожная карта АТЭС по содействию продвижению к Азиатско-Тихоокеанской зоне свободной торговли (АТЗСТ), URL: <http://www.mid.ru/bdcomp/ns-dipecon.nsf/fc2e4121e6d9ec5343256a0c003fb7d2/506a111d81db9f19c3257d b60036dbc8!OpenDocument>

⁸ URL: <http://www.newsru.com/finance/28mar2015/rfchinabank.html>

⁹ *Рогов С.* Доктрина Обамы: властелин двух колец, URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1783#top

¹⁰ URL: [http:// news.kremlin.ru/ref_notes/719](http://news.kremlin.ru/ref_notes/719)

¹¹ Пресс-конференция министра иностранных дел России С.В. Лаврова «на полях» саммитов БРИКС и ШОС, Уфа, 9 июля 2015 г. URL: http://archive.mid.ru/brp_4.nsf/0/94B3FFD7279721CA43257E7D00449B30

¹² См. подробнее: *Болятко А.В.* Дальний Восток: в поисках стратегической стабильности. М., 2013. С. 169.

¹³ *Фэн Шаолэй.* Перспективы российско-китайских отношений в АТР // Россия в глобальной политике. 2013. № 1.

¹⁴ URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/50228>

До Тиен Шам, Нгуен Хюи Хоанг

ОЦЕНКИ ВОЗВЫШЕНИЯ КИТАЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЙ

1. Состояние и перспективы развития Китая

Для прогнозирования перспектив развития Китая можно использовать различные количественные и качественные методы. Прежде всего вкратце представим некоторые точки зрения и прогнозы, которые, по нашему мнению, имеют научную базу и побуждают к размышлениям.

Оценки китайской стороны

Перспективы развития Китая

Опираясь на «новое нормальное состояние экономики», Китай развил концепцию «нового нормального состояния Китая», чтобы представить ситуацию и перспективы собственного мирного развития. Председатель КНР Си Цзиньпин считает, что новое нормальное состояние дало Китаю шанс для нового развития: темпы роста экономики, хотя и замедлились, но в реальном измерении по-прежнему остаются положительными, став более стабильными; движущие силы роста стали более разнообразными, экономическая структура — более рациональной, перспективы развития — более уверенными. Правительство прилагает большие усилия для осуществления административной реформы и децентрализации, высвобождения жизненных сил рынка¹.

На 5-м пленуме ЦК Компартии Китая 18-го созыва приняты следующие обобщающие положения: Китай сейчас переживает этап, когда имеется важный стратегический шанс развития по многим на-

правлениям, но также налицо усиливающиеся многочисленные вызовы, накопившиеся противоречия, растущие угрозы и катастрофы. Необходимо точно уяснить глубокие перемены в содержании «эпохи стратегического шанса», эффективно отвечать на опасные вызовы, продолжать собирать силы, расширять пространство для нового развития.

Пленум выдвинул задачу завершить всестороннее строительство среднезажиточного общества в 2020 году. Это задача, которую поставила КПК на первое из двух столетий с целью создать прочную базу для реализации задачи следующих 100 лет — осуществления китайской мечты о великом возрождении китайской нации. На пленуме выдвинуты новые задачи относительно строительства среднезажиточного общества: 1) продолжать рост экономики на средневысоком уровне; 2) еще больше повысить уровень и качество жизни людей, шире распространить их по стране; 3) существенно повысить цивилизационный уровень общества, более полно раскрыть его природу; 4) улучшить состояние экологической среды в целом; 5) существенно улучшить положение в других сферах².

Премьер-министр Госсовета КНР Ли Кэцян 16 октября 2015 г. выдвинул 6 условий развития экономики страны:

1) КНР станет второй по размерам мировой экономикой с ВВП в 10 трлн долл., хотя поддерживать экономический рост в 7 % действительно нелегко;

2) новой движущей силой в той или иной мере станут быстрые перемены, способствующие развитию экономики и демонстрирующие существенное возрастание своей роли по ряду направлений;

3) опора только на «одну руку» — государство — явно недостаточна, нужно также полностью задействовать жизненные силы рынка;

4) реализация формулы «Интернет + создание собственного бизнеса в сочетании с творчеством + торговая марка «Сделано в Китае 2025» может подтолкнуть «новую индустриальную революцию» в стране;

5) урбанизация нового типа — это потенциал и большое преимущество китайской экономики;

6) стимулирование работы создаст «механизмы по исправлению ошибок» и «механизмы поощрения»³.

В научных кругах Китая также высказываются различные мнения о перспективах развития страны. Эти точки зрения в основном сходятся в том, что есть условия для оптимизма относительно будущего Китая. Например, директор Центра изучения китайской и мировой эко-

номики Ли Даоцзю эскизно представил развитие Китая в предстоящие 30 лет (до 2040 г.) в трех основных сферах следующим образом.

Экономика: по своим масштабам китайская экономика станет первой в мире, Китай войдет в разряд развитых стран (ВВП Китая в тот период предположительно составит 48 трлн долл.). Достижение такого результата будет возможно при том, что среднегодовые темпы роста ВВП в первое десятилетие составят 9 %, во второе — 8 %, в третье — 7 %; прирост капиталовложений в основные фонды соответственно по десятилетиям достигнет 13, 11 и 9,5 %. Инвестирование производства сохранится на уровне 5 % в год; стоимость рабочей силы будет ежегодно возрастать на 2 %. Все эти показатели полностью достижимы.

В социально-политической сфере Китай будет осуществлять всестороннее продвижение к индустриальному обществу.

По своему положению в мире Китай будет по всем направлениям повышать влияние и возможности. *К 2040 году он реально станет мировой сверхдержавой*⁴.

Директор Института изучения марксизма Академии общественных наук Китая, директор Центра системных исследований теории социализма с китайской спецификой КАОН Цзинь Аньфу считает, что в предстоящие годы Китай должен проявить активность и инициативу для развития роли и духа *большой социалистической страны* в глобальном управлении, особенно в реформировании ООН и мировых финансово-экономических институтов, укреплении международной роли юаня⁵.

Главный редактор журнала «Общественные науки» Института общественных наук (Шанхай) Хо Цянь считает, что будущие перспективы и пути мирного развития Китая в значительной степени определяются решением следующих трех ключевых вопросов:

- 1) сможет ли успешно осуществляться мирное развитие;
- 2) будет ли это мирное развитие надежным;
- 3) будет ли поднимающийся Китай добиваться положения гегемона.

На них были даны такие ответы.

Во-первых, экономика Китая продолжит развиваться очень быстро, и он станет государством с крупнейшей по масштабам экономикой мира, опередив США. При этом Китай все большее значение будет придавать мирному развитию, и культурное возрождение китайской нации уже не за горами.

Во-вторых, Китай сможет полностью реализовать мирное развитие.

В-третьих, развитие Китая осуществляется устойчиво и надежно.

В-четвертых, Китай не будет стремиться к гегемонизму, но будет последовательно стоять на стороне развивающихся стран, добиваться нового справедливого и разумного международного политического и экономического порядка. Развитие Китая — это «развитие, которое может быть воспринято международным сообществом»⁶.

Опасности и вызовы для Китая в процессе развития

5-й Пленум ЦК КПК 18-го созыва представил следующие обобщенные выводы по этому вопросу.

По-прежнему серьезными остаются проблемы непропорционального, негармоничного и неустойчивого развития, прежде всего из-за использования экстенсивных методов развития, слабости креативных возможностей. Снижается эффективность предприятий, постоянно происходят серьезные аварии из-за нарушения безопасности труда, неравномерно развиваются городские и сельские районы, все более актуальной становится проблема дефицита природных ресурсов. Все более отчетливо проявляется тенденция деградации окружающей среды, и в сфере экологии все еще нет кардинальных перемен. Недостаточны возможности обеспечения основными видами общественных услуг, наблюдается большая разница в доходах населения, усиливается тенденция его старения, с трудом решается задача ликвидации бедности. Вырос цивилизационный уровень общества, совершенствуется его характер, но необходимо усиливать верховенство закона, повышать идейный уровень, совершенствовать стиль работы руководящих кадров, поднимать авангардную роль членов партии и кадровых работников, чтобы они показывали положительный пример⁷.

В статье «Решительно идти по пути мирного развития», опубликованной в декабре 2010 г., член Государственного совета КНР Дуи Биньго отмечал, что стоящие перед Китаем проблемы — самые масштабные по содержанию и сложности, самые труднорешаемые; Китай все еще остается развивающейся страной, с большой численностью населения и маленькой экономикой, и название крупнейшей экономики не соответствует реальности⁸.

Научные круги Китая отмечают и другие трудности и вызовы, с которыми Китай сталкивается в процессе развития. По мнению Ли Даоцю, в предстоящие 30 лет Китай столкнется с *тремя крупными вызовами*. Это идеологическое освобождение (создание экономических, политических и общественных институтов); участие народа [в жизни

страны] и его гармоничное развитие (преодоление социальных антагонизмов); стратегия крупномасштабного развития [при решении проблемы дефицита природных ресурсов и энергии, реализации требований научно-технического развития]⁹.

Известный китайский экономист Го Цзиньлянь¹⁰ считает, что реформы в Китае «находятся в глубокой луже», сейчас делаются шаги для штурма [обозначенной цели], которые наталкиваются на сопротивление со стороны «групп, преследующих личные интересы». Китай сталкивается со многими большими проблемами, такими как расслоение на бедных и богатых. Возможно, исходя из такой ситуации, Си Цзиньпин повел решительную борьбу против коррупции, обрушился на «группы, преследующие личные интересы» и захватившие в свои руки экономику КНР¹¹.

Ученый Ли Гобинь из Центрального финансово-экономического университета Китая утверждает, что в настоящее время экономика КНР находится на «границе между раем и адом», с каждым днем усугубляются проблемы «нестабильности, дисбаланса, неустойчивости». За внешними проявлениями благополучия скрывается по-прежнему малоэффективная экономика Китая, в которой отсутствуют креативные возможности, чрезмерна опора на инвестиции и экспорт, и при этом имеется серьезное расслоение на бедных и богатых. И если не решить эти проблемы, то «китайская экономика рухнет в ад»¹².

Авторитетный китайский экономист Тан Цзяньгуан¹³, поддерживая такие оценки, предложил совершить 8 прорывов для изменения модели [экономического] роста, осуществления нового рывка в предстоящее десятилетие¹⁴.

Другие точки зрения

Перспективы развития Китая

Уже представлено достаточно много других прогнозов о Китае и росте китайской экономики¹⁵. Одним из самых оптимистичных прогнозов, вызвавших большую полемику, стал прогноз экономиста Роберта Фогеля (Robert W. Fogel). По его оценке, ВВП Китая в 2040 г. составит 123 трлн долл., что в 3 раза превысит ВВП глобальной экономики в 2000 г., а среднедушевой доход граждан достигнет 85 тыс. долл. Иными словами, из развивающейся страны Китай к 2040 г. станет *супербогатым* государством. В 2040 г. ВВП Китая составит 40 % общемирового ВВП, тогда как доля США сократится до 14 %, доля ЕС — до 5 %. По мнению Фогеля, есть 5 факторов, которые помогут Китаю добиться подобных успехов. Это большие инвестиции в обра-

зование; фактор деревни; занижение официальной статистикой КНР реального роста экономики; ряд особенностей политического режима в Китае (большинство экономических реформ проводится и контролируется местными властями); заметный прогресс в потреблении по очень многим направлениям. *Сегодня Китай — самая капиталистическая страна в мире*¹⁶.

Академик РАН Титаренко М.Л. дал такую оценку: «Китай — это держава, которая сегодня поднимается в регионе — там, где США многие десятилетия имели господствующее положение, но не смогли сохранить свое право властвовать, как это было прежде. Одновременно Китай — это возрождающаяся держава, которая многие века господствовала в прилегающих к ее границам районах. Меняющийся баланс сил более благоприятен для Китая — страны, завоевавшей право выдвигать стратегические инициативы»¹⁷.

Ли Куан Ю отмечал: «XXI век подтверждает, что Азия восстановила свои позиции в мире... Китай ускорит темпы своего развития, используя источники инвестиций индустриальных стран и новых индустриальных стран. Он догонит их и станет полноценным индустриальным обществом, затем обществом высоких технологий, и на это потребуются еще если не 50, то 100 лет».

Агентство Всемирный экономический форум (WEF) зафиксировало недавние события, потрясшие Китай и породившие большие сомнения в будущем китайской экономики. Это девальвация юаня, крах фондовых бирж, быстрый рост кредитования, стагнация рынка недвижимости. Тем не менее, по оценке агентства, три причины помогут испытывающей трудности экономике Китая и снизят вероятность «жесткой посадки».

Первая. Китай имеет прочную экономическую базу.

Вторая. Китайская экономика замедлила темпы роста, это неизбежная и совершенно обычная ситуация, результат головокружительных темпов экономического роста за последние два десятилетия.

Третья. Даже хотя Китай официально не отказался от показателя роста в 7 %, появились многие признаки того, что он производит переконструкцию целей и задач роста, взяв курс на переход от количества к качеству¹⁸.

Опасности и вызовы для Китая в процессе развития

Экономист Роберт Фогель отмечал, что в предстоящие 30 лет Китай столкнется со многими проблемами, такими как большой разрыв между бедными и богатыми и, как следствие, скрытая социальная

напряженность, территориальные споры, нехватка топлива и воды, загрязнение окружающей среды, слабость банковской системы¹⁹.

Ли Куан Ю считал, что Китай не отклонится от своего курса, если доля прагматиков, не зашоренных идеологически, составит в руководстве страной не менее 20 %. При этом он также указал на некоторые угрозы и вызовы, с которыми Китай столкнется в процессе развития в сфере культуры, языка или ввиду невозможности привлечь и интегрировать человеческие ресурсы и управленческие способности из других стран, изменения идеологии и деловой культуры, формирования нового мышления и т. д.²⁰

Американский китаевед Сюзан Ширк (Susan L. Shirk) обозначила наиболее фундаментальные вызовы и угрозы для перспектив китайской экономики. По ее оценке, это банкротство банков, политические риски, безработица, неравенство, коррупция, недостаток социальных услуг²¹.

Есть проблема, к которой проявляет внимание весь мир, — это рост «мягкой силы» Китая. Существует точка зрения, что китайская «мягкая сила» еще реально не охватила весь мир. Американский политолог Джозеф Най (Joseph S. Nye) указывает на два основных фактора, которые ограничивают китайскую «мягкую силу» — национализм и неразвитость гражданского общества в Китае. По мнению этого ученого, для полного развертывания «мягкой силы» Китай должен переформатировать свою внутреннюю и внешнюю политику, чтобы снизить недовольство соседних государств²².

Обобщение авторских точек зрения

На основе изучения процесса возвышения Китая были сформулированы следующие позиции и точки зрения относительно перспектив его развития.

1. После объединения в 221 году императором Цинь Шихуаном Китай всегда был центром Азии²³. Сейчас Китай — это государство, которое реализует свою мечту о великом возрождении китайской нации. Китай проделал путь от крупной страны, играющей центральную роль в Азии, до мировой державы.

2. Путь мирного развития Китая может быть скорректирован к середине XXI века, когда он выполнит задачи первого столетия, выдвинутые в 1949 г. Трудно предугадать концепцию развития, которую он применит, но основная характеристика пути развития может быть дополнена важным положением о *распространении китайских*

ценностей и объединении регионов китайского влияния по всему миру вокруг ядра — местных китайских диаспор.

К середине XXI века, обладая комплексной государственной мощью ведущей державы мира, КНР может перефокусировать государственную стратегию, коренным образом откорректировать внешнюю политику в духе дипломатии великой державы, в которой китайцы играют центральную роль. Особенно следует сказать о теории социализма с китайской спецификой, которая будет дополнена и развита в духе прагматизма, т. е. будет кардинально и всесторонне китаизирована. Более того, Китай может вступить на путь коренного отхода от марксизма к концу XXI века и начать создавать модели политических и общественных институтов с абсолютной китайской спецификой на рубеже XXII века.

3. Китай догонит и опередит США и к концу XXI века станет крупнейшей державой мира. В ходе этого процесса он будет последовательно реализовывать великодержавные гегемонистские цели, вследствие чего могут вспыхивать конфликты и даже локальные войны между Китаем и США или их союзниками в Азиатско-Тихоокеанском регионе. И, тем не менее, Китай (как и США) не будет господствовать в мире. Другие центры силы, такие как Россия, Япония, ЕС, Индия останутся эффективным противовесом, ограничивая влияние Китая (и США). Следует принять во внимание и роль других многообразных субъектов, способных реагировать на глобальные вызовы.

2. Воздействие возвышения Китая

Китай — крупная страна с многочисленным населением, с обширной территорией; его совокупная государственная мощь значительно усилилась за почти 40 лет проведения политики реформ и открытости. Естественно, развитие Китая оказывает немалое воздействие на весь мир, регион и Вьетнам. В глобальных масштабах возвышение Китая создает гораздо больше возможностей, чем проблем. Но в рамках региона, особенно в Юго-Восточной Азии, шансы и вызовы от возвышения Китая неравнозначны, различаясь по влиянию на развитие каждой страны. Возвышение Китая также проявляется в дифференциации и изменении соотношения сил в мире и в регионе; оно подвергло многие международные и региональные институты новым испытаниям, заставив видоизменять или дополнять свои действия. Китай по-прежнему формально является развивающейся страной, и

эти изменения выгодны всем развивающимся странам, и, естественно, его подъем породит новые вызовы для развитых стран и созданных ими институтов. Заявления Китая о мирном пути развития, о том, что он «никогда не будет объявлять себя сюзереном, никогда не будет осуществлять экспансию, никогда не принесет страданий и трудностей другим народам»²⁴, что миссия Китая — вносить вклад в дело мира, в стабильность и развитие региона и мира, похоже, не успокаивают другие государства²⁵.

Представим некоторые аспекты воздействия возвышения Китая на регион и мировое сообщество, проявляющиеся в той или иной степени, прямо или косвенно, также и во Вьетнаме.

Во-первых. Возвышение Китая оказало воздействие на теорию о путях и моделях мирового развития, особенно развивающихся стран. Теория социализма подвергается дополнению, развитию и серьезному пересмотру в процессе «мирного развития» Китая. Также теория «социализма с китайской спецификой» и «социалистической рыночной экономикой» станет уроком и опытом для Вьетнама, для государств, идущих по социалистическому пути.

Во-вторых. В какой-то момент возвышение Китая должно привести к изменению сложившегося мирового порядка сообразно возросшей роли Китая.

В Белой книге национальной обороны Китая указано: «Вооруженные силы Китая выступают инициатором, участником и двигателем сотрудничества по международной безопасности». Китай прилагает усилия, чтобы получить право голоса по международным военным вопросам²⁶. На общеоармейской научно-теоретической конференции по вопросам внешнеполитической пропаганды Китая в 2012 г. были высказаны призывы к развитию в Китае военной культуры, усилению военной «мягкой силы», активизации пропаганды китайской традиционной военной культуры и военной культуры с китайской спецификой²⁷.

Относительно культуры еще 3-й пленум ЦК КПК 18-го созыва четко указал на необходимость повышать уровень ее открытости и при этом поощрять китайские общественные и инвестиционные организации создавать Институты Конфуция²⁸, зарубежные культурные центры, брать на себя ответственность за различные формы гуманитарных обменов²⁹.

Известный американский ученый Сэмюэль Хантингтон неоднократно предполагал, что развитие экономик стран Азии и рост самосознания азиатских обществ ведет к разрушению основ мировой по-

литики, по меньшей мере, тремя способами. В частности, экономический рост в Китае, крупнейшей азиатской державе, расширит влияние КНР в регионе, усилит ее возможности восстановить свою гегемонию в Восточной Азии и благодаря этому оказать давление на другие страны, которым придется или осуществлять «тактическое присоединение» и самостоятельно адаптироваться к такому развитию событий или же «добиваться равновесия», всячески сдерживать китайское влияние³⁰.

В третьих. Усилятся конкуренция и компромиссы между державами, особенно между Китаем и США, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Ли Куан Ю неоднократно отмечал, что возникнет противоборство за влияние между Китаем и США, такая конкуренция между этими странами сохранится на уровне, который позволит Китаю по-прежнему привлекать США на свою сторону, и в конце концов американцы будут вынуждены разделить свои господствующие позиции с Китаем, США не смогут воспрепятствовать возвышению Китая³¹.

Во время посещения Китая в марте 2015 г. Генри Киссинджер сказал: «Когда я приехал в Китай 40 лет назад, мы занимались улаживанием разногласий между нашими странами, а сегодня мы должны использовать общий благоприятный шанс. 40 лет назад мы должны были заниматься проблемами управления и отражения актуальных на тот момент угроз, а сегодня мы должны заниматься тем, как сделать, чтобы оказать влияние на всю международную систему, избежать появления угроз в различных регионах и эскалации конфликтов до того уровня, когда они не поддаются контролю»³². Киссинджер выдвинул идею о том, что Китай и США совместно будут создадут *Тихоокеанское содружество, вместе будут идти вперед*³³. Он считал, что китайско-американские отношения не обязательно должны и не будут становиться игрой во взаимное уничтожение³⁴.

Российский ученый М.Л. Титаренко признает, что «Китай оказывает значительное давление на США и Японию в Азиатско-Тихоокеанском регионе»³⁵.

Относительно Вьетнама следующее мнение высказал генерал-полковник ВНА Нгуен Ти Винь: «Наше государство имеет очень «чувствительное» геополитическое положение, поэтому большие страны всегда хотят нас привлечь на свою сторону. Это закономерно. Тем не менее, когда находишься в регионе, в котором были, есть и будут продолжаться конфликты (а также соглашения) интересов многих больших стран, необходимо помнить о следующей закономерности:

«вершиной конфликта является соглашение». Мы не должны позволять другим странам договариваться за нашей спиной...»³⁶.

В-четвертых. Влияние Китая проявляется в повышении его роли крупного рынка и мирового экономического центра. В настоящее время Китай прилагает усилия по перестройке мирового экономического порядка, который регулируется и управляется США и развитыми странами Запада. На 5-м пленуме ЦК КПК 18-го созыва было заявлено о намерении Китая «активно участвовать в управлении мировой экономикой»³⁷. Инициативы Китая о новом мировом и региональном порядке подкрепляются экономическими институтами, в которых руководящая роль принадлежит Китаю³⁸.

Китайский эксперт и политический консультант Ван Сяогуан полагает, что китайская экономика продвигается к этапу «нового нормального состояния», и это хорошая новость для Азиатско-Тихоокеанского региона и мира. Китайская экономика растет в масштабе, значит, ее направляющая роль для мировой экономики не будет снижаться. Продвижение к «новому нормальному состоянию» означает, что экономическая структура постоянно будет улучшаться, активно и эффективно воздействуя на перебалансировку и благоприятное развитие мировой экономики»³⁹.

Центр тяжести в политике Китая — это расширение собственного влияния через экономику⁴⁰. Китай может ввести экономические санкции, просто закрыв доступ на свой рынок с 1,3 млрд потребителей, доходы и покупательная способность которых постоянно растут⁴¹. У Китая есть источники трудовых ресурсов, чтобы изготовить любую вещь самым дешевым способом с точки зрения экономической стоимости по сравнению с любым регионом в мире⁴². Сегодня Китай втягивает страны ЮВА в общую систему через свой гигантский рынок, используя их постоянно растущую покупательную способность. За этими странами обязательно последуют Япония и Южная Корея. Китай только привлекает эти страны, не используя вооруженную силу⁴³. В его экономике есть скрытые тенденции, и очень трудно противостоять усиливающейся экономической мощи Китая⁴⁴.

В-пятых. Развитие Китая, прежде всего его военная мощь, может привести к гонке вооружений в регионе и во всем мире. Когда существуют «горячие точки», такие как территориальные споры в Японском и Южно-Китайском морях, ядерная проблема КНДР, иранская ядерная проблема, конфликты на Ближнем Востоке и Украине... и другие, то все они имеют отношение к Китаю. Нарастивание китайской военной мощи не избавляет сопредельные страны и территории от страха,

и, в свою очередь, реально свидетельствует о росте военной угрозы в регионе⁴⁵.

В-шестых. Вьетнам все больше впадает в разнообразную и глубокую зависимость от Китая. Что касается экономики, то, по мнению профессора Чан Ван Тхо из японского университета Васеда, наиболее наглядно это проявляется в том, что экспортное производство Вьетнама все больше зависит от импорта промежуточной продукции из Китая. Структура внешней торговли между странами изменяется все более ненормально и неблагоприятно для Вьетнама. Вьетнам не только имеет постоянно растущий дефицит, но и сама структура его торговли типична для отношений между неразвитой и развитой странами. Китайские бизнесмены выигрывают почти все тендеры в наиболее важных отраслях Вьетнама, что является ненормальным явлением. Также большую обеспокоенность вызывает информация о численности китайских рабочих во Вьетнаме⁴⁶.

Что касается национальной обороны и безопасности, то, по мнению госпожи Ту Вэйтай, проректора Центральной партийной школы Китая, их задачи в рамках проекта «Один пояс, один путь» можно выразить так: Китай должен противостоять угрозам на Юге, таким как проблема Южно-Китайского моря, созданная Вьетнамом, Филиппинами и рядом других государств⁴⁷.

Заключение

Китай — крупная страна, стабильный центр Азии на протяжении прошедших более 2000 лет, которая с давних пор лелеет мечту о таком положении⁴⁸. Нынешнее возвышение КНР опирается на внешние и внутренние факторы, среди которых определяющую роль играют потребности внутреннего развития. Если бы после культурной революции не проводилась политика реформ и открытости, не выдвигались инициативы по активному участию в глобализации, если бы полностью не использовались стратегические шансы для развития, то дело развития Китая могло бы потерпеть поражение, а дело революции китайского народа, руководимого Китайской компартией, могло бы оказаться незавершенным. Оказавшись в то время в конкретной международной и региональной ситуации, в конкретных внутренних условиях, Компартия Китая своевременно выдвинула и эффективно развернула политику реформ и открытости, правильно определив задачи, направления, стратегию и тактику, чрезвычайно гибкие методы решения проблем.

На первом этапе возвышения Китай выступал под девизом «спрятаться и выждать время, укреплять реальную силу, активно действовать»⁴⁹. Но затем руководство страны сделало серьезную корректировку, открыто обозначило задачу «двух столетий» в реализации китайской мечты о великом возрождении китайской нации и определило: «Главная мечта Китая — это могучее государство-мечта, а для армии — могучая армия-мечта»⁵⁰. Китай поднимается, взяв на себя роль созидания, ускорения, урегулирования, применяя свою идеологию, теорию и культурные ценности⁵¹.

Возвышение Китая, независимо от чьего-либо желания или нежелания, имеет последствия, привнося в мир и регион как благоприятные шансы, так и серьезные вызовы. Китай — это большая соседняя страна, поддерживающая многосторонние отношения с Вьетнамом. Невозможно избежать китайского воздействия на СРВ как в краткосрочной, так и среднесрочной перспективе.

Перевел А.А. Соколов.

Примечания

¹ См.: URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/10/c_127195118.htm.

² Toàn văn Kiến nghị của Ban chấp hành Trung ương ĐCS Trung Quốc khóa 18 về xây dựng Quy hoạch phát triển kinh tế và xã hội quốc dân 5 năm lần thứ 13 : [Предложения ЦК КПК 18-го созыва по разработке 13-го пятилетнего плана и Проекта социально-экономического развития Китая]. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2015-11/04/c_128392424.htm

³ См.: URL: http://www.gov.cn/xinwen/2015-10/16/content_2948459.htm

⁴ 敬琰(主编), *中国未来30年 Trung Quốc 30 năm tới*. Ngô Kinh Liễu chủ biên. Bắc Kinh: NXB Biên dịch Trung ương, 2011 : [Китай в предстоящие 30 лет, перевод Нгуен Хюи Хоанга] / отв. ред. У Цзинлянь. Пекин.

⁵ Там же.

⁶ 胡键, *理解中国的改革—当代中国社会主义现代化理论与实践研究* 第225-228页 - (Hồ Kiện. *Lý giải cải cách của Trung Quốc — Nghiên cứu lý luận và thực tiễn hiện đại hóa CNXH Trung Quốc đương đại*. Thượng Hải: NXB Học Lâm, 2015 : [Ху Цзянь. Разъяснение китайских реформ — Изучение теории и практики модернизации современного социалистического Китая. Шанхай, 2015]. С. 225—228.

⁷ Предложения 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва по разработке 13-го пятилетнего плана и Проекта плана социально-экономического развития Китая.

⁸ Текст статьи Дуй Биньго см.: URL: <http://politics.people.com.cn/GB/1026/13417139.html> (07.10.2012).

⁹ 吴敬琏(主编), *中国未来30年*: [Китай в предстоящие 30 лет].

¹⁰ Го Цзиньян (吴敬琏) ежегодно удостоивается китайской научной премии в области экономики имени Тун Цзафэна, в 2005 г. был удостоен впервые присуждавшейся в Китае премии за выдающийся вклад в области экономики.

¹¹ [Китай в предстоящие 30 лет].

¹² 李国平, *中国经济出路在哪里* 浙江大学出版社, 杭州, 2012年: [Где выход для китайской экономики? Пекин, 2012].

¹³ Тан Цзяньгуан — профессор университета Фудань (Китай); был экспертом по вопросам экономики в Центральном азиатском банке, Международном валютном фонде и Центральном банке Финляндии, советником Организации по сотрудничеству и экономическому развитию (ОЕСД), приглашенным исследователем в Народном банке Китая. Вел постдокторскую исследовательскую работу на экономическом факультете Массачусетского технологического института (MIT). Окончил университет в Фуцзяне.

¹⁴ *Тан Цзяньгуан. Что определяет будущее Китая?* Пекин: Изд-во «Промышленность и механизация», 2014). Тан Цзяньгуан обозначил такие 8 прорывов: сила влияния, способность реагировать на перемены, исполнительные способности, сила урбанизации, финансовая мощь, денежная мощь, сила конкуренции, рукоядшие способности.

¹⁵ Так, глобальная финансовая корпорация HSBC в декабре 2010 г. представила прогноз, согласно которому к 2020 г. в Китае будет 6 провинций (Гуандун, Чжэцзян, Цзяньсу, Шаньдун, Хэбэй и Хэнань) с ВВП большим, чем у России на 1 трлн долл., платежным балансом больше, чем у России, Канады и Испании (в то время ВВП России составлял 1,232 трлн долл.). Кроме того, к 2020 г. 10 других провинций во внутренней части страны, такие, как Сычуань, Синьцзян и Внутренняя Монголия, будут иметь ВВП от 0,5 трлн до 1 трлн долл. — больше, чем у Индонезии, ЮАР или Швейцарии (см.: URL: http://www.bbc.com/vietnamese/business/2010/12/101213_china_gigantic_provinces.shtml). Российские ученые предполагают, что к 2070 г. по совокупности государственной мощи КНР войдет в ряды мировых сверхдержав. Они выдвинули 9 показателей оценки совокупной государственной мощи: управление, руководство, природные ископаемые, экономика, культура и религия, образование, военное дело, внешняя политика. Цит. по: Đỗ Minh Cao (chủ biên). *Sự trỗi dậy về quân sự của Trung Quốc và những vấn đề đặt ra cho Việt Nam*: [До Минь Као (отв. ред.). Военное пробуждение Китая и проблемы, стоящие перед Вьетнамом]. Hà Nội: NXB Từ điển bách khoa, 2013. Tr. 67.

¹⁶ [Китай в предстоящие 30 лет].

¹⁷ *Tитаренко М.Л.* Формирование новой геополитической ситуации в Восточной Азии и роль России. М.: ИДВ РАН, 2014.

¹⁸ См.: URL: http://www.bbc.com/vietnamese/business/2015/09/150930_vietnam_competitive_ranking

¹⁹ [Китай в предстоящие 30 лет].

²⁰ Graham Allison, Robert D. Blackwill, Ali Wyne. Lee Kwan Yew: The gran master's insights on China, The United States, and the world. Hà Nội: NXB Thế giới, 2015. Tr. 10—15, 22 : [Ли Куан Ю. Размышления о Китае, США и мире. Ханой, 2015. С. 10—15, 22].

²¹ *Susan L. Shirk.* Gã khổng lồ mất ngủ. Tr. 53—62 : [С. Ширк. Гигант, потерявший сон. С. 53—62].

²² *Joseph S. Nye.* Chinese Communist Party and nationalism damage soft-power push // The Australian. 13.07.2015. URL: <http://www.theaustralian.com.au/news/world/chinese-communist-party-and-nationalism-damage-soft-power-push/story-e6frg6bux-1227439144799>

²³ Американский ученый Брантли Уомак считает, что Китай является стабильным центром в Азии с самым большим населением, природными ресурсами и территориями по сравнению с другими государствами, регионами и территориями. Эту точку зрения он представил на лекции в Ханойском государственном гуманитарном университете 16 декабря 2014 г.

²⁴ Toàn văn phát biểu của ông Tập Cận Bình : [Выступление Си Цзиньпина]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2015-09/03/c_128192341.htm

²⁵ 12 декабря 2005 г. Ли Куан Ю, специальный советник Дэн Сяопина, сказал: «Первая моя реакция на словосочетание «мирное возвышение» состояла в том, что я сказал группе их советников, что это парадоксальный фразеологизм, любое возвышение заставляет нас вздрогнуть». Цит. по: *Graham Allison, Robert D. Blackwill, Ali Wyne.* Ли Куан Ю. О Китае, США и мире. P. 7—8).

²⁶ *Чыонг Фыонг.* Правовое применение и повышение реальной силы военной дипломатии Китая. См.: вэб-сайт общественных наук Китая. URL: <http://www.csstoday.net/xuekepindao/junshixue/82591.html> (17.07.2013).

²⁷ См.: URL: <http://www.chinanews.com/mil/2012/09-29/4223150.shtml>

²⁸ На 1 января 2015 года Китай создал 500 Институтов Конфуция и кружков по изучению трудов Конфуция в 134 странах и территориях, число слушателей составило около 1,9 млн человек. См.: URL: <http://vietnamese.cri.cn/421/2015/12/04/1s217272.htm>

²⁹ Quyết định của Trung ương ĐCS Trung Quốc về một loạt vấn đề trọng đại cải cách toàn diện sâu sắc. 12.11.2013 : [Постановление ЦК КПК о некоторых важных проблемах всесторонних и глубоких реформ].

³⁰ Huntington, Samuel. *Sự va chạm của các nền văn minh*. Hà Nội, NXB Lao động, 2003, tr. 307—308 : [Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. Ханой: изд-во «Лao донг», 2003. С. 307—308].

³¹ *Graham Allison, Robert D. Blackwill, Ali Wyne*. Op. cit. Tr. 50, 56 (Указ. соч. P. 50, 56).

³² См.: URL: http://news.ifeng.com/a/20150321/43389643_0.shtml

³³ Henry Kissinger. *Bàn về Trung Quốc* (On China). Hà Nội: NXB Công an Nhân dân, 2015. Tr. 527—530, 542—548 : [Киссинджер Г. О Китае. С. 527—530, 542—548].

³⁴ Op. cit. P. 539.

³⁵ *Титаренко М.Л.* Формирование новой геополитической ситуации в Восточной Азии и роль России.

³⁶ См.: URL: <http://vnexpress.net/tin-tuc/thoi-su/viet-nam-khong-chap-nha-n-nen-hoa-binh-le-thuoc-2184972.html>

³⁷ Предложения 5-го пленума ЦК КПК 18-го созыва по разработке 13-го пятилетнего плана и Проекта социально-экономического развития Китая.

³⁸ Это БРИКС и Новый банк развития БРИКС (NDB BRICS), Фонд срочных валютных резервов БРИКС; «Один пояс, один путь» Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АИВ), Фонд «Шелковый путь», Содружество Азии и ЗСТ АТР (ФТААР), Шанхайская организация сотрудничества (SCO) и Банк развития ШОС, ЗСТ Китай — АСЕАН и Банк АСЕАН / RСЕР; Содружество Китай — Латинская Америка и Фонд сотрудничества Китай — Латинская Америка и Карибы, Фонд инвестиций и сотрудничества по повышению производственных возможностей Китай — Латинская Америка, Фонд содействия инфраструктурному строительству в Латинской Америке и Карибах; Содружество Китай — Африка и Фонд развития Китай — Африка и т.д.

³⁹ См.: URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2014-11/10/c_127195118.htm

⁴⁰ *Graham Allison, Robert D. Blackwill, Ali Wyne*. Op. cit. Tr. 10.

⁴¹ Ibid. P. 3.

⁴² Ibid. P. 21.

⁴³ Ibid. P. 9.

⁴⁴ Ibid. P. 10.

⁴⁵ См.: URL: <http://tuoitre.vn/tin/the-gioi/20150605/chau-a-dua-nhau-sam-vu-khi/757026.html>

⁴⁶ *Trần Văn Thọ*. Đánh giá thành quả phát triển của Việt Nam từ sau Đổi mới : [Чан Ван Тхо. Оценки результатов развития Вьетнама после обновления] — VietNamNet. 16.09.2015. URL: <http://vietnamnet.vn/vn/chinh-tri/262132/danh-gi-a-thanh-qua-phat-trien-cua-viet-nam-tu-sau-doi-moi.html>

⁴⁷ Trạng thái bình thường mới của kinh tế Trung Quốc. Tào Lập chủ biên. Bắc Kinh: NXB Tân Hoa, 2014 : [Новое нормальное состояние Китая / отв. ред. Тао Лап. Пекин, 2014].

⁴⁸ По мнению историка КНР Бань Чжао, «великая китайская мечта» четко оформилась еще во времена правления династии Суй, в годы правления императора Ян Гуана (596—618); она состояла из четырех составных частей: большая дипломатия, великие сооружения, великий дух, большие войны. Бань Чжао полагает, что мечта о великом государстве стала причиной, приведшей к уничтожению династии Суй. См.: 2006145?155—158? : [Закат небесной империи: Картина падения 20 китайских царств. С. 155—158].

⁴⁹ Выступая в ООН 10 апреля 1974 г., Дэн Сяопин заявил: «Китай не является сверхдержавой и никогда не стремился стать сверхдержавой. Если когда-нибудь Китай изменится и станет сверхдержавой, будет играть роль властелина, заставляя все страны терпеть обиды, зверства и эксплуатацию, то мир должен будет разоблачить его социально-империалистическую личину, выступить против него и сотрудничать с народом Китая для свержения его правителей» // Цит. по: Juan Pablo Cardenal và Heriberto Araujo. La Silenciosa Conquista China. Hà Nội, NXB Hội Nhà văn, 2015. Tr. 266 : [Скрытная китайская армия. Ханой: изд-во Союза писателей Вьетнама, 2015. С. 266].

⁵⁰ Sách trắng quốc phòng Trung Quốc 2015: URL: http://www.mod.gov.cn/auth/2015-05/26/content_4586723.htm : [Белая книга о национальной обороне Китая — 2015].

⁵¹ *Nguyễn Huy Hoàng*. Về đối thoại chiến lược và kinh tế Trung — Mỹ lần thứ 7 // Nghiên cứu Trung Quốc. № 7 (167). 2015. Tr. 43—44 : [Нгуен Хюи Хоанг. О 7-м стратегическом и экономическом диалоге Китая и США // Китайские исследования. 2015. № 7 (167). С. 43—44].

В.Я. Портяков

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС КНР И ПЕРСПЕКТИВЫ ОТНОШЕНИЙ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Внешняя политика Китая в первые годы руководства пятого поколения лидеров КПК и КНР представляет интерес не только сама по себе, но и с точки зрения того, насколько она позволяет судить об особенностях и приоритетах курса Си Цзиньпина — Ли Кэцяна на мировой арене на весь период их ожидаемого нахождения во власти, то есть на десятилетие 2013—2022 гг. Представляется, что к концу 2015 г. «критическая масса» деклараций нового китайского руководства и его практической международной деятельности, необходимая для комплексного анализа обновленного внешнеполитического курса КНР и прогнозов его дальнейшей эволюции, накопилась.

Новые элементы внешней политики КНР

Одним из первых возникает вопрос о «чертах преемственности и новизны» во внешней политике Пекина после XVIII съезда правящей партии.

Можно констатировать, что общая конфигурация страновых приоритетов взаимодействия КНР с внешним миром в целом сохраняла свою действенность. Основным из них остаются отношения с великими державами, при этом в подавляющем большинстве комментариев китайских политологов поставленная съездом задача формирования отношений нового типа между державами понимается как выстраива-

ние конструктивного партнерства с США на основе равноправия и взаимного уважения. В отдельных публикациях в категорию «междержавных отношений» включаются и отношения КНР с РФ. Последовательная политика добрососедства приобретает особую важность в свете того обстоятельства, что наблюдавшаяся в предыдущие несколько лет повышенная жесткость Китая в отношении ряда государств, входящих в его «соседское окружение», поколебала имидж Пекина в регионе.

Наконец, КНР продолжает позиционировать себя на мировой арене как все еще и прежде всего развивающуюся страну, подкрепляя соответствующие декларации налаживанием связей с новыми для нее партнерами и углублением сотрудничества со старыми.

Главной внешнеполитической новацией Си Цзиньпина стал лозунг о необходимости достижения «китайской мечты». В самом общем плане под этим понимается «возрождение китайской нации» в два шага — к столетию КПК (2021 г.) достичь уровня «средней зажиточности», а к столетию КНР (2049 г.) войти в число развитых государств мира.

«Китайская мечта» является понятием комплексным, охватывающим различные аспекты функционирования государства. В КНР превалирует мнение, что на сегодняшний день еще рано говорить о возрождении китайской нации как о событии свершившемся. Для этого необходимо, прежде всего, восстановление единства китайского государства и китайской нации, то есть восстановление юрисдикции Пекина над Тайванем. Кроме того, по ретроспективным расчетам Энгуса Маддисена, в начале XIX века доля Китая в мировом валовом продукте составляла одну треть¹. Возможно, достижение в перспективе такого же уровня может рассматриваться как своеобразный критерий возрождения страны и нации.

Ведущие политологи КНР указывают, что как само понятие «китайской мечты», так и ее осуществление на практике имеют существенное международно-политическое измерение. По оценке вице-президента Академии общественных наук Шанхая Хуан Жэньвэя, для достижения «китайской мечты» нужно мирное окружение, и Китай, несмотря на рост его мощи и влияния, следует курсом *мирного* возвышения. Следует также ожидать увеличения роли Китая в глобальном управлении, существенного укрепления международных позиций китайского юаня как одной из крупнейших мировых валют, поступательного роста «мягкой силы» страны вслед за ее «культурным возрождением»².

Новацией калибром поменьше, чем «китайская мечта», тоже способной породить серьезные геополитические последствия, стало предложение Си Цзиньпина о создании «инновационной модели сотрудничества» — совместном строительстве Экономического пояса Шелкового пути³. Проект предлагает соединение интеграционных усилий не только Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества, но и практически всех государств Евразии и даже Северной Африки. Еще одной инициативой, привлечшей широкое внимание, стало предложение о возрождении «Морского шелкового пути», начинающегося в южных портах КНР и следующего через Южно-Китайское море и Индийский океан к Аравийскому полуострову и Ближнему Востоку в целом. Таким образом, благодаря инициативам Си Цзиньпина КНР может превратиться в главного экономического и политического игрока обширного региона, охватывающего Центральную, Южную и Западную Азию. В целом политика Китая в Азии, в которой до сей поры преобладало восточноазиатское направление, получает хорошие шансы стать в перспективе географически более сбалансированной и комплексной.

Появились первые признаки модификации некоторых «фундаментальных опор» внешнеполитического курса четвертого поколения лидеров КНР. Именно так следует оценить публикации, констатирующие определенную обусловленность приверженности Китая пути мирного развития. Как полагают шанхайские эксперты Хуан Жэньвэй и Лю Хунсун, стратегия мирного развития страны будет успешной в том случае, если удастся добиться «мирного объединения двух берегов Тайваньского пролива, обеспечить благоприятное развитие китайско-американских отношений и добиться признания в качестве равноценных институциональных основ и системы ценностей Китая большинством государств международного сообщества». Напротив, «если Америка бросит все свои силы на противодействие Китаю, то его подъем может прерваться на середине пути»⁴.

Объективно степень новизны внешнеполитических новаций команды Си Цзиньпина не следует преувеличивать, ведь та же «китайская мечта» генетически прямо связана с доминантой предшествующего десятилетия — концепцией «мирного возвышения» Китая⁵.

Однако в разъяснениях и комментариях китайских официальных лиц и политологов акцент в настоящее время делается не на преемственности, а именно на новизне внешнеполитического курса пятого поколения лидеров страны. Показательна в этом отношении статья Ян Цзечи — члена Госсовета КНР, курирующего в правительстве

внешнюю политику, — «Инновации в теории и практике дипломатии»⁶. По его словам, «будучи более комплексной и лучше сбалансированной, дипломатия Китая в новых условиях демонстрирует такие черты, как богатство идей, ясные приоритеты, твердая позиция, гибкие подходы и самобытный стиль». Это позволило ей, полагает Ян Цзечи, «добиться в короткие сроки ряда крупных прорывов», в числе которых — выдвижение понятия «китайской мечты», начало строительства новой модели отношений с США — неконфликтной, неконфронтационной, основанной на принципах обоюдного выигрыша и взаимного уважения и т. д.

Один из ведущих специалистов по современным международным отношениям Китая профессор Ван Ичжоу из Пекинского университета особо подчеркнул то обстоятельство, что Си Цзиньпин и Ли Кэцян представляют первое поколение лидеров страны, родившихся после основания КНР в 1949 г. Поэтому они «несут меньшее историческое бремя, чем их предшественники, и обладают иным мироощущением — более уверенным, амбициозным и предприимчивым»⁷. И в самом деле, отличие внешнеполитического стиля Си Цзиньпина от манеры поведения в международных делах его предшественника бросается в глаза и проявляется буквально во всем — от динамичности и диапазона действий до большей личной эмоциональности.

В то же время нельзя забывать, что в первый год пребывания у власти Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао их внешнеполитическая активность была заметно приглушена вследствие чрезвычайных обстоятельств — эпидемии атипичной пневмонии. Однако даже в тех сложных условиях удалось сделать немало. Состоялся важный для обеих сторон визит Ху Цзиньтао в Россию; поездка в Эвиан для встречи с лидерами «большой восьмерки» стала первым шагом в приобщении Пекина к «элитному клубу» мирового глобального управления, наконец, была выдвинута концепция «мирного возвышения» КНР.

В любом случае, однако, очевидно, что команда Си Цзиньпина — Ли Кэцяна демонстрирует готовность к большей, чем у предшественников, активности, а подчас и жесткости внешнеполитического курса, к расширению диапазона и более гибкому использованию внешнеполитического инструментария страны. Обращает на себя внимание употребление Ян Цзечи понятия «красная черта» (*bottom line*) в контексте декларируемой решимости Китая защищать свои законные интересы. Симптоматично и обещание «не уклоняться в дипломатической работе от споров и проблем любого рода»⁸.

В этом плане показательно изменение подхода Китая к проблеме разногласий с рядом соседних государств о линии прохождения границы. Если раньше данная тема особо не обсуждалась, то теперь открыто признается, что у Китая, граничащего с 14 государствами по суше и с 8 по морю, имеются «споры о суверенитете» с 10 из них. Нередко положение о приверженности страны «защите суверенитета и территориальной целостности» подается в одной связке с задачами «качественного совершенствования национальной обороны» и «превращения Китая в мощную морскую державу»⁹.

Характерно и то обстоятельство, что Китай начал чаще использовать потенциал своей экономической дипломатии, регулярно прибегая здесь к методам не только «пряника», но и «кнута». Например, на какое-то время были заморожены контакты Пекина с Европейским союзом на высшем уровне. Это подавалось как реакция на встречи официальных лиц европейских государств с далай-ламой, но очень похоже, что не менее существенным фактором было применение ЕС повышенных тарифов к импортируемым из КНР солнечным батареям. Высокая заинтересованность переживающей экономическую стагнацию Европы в стабильных торгово-экономических связях с Китаем обусловила в конечном счете решение чувствительного вопроса в пользу Пекина, что расчистило путь для проведения очередного саммита ЕС—КНР, а затем и для триумфального визита Си Цзиньпина в ряд европейских государств в марте 2014 г.

В то же время Пекин демонстрирует жесткий подход¹⁰ далеко не по всем тем азимутам своей внешней политики, где имеются трения и несовпадение позиций. Так, больший, чем в предшествующие годы, настрой на поиск компромиссных решений просматривался в отношениях Китая с Индией и с Вьетнамом. Можно сказать, что в целом внешняя политика Пекина становится более тонко нюансированной и по-настоящему дифференцированной, что, помимо прочего, говорит и о повышении уровня китайской дипломатии.

Вполне закономерно, что в экспертных кругах набирающего и все более явственно ощущающего собственную силу Китая достаточно активно обсуждаются возможные параметры и качественные характеристики формирующегося внешнеполитического курса страны на среднесрочную перспективу.

Примером такого рода служит дискуссия группы политологов-международников, организованная журналом МИД КНР «Шицзе чжиши» («Знания о мире»)¹¹. Их совокупный прогноз ориентирует на повышение международной ответственности, рост влияния как «твер-

дой», так и «мягкой силы» страны и поступательное наращивание вклада Китая в общемировые процессы. В то же время в числе конкретных сфер международной жизни, где КНР может инициативно предложить мировому сообществу общезначимый «общественный продукт», называются только «денуклеаризация и обеспечение стабильности на Корейском полуострове», трансформация шестисторонних переговоров в механизм обеспечения безопасности в Северо-Восточной Азии¹². Схожий сюжет развивал и Ван Ичжоу, полагавший, что Китаю по силам «попытаться создать новую систему безопасности в Азии»¹³. Вполне закономерно, что в мае 2014 г. председатель КНР Си Цзиньпин выступил в Шанхае на саммите Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии с инициативой о путях укрепления режима региональной безопасности.

В конце 2013 г. Ян Цзечи поставил перед китайской дипломатией задачу заложить прочную основу для внешней политики страны на период в 5—10 лет, всемерно используя для этого различные мероприятия на высшем уровне. Он признал важным для стратегии развития отношений с великими державами и дипломатии добрососедства повышение Китаем уровня сотрудничества с развивающимися странами и активное участие в глобальном управлении¹⁴.

В целом период 2013—2015 гг. показал, что присутствие Китая в мировой политике стабильно растет. Ширится география стратегических интересов Китая, множится число его инициатив по вопросам экономического сотрудничества, разрешению кризисных ситуаций и т. п. Китай все ошутимее ведет себя на мировой арене как одна из ведущих мировых держав. Каковы бы ни были те или иные современные оценки комплексной мощи Китая, в общественном мнении большинства государств он устойчиво воспринимается как держава номер два, уступающая лишь США. Такое восприятие, безусловно, существенно подкрепляется 1-м местом КНР в мире по объему торговли товарами, а с 2014 г. — и 1-м местом по ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности национальных валют (табл. 1).

Однако и в условиях заметного роста экономической и военной мощи Китай продолжает декларировать приверженность мирному пути развития. Так, на центральном совещании по внешнеполитической работе 28—29 ноября 2014 г. Си Цзиньпин назвал «китайскую мечту» мечтой «мира, развития, сотрудничества, общего выигрыша». Он подчеркнул необходимость «создания нового типа международных отношений, ориентированных на сотрудничество и общий выигрыш в качестве ядра». По словам Си, надлежит внедрять понятие

Таблица 1. Сравнение динамики ВВП Китая и США в 2014—2020 гг.

Наименование	Ед. изм	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Китай ВВП	трлн долл. (рын. курс)	10,35	11,38	12,53	13,17	14,27	15,62	17,10
ВВП по паритету покупательной способности	трлн долл.	18,08	19,50	20,98	22,63	24,50	26,62	28,92
Доля в мировом валовом продукте по ППС	%	16,63	17,24	17,70	18,09	18,48	18,91	19,35
США ВВП	трлн долл.	17,35	17,97	18,70	19,55	20,49	21,40	22,29
ВВП по паритету покупательной способности	трлн долл.	17,35	17,97	18,70	19,55	20,49	21,40	22,29
Доля в мировом валовом продукте по ППС	%	15,95	15,88	15,77	15,63	15,45	15,20	14,92

Источник: база данных World Economic Outlook, October 2015 (оценки МВФ).
 URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2015/02/weodata/weorept.aspx?sy=2014&ey=2020&scsm=1&ssd=4&sort=country&ds=.&br=1&pri.x=39&pri.y=8&c=924%2C111&s=NGDPD%2CPPPGDP%2CPPPSH&grp=0&a=>

кооперации и общего выигрыша во все сферы международного сотрудничества в политике, экономике, безопасности, культуре¹⁵. По сути дела, прежняя оценка современной эпохи как эпохи «мира и развития», данная тридцать лет назад Дэн Сяопином, дополняется новыми элементами — «сотрудничеством и общей выгодой».

В то же время набирающий силу все более глобальный характер деятельности КНР на международной арене не отменяет, а, скорее, даже подчеркивает приоритетность для Пекина тех или иных конкретных географических направлений его внешней политики. В этом плане одним из основных приоритетов для КНР остается Восточная Азия. Здесь находится Япония — по сути дела, основной соперник Китая за лидерство в регионе. Сюда повернута своим тихоокеанским фасадом Россия, стремящаяся укрепить позиции в Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом и в первую очередь в Восточной Азии.

Наблюдаются попытки самой мощной мировой державы США укрепить свои позиции в регионе, в том числе военные. Здесь же расположен Тайвань, остающийся пока вне юрисдикции КНР.

Отношения Китая с основными государствами региона

За годы существования народного Китая его отношения с основными государствами региона претерпели существенную, подчас драматичную эволюцию. Анализ ее существа и причин помогают точнее оценить современное состояние и возможные перспективы развития связей Пекина с тем или иным государством.

Уникальным инструментом ретроспективного анализа уровня отношений КНР со странами Восточной Азии служит методика, разработанная в Институте современных международных отношений Университета Цинхуа и сделанные на ее основе количественные оценки. Характер отношений здесь оценивается в диапазоне от -9 до 9 . Выделено шесть типов отношений: «конфронтации» соответствуют количественные оценки от -9 до -6 , «напряженности» — соответственно, от -6 до -3 , «дисгармоничности» от -3 до 0 . Положительный спектр оценок представлен «обычными отношениями» — от 0 до 3 , «хорошими» — от 3 до 6 и «дружественными отношениями» — от 6 до 9 . Каждая из шести градаций имеет свои подуровни (высокий—средний—низкий), отличающиеся количественно друг от друга на один пункт (например, «высокая напряженность» — от -5 до -6 , «средняя» — от -4 до -5 , «низкая» — от -3 до -4 и так далее). Минимальное учитываемое значение составляет $0,1$ балла¹⁶.

Подготовленные учеными Университета Цинхуа оценки уровня двусторонних отношений Китая с рядом государств за период 1950—2013 гг. показывают, что предложенная методика позволила вполне адекватно отследить как общую эволюцию, так и резкие колебания их амплитуды в случае каких-либо неординарных событий.

*Оценки китайско-американских отношений*¹⁷ вполне закономерно отражают враждебное отношение Вашингтона к КНР с первых месяцев ее существования ($-7,5$ в январе—июне 1950 г.), которое достигло максимума ($-8,3$) в разгар корейской войны. С ее окончанием конфронтация между КНР и США снижается до уровня «высокой напряженности» (между -5 и -6), однако после 1960 г. отношения вновь обостряются — по оценке, до $-7,8$ балла в разгар «культурной революции». С марта 1969 г., когда Пекин стал готовить почву для некоторо-

го сближения с США, уровень напряженности понемногу снижается, активно реагируя на визит Г. Киссинджера (снижение с $-6,7$ в июне до $-6,1$ в июле 1971 г.) и особенно сильно — на визит Р. Никсона (с $-5,8$ в январе до $-4,7$ в феврале 1972 г.). Создание миссий связи (январь 1975 г.) отмечено оценкой в $-3,3$ балла, а визит Дэн Сяопина в США и последовавшее за ним полное установление дипломатических отношений — настоящим скачком с $-2,1$ (декабрь 1978 г.) до 0 (январь 1979 г.). Далее до середины 1989 г. оценки двусторонних отношений стабильно находятся в зоне положительных значений, достигая максимума в 3 балла в середине 1987 г. Санкции США против Китая, введенные после Тяньаньмэньских событий 4 июня 1989 г., резко ухудшают двусторонние отношения — с $2,5$ в мае до $0,3$ в июне, а затем их уровень до сентября 1994 г. уходит в минусовую зону, не превышая, впрочем, уровня «некоторой дисгармоничности». Еще один всплеск негатива в 1995—1996 гг. был вызван жесткой реакцией Пекина на сепаратистские действия Ли Дэнхуя на Тайване и последовавшим вмешательством в ситуацию Вашингтона. «Медовый месяц» в двусторонних связях в 1998 г., ознаменованный визитом президента Клинтона в Китай, нашел отражение в наивысших оценках уровня китайско-американских отношений за всю их историю (3,3 балла в сентябре). Бомбардировка в мае 1999 г. посольства КНР в Белграде и гибель китайского пилота в начале 2001 г. при столкновении с американским самолетом-разведчиком надолго отодвинули отношения Пекина и Вашингтона в район нулевой отметки. Более-менее стабильная повышательная тенденция возникла с 2007 г. Заметный сбой — до уровня $0,4$ — $0,6$ балла — имел место в марте—мае 2009 г. в связи с инцидентом с судном «Импекабл». На момент прихода к власти Си Цзиньпина (ноябрь 2012 г.) отношения между КНР и США оценивались в 1,7 балла. К концу 2013 г. их уровень повысился до 2,3 балла.

*Отношения Пекина с Советским Союзом*¹⁸, первым признавшим только что провозглашенную Китайскую Народную Республику, стартовали с весьма высокой оценки в 8,1 балла (январь 1950 г.). Союзнические отношения двух государств наглядно проявились в Корейской войне 1950—1953 гг., а затем и в масштабной помощи Москвы Китаю в годы первой пятилетки (1953—1957 гг.). Количественная оценка из уровня составила 8,2 балла с февраля 1950 г. по сентябрь 1954 г. и 8,3 балла в период с октября 1954 г. по май 1958 г. Затем, как известно, в советско-китайских отношениях началась полоса охлаждения, причины которого по сей день видятся в Москве и в Пекине не вполне одинаково. До середины 1960 г. количественные оценки

двусторонних связей остаются на высоком уровне (8,2—8,1—8,0), но быстро понижаются после заявления Москвы об отзыве советских специалистов из Китая: 7,7 балла в июне 1960 г., 6,5 в июле, далее 6,4 балла по сентябрь 1961 г. и 6,2 балла по апрель 1962 г.

Ожесточенная полемика по широкому кругу вопросов между двумя правящими коммунистическими партиями — КПСС и КПК — стала главным «триггером» быстрого ухудшения двусторонних отношений: 5,2—5,1 с мая 1962 г. по май 1963 г., затем 3,9 балла в июне (полемика вокруг китайских предложений о генеральной линии международного коммунистического движения), 2,0 в июле с быстрым выходом на «нулевой» показатель в декабре 1963—январе 1964 гг. (известные «девять статей», адресованных Китаем советскому руководству). С февраля 1964 г. оценка уровня двусторонних отношений уходит в зону отрицательных значений, которые растут с разворачиванием в КНР «культурной революции»: в 1966 г. –1,5— –1,6, в 1967 г. –3— –3,5, в 1968 г. –4. Столкновения на границе в марте и августе 1969 г. отразились в снижении уровня отношений, соответственно, до –5,1 и –5,9 балла. Затем наступила полоса своеобразного застоя: с сентября 1969 г. (встреча А.Н. Косыгина и Чжоу Эньлая в аэропорту Пекина) и по апрель 1978 г. включительно уровень отношений оценивается в –5,6 балла.

Новое ухудшение было вызвано осложнением отношений Китая с Вьетнамом на фоне отстранения от власти в Камбодже режима Пол Пота. Оценки уровня китайско-советских отношений снизились с –5,8 балла до –6 к концу 1978 г. и до –6,2 балла в апреле—августе 1979 г. Далее до февраля 1982 г. они находились на уровне –6,1 балла. С марта 1982 г. (ташкентская речь Л.И. Брежнева) они начинают постепенно улучшаться, но выходят из минусовой зоны только в мае 1989 г. (0 — визит М.С. Горбачева в КНР и нормализация межгосударственных и межпартийных отношений).

В наследство от СССР ельцинская Россия получает уровень отношений с Китаем, оцениваемый в 2,8 балла (декабрь 1991 г.), который возрастает до 3,6 балла через год. Далее имело место поступательное улучшение двусторонних отношений: 4,6 балла в конце 1994 г., 5,1 балла в конце 1995 г., 5,9 балла в конце 1996 г., 6,4 балла в конце 1997 г., 6,9 балла в конце 1998 г., 7,5 балла в конце 1999 г. Подписание В. Путиным и Цзян Цзэминем 16 июля 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР нашло отражение в повышении оценки уровня отношений между двумя странами до

8 баллов. С того времени и до конца 2013 г. эти оценки оставались стабильно высокими, варьируя в диапазоне от 7,8 до 8,1 балла.

Возникает вполне естественный вопрос о сопоставлении количественных оценок уровня отношений Китая с США и с СССР/Россией. Формально картина здесь достаточно ясная: отношения Пекина с Вашингтоном были стабильно лучше его отношений с Москвой в период с февраля 1972 по июнь 1989 г., в остальное время — наоборот. Вместе с тем следует принять во внимание, что подчас в самом Китае высказывают сомнения в величине разрыва в уровнях его отношений с Россией и с США (в конце 2013 г. это 5,7 балла). Вполне возможно, что в связи с огромными масштабами китайско-американских торгово-экономических, образовательных и научных связей уровень отношений КНР с США воспринимается населением как более высокий, нежели представленный в оценках Университета Цинхуа. В то же время эти оценки выглядят достаточно объективными и убедительными, если сопоставить реальное состояние сегодняшних политических отношений Пекина с Москвой и Вашингтоном: в первом случае это подлинно «дружественные отношения», во втором — пока все еще «обычные отношения», не дотягивающие, несмотря на все успехи китайской стороны, до более высокого уровня «хороших отношений».

Важное значение для оценки общей международной ситуации в Восточной Азии неизменно имеет состояние *китайско-японских отношений*¹⁹. До начала 1970-х годов они устойчиво носили «конфронтационный» (1950—1955 гг.) или «напряженный» (1956—1971 гг.) характер, что вытекало из высокой степени близости Японии к США. Нормализация отношений Пекина и Токио подняла оценку их уровня с -5,2 балла в августе 1972 г. до -1,7 в сентябре (один из наиболее резких скачков во всем комплексе двусторонних отношений КНР), однако в положительную зону эти оценки вышли только в августе 1978 г. в связи с подписанием китайско-японского Договора о дружбе.

Активное участие Японии в модернизации Китая — кредитами, оборудованием, специалистами — обусловило постепенное повышение уровня китайско-японских отношений до статуса «хороших», сохранившихся в этом качестве даже после июня 1989 г. и вплоть до конца 2002 г. Наивысшего уровня в 5 баллов они достигли в июне—августе 1994 г. Недовольство Пекина некоторыми аспектами политики лидеров Японии, особенно Д. Коидзуми, обусловило постепенное охлаждение двусторонних отношений, начиная с 2003 г. В период с февраля 2005 г. по август 2007 г. они даже вновь попали в зону отри-

цательных значений (с минимумом в $-2,7$ балла в апреле 2006 г.). В следующие пять лет китайско-японские отношения находились в зоне положительных оценок, но до уровня «хороших» на сей раз не дотянули. Более того, коллизия с затянувшимся арестом капитана рыболовецкого судна в акватории оспариваемых двумя странами островов Дяоюйдао (Сенкаку) послужила основанием для существенного снижения оценки уровня отношений: с $2,9$ балла в августе 2010 г. до $1,5$ в сентябре. После решения японской администрации выкупить часть оспариваемых Китаем островов у частного владельца оценка отношений с сентября 2012 г. ушли в минусовую зону и достигли к концу 2013 г. уровня заметной напряженности в $-4,5$ балла.

*Отношения КНР с Республикой Корея*²⁰ — одним из ключевых государств Восточной Азии — в силу исторических обстоятельств долгие годы носили конфронтационный характер. В период Корейской войны 1950—1953 гг. оценки двусторонних отношений варьировали в диапазоне от $-6,5$ до $-7,8$ балла. С конца 1953 г. по апрель 1983 г., т. е. фактически 30 лет, они характеризовались оценкой $-6,6$ балла, т. е. на уровне «конфронтации низкой степени». Только в конце 1991 г. они перешли в новое качество — «напряженных» ($-5,7$ балла в ноябре—декабре), однако уже в 1992 г., ознаменовавшемся установлением дипломатических отношений между КНР и РК, произошло скачкообразное улучшение оценки уровня двусторонних связей: до $-2,5$ в августе и $-1,5$ в декабре. В 1994 г. оценки выходят из минусовой зоны («дисгармоничность») и переходят в разряд «обычных» ($0,8$ балла в 1995 г., $1,3$ балла в 1996 г., $1,7$ — $2,2$ балла в 1997 г., $2,2$ — $2,8$ балла в 1998 г. В конце 1999 г. китайско-южнокорейские отношения удостаиваются статуса «хороших» ($3,1$ балла), а с 2008 г. — «дружественных» (6 — $6,3$ балл). Признавая высокий уровень торгово-экономического и гуманитарного сотрудничества Китая и Республики Корея, следует отметить, что их высокая оценка, по сути дела, игнорирует факт сохраняющихся высосоюзнических отношений Сеула с Вашингтоном.

За годы существования КНР неоднократно проходили через серьезные испытания *китайско-вьетнамские отношения*²¹. Они важны и интересны не только сами по себе, но и как фактор, в разные годы заметно влиявший на отношения Пекина с Вашингтоном и Москвой.

Образование КНР оказало весомую поддержку антиколониальной борьбе вьетнамского народа и сохранению в 1954 г. на севере Вьетнама Демократической Республики Вьетнам. С середины 1960-х годов в течение десятилетия Пекин оказывал Ханюю существенную материальную помощь в борьбе против американской агрессии и за

объединение Севера и Юга страны. Вполне логично, что эксперты Университета Цинхуа оценили отношения КНР с ДРВ в период 1954—1974 г. как «дружественные» — в диапазоне 7—7,5 баллов. Однако окончательная победа Севера и объединение страны в мае 1975 г. сопровождалось быстрым охлаждением отношений Вьетнама с Китаем, получивших в мае—июне 1975 г. оценку лишь в 4,7 балла по сравнению с 7 баллами в апреле.

Охлаждение было вызвано комплексом факторов: определенной переориентацией Вьетнама на Советский Союз, неприятием в Ханое режима «красных кхмеров» в Камбодже, бегством сначала из Сайгона, а затем и из страны в целом значительного числа лиц с китайскими корнями. Китай явно не устраивало и не скрываемое в тот период стремление Ханоя играть роль ведущего государства Индокитая. Больно ударило по самолюбию китайцев то обстоятельство, что Вьетнам первым из разделенных государств Азии смог добиться национального единства.

Как бы то ни было, двусторонние отношения КНР и СРВ в конце 1970-х годов ухудшались стремительно: 1,4 балла в декабре 1978 г., –0,5 в январе 1979 г. С началом Пекином в феврале 1979 г. военных действий против Вьетнама отношения вошли в фазу конфронтации: –6,2 балла в феврале, –6,7 в марте с последующим нахождением на уровне ниже –6 баллов до сентября 1990 г., когда «конфронтация», наконец, сменилась «напряженностью» (–5,5).

В 1990-е годы, с началом переговоров между СРВ и КНР об урегулировании двусторонних отношений, уточнении линии прохождения сухопутной границы и т. п. отношения довольно быстро улучшались: –5,2 балла в июле 1991 г. и только –1,8 балла в октябре, –0,6 балла в декабре 1992 г. и –0,3 балла в октябре 1993 г. С ноября 1993 г. оценки уровня китайско-вьетнамских связей покидают отрицательную зону, переходя в стадию «нормальных», а с января 1999 г. — и в стадию «хороших» (3,2 балла). С мая 2008 г. по май 2011 г. китайско-вьетнамские отношения квалифицируются как «дружественные», их уровень оценивается в 6—6,2 балла. Однако обострение противоречий между Ханоем и Пекином по вопросу о принадлежности островов в Южно-Китайском море приводит к определенному охлаждению: с июня 2011 г. уровень отношений Китая с Вьетнамом оценивается ниже 6 баллов, опускаясь в первые месяцы 2013 г. до 5 баллов.

В обобщенном виде эволюция оценок уровня отношений Китая с вышеперечисленными ведущими державами Восточной Азии представлена в табл. 2.

Таблица 2. Оценки уровня отношений КНР с рядом государств Восточной Азии и США

Год	США	СССР/Россия	Япония	Республика Корея	Вьетнам
1950	-8,2	8,2	-7,0	-7,2	6,9
1955	-5,9	8,3	-6,4	-6,6	7,1
1960	-6,5	6,4	-5,5	-6,6	7,2
1965	-7,7	-1,5	-5,4	-6,6	7,3
1970	-7,0	-5,5	-5,4	-6,6	7,6
1975	-2,8	-5,6	-1,1	-6,6	4,6
1980	2,1	-6,1	3,0	-6,6	-6,6
1985	2,6	-4,2	4,3	-6,4	-6,9
1990	-0,7	1,6	3,4	-6,1	-5,5
1995	0	5,1	4,5	1,2	1,6
2000	0,4	7,5	3,7	3,5	4,6
2005	0,6	7,9	-2,4	5,5	5,5
2010	1,2	8,0	1,2	5,9	6,2
2011	1,9	8,0	1,8	6,1	5,9
2012	1,7	7,9	-3,3	6,1	5,0
2013	2,3	8,0	-4,5	6,3	5,3

Составлено по: данные Института современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин, КНР.

Приведены оценки уровня отношений за декабрь каждого упомянутого в таблице года.

Оценки в диапазоне от -9 до -6 соответствуют конфронтации Китая с тем или иным государством, в диапазоне от -6 до -3 — «напряженности» в двусторонних отношениях, от -3 до 0 — «дисгармоничности», от 0 до 3 — «обычным отношениям», от 3 до 6 — «хорошим» и от 6 до 9 — «дружественным отношениям».

В качестве вывода из вышеизложенного можно констатировать, что в отношениях Китая с основными акторами системы международных отношений в Восточной Азии имелись как длительные периоды стабильности отношений, так и довольно резкие смены тренда с положительного на отрицательный и наоборот. То есть, по крайней

мере, формально, оба эти варианта развития событий возможны и в обозримой перспективе. Однако конкретная эволюция отношений КНР с Японией, Республикой Корея, Вьетнамом, Россией и США на период пребывания у власти пятого поколения руководителей КПК и КНР во главе с Си Цзиньпином, то есть до 2022—2023 гг., будет зависеть не только от «наследия» (сложившегося уровня связей), но и от таких определяющих факторов, как подвижки в ситуации в регионе и общий характер внешней политики Вашингтона и Пекина.

На наш взгляд, вероятность кардинального решения существующих ныне наиболее острых проблем межгосударственных отношений в Восточной Азии в ближайшие 6—7 лет невелика, причем речь идет как о силовом варианте, так и о достижении удовлетворяющего оппонентов результата путем переговоров. Иными словами, мы предполагаем, что до 2023 г. не будут решены проблемы денуклеаризации Корейского полуострова, объединения Кореи, достижения согласия относительно суверенитета над островами Сенкаку/Дяюйдао и островами Южно-Китайского моря, а также возвращения Тайваня под юрисдикцию КНР. Пойти на силовой вариант решения споров в свою пользу Китаю отчасти помешает его официальная приверженность мирному пути развития, а также маловероятность его подтягивания в обозримой перспективе к уровню США по военной мощи. При любой администрации Вашингтон сохранит в арсенале своей «китайской политики» элементы сдерживания, особенно наглядные и эффективно подкрепленные военными союзами как раз в Восточной Азии.

Пользуясь градацией характера межгосударственных отношений, предложенной Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, можно предположить следующее.

В ближайшие 6—7 лет китайско-американские отношения с большой вероятностью останутся в разряде «обычных» (0—3 балла). Настойчивые усилия Пекина по установлению с Вашингтоном «междержавных отношений нового типа» могут дать результат в виде повышения уровня двусторонних связей до категории «хороших» (свыше 3 баллов). Вместе с тем представляется практически невероятным, чтобы США пошли на официальное признание «суверенитета, территориальной целостности и коренных интересов» Китая, тем самым лишив себя возможности вмешательства во внутренние дела Китая²². Так что ожидать повышения уровня китайско-американских отношений до категории «дружественных» (6 баллов и выше) не приходится.

Китайско-российские отношения «всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» квалифицируются обеими сторонами как свидетельствующие об исторически самом высоком уровне двусторонних связей. Еще более повысить сегодняшние оценки этого уровня, варьирующиеся у отметки в 8 баллов, могли бы лишь два обстоятельства: практическое заключение военного союза и/или выведение двусторонних торгово-экономических связей на уровень, сопоставимый с параметрами китайско-американского и китайско-европейского сотрудничества. Первое, с позиций сегодняшнего дня, выглядит маловероятным (хотя бы потому, что идет вразрез с официальной линией руководства КНР и РФ), а второе — технически недостижимым за срок в 6—7 лет. Напротив, как раз определенное отставание объема торгово-экономических связей от ожиданий лидеров и населения двух стран, усугубляемое обострившимися проблемами в экономиках России и Китая, может привести к некоторому снижению оценки уровня двусторонних отношений, которые, впрочем, сохраняют характер «дружественных».

Китайско-японские отношения имеют, как признается многими экспертами из КНР, существенный потенциал стабилизации, а затем и улучшения²³. Нынешний уровень связей этих двух государств представляется аномально низким. С завершением длительной полосы подготовки к празднованию в КНР 70-летия победы китайского народа в антияпонской войне, требовавшей надлежащего пропагандистского обеспечения, уровень напряженности между Пекином и Токио должен был заметно снизиться. Вместе с тем маловероятно, что отношения между двумя государствами, достигнув уровня «нормальных», плавно перейдут далее в разряд «хороших» (3—6 баллов). Этому по-прежнему будет препятствовать соперничество Пекина и Токио за лидерство в регионе.

Перспективы развития *отношений Китая с Республикой Корея* и впредь будут во многом определяться подвижками в своеобразном «параллелограмме сил», составленном из двух корейских государств, КНР и США. Китайские эксперты констатируют, что Вашингтон добивается от Пекина «урегулирования» его политики по отношению к Пхеньяну, представляя такой шаг в качестве некоего «пробного камня» в строительстве нового типа междержавных отношений²⁴. Однако китайская сторона на самых разных уровнях декларирует, что «Китай не может бросить Северную Корею»²⁵. Поэтому отношения Пекина с Сеулом все в большей степени приобретают относительно самостоятельный характер, базируясь, в первую очередь, на крупномасштаб-

ном торгово-экономическом взаимодействии и гуманитарных обменах. Их уровень будет незначительно колебаться в районе отметки в 6 баллов — на грани «очень хороших» и «дружественных».

К числу наиболее неопределенных относятся перспективы *китайско-вьетнамских отношений*. Камнем преткновения по-прежнему останется спор о территориальной принадлежности островов Южно-Китайского моря. Не исключена вероятность существенного охлаждения между КНР и СРВ, особенно в случае дальнейшего сближения Ханоя с Вашингтоном. В Пекине стремятся не допустить этого, убеждая Ханой, что «Китай не представляет стратегической угрозы Вьетнаму» и что «вмешательство внешних сил не принесет ничего хорошего народам двух государств, а лишь преследует цель толкнуть их на путь соперничества»²⁶. В любом случае, однако, отношения между Китаем и Вьетнамом в следующие 6—7 лет не должны опуститься до зоны отрицательных значений, хотя снижение их уровня с нынешнего статуса «хороших» до разряда «обычных» полностью исключать нельзя.

В целом можно констатировать, что в среднесрочной перспективе Восточная Азия останется для внешней политики Пекина одним из наиболее важных и одновременно наиболее сложных регионов.

Примечания

¹ Мэддисон Э. Контуры мировой экономики в 2030 г. Очерки по макроэкономической истории. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2012.

² Хуан Жэньвэй. Шисянь «Чжунго мэн» ин цзюйбэй дэ гоцзи тяоцзянь : [Международные условия, необходимые для осуществления «китайской мечты»] // Чжунго шэхуй кэсюэ бао. Пекин. 21.10.2013.

³ Предложение о «совместном строительстве Экономического пояса Шелкового пути» было высказано Си Цзиньпином 7 сентября 2013 г. в выступлении в Университете Назарбаева в Астане. См.: «Beijing Review». 24.10.2013. Раздел «Documents».

⁴ Хуан Жэньвэй, Лю Хунсун. Чжунго хэпин фачжань даолу нэнфоу чэнгун дэ сань да бяочжунь : [Три крупных показателя успешности или нет мирного пути развития Китая] // Чжунго вайцзяо. Пекин, 2013. № 1. С. 3—7.

⁵ Как следует из лекции о мирном пути развития Китая, с которой бывший проректор Центральной партийной школы профессор Ли Цзюньжу выступил перед делегацией российских специалистов по БРИКС 23 сентября 2013 г. в Пекине, оба термина — и «мирное возвышение», и «китайская меч-

та» — были впервые сформулированы одной и той же группой исследователей под руководством Чжэн Бицзяня, в состав которой входили также Хуан Жэньвэй и сам Ли Цзюньжу.

⁶ См.: *Yang Jiechi*. Innovations in diplomatic theory, practice // *China Daily* (Beijing). August 17. 2013.

⁷ *Wang Yizhou*. Opportunities and Challenges for China's New Leaders in Building Mutual Trust with the World // *Global Asia*. Seoul. Vol. 8. No 3. Fall 2013. URL: <http://www.globalasia.org/issue/ArticleDetail/457/Opportunities-and-Challenges-for-China's-New-Leaders-in-Building-Mutual-Trust-with-the-Wnges-.html>

⁸ *Yang Jiechi*. Op. cit.

⁹ *Wang Yizhou*. Op. cit.

¹⁰ В Китае появились публикации, где выражается несогласие с распространенным в мире тезисом об «ужесточении» внешней политики Пекина в последние годы — см., например: Ван Фань, Лин Шэнли. Чжунго дэ вайцзяо чжэнцэ бянь цяннин лэ ма? — Жухэ лице Чжунго синь вайцзяо : [Стала ли внешняя политика Китая более жесткой? — Как понимать новую дипломатию Китая] // Дандай шицзе. Пекин, 2013. № 3. С. 23—27.

¹¹ Чжунго вайцзяо дэ «гэсин» : [«Отличительные особенности» дипломатии Китая] // Шицзе чжиши. 2013. № 12. С. 14—24.

¹² Там же. С. 23.

¹³ *Wang Yizhou*. Op. cit.

¹⁴ Ян Цзечи. Цзай фэнь фань фуцзи дэ гоцзи синши чжун кайчуань Чжунго вайцзяо синь цзюймянь : [Открывать новые горизонты дипломатии Китая в сложной и запутанной международной ситуации] // Гоцзи взэньти яньцзю. Пекин, 2014. № 1. С. 7.

¹⁵ Чжунгян вайши гунцзи хуйи цзай цзин цзюйсин : [В Пекине состоялось Центральное совещание по внешнеполитической работе] // Жэньминь жибао. 30.11.2014.

¹⁶ «Чжунго юй даго гуаньси шуцзюй ку шиюн фанфа : [Методика использования базы данных об отношениях Китая с великими державами] — Разработка Института современных международных отношений Университета Цинхуа. Пекин, 2014. Сайт: URL: www.imir.tsinghua.edu.cn

¹⁷ «1950—2013 нянь Чжун Мэй гуаньси фэньчжи» : [Количественная оценка китайско-американских отношений в 1950—2013 гг.] — таблица, составленная Институтом современных международных отношений Университета Цинхуа, Пекин. Сайт: URL: www.imir.tsinghua.edu.cn

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Чжунго юй да го гуаньси фэньчжи бяо : [Таблица оценок отношений Китая с ведущими державами] — Институт современных международных отношений Университета Цинхуа. Пекин. Сайт: URL: www.imir.tsinghua.edu.cn

²¹ Там же.

²² Подробнее см.: *Ван Цзисы, У Шэнци*. Чжун Мэй дуй синьсин да го гуаньси дэ жэньчжи чаи цзи Чжунго дуй Мэй чжэнцэ : [Различия в понимании Китаем и США отношений нового типа между державами и политики Китая в отношении США] // Дандай шицзе : [Современный мир] (Пекин). 2014. № 10. С. 2—7.

²³ См., например, выступления участников дискуссии о китайско-японских отношениях в пекинском журнале «Современные международные отношения: Аньбэй чжэнфу юань-хэ цзюй моуцзю гайшань Чжун Жи гуаньси? [Почему правительство Абэ стремится спешно улучшить киайтйско-японские отношения?] // Сяньдай гоцзи гуаньси (Пекин). 2014. № 10. С. 53—62.

²⁴ *Ван Цзисы, У Шэнци*. Указ. соч. С. 5.

²⁵ Гоуцзянь Дунбэйя хэпин аньцоань цзичжи сюйяо шэньмояндрэ Чжун Чао гуаньси [Какие отношения между Китаем и Северной Кореей нужны для создания механизма мира и безопасности в Северо-Восточной Азии] — Раздел дискуссии ученых Китая, России и Кореи о создании механизма безопасности в Северо-Восточной Азии // Шицзе чжиши. Пекин. 2015. № 12. С. 18.

²⁶ How close can Washington and Hanoi be? // *Global Times* (Beijing). June 3, 2015.

Чан Кхань

НОВЫЕ АСПЕКТЫ АМЕРИКАНСКОЙ ВОЕННОЙ СТРАТЕГИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В XXI ВЕКЕ

В настоящее время Китай стремительно модернизирует вооруженные силы и проводит жесткую политику на международной арене, особенно в споре о суверенитете над островами в Северо- и Юго-Восточной Азии, что осложнило ситуацию с безопасностью в регионе. Все это быстро меняет геополитическую среду и мировой порядок, бросая вызов статусу США как сверхдержавы, побуждая их скорректировать внешнеполитическую стратегию. В частности, Вашингтон сделал так называемый поворот в сторону Азии, начал перераспределять силы в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прежде всего в Юго-Восточной Азии, в духе перебалансировки, особенно в военной области.

Настоящая статья дает обзор тенденций американской военной политики в Восточной Азии и ее влияния на безопасность в регионе с конца XX века, уделяя особое внимание периоду на рубеже первого и второго десятилетий XXI века.

1. 15 лет после окончания холодной войны

После того, как холодная война закончилась в начале 90-х годов XX века, США взяли на себя обязательство по сокращению вооруженных сил и уменьшению военного присутствия во многих районах мира, в том числе в Юго-Восточной Азии. С этого времени начался вывод американских войск с таких важных военных баз, как Су-

бик-бей и Кларк на Филиппинах, Корат и Удон в Таиланде. Тем не менее, США по-прежнему сохраняют здесь определенный уровень военного присутствия. Прежде чем принять решение о выводе войск из Субик-бей и Кларк (1991 г.), в 1990 г. Вашингтон подписал с Сингапуром Меморандум о взаимопонимании по использованию американскими войсками военных баз Сингапура. К 1998 г. США и Сингапур подписали дополнительное приложение к этому меморандуму, по которому американские транспортные самолеты и военные корабли, в том числе подводные лодки, получили право использовать военную базу Чанги, где находится материально-техническая база 7-го американского флота. Благодаря этой военной базе ВМС США могут осуществлять различного вида деятельность, а также контролировать Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря и Индийский океан. В 1998 г. Вашингтон также достиг Соглашения с Филиппинами (US-Philippine Visiting Forces Agreement), по которому временно разрешено размещение американских войск в этой стране.

Новые моменты в военной политике США, наверное, вызваны тем, что Китай в первой половине 1995 г. направил свои военно-морские силы для захвата некоторых рифов (типа Mischief Reef) архипелага Спратли в Южно-Китайском море, а в начале 1996 г. провел военные учения в Тайваньском проливе, угрожал правительству Ли Дэньхуэя (Тайвань). АСЕАН заявила о своих опасениях в связи с китайскими действиями в Южно-Китайском море. Вскоре после этого, в марте 1995 г., США выступили с заявлением, что право свободного плавания в Южно-Китайском море является их национальным интересом¹. В 1998 г. адмирал ВМС США, Дж. Пруер заявил перед Конгрессом США, что Филиппины занимают «важное геополитическое место в регионе» и предупредил, что «некоторые государства АТР расширили зону своего морского суверенитета, создав тем самым потенциальные вызовы для свободного мореплавания США, что влияет на стабильность в регионе»².

Наряду с поддержкой присутствия США в Юго-Восточной Азии, особенно на Филиппинах и в Сингапуре, со второй половины 1990-х годов США принимают активные меры в Северо-Восточной Азии по укреплению союзнических отношений с Японией, Южной Кореей, Тайванем. Например, в 1996 г. США и Япония подписали Совместную декларацию по «безопасности американо-японского альянса на XXI век», в которой подтвердили, что союз этих двух стран является краеугольным камнем для поддержания безопасности в Восточной Азии. В 1997 г. они скорректировали «Руководящие принципы воен-

ного сотрудничества между США и Японией», принятые в 1978 г. Примечательно, что по итогам этой корректировки их общий сектор совместной обороны охватил весь Азиатско-Тихоокеанский регион, позволяя Силам самообороны Японии переходить от активной самообороны к атаке на противника. Таким образом, США де-факто дали «зеленый свет» возрождению Министерства обороны и модернизации вооруженных сил Японии.

Что касается Тайваня, то США усиливают военную поддержку этому государству, в том числе регулярно посылают авианосцы в Тайваньский пролив, продают современные самолеты и приглашают руководителей Тайваня посетить с визитами США.

Наращивание американских усилий по обеспечению своих военных интересов в Восточной Азии лежит в русле общей политики США в отношении Китая, которую президент Билл Клинтон проводил во второй срок своего правления, а президент Джордж Буш продолжал активно осуществлять с начала 2001 г. Эта политика согласно принципам «вмешательство — участие и окружение» или «полное окружение — всестороннее участие» направлена на то, чтобы, с одной стороны, вовлечь Китай в демократический «мировой порядок», который находится под контролем США, а с другой — сдерживать Китай, чтобы обеспечить безопасность союзников США в Северо- и Юго-Восточной Азии. После событий 11 сентября 2001 г., мобилизуя силы на борьбу с терроризмом, США менее активно проводили такую политику в отношении Китая. Однако они воспользовались угрозой терроризма для того, чтобы закрепить отношения в сфере обороны и безопасности со многими странами Юго-Восточной Азии, в том числе с теми, которые не являются традиционными американскими союзниками, такими как Индонезия и Вьетнам. В 2002 г. США вернули свои войска на базы в Таиланд и на Филиппины, а с 2003 г. предоставили этим странам статус стратегического союзника вне НАТО. При этом Вашингтон выдвинул новые инициативы в области безопасности, в том числе и по Договору о материально-технической помощи от 2004 г., чтобы бороться с пиратством в Малаккском проливе и Южно-Китайском море.

США также укрепили двусторонние военные связи с традиционными союзниками, например, подписали с Филиппинами «Соглашение о взаимном материально-техническом обеспечении» (Mutual Logistics Support Agreement) в 2002 г., а также договорились с Таиландом о создании новой военно-морской базы около Саттахипа и Утапао (Sattahip and Utapao) и антитеррористического центра (Counter

Terrorism Intelligence Centers) в 2003 г. С Сингапуром были подписаны «Рамочное соглашение о стратегическом сотрудничестве в сфере обороны и безопасности» (2004 г.) и «Стратегическое рамочное соглашение» (2005 г.). В том же 2005 г. США восстановили комплексные военные связи с Индонезией. Одновременно они решили расширять сотрудничество в области безопасности со странами, которые ранее были враждебны к ним, такими как Вьетнам. С этого момента Вашингтон увеличил регулярность и масштаб совместных военных учений со многими странами ЮВА, особенно в Южно-Китайском море³.

Чтобы расширить участие в решении проблем военной безопасности и укрепить связи со стратегическими союзниками в Восточной Азии, в 2005 г. США и Япония подписали новый двусторонний договор, гарантирующий безопасность Тайваня, вместе создали противоракетный щит для защиты Японии от баллистических ракет (National missile defense, NMD). Одновременно США поощряли Японию играть большую роль в обеспечении безопасности в регионе.

2. Стратегия перебалансировки американских военных сил в Восточной Азии

Для сохранения своих позиций в Восточной Азии перед лицом китайского «наступления очарованием»⁴, США с конца первого десятилетия XXI века, особенно с 2011 года, усилили стратегическую ставку на Азиатско-Тихоокеанский регион. Они назвали эту политику «поворотом», или «возвращением в Азию»⁵, затем «перебалансировкой»⁶, в которой Юго-Восточная Азия занимает главное место, так как здесь можно контролировать возрождение региона и Китая.

Для реализации стратегии «перебалансировки», считая «интеллектуальные силы» главными, США стремятся использовать синтез различных средств, т. е. сочетание дипломатических, военных, экономических методов с распространением демократических ценностей. Однако больше всего США уделяют внимание перебалансировке военных сил в Юго-Восточной Азии. Хилари Клинтон, бывшая тогда госсекретарем, неоднократно напоминала на международных форумах в 2010—2012 гг. о том, что Азиатско-Тихоокеанский регион, в том числе Юго-Восточная Азия, является крайне важным регионом для поддержания безопасности и сотрудничества США и что США должны крепить и распространять военное присутствие в этом регионе. Вместе с тем по случаю основания военной базы на Дарвине в Авст-

ралии в ноябре 2011 г. тогдашний министр обороны США Леон Панетта подчеркивал, что «в определенной нами области Азиатско-Тихоокеанского региона расположены достаточные вооруженные силы, обеспечивающие наши главные гарантии для этого региона». По его словам, «США давно принимают активное участие в делах Азиатско-Тихоокеанского региона, будь то в военное или мирное время..., мы здесь присутствовали раньше, присутствуем сейчас и будем присутствовать в будущем»⁷.

Чтобы реализовать стратегию перебалансировки военных сил, с начала второго президентского срока Дж. Буша мл. США пришлось корректировать и реорганизовывать военные силы и направлять их в Восточную и Юго-Восточную Азию. Планируется, что к 2020 г. 60 % американского подводного и авианосного флота будет присутствовать в Азиатско-Тихоокеанском регионе⁸. Наряду с тем с середины первого десятилетия XXI века США усиленно проводят военные учения со своими союзниками в ЮВА и создают механизм стратегического диалога по безопасности с Вьетнамом (с октября 2008 г.).

Следует отметить, что с этого времени, особенно с 2009 г., США стали больше обращать внимания на Юго-Восточную Азию с целью сдерживания Китая. В это время Китай предпринимает жесткие действия в Южно-Китайском море: препятствует проходу американских кораблей вопреки международному морскому праву; усиливает деятельность в спорных районах, в том числе оказывает давление на многие транснациональные компании, которые сотрудничают в разведке и добыче нефти и газа с Вьетнамом и Филиппинами; создает новую военную базу на острове Хайнань; регулярно проводит масштабные учения в Южно-Китайском море; в одностороннем порядке ежегодно вводит запрет рыбной ловли и мешает вьетнамским рыбакам законно вести здесь промысел. Среди этих акций наиболее серьезная — официальное объявление с мая 2009 г. суверенитета над Южно-Китайским морем: Китай установил зону, границы которой напоминают форму «бычьего языка» (или латинской буквы «U»), отведя под нее на карте 80 % площади ЮКМ.

С 2010 г. США стали публично критиковать «дипломатию принуждения», которую Китай прикрывает требованием суверенитета над Южно-Китайским морем. Отношение Вашингтона к этой проблеме отражается в комментарии командующего силами США в Тихоокеанском регионе адмирала Р. Уилларда, данном 13 января 2010 г. Конгрессу США. Он сказал, что военные действия Пекина «бросают вызов праву свободной навигации США в регионе»⁹. С этого момента

США заявили, что свобода судоходства в Южно-Китайском море является «национальным интересом» США¹⁰. Более того, США начали усилия по интернационализации обсуждения проблемы Южно-Китайского моря со многими странами региона по пути, внесли ее в повестку дня конференции о безопасности и региональном сотрудничестве, несмотря на возражения Китая¹¹. Реально это было повторным, четким и сильным подтверждением стратегических интересов США в Южно-Китайском море¹².

Можно сказать, что активное участие США в делах Южно-Китайского моря есть осуществление их стратегии «возвращения в Азию». В своих выступлениях госсекретарь Хилари Клинтон, министр обороны Леон Панетта и президент Барак Обама, особенно во время исторической поездки в Азию и Австралию в ноябре 2011 г., постоянно утверждали, что важнейшей задачей США в следующем десятилетии является увеличение инвестиций в устойчивое развитие дипломатии, экономики и решение других вопросов в Азиатско-Тихоокеанском регионе. США тщательно взвесили эти стратегические и политические решения¹³.

Для осуществления стратегии военного сдерживания Китая США усиленно проводят совместные масштабные военные учения в этом регионе¹⁴, укрепляют ось США—Япония—Южная Корея—Австралия, создают новые военные базы поблизости к Южно-Китайскому морю, в том числе военную базу в Дарвине в Австралии (ноябрь 2011 г.). Это была первая военная база, которая находится рядом с Южно-Китайским морем и которую США вновь открыли после окончания войны во Вьетнаме. Вместе с тем США договорились с Филиппинами об использовании некоторых военных баз вблизи островов Спратли, например, в Устричном заливе на острове Палаван¹⁵. Так они, видимо, дали новый ответ на захват Китаем рифа Скарборо в Южно-Китайском море в апреле 2012 г.

С этого времени США усилили сотрудничество в сфере военной безопасности с другими странами Юго-Восточной Азии — Таиланд, Индонезия, Вьетнам и Мьянма. В ноябре 2012 г. США и Таиланд подписали «Декларацию об общей перспективе военного альянса США—Таиланд». Впервые, начиная с 1962 г., обе страны взяли на себя общее обязательство повысить уровень двусторонних отношений, развивать оборонительный союз в XXI веке. Аналогично в 2010 г. США подняли отношения с Индонезией на новый уровень, в 2013 г. перевели отношения с Вьетнамом на уровень всеобъемлющего партнерства, предоставили военную помощь обеим этим странам. С 2012 г. США также

повысили уровень дипломатических отношений с Мьянмой, где теперь присутствует посол вместо поверенного в делах. Госсекретарь Хилари Клинтон в декабре 2011 г. и президент Барак Обама в ноябре 2012 г. совершили исторические визиты в эту страну после более чем полувека холодных отношений.

США также активно улучшают отношения с Камбоджей в сфере военной безопасности, хотя в этой стране преобладает влияние Китая. С 2005 г. США сняли эмбарго на военную помощь Камбодже, а с 2009 г. открыли должность военного атташе в этой стране. С этого времени многие американские военные корабли посетили порт Сиануквиль, в который не заходили много лет.

Военные отношения между США и Вьетнамом достигли большого прогресса в первом десятилетии XXI века. С 2008 г. начали действовать механизмы политического диалога по вопросам безопасности и обороны между сторонами. С 2010 г. ведется ежегодный диалог по вопросам оборонной политики на уровне заместителей министров обороны. В конце 2013 г. США предоставили Вьетнаму новую помощь на 18 млн долл. для расширения отряда кораблей береговой охраны, в том числе Вьетнам получил 5 высокоскоростных патрульных катеров морской полиции. Вьетнамская сторона рассматривает это как одно из проявлений доброй воли со стороны США в отношении Вьетнама, а также как реакцию на провокационные действия Китая в ЮКМ, особенно когда Китай спустил на воду свой первый авианосец «Ляонин» и помешал действиям американского ракетного крейсера в декабре 2013 г.

Одновременно с институционализацией военного сотрудничества и расширением помощи с 2012 г. США стали активизировать двусторонние и многосторонние масштабные совместные военные учения со многими странами АСЕАН в Южно-Китайском море и рядом с ним, в том числе со странами, которые раньше редко проводили военные учения с США, такими как Камбоджа, Индонезия и Малайзия. В этом отличие от предыдущего десятилетия, когда США отдавали предпочтение совместным военным учениям с Филиппинами и Таиландом¹⁶. По мнению Вашингтона, усиление военного присутствия делает более эффективными его дипломатические и экономические меры в регионе.

Чтобы поддержать стратегию перебалансировки военных сил в Юго-Восточной Азии, прежде всего в Южно-Китайском море, США неоднократно подтверждали свое обязательство обеспечить безопасность Тайваня. Об этом свидетельствует тот факт, что США по-преж-

нему регулярно продают ему большое количество оружия, несмотря на противодействие или сильную критику со стороны Китая. Очередная сделка была совершена в начале 2010 г., когда США решили продать оружия Тайваню на сумму до 6,5 млрд долл. Одновременно США поддерживают растущую роль Японии в вопросах глобальной, региональной безопасности, в том числе выступают за обновление Сил самообороны Японии, поощряют ее активное участие в обеспечении военной безопасности Юго-Восточной Азии¹⁷.

США также усиливают стратегическое сотрудничество с Индией. Об этом свидетельствует то, что впервые в ноябре 2011 г. США, Япония, Индия создали в Вашингтоне механизм «Диалога по безопасности США—Япония—Индия». В этом диалоге три страны главным образом обсуждают сотрудничество по защите своих интересов, борьбе с растущими угрозами в АТР, которые исходят от Китая¹⁸.

Наряду с этими действиями с 2010 г. Министерство обороны США реализует Концепцию совместного оперативного доступа (Joint Operational Access Concept), включающую такие элементы, как «Воздушно-морской бой»¹⁹, «Проникновение и поддержание» и «Стратегическая сила»²⁰. При этом сочетаются бой в море и в воздухе, используется Интернет, осуществляется координация действий между ВМС, ВВС, сухопутными и космическими войсками. Тем самым создаются объединенные современные «умные» силы, которые приглашают союзников совместно участвовать в борьбе с традиционными и нетрадиционными угрозами безопасности в регионе.

Чтобы поддержать этот план, правительство и Конгресс США выделяют значительные средства из госбюджета для содержания своих ВМС и ВВС, особенно расположенных в Южно-Китайском море и на Восточном побережье США²¹. Это одно из звеньев политики США по реализации поворота в Азию, перебалансировке военных сил в ответ на ускоренную модернизацию военно-морских сил Китая и повышение их активности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и, особенно, в ответ на стратегию Китая по созданию зоны «Антидоступа и отказа» (Anti-Access and Area Denial, AA/AD или A2/AD) с середины первого десятилетия XXI века.

Одним из проявлений стратегии «совместного оперативного доступа» является поддержка Филиппин со стороны США и их союзников в устранении последствий после шторма Хайянь в ноябре 2013 г. Впервые в своей истории США направили большое количество военных кораблей, включая авианосец «Джордж Вашингтон», 8 других военно-морских судов и тысячи морских пехотинцев участвовать в ока-

зании этой гуманитарной помощи. Япония и Австралия также поддержали данную операцию, не только оказав помощь на десятки миллионов долларов, но и направив много военно-морских судов и тысячи военнослужащих на Филиппины, чтобы помочь устранить здесь последствия стихийного бедствия. Через гуманитарную помощь США дают понять странам региона, что намерены нести ответственность за безопасность и развитие АТР и хотят укрепить возглавляемый Вашингтоном стратегический альянс с ними для эффективного осуществления «стратегии совместного оперативного доступа», в том числе в области нетрадиционной безопасности²².

В заключение можно сказать, что политика «поворота», «возвращения в Азию» и стратегия «перебалансировки военных сил» в АТР активно развертываются США с конца первого десятилетия XXI века для того, чтобы частично сдерживать возрождение мощи Китая. Перебалансировка военных сил США касается географического пространства и военных возможностей, причем ЮВА является главным регионом в этом процессе.

В своей стратегии перебалансировки вооруженных сил в Восточной Азии США уделяют внимание укреплению альянса или традиционного партнерства не только с Филиппинами, Таиландом, Сингапуром и другими членами АСЕАН, такими как Индонезия, Малайзия, Вьетнам, но также и с Японией, Индией, Австралией и Южной Кореей. В реализации этой стратегии альянс США—Япония—Австралия является ядром и главным фактором в укреплении, объединении и развитии военной мощи США в регионе.

Наряду с укреплением стратегических альянсов США довольно быстро используют инциденты, возникающие проблемы в области безопасности, в том числе споры за острова, особенно в Южно-Китайском море, для того чтобы создать дугу стратегического окружения Китая, или, по крайней мере, предотвратить расширение его военных действий на морских просторах, в том числе в ЮКМ. Кроме того, США расширяют военное присутствие и военные возможности, реализуют новый боевой план, в котором сочетают военно-морские и военно-воздушные силы, укрепляют альянс с союзными странами, а также оснащают Тихоокеанское командование более современным оружием.

Вместе с тем США все активней используют свои дипломатические и экономические рычаги, чтобы заручиться поддержкой «перебалансировки военных сил» со стороны стран региона. Главная цель, которую они преследуют, — сохранение доминирующего положения

США в мире, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где Китай и ряд других стран укрепляют свои позиции. Кроме того, внутренние проблемы США, такие как бюджетный кризис, долговой кризис, кризис на Украине в 2014—2015 гг. и усиление противостояния между США и Россией по этому вопросу создают трудности в реализации американской стратегии «поворота в Азию», «перебалансировки» сил в Восточной Азии.

Перевел В.М. Мазырин.

Примечания

¹ Конгресс США выступил с таким заявлением в марте 1995 г. См.: *Чан Кхань*. Роль АСЕАН в предотвращении конфликтов в Южно-Китайском море // Изучение Юго-Восточной Азии (Вьетнам). № 10. 2012. С. 5.

² *Simon Tow*. Southeast Asia in the Sino-US Strategic Balance // Contemporary Southeast Asia. Vol. 26. No 3. December 2004. P. 445.

³ В период 2001—2008 гг. США провели почти 40 совместных военных учений с некоторыми азиатскими странами, в том числе 70 % в Южно-Китайском море.

⁴ В книге «Атакующее очарование: как китайская мягкая сила меняет мир», изданной в Йельском университете в 2007 г. (Joshua Kujalaiziek. Charm offensive: how China's soft power is transforming the worlds) ее автор Дж. Курьяр-жек написал, что «наступление очарованием» Китая на Юго-Восточную Азию происходит в экономической и политико-дипломатической сферах, в том числе усиливается мягкое влияние посредством создания механизмов стимулирования дружественного и комплексного двустороннего и многостороннего сотрудничества. При этом торговля и инвестиционное сотрудничество между Китаем и странами АСЕАН в мире развиваются в первом десятилетии XXI века быстро, как никогда.

⁵ Словосочетание «Возвращение США» было использовано госсекретарем Хилари Клинтон в Таиланде в июле 2009 г. (см.: Hillary Clinton. Remarks with Thai deputy prime minister Korbsak Sabhavas. US Department of State, July 21, 2009 // URL: <http://mww.state.gov>). А словосочетание «возвращение в Азию» было применено ею же в выступлении на Гавайях в январе 2010 г. В действительности США никогда не покидали Юго-Восточную Азию. Борьба с терроризмом после событий сентября 2001 г. просто замедлила этот процесс.

⁶ Концепция перебалансировки была выдвинута американским президентом Б. Обамой на форуме АТЭС на Гавайях в ноябре 2011 г. Эта концепция имеет две главных идеи: 1) экономическую перебалансировку путем реструктуризации национальной экономики и институциональной системы глобаль-

ного экономического управления, и 2) перебалансировку международных отношений с акцентом на «возвращение в Азию». Это выражается в военной и экономической сферах.

⁷ В выступлении под названием «Тихоокеанский век Америки» (America's Pacific century) 10 ноября 2011 г. на Гавайях Хилари Клинтон назвала шесть целей США в Тихоокеанском веке: 1) укрепление двусторонних альянсов безопасности; 2) расширение отношений с быстро развивающимися странами, включая Китай; 3) участие и содействие в региональных и многосторонних организациях; 4) расширение торговли и инвестиций; 5) создание крепкого фундамента военного присутствия; 6) расширение демократии и прав человека.

⁸ См. также: Американские военные меры. Стратегический фокус США смещается на Восток. Китайская стратегия // Вьетнамское информационное агентство. № 312 — ТТХ. 17 ноября 2013 (на вьет. яз.).

⁹ С 2006 г. Штаб 1-й пехотной дивизии США переместился из Вашингтона в Канагаву (Япония), а Объединенное командование ВВС — на остров Гуам и в Йокоту (Япония). США создали военно-морскую и военно-воздушную базы на Гуаме вместо Гавайев, чтобы быть ближе к Китаю.

¹⁰ См. также: Если Китай продолжает вести себя так... // vietnamnet. 20 января 2010.

¹¹ 23 июля 2010 г. в Ханое на Региональном форуме АСЕАН госсекретарь США Хилари Клинтон заявила, что свобода судоходства в Южно-Китайском море является национальным интересом США. На этом форуме США и 11 других государств подвергли критике действия Китая в Южно-Китайском море. Это привело к дипломатической войне с Китаем. На конференции «Диалог Шангри-Ла» в Сингапуре в июне 2011 г. министр обороны Роберт Гейтс подтвердил позицию США по этому вопросу, подчеркнул национальные интересы США в свободе навигации, беспрепятственном развитии экономики и торговли, соблюдении международного права в регионе, и заявил, что США готовы в то же время содействовать проведению переговоров по реализации «Декларации поведения сторон в ЮКМ (Declaration on Conduct of the Parties in the South China Sea, DOC)» и разработке Кодекса поведения сторон в Южно-Китайское море (Codex on Conduct of the Parties in the South China Sea, COS).

¹² Среди 18 стран, принявших участие в Саммите стран Восточной Азии (ВАС), который проводился на Бали в Индонезии в ноябре 2011 г., 15 стран заявили о своей озабоченности по поводу жестких действий Китая и его претензии на суверенитет в спорных районах.

¹³ Во время холодной войны главным двигателем политики США являлся антикоммунизм, а приоритетной целью — борьба против советско-вьетнамского альянса. Тогда США не беспокоили жесткие действия Китая в ЮКМ.

Однако после того, как Китай захватил некоторые скалистые участки Филиппин на архипелаге Спратли в Южно-Китайском море, США стали реагировать жестче.

¹⁴ См.: *Carlyle A. Thayer*. The United States, China and Southeast Asia // Southeast Asian Affairs 2011, Singapore: ISEAS, 2011; Hillary Clinton. America's Pacific Century // Foreign Policy. November, 2011. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/10/11/americaspacificcentury_page=full; Чонг Нгуа. Новая стратегия обороны США. США переориентируются на Азию. URL: <http://www.viet.rfi.fr/quoc-te/20120106-chien-luoc-quoc-phona-moi-cua-hoa-ky-chinh-thuc-chuven-trong-tam-ve-chau-a>

¹⁵ В декабре 2012 г. в 50-летний юбилей американо-японского альянса США и Япония провели крупнейшие совместные военные учения, в которых участвовали 1 авианосец, 40 военных кораблей и 44 тысячи солдат. В 2012 г. США и Япония многократно проводили совместные военные учения. Впервые после 2006 г. они объявили, что «американо-японский альянс является краеугольным камнем мира, безопасности и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

¹⁶ Ежегодно происходят совместные военные учения между США и Филиппинами под названием «Плечом к плечу» (The Balikatan). В 2012 и 2013 г. проводились беспрецедентные по масштабам совместные военные учения на островах Южно-Китайского моря. Также ежегодно имеют место совместные военные учения между США и Таиландом под названием «Золотая кобра» (Cobra Gold). Мьянма, Камбоджа и Вьетнам приняли участие в совместных военных учениях Cobra Gold в 2013 г. в качестве наблюдателей. В 2012 г. ВМС США и Индонезии организовали совместные военные учения под названием «Сотрудничество в подготовке кадров и повышении готовности к реагированию целевой группы в море» (CARAT) в городах Сурабая и Ситубондо Восточной Явы. Были проведены совместные военные учения между ВМС США и ВМС Камбоджи в акватории порта Сиануквилль. Одновременно в августе и сентябре 2012 г. ВМС США вместе с ВМС Филиппин, Брунея, Индонезии, Малайзии и Таиланда организовали совместные военные учения под названием «Обучение кадров и сотрудничество в Юго-Восточной Азии» (SEACAT).

¹⁷ При поддержке США с 2005 г. Япония начала участвовать в совместных военных учениях «Золотая кобра» с США, Сингапуром, Филиппинами и Таиландом. С 2007 г. Япония впервые вместе с США, Индией, Австралией и Сингапуром участвовала в военных учениях «Малабар-07» в Бенгальском заливе. Это военное учение было организовано по японской инициативе для укрепления военных связей с Индией и США. В 2010 г. Япония вместе с США, Индонезией, Филиппинами и принимающей страной Камбоджей участвовали в военных учениях под названием «Охранники храма Ангкор». С 2011 г. Япония по программе Официальной помощи развитию (ODA) поставляет Филиппинам 12 военных кораблей, в том числе большой патрульный

корабль водоизмещением около 1000 тонн, чтобы помочь этой стране улучшить защиту морского побережья и т.д.

¹⁸ В ходе визита госсекретаря США Хилари Клинтон в Индию в июле 2010 г. принимающая сторона предложила создать «трехсторонний диалог США—Япония—Индия», и США поддержали ее. Уже в апреле 2011 г. в Токио в рамках встреч заместителей министров обороны и иностранных дел США и Индия достигли Соглашения о создании трехстороннего диалога США—Япония—Индия. Второй Трехсторонний диалог в этом формате был проведен в апреле 2012 г. в Токио, третий — в октябре 2012 г. в Нью-Дели. В двух диалогах в 2012 г. главной темой обсуждения был рост напряженности в отношениях между Китаем и окружающими странами, особенно в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Очевидно, что США пытаются собрать силы, чтобы создать и укрепить пояс военной безопасности от Персидского залива до Южной Азии, Юго-Восточной Азии и Японского моря, с тем чтобы сдерживать Китай.

¹⁹ Эти понятия США предложили в обзоре оборонной политики за 2010 г. После этого Министерство обороны США сразу же создало Бюро воздушно-морских сражений.

²⁰ Наряду с концепцией «Воздушно-морского боя» сухопутные войска и морская пехота США выдвинули концепцию «Стратегическая сила», развили понятие «Спецоперация силы» и считали их основой действий «смешанных сил» американской армии. Это позволяет США сократить количество американских солдат и расходов на оборону.

²¹ Согласно оборонному бюджету 2014 г. США инвестировали 12,9 млрд долл. для создания нового авианосца Дж. Форд (это их самый дорогой военный корабль) и покупки 8 прибрежных боевых кораблей (Littoral Combat Ship), чтобы развернуть эти корабли в акватории Сингапура. Для оснащения ВМС в 2014 г. США купили 29 истребителей F-35, одновременно потратив 1,3 млрд долл. на покупку новых самолетов-разведчиков E-2D Hawkeye, которые частично используются в западной части Тихого океана. См.: Конгресс США позволил ВМС и ВВС повысить потенциал. URL: <http://www.viet.rfi.fr/print/88667?print=now> (дата обращения: 20.12.2013).

²² См.: Гуманитарная помощь Филиппинам — способ защиты интересов США в Азии. URL: <http://www.viet.rfi.fr>, 14.11.2013; Военно-морские силы США и Китая подвергались шторму Хайян. URL: <http://vnexpress.net>, 16.11.2013.

В.О. Кистанов

ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ, ТЕНДЕНЦИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Первоочередные задачи

Повторно пришедший к власти в декабре 2012 г. премьер-министр Синдзо Абэ заявил о необходимости выработать новое видение глобально ориентированной дипломатической стратегии Японии. Правившая в 2009—2012 гг. Демократическая партия Японии, по его мнению, эту стратегию провалила. Однако несмотря на бурную внешнеполитическую активность японского премьера, вряд ли можно говорить, что почти за четыре года пребывания у власти он сам добился впечатляющих успехов на международной арене. Абэ и дальше придется на деле доказывать свою способность проводить эффективный внешнеполитический курс, и прежде всего в Восточной Азии. При этом он сможет опираться на весьма прочный внутривнутриполитический фундамент, заложенный убедительными победами возглавляемой им Либерально-демократической партии на четырех за указанные годы парламентских выборах.

Итоги выборов в нижнюю палату парламента в декабре 2012 г. позволили Абэ с триумфом вернуться в кресло премьер-министра после бесславного ухода в 2007 г. Победы на выборах в верхнюю палату в 2013 г. и внеочередных выборах в нижнюю в декабре 2014 г. предоставили ему возможность серьезно укрепить свои внутривнутриполитические позиции. Успех на выборах в верхнюю палату парламента в июле 2016 г. открывает Абэ путь к внесению поправок в мирную Конституцию страны. Неизбежные разброд и шатания в стане оппозиции дают основание прогнозировать, что, в отличие от своего предшественника-

го пребывания в кресле лидера государства в течение лишь года в 2006—2007 гг., на этот раз Абэ продержится в нем, как минимум, до 2018 г., когда должны состояться очередные выборы в нижнюю палату парламента. При условии, конечно, что в этот период не произойдет ничего чрезвычайного, например, краха его экономического курса под названием «Абэномика», который уже начал пробуксовывать.

Несомненно, что двумя взаимосвязанными и в то же время во многом противоречащими друг другу ключевыми задачами внешней политики Абэ в ближайшем будущем является улучшение натянутых отношений со всеми соседями по Северо-Восточной Азии (включая Россию), с одной стороны, и усиление военно-политических связей с Соединенными Штатами Америки — с другой. Еще одной важной задачей становится всестороннее развитие отношений со странами Юго-Восточной Азии, роль которой как экономического партнера Японии, так и ее балансира в территориальном споре с Китаем в Восточно-Китайском море все более возрастает. Успешное решение именно этих задач во многом будет определять глобальное позиционирование страны на международной арене на обозримую перспективу. Однако их решение серьезно осложняется попытками правоконсервативных кругов Японии пересмотреть оценки японской агрессии в Азии в первой половине прошлого века, что вызывает особое неприятие не только в соседних странах, но даже в США.

Учитывая критику во многих странах наметившейся в Японии тенденции к пересмотру оценок ее прошлой агрессии на материке, Абэ на своей первой пресс-конференции в январе 2015 г. высказал намерение выступить 15 августа (день объявления императором Хирохито по радио о капитуляции Японии) с заявлением по поводу 70-й годовщины окончания Второй мировой войны. По словам Абэ, заявление «должно продемонстрировать миру ясное намерение Японии и далее осуществлять международный вклад» в стремлении его администрации к «активному пацифизму» (о нем скажем ниже. — В.К.)¹.

В течение более семи месяцев в стране не стихала бурная дискуссия о содержании обещанного заявления. Она привлекала большое внимание и за рубежом в свете откровенного курса Абэ на пересмотр общепринятых оценок роли Японии в указанной войне. 14 августа на своем внеочередном заседании кабинет министров Японии одобрил заявление Абэ.

После долгих колебаний Абэ решил включить в заявление слова «извинение» и «агрессия». Упоминание в тексте этих слов отражает требование партии Комэйто — младшего партнера возглавляемой Абэ

Либерально-демократической партии. Кроме того, японский лидер, как очевидно, не мог не учитывать влияние, которое заявление окажет на отношения Японии с другими странами, прежде всего с Китаем и Южной Кореей. Кроме того, он употребил в своем заявлении также слова «глубокое сожаление» и «сердечное раскаяние» Японии за «колониальное правление и агрессию».

Что касается «извинения», то это слово, являвшееся главным пунктом противоборства не только правящих кругов и оппозиции, но и внутри руководства Японии, фактически стало квинтэссенцией заявления Абэ. Однако в своем заявлении Абэ не принес извинений от себя лично, а лишь подтвердил свою преемственность заявлениям своих предшественников на посту премьер-министра Томиити Мураямы от 1995 г. по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны и Дзюньитиро Кодзуми от 2005 г. в связи с 60-летием окончания войны. В обоих заявлениях содержались вышперечисленные термины. Такая двойственная позиция японского премьер-министра в отношении оценок японской агрессии в Восточной Азии в первой половине прошлого века вызвала негативную реакцию в странах региона, и прежде всего в Китае и Южной Корее.

«Активный пацифизм» Абэ в Азии — практика или лозунг?

Вернувшись на пост премьер-министра в декабре 2012 г., Синдзо Абэ заявил, что во внешней политике он будет реализовывать концепцию «активного пацифизма». Однако, как представляется, к настоящему моменту эта концепция не получила четкого и конкретного наполнения и носит весьма расплывчатый характер. В частности, в Голубой книге по дипломатии за 2014 год говорится, что с момента окончания Второй мировой войны Япония последовательно шла по пути миролюбивого государства и добилась доверия международного сообщества. Опираясь на этот путь, подчеркивается в документе, Япония как «активный вкладчик в дело мира» (Proactive Contributor to Peace) на основе принципа международного сотрудничества будет более тесно кооперироваться с ее союзным партнером, Соединенными Штатами, а также с другими странами в обеспечении мира, стабильности и процветания международного сообщества, в то же время обеспечивая собственную безопасность, а также мир и стабильность Азиатско-Тихоокеанского региона².

В декабре 2013 г. Япония приняла первую в своей истории Стратегию национальной безопасности (National Security Strategy). Указанная стратегия определяет базовую политику в сфере дипломатии и обороны под ракурсом национальной безопасности и представляет политику так называемого активного вклада в мир³.

Однако, судя по всему, указанное определение внешнеполитического курса Японии носит больше пропагандистский характер. Оно преследует цель создания «миролюбивого имиджа» Японии в условиях обострения отношений Японии с соседними странами и усиления их тревоги по поводу намерений администрации Абэ пересмотреть оценки японской агрессии в Азии в прошлом веке и проводить более жесткий курс на международной арене.

Жестокая казнь двух граждан Японии боевиками Исламского государства в начале 2015 г. вынуждает Абэ конкретизировать свою концепцию. Однако эта конкретизация выявляет парадокс: реализация пацифистской концепции на практике предусматривает более активное задействование вооруженных сил страны.

Сразу после размещения в Интернете видеозаписи обезглавливания двух японцев экстремистами Исламского государства Абэ сказал на заседании Бюджетного комитета верхней палаты парламента, что он хочет обсудить возможность предоставления Силам самообороны мандата на эвакуацию граждан Японии из кризисных регионов за рубежом. Японский премьер-министр уже давно выступает за то, чтобы Силы самообороны играли важную роль в защите жизней соотечественников за рубежом, для чего требуется ликвидация законодательных ограничений на их операции.

В стране уже ведутся разговоры о создании элитного подразделения коммандос, подобного американским «морским котикам». Однако намерения Абэ вызывают критику со стороны либеральных пацифистов Японии. Эксперты утверждают, что направление персонала Сил самообороны с подобной миссией спасения заложников увеличило бы вероятность вовлечения Японии в войну.

В связи с убийством двух заложников исламскими террористами правящая Либерально-демократическая партия приняла решение усилить возможности правительства в сфере сбора за рубежом и анализа информации. Специальная группа экспертов начала обсуждение необходимости создания в стране независимой разведывательной организации по типу американского Центрального разведывательного управления или английской Секретной разведывательной службы.

Эта группа провела консультации с американскими и британскими экспертами и представила свои предложения осенью 2015 г.

Япония в настоящее время не имеет независимого разведывательного органа из-за негативного отношения общественности к идее его создания. В конце 2013 г. в стране был создан Совет национальной безопасности. Однако его цель заключается в том, чтобы анализировать информацию, собранную другими правительственными ведомствами, такими как министерства иностранных дел и обороны, а также Национальное управление полиции, и следить за тем, чтобы эта информация эффективно использовалась при проведении официальной политики.

Помимо расширения прямого присутствия японских Сил самообороны за рубежом, Токио намерен решать задачи обеспечения безопасности страны косвенно — с помощью материальной поддержки иностранных войск. Так, 10 февраля 2015 г. кабинет министров Японии одобрил новую Хартию сотрудничества в целях развития — базовый документ, определяющий основные направления иностранной помощи. В нем впервые говорится, что Япония может финансировать вооруженные силы других стран, хотя и с оговоркой, что помощь должна быть для «невоенных целей». Это первый кардинальный пересмотр политики иностранной помощи страны за последние одиннадцать с половиной лет. Новая доктрина откровенно заявляет, что Япония будет использовать свою помощь развитию в качестве вклада в мировое сообщество в соответствии со своими национальными интересами.

Указанная Хартия принята в рамках политики «активного пацифизма» Абэ и, видимо, не в последнюю очередь под влиянием того же инцидента с японскими заложниками Исламского государства.

Обновленная Хартия сотрудничества в целях развития содержит принцип, что помощь не должна быть использована для военных целей, хотя правительство может рассмотреть помощь иностранным вооруженным силам при определенных условиях. Независимые аналитики высказывают по этому поводу тревогу. Они говорят, что неясно, как правительство может воспрепятствовать тому, чтобы помощь была направлена на военные цели.

В региональном аспекте Хартия отдает приоритет азиатским государствам в свете их важности для безопасности и экономического развития Японии, особенно странам Юго-Восточной Азии — региону, где растет влияние Китая. В частности, Токио намерен поставлять в рамках официальной помощи развитию патрульные корабли Фи-

липпинам и Вьетнаму, которые имеют территориальные споры с Китаем в Южно-Китайском море.

Что касается отношения к политике «активного пацифизма» Абэ в Азии, то, например, ближайшие соседи Японии, такие как Китай и Южная Корея, судя по всему, будут всерьез воспринимать ее лишь тогда, когда, по их мнению, Япония не на словах, а на деле выполнит ряд условий для улучшения отношений с ними. Одним из главных таких условий является искреннее извинение за японскую агрессию в первой половине XX века.

Япония—Китай: соперничество нарастает

В частности, представитель МИДа КНР в отношении упомянутого заявления Абэ от 15 августа 2015 г. сказал, что Япония должна была принести искренние извинения народам стран-жертв и совершить ясный разрыв с прошлой милитаристской агрессией, вместо того, чтобы маневрировать вокруг этой принципиальной проблемы⁴. Именно расхождения в оценках японской агрессивной войны против Китая явились одной из базовых причин нарастания толстого слоя льда в отношениях между Токио и Пекином в последние годы.

Другим источником ледяного похолодания является конфликт вокруг небольшой гряды расположенных в Восточно-Китайском море островов Сенкаку (по-китайски Дяоюйдао). В настоящее время они контролируются Японией, которая отвергает настойчивые притязания Пекина на них, утверждая, что территориального спора в отношениях между Японией и КНР вообще не существует. Китай, со своей стороны, демонстрируя серьезность своих намерений вернуть спорные острова под свой суверенитет, в последние годы регулярно направляет в район островов свои как гражданские, так и военные суда и самолеты.

Все это создает опасность возникновения чрезвычайной ситуации в случае неспровоцированного военного столкновения двух стран, особенно в свете обещания Абэ, данного в момент своего повторного прихода к власти, твердо отстаивать территориальные и другие интересы страны в отношениях с соседними государствами.

Правда, на рубеже 2014—2015 гг. в японо-китайских отношениях появились признаки некоторого потепления. Так, накануне саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. было опубликовано примирительное двустороннее заявление, проложившее дорогу к неформальной, хотя и

мимолетной, встрече лидеров двух стран Абэ и Си Цзиньпина на полях этого саммита. Руководители обоих государств во время своей первой с момента их прихода к власти встречи согласились работать в направлении снижения напряженности вокруг островов Сенкаку/Дяоюйдао.

Вторая неформальная встреча Абэ и Си Цзиньпина состоялась в апреле 2015 г. на саммите стран Азии и Африки в Джакарте. Также в указанном году достигнута договоренность о начале переговоров по поводу создания горячей линии между японскими и китайскими военными с целью снижения риска возникновения вооруженного столкновения между двумя странами.

Однако тревога Токио по поводу наращивания военной мощи КНР и продолжающегося роста ее военных расходов вызывает ответные меры. Так, в 2014 финансовом году (начинается 1 апреля) военный бюджет Японии составил рекордную сумму в 4,98 трлн иен, а на 2015 финансовый год правительство Японии запросило у парламента еще большую сумму военных расходов в 5,2 трлн иен. В 2016 г. они второй год подряд превысят 5 трлн иен и составят 5,091 трлн иен⁵.

Японские эксперты не скрывают, что львиная доля этих средств пойдет на реформатирование Сил самообороны, вызванное напряженностью ситуации вокруг спорных островов, а также возросшей активностью вокруг Японии в целом китайских военных самолетов и судов. Эта тенденция сохранится и на обозримую перспективу. Так, в период 2014—2019 гг. правительство планирует потратить 24,7 трлн иен на закупку беспилотников, подводных лодок, истребителей и автомобилей-амфибий. Эти планы нацелены на усиление обороны удаленных островов и отражают сдвиг острия военной стратегии страны с Севера (России) в сторону Юга и Запада (Китая).

Вместе с тем отечественные же критики Абэ указывают на то, что укрепление мощи вооруженных сил отражает его базовое стремление «сбросить оковы» так называемого послевоенного пацифизма. Наряду с этим в течение всего второго срока своего правления японский премьер без устали совершал зарубежные вояжи, в том числе по странам Юго-Восточной Азии, в целях сколачивания антикитайской коалиции.

Неприкрытый курс администрации Абэ на сдерживание Китая находит соответствующую реакцию в Пекине. В столице КНР, в свою очередь, активно развивают тезис об опасности возрождения японского милитаризма и, вспоминая ужасы прошлой японской агрессии на материке, указывают на рост национализма в Японии и усиливающиеся сдвиги вправо в ее как внутренней, так и внешней политике.

В 2015 г. в связи с 70-й годовщиной окончания Второй мировой войны антияпонская риторика в Китае значительно усилилась. При этом японцев особенно беспокоила договоренность лидеров России и Китая провести совместные мероприятия по поводу этой годовщины, которая подается в Пекине как юбилейная дата победы Китая в «войне сопротивления Японии». В присутствии президента РФ В. Путина на торжествах в Пекине 3 сентября японские аналитики усматривают антияпонский подтекст российско-китайского сближения.

Японские СМИ не остаются в долгу, расписывая «китайскую угрозу». Отражением растущей неприязни к Китаю в Японии служат результаты опроса общественного мнения, проведенного кабинетом министров Японии в октябре 2014 г. Он выявил, что 80 % японцев не питают дружественных чувств в отношении соседней страны⁶. Таким образом, несмотря на некоторые признаки потепления в отношениях Японии и Китая — двух не только азиатских, но и мировых соперников, накопившийся между ними толстый слой льда растает еще не скоро. Это, в свою очередь, продолжит оказывать неблагоприятное воздействие на ситуацию в сфере безопасности в Восточной Азии в целом.

Отношения Японии с Южной Кореей: пока без оптимизма

Заявление премьер-министра Абэ по поводу 70-летия окончания Второй мировой войны вызвало серьезную критику в Южной Корее. Еще до его опубликования президент страны Пак Кын Хе выразила требование, чтобы оно подтвердило позицию прежних кабинетов министров, включая заявление премьер-министра Томиити Мураямы, который извинился за «колониальное прошлое и агрессию» Японии. Это заявление имеет особое значение в свете того факта, что Южная Корея в 2015 г. отмечала также 70-ю годовщину освобождения Корейского полуострова от японского колониального правления и 50-ю годовщину нормализации своих отношений с Японией. На церемонии по поводу юбилея освобождения от колониального господства 16 августа 2015 г. южнокорейский лидер выразила свое неудовлетворение заявлением Абэ.

В дополнение к различиям в восприятии истории отношений Японии с Корейским полуостровом между ними в настоящее время имеются еще две болезненные проблемы. Одна — это территориальный спор вокруг группки необитаемых островков, которые в Японии

называют «Такэсима», а в Южной Корее «Токто». Островки в настоящее время контролируются южными корейцами, которые с порога отвергают всякие претензии на них со стороны Японии. Степень непримиримости позиций Токио и Сеула по поводу суверенитета над ними дает основание полагать, что решение этого территориального спора уходит куда-то за видимую линию горизонта (если вообще возможно).

Другой непреходящей «болячкой» отношений между двумя странами является проблема так называемых женщин для утешения — корейнок, которых, как и других азиаток, насильно заставляли предоставлять сексуальные услуги японским солдатам во время оккупации японской армией ряда стран Восточной Азии. Южная Корея, в которой до сих пор остались в живых несколько десятков этих женщин, требует, чтобы Япония решила проблему, принесла извинения и выплатив им материальную компенсацию. В Токио считают, что проблема компенсации была решена в соответствии с соглашением о нормализации отношений между двумя странами от 1965 г.

Особенно южных корейцев возмущают попытки некоторых японских высокопоставленных деятелей, а также экспертов, пересмотреть заявление от 1993 г. тогдашнего генерального секретаря кабинета министров Ёхэя Коно. Это заявление содержит извинение за вышеупомянутых «женщин для утешения». Указанные проблемы лежат в основе категорического отказа лидеров Южной Кореи от официальных встреч с Абэ на высшем уровне с момента возвращения последнего на пост премьер-министра в 2012 г., несмотря на все попытки японской стороны такую встречу организовать.

В своей пресс-конференции в январе 2015 г. президент Южной Кореи Пак Кын Хе сказала, что она открыта для саммита с Абэ, но для того, чтобы он был «успешным и значимым», нужна подходящая атмосфера⁷. Она в очередной раз призвала Японию изменить свои взгляды на историю. Пак выразила надежду на то, что 2015 г. станет отправным моментом для новых отношений с Японией. Президент повторила требование решить проблему «женщин для утешения», подчеркнув, что жертвы — пожилые женщины и проблема может остаться нерешенной навсегда, если не будет вскоре решена, и ляжет тяжелым грузом не только на отношения между Южной Кореей и Японией, но и на саму Японию⁸.

Как отмечала японская газета «Ёмиури симбун», нынешние отношения между Японией и Южной Кореей не внушают никакого оптимизма⁹. И это при том, что Токио и Сеул под руководством Ва-

шингтона совместно держат твердый курс на ликвидацию так называемой ракетно-ядерной угрозы со стороны Пхеньяна, а в конечном итоге и самого северокорейского режима. В настоящее время США прилагают немалые усилия для того, чтобы примирить своих важнейших военно-политических союзников в АТР, что особенно для них актуально в свете как «возвышающегося» экономически, так и усиливающегося в военном отношении Китая. Но пока эти усилия особого успеха не имеют.

Отношения Японии с КНДР: политика диалога и давления

Япония является наиболее жестким сторонником международных экономических санкций в отношении КНДР, в том числе в рамках ООН, преследующих цель отказа правительства Северной Кореи от своего ракетно-ядерного потенциала. Она активно участвует в торговле по формуле «экономическая помощь и военно-политические поблажки в обмен на сворачивание указанного потенциала».

Но это отдаленная стратегическая цель с неясными перспективами, а пока Токио в отношениях с Северной Кореей пытается решить собственную прагматическую задачу, прибегая к методу кнута и пряника, который в главном внешнеполитическом документе страны — Голубой книге по дипломатии получил название «политики диалога и давления»¹⁰.

Речь идет о решении так называемой проблемы похищенных — японцах, выкраденных северокорейскими спецслужбами и переправленных в Северную Корею с целью обучения японскому языку северокорейских разведчиков-нелегалов для работы в Японии в 70—80-е годы прошлого века. С начала текущего столетия между Токио и Пхеньяном развернулся чисто двусторонний торг, так сказать, «второго яруса». В нем Япония требует возвращения на родину оставшихся в живых соотечественников и прояснения судьбы остальных.

Как говорится в упомянутой Голубой книге, нормализация отношений с Северной Кореей никогда не сможет быть достигнута без решения проблемы похищенных¹¹. При этом японское общественное мнение внимательно следит за продвижением властей к указанной цели, и от успехов на этом пути существенно зависит рейтинг любой администрации Японии. Пхеньян, со своей стороны, учитывая, что судьба ее похищенных граждан приобрела в Японии характер национальной идеи, умело пользуется этим для того, чтобы вытянуть из То-

кио очередные экономические и политические уступки и выгоды. Отмечаемое в последнее время смягчение позиции северокорейского руководства по проблеме похищенных японцев объясняется и некоторым охлаждением его отношений с руководством КНР — патрона КНДР после казни в декабре 2013 г. Чан Со Тхэка — высокопоставленного партийного и государственного деятеля, являющегося родственником Ким Чен Ына.

Таким образом, ракетно-ядерная проблема и проблема похищенных являются двумя сторонами медали в политике Японии в отношении КНДР. Однако вряд ли можно назвать конструктивным стремление Токио выдвинуть на первый план именно вторую проблему. Япония делала попытки увязывать прогресс на шестисторонних переговорах по проблеме ядерного оружия на Корейском полуострове в прошлом десятилетии с уступками северокорейского руководства в деле похищенных. Однако эти попытки подвергались критике со стороны других участников указанных переговоров.

В торге с КНДР по этому делу Япония в последнее время проявляет готовность идти так далеко, что в Вашингтоне и Сеуле возникли опасения, что действия Токио могут нарушить единый фронт США, Южной Кореи и Японии на торгах «первого яруса» — по поводу ракетно-ядерного потенциала Пхеньяна. Так, в середине июля 2014 г. госсекретарь США Дж. Керри в телефонном разговоре с министром иностранных дел Фумио Кисидой выразил беспокойство США в связи с возможным влиянием контактов между Токио и Пхеньяном на трехстороннее сотрудничество США—Японии—Южной Кореи в сфере денуклеаризации Северной Кореи.

Ближайшие годы покажут, сможет ли администрация Абэ добиться хотя бы промежуточных успехов в нормализации отношений с таким труднопредсказуемым соседом, как КНДР, от которого, как утверждают японские политики, исходит главная (ракетно-ядерная) угроза безопасности Японии.

Япония и страны ЮВА: моря разные — проблемы сходные

Наглядным проявлением «новой дипломатии» Абэ стало его турне по трем странам Юго-Восточной Азии — Вьетнаму, Таиланду и Индонезии — в январе 2013 г. Оно явилось первой зарубежной поездкой Абэ после вступления в должность премьер-министра во второй

раз. Японские СМИ не скрывали, что целью поездки было укрепление связей со странами ЮВА ввиду усиливающейся наступательной политики Китая в регионе. В ходе своего визита Абэ подчеркивал важность использования международного права в решении территориальных споров, в которые вовлечены Китай и его соседи в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях.

На встрече с лидерами трех стран он, в частности, подчеркивал, что Токио выступает против «изменения статус-кво с помощью силы». Очевидно, что его высказывание было обращено к тем странам ЮВА, которые сами имеют территориальные споры в Южно-Китайском море с Китаем — прежде всего Вьетнаму и Филиппинам, а также Малайзии и Брунею. Японский премьер-министр надеялся найти понимание своей позиции, особенно с учетом того, что Вьетнам, Таиланд и Индонезия с их быстро растущими экономиками нуждаются в японских инвестициях и технологиях, особенно в области инфраструктурных проектов.

Все три указанные страны являются ключевыми членами АСЕАН, объединяющей 10 стран ЮВА с их огромным рынком, который в совокупности насчитывает 600 млн потребителей и весьма привлекателен для японских компаний. Об этом свидетельствует тот факт, что в 2011 г. прямые инвестиции Японии в АСЕАН составили 1,55 трлн иен, превзойдя инвестиции в Китай в объеме 1,01 трлн¹².

Фактически указанная поездка Абэ означала возобновление активной японской дипломатии после пятилетнего периода ее застоя. Как указывают японские эксперты, со времени последнего правительства во главе с Абэ, сформированного ЛДП (2006—2007 гг.), премьер-министры в Японии менялись практически ежегодно, что делало невозможным проведение эффективной внешней политики. По их мнению, страны Азии, которые сильно зависят от Японии экономически, возлагают надежды на влияние Токио в международном сообществе, чтобы эффективно выстраивать свою стратегию в отношении таких крупных держав, как Китай и США. Следует отметить также, что возобновление внимания Токио к ЮВА после «турбулентного» трехлетнего периода пребывания у власти Демократической партии совпадает с азиатско-тихоокеанским «поворотом» Вашингтона под руководством Барака Обамы, который взял курс на усиление военного и дипломатического присутствия США в АТР во время своего второго срока на посту президента.

Три указанные страны ЮВА не случайно были выбраны Абэ в его стратегии формирования коалиции стран на базе теории «китайской

угрозы». Ведь государства этого субрегиона имеют сложную историю взаимоотношений с «великим соседом», а Вьетнам, Филиппины и некоторые другие государства еще и острые территориальные конфликты вокруг спорных островов в Южно-Китайском море. К тому же в СРВ свежи воспоминания о кровопролитном приграничном столкновении с Китаем в 1979 г.

Видимо, именно поэтому Абэ наиболее теплый прием получил в Ханое. На этот счет откровенно писала газета Japan Times: «Премьер-министр Синдзо Абэ и его вьетнамский коллега Нгуен Тан Зунг договорились укреплять двустороннее сотрудничество в сфере безопасности перед лицом растущей наступательной деятельности Китая на море»¹³. По заявлению высокопоставленного правительственного чиновника Японии, его страна и Вьетнам подтвердили свое неприятие «изменения статус-кво с помощью силы», имея в виду морские споры Китая с Вьетнамом и Филиппинами¹⁴. А сам Абэ после встречи с премьер-министром Вьетнама заявил, что Токио и Ханой «сталкиваются с общими вызовами в регионе и как партнеры дополняют друг друга экономически»¹⁵.

Премьер-министр Вьетнама выразил свое понимание и поддержку позиции Токио. Со своей стороны, видимо, в целях материального закрепления достигнутого взаимопонимания Абэ пообещал предоставить Вьетнаму 500 млн долл. новых иенowych займов для финансирования ряда инфраструктурных объектов в этой стране¹⁶.

Что касается Филиппин, которые не вошли в ряд посещенных Абэ стран ЮВА, то примечательно, что еще до своей поездки Абэ направил в эту страну своего министра иностранных дел Фумио Кисиды. Этот визит, состоявшийся в первой декаде января 2013 г., включал также Сингапур и Бруней и явился своего рода прелюдией к азиатскому турне самого Абэ. Его цель тоже заключалась в том, чтобы укрепить отношения с этой крупной страной ЮВА, также имеющей территориальный конфликт с Китаем, в области безопасности и в сфере экономического сотрудничества.

Примечательной особенностью поездки Кисиды явилась просьба к нему со стороны Филиппин предоставить патрульные корабли для укрепления своего потенциала береговой охраны в Южно-Китайском море. Филиппинское правительство выразило желание приобрести 10 патрульных кораблей 40-метровой длины примерно за 200 млн долл. на иенowych займы¹⁷. Очевидно, что подобный шаг вызван введением Китаем в строй незадолго до этого большого патрульного корабля, чтобы более эффективно проводить политику, направленную на

обеспечение собственных интересов в акватории Южно-Китайского моря.

Что касается Таиланда, то, в отличие от Вьетнама и Филиппин, он занимает более осторожную позицию в отношении призывов Японии сотрудничать в деле сдерживания китайской «морской экспансии». В ходе визита в эту страну Абэ затронул проблему островов Сэнкаку/Дяоюйдао и подчеркнул, что считает чрезвычайно важным урегулирование проблемы в соответствии с законом, а не при помощи силы. В ответ на это премьер-министр Таиланда Йинглак Чинават выразила понимание японской позиции, но ограничилась обещанием, что Таиланд будет играть конструктивную роль в улучшении отношений между заинтересованными сторонами.

Таким образом, первый месяц 2013 г., ставший фактически и первым месяцем повторного пребывания Синдзо Абэ в кресле премьер-министра, ознаменовался возобновлением азиатской политики Токио. Более того, активизация дипломатической деятельности нового кабинета министров Японии в странах ЮВА уже получила название «Доктрины Абэ» по аналогии с «Доктриной Фукуды».

Тогдашний японский премьер-министр Такэо Фукуда в 1977 г. выступил в Маниле с речью, в которой он обрисовал контуры перспективной политики Японии в Азии. Правда, отличие двух доктрин заключается в том, что Фукуда призвал к окончательному примирению Японии и стран ЮВА, где все еще сохранялись воспоминания о японской агрессии и подозрительность к любым действиям Японии на материке. Он же пообещал всестороннюю экономическую помощь и сотрудничество указанным странам в целях их развития. Кроме того, в тот момент не было необходимости призывать к сплочению Японии и стран ЮВА на основе противодействия «китайской угрозе».

В свете муссируемой в Японии теории «китайской угрозы» Южно-Китайскому морю придается все большее значение с точки зрения обеспечения жизненно важных интересов страны. В отличие от Восточно-Китайского моря, где Япония конфликтует с Китаем по поводу территориальной принадлежности островов Сенкаку/Дяоюйдао, в Южно-Китайском море она не имеет территориальных споров, однако на него приходится 10 % мирового улова рыбы, а кроме того, суда, пересекающие его, перевозят в год грузы стоимостью 5 трлн долл. Значительная часть этих грузов направляется в Японию и из нее.

3 февраля 2015 г. министр обороны Японии Гэн Накатани заявил, что безопасность в Южно-Китайском море, на которое, по его словам, почти полностью претендует Китай, влияет на национальные

интересы Японии и может побудить ее задуматься о патрулировании этого моря военными самолетами. Высказывание Накатани явилось ответом на интервью с командующим 7-м флотом США Робертом Томасом, опубликованное американским агентством «Рейтер». В нем американский флотоводец сказал, что наблюдательные полеты японских самолетов в Южно-Китайском море помогут отслеживать растущий китайский флот, наблюдение за которым превосходит возможности стран Юго-Восточной Азии.

В настоящее время регулярное патрулирование японскими самолетами осуществляется только в Восточно-Китайском море. Распространение полетов на Южно-Китайское море почти наверняка усилит напряженность между крупнейшими второй и третьей экономиками мира. Китай отреагировал на комментарий Томаса предупреждением в адрес Японии «не создавать напряженность».

Высказывание Томаса демонстрирует поддержку Пентагоном стремления премьер-министра Японии Синдзо Абэ к более активной военной роли страны в Азии. Примечательно, что оно прозвучало в момент, когда США и Япония вели переговоры об обновлении основных направлений сотрудничества в сфере безопасности, которые предоставили Японии более весомую роль в их двустороннем военном альянсе. В сентябре 2015 г. в парламенте страны был принят новый пакет законов о безопасности на основе предложенной Абэ интерпретации права страны на коллективную самооборону. Теперь нельзя исключать, например, сценария, в котором при вооруженном конфликте между ВМФ США и Китая в том же Южно-Китайском море Морские силы самообороны Японии придут на помощь своему американскому союзнику.

Мьянма как дипломатическая и экономическая «целина» Токио

После Второй мировой войны отношения Японии с одной из крупнейших стран ЮВА — Мьянмой — в течение долгого времени находились на низком уровне. Это было связано с тем, что на протяжении нескольких последних десятилетий правления в стране авторитарного военного режима она оставалась закрытой для внешнего, прежде всего западного, мира. Однако в 2011 г. с разрешения правящего режима правительство приступило к умеренным реформам в политической и экономической жизни. Они открыли страну мировому

сообществу, с Мьянмы были сняты международные санкции, она перестала быть «изгоем». Этим тут же воспользовалась Япония в своих внешнеполитических и экономических целях.

В ноябре 2012 г. политическая и экономическая блокада Мьянмы была «прорвана» лично президентом США Бараком Обамой, совершившим официальный блиц-визит в эту страну. Этот визит должен был означать «реабилитацию» Мьянмы на международной арене. Он также явился еще одним символом «поворота» к Азии во внешней политике Вашингтона.

Очевидно, что базовым побудительным мотивом обращения США лицом к Мьянме являлись опасения по поводу экономической и политической экспансии в эту страну Китая, который заметно укрепил свои позиции и влияние в ней за годы правления там военной хунты.

Аналогичными мотивами руководствовался и Токио, где, судя по всему, ждали «отмашку» из столицы своего главного военно-политического союзника, чтобы, со своей стороны, начать активно развивать с правящим режимом экономические и политические отношения. Япония планирует тем самым, во-первых, сдержать рост влияния в Мьянме Китая — своего главного экономического конкурента и военного соперника в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а, во-вторых, использовать хозяйственные связи с ней как один из факторов вывода собственной экономики из длительного застоя. Особенно Токио тревожит возможность того, что Китай займет доминирующие позиции в Мьянме в реализации многообещающих экономических, прежде всего инфраструктурных, проектов, которые планируются в стране на ближайшие годы. Как сказал представитель одной из ведущих торговых компаний Японии, «приоритетной задачей промышленно развитых стран в сфере азиатской дипломатии является недопущение того, чтобы Китай играл лидирующую роль в укреплении отношений с Мьянмой»¹⁸.

Поездка в первых числах января 2013 г. в Мьянму заместителя премьер-министра Таро Асо положила начало внешнеэкономической деятельности новой администрации Синдзо Абэ. Мьянма считается последней «экономической целиной» в Азии, страной, с которой правительство Либерально-демократической партии, вернувшейся к власти в декабре 2012 г., намерено установить тесные отношения. Кроме того, визит Асо должен был продемонстрировать поддержку Японией «поворота» Обамы к Азии.

Япония уже играет ведущую роль в списывании большого внешнего долга Мьянмы различным международным кредиторам и оказав-

нии ей новой финансовой помощи. Японские компании намерены активно участвовать в развитии особой экономической зоны Тхилава и портов вблизи Янгона — крупнейшего города страны. Свои усилия они сосредоточат на создании в этой зоне индустриального комплекса. На эти цели Токио выделил 50 млрд иен.

Судя по всему, крупный японский капитал намерен прийти в Мьянму всерьез и надолго. Об этом свидетельствует мощный бизнес десант, стремительно высаженный в этой стране в начале февраля 2013 г. влиятельнейшей структурой японского делового мира — Кэй-данрэн (Федерация экономических организаций). Очевидно, что делегация японских предпринимателей во главе с видным представителем японского бизнеса Хиромасой Ёнэкурой имела целью «забить колышки» на пока еще не освоенном другими странами экономическом пространстве, а также «застолбить золотую жилу» в стране, располагающей богатыми сырьевыми ресурсами, в том числе внушительными запасами природного газа, и огромным потенциалом внутреннего рынка, насчитывающего 60 млн потребителей.

Очевидно, что Мьянма в силу своего географического положения и в свете азиатского разворота США, а также на фоне растущей китайской военной активности в Восточной Азии со временем может стать очередной ареной геополитического противоборства Китая, с одной стороны, и американо-японского тандема — с другой. Кроме того, политико-экономический рывок Японии в Мьянму укладывается в русло собственного курса Токио на сдерживание Китая в АТР. Этот курс становится все более явным в контексте стремительно нарастающей силовой конфронтации двух соседних экономических гигантов, грозящей вот-вот вылиться даже в военное столкновение из-за спорных необитаемых островков в Восточно-Китайском море с непредсказуемыми последствиями как для обеих стран, так и для всего региона.

Япония и США: укрепление военного сотрудничества

Примечательно, что желание ряда японских политиков и политологов пересмотреть историю японской агрессии на материке вызывает нескрываемую настороженность даже у ближайшего и единственного военного союзника Японии — Соединенных Штатов. Так, на пресс-конференции 5 января 2015 г. представитель Госдепартамента Джен Псаки, отвечая на вопрос относительно намерений Абэ следо-

вать позиции предыдущих кабинетов министров по признанию истории, заявила буквально следующее: «Наш взгляд заключается в том, что извинения, принесенные предыдущим премьер-министром Мураямой и бывшим генеральным секретарем кабинета министров (Ёхэем) Коно, являются важными главами в усилиях Японии по улучшению отношений с ее соседями»¹⁹.

Более всего американские официальные лица обеспокоены отрицательными последствиями для США напряженных отношений между Японией и Южной Кореей — двумя важнейшими союзниками Америки в Восточной Азии, особенно в свете провозглашенного администрацией Обамы поворота в сторону Азиатско-Тихоокеанского региона. Уже очевидно, что стержнем азиатской стратегии Вашингтона становится всемерное военное, политическое и экономическое сдерживание Китая. Эта стратегия на данном этапе полностью отвечает интересам Японии в связи с ростом, как считают в Токио, так называемой китайской угрозы.

В свете этого в последнее время происходит количественное и качественное совершенствование японо-американского сотрудничества в сфере безопасности. Курс на дальнейшее укрепление военного альянса с США японские стратеги объясняют осложнением международной обстановки в районах вокруг Японии как следствия возрастания двух главных угроз безопасности страны — со стороны Северной Кореи и Китая.

Под этим предлогом Токио и Вашингтон в апреле 2015 г. обновили «Основные направления сотрудничества в сфере обороны», которые не пересматривались с 1997 г. Судя по всему, обновление пойдет по линии повышения роли Японии в военном союзе двух стран и увеличения своих военных обязательств на международной арене. Прежде всего, оно будет учитывать свежую интерпретацию конституционного права Японии на коллективную самооборону, принятую кабинетом министров страны в июле 2014 г. Пакет законов на этот счет, как уже отмечалось, был принят парламентом Японии в сентябре 2015 г.

В соответствии с новым законодательством Япония сможет в определенных ситуациях (каких, еще предстоит конкретизировать) приходить на помощь военным кораблям США в случае атаки на них противника в районах далеких от японского архипелага, например, в акватории Южно-Китайского моря. Именно здесь Вашингтон намерен в ближайшее время добиться от Токио налаживания военного сотрудничества в виде патрулирования этого региона японскими само-

летами с целью отслеживания территориальной и военной экспансии Пекина. Или, как вариант, новое законодательство позволит сбивать северокорейские баллистические ракеты с ядерными боеголовками, если таковые будут запущены в сторону тех же США.

Очевидно, что укрепление военного сотрудничества Японии и США предполагает усиление двустороннего взаимодействия в сфере противоракетной обороны в Восточной Азии. Понятно, что это вызывает большое беспокойство не только в Пхеньяне, но также в Пекине и Москве, поскольку свидетельствует о создании глобальной американской ПРО.

Важной вехой в укреплении политического и военного сотрудничества между Токио и Вашингтоном стал исторический, как его называли японские и американские аналитики, визит премьер-министра Японии Синдзо Абэ в США в конце апреля — начале мая 2015 г. Он удостоился беспрецедентной для японских руководителей чести выступить с речью на совместном заседании обеих палат американского конгресса. В своей речи под названием «К альянсу надежды» он обрисовал перспективы дальнейшего укрепления сотрудничества Японии и США, прежде всего в военной сфере. Как отмечают японские аналитики, лейтмотивом выступления японского премьер-министра стал тезис о необходимости сдерживания Китая в АТР.

В отличие от военного сотрудничества в АТР Токио и Вашингтону никак не удастся достичь взаимопонимания относительно экономического партнерства в том же регионе. Камнем преткновения являются условия присоединения Японии к Транстихоокеанскому партнерству (ТТП) — блоку из 12 стран, на который будет приходиться 40 % мирового ВВП. Его США формируют «под себя», не в последнюю очередь с целью уже экономического сдерживания Китая. Именно разногласия между Токио и Вашингтоном стали крупнейшим препятствием на пути к успешному завершению переговоров по ТТП в целом, конечная цель которых — полная ликвидация торговых тарифов их участниками. Главным предметом японо-американских расхождений года являются импортные тарифы Японии на сельскохозяйственную продукцию и тарифы США на автомобили.

По состоянию на осень 2015 г., ни одна из сторон не была готова идти на отмену указанных тарифов по внутривнутриполитическим соображениям. В Японии это нанесет сильный удар по неконкурентоспособному сельскому хозяйству и подорвет электоральную базу правящей Либерально-демократической партии. В США, где против отмены тарифов выступает мощное автомобильное лобби, опасаются

критики демократической администрации Обамы со стороны республиканцев на президентских выборах 2016 г. За 2015 г. позиции Японии и США на переговорах по ТТП сблизить не удалось.

Япония—Россия: территориальная проблема на фоне экономических санкций

В настоящее время ключевой проблемой в отношениях Японии с Россией является территориальный вопрос, который активно выдвигается Токио на первый план. Исключительно резкая реакция японского правительства на визит тогдашнего президента РФ Д. Медведева в ноябре 2010 г. на остров Кунашир, входящий в число оспариваемых Японией южнокурильских островов, обрушила отношения между Россией и Японией до, фактически, самого низкого уровня за весь постсоветский период. Однако заявление В. Путина накануне своего возвращения на пост президента весной 2012 г. о необходимости искать взаимоприемлемое решение территориального вопроса очень обнадежило японскую сторону. Последовавшее улучшение атмосферы в двусторонних отношениях вылилось в договоренность об официальном визите российского президента в Японию в конце 2014 г.

Но в связи событиями на Украине в 2014 г., воссоединением Крымского полуострова с Россией и введением санкций Токио в отношении нее японская сторона сделала ряд непоследовательных заявлений относительно указанного визита, породивших сомнения в готовности Абэ принять Путина в указанном году. Ситуация прояснилась, когда Путин и Абэ в ходе личной встречи на полях саммита АТЭС в Пекине в ноябре 2014 г. договорились все же осуществить визит в 2015 г.

Однако и в указанном году визит не состоялся. Очевидно, что причиной этого явилось нескрываемое давление на Токио со стороны Вашингтона, не заинтересованного в улучшении отношений между Россией и Японией в условиях экономических санкций, наложенных на Россию странами «большой семерки». Тем не менее, вопреки позиции США премьер-министр Абэ в мае 2016 г. совершил визит в Сочи, где на переговорах с президентом России В.В. Путиным предложил «новый подход» к решению территориальной проблемы, что должно открыть путь к подписанию мирного договора между двумя странами. Содержание провозглашенного Абэ «нового подхода» не было раскрыто, однако, по заявлениям японских официальных лиц,

он не означает изменений в базовой позиции Японии. А позиция эта заключается в том, что Россия должна «вернуть» Японии все четыре острова южных Курил, на которые она претендует. В Сочи Абэ также предложил состоящий из восьми пунктов план экономического сотрудничества России и Японии на Дальнем Востоке. Кроме того, японский премьер принял приглашение посетить Владивосток в сентябре 2016 г. для участия в Восточном экономическом форуме.

Судя по всему, российское руководство приняло решение о продолжении политических контактов с Японией, в том числе на высшем уровне, принимая во внимание то обстоятельство, что ее экономические санкции не наносят реального ущерба России и являются ничем иным, как попыткой Токио найти сбалансированную позицию в своих отношениях с Москвой и Вашингтоном. Со своей стороны Москва заинтересована в поддержании нормальных отношений со своим дальневосточным соседом и третьей экономикой мира, особенно в условиях чувствительных экономических санкций Запада. Поэтому российская сторона дала согласие на официальный визит президента Путина в Японию в конце 2016 г.

Можно полагать, что визит, если он все же состоится, поможет сохранить тот позитив в российско-японских отношениях, который был накоплен с момента официального посещения японского премьер-министра России в апреле 2013 г. и во многом благодаря налаженным личным отношениям Путина и Абэ. Для японского лидера это особенно важно в условиях острой конфронтации Японии с остальными соседями по Северо-Восточной Азии.

Однако, думается, японской стороне вряд ли стоит рассчитывать на получение в обозримом будущем южных Курил. Ведь базовая позиция России по территориальной проблеме заключается в том, что Япония должна признать законность владения Россией указанными островами по итогам Второй мировой войны. Токио категорически отказывается это сделать.

Вместе с тем Россия рассматривает Японию как важного партнера в деле обеспечения безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе и, прежде всего, в Восточной Азии, и придает большое значение дальнейшему развитию двусторонних отношений как в сфере экономики, так и политики. В свете наметившегося в последнее время в стратегии России «поворота на Восток» фактор отношений между Японией и Россией, несмотря на существующие между ними проблемы, как очевидно, будет иметь все большее значение в деле обеспечения мира и стабильной международной ситуации в регионе.

Примечания

¹ Japan Times. 07.01.2015.

² URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000055800.pdf> (дата обращения 01.10.2015).

³ URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000055800.pdf> (дата обращения 01.10.2015).

⁴ Ёмиури симбун. 17.08.2015.

⁵ Асахи симбун. 20.08.2015.

⁶ Асахи симбун. 11.01.2014.

⁷ Цит. по: Japan Times. 12.01.2015.

⁸ Ibid.

⁹ Ёмиури симбун. 17.08.2015.

¹⁰ URL: http://www.mofa.go.jp/policy/other/bluebook/2014/html/chapter2/asia_oceania.htm, дата обращения 12.11.2014.

¹¹ Ibid.

¹² Japan Times. 20.01.2013.

¹³ Japan Times. 18.01.2013.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ По сообщению NHK от 11.01.2013.

¹⁸ Japan Times. 05.01.2013.

¹⁹ Цит. по: Асахи симбун. 09.01.2015.

А.З. Жебин

ЯДЕРНАЯ ПРОБЛЕМА И ПУТИ ЕЕ РЕШЕНИЯ НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

1. Истоки и причины возникновения

Восточная Азия — это единственный регион нашей планеты, где было применено ядерное оружие. Сделано это было Соединенными Штатами в августе 1945 г., на заключительном этапе Второй мировой войны с целью добиться капитуляции Японии до вступления СССР в войну с этой страной (что Москва обещала сделать, кстати, по просьбе самих союзников по антигитлеровской коалиции). За геополитические амбиции США, которые не хотели допустить появления Красной армии на японских островах и пытались свести к минимуму роль СССР в послевоенном урегулировании на Дальнем Востоке, Японии пришлось заплатить ужасную цену: американские атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, уничтожили сотни тысяч мирных жителей и полностью разрушили эти города.

В ходе Корейской войны 1950—1953 гг. США несколько раз серьезно рассматривали возможность применения ядерного оружия как собственно на Корейском полуострове, так и на территории Китая. Эти планы вызвали массовые антивоенные выступления в Европе и открытое несогласие с ними у большинства американских союзников¹.

После Корейской войны США дислоцировали свои войска в Южной Корее, которые остаются там и сейчас, а также разместили на ее территории различные виды ядерного оружия. Последнее было вывезено оттуда, если верить заявлениям тогдашних президентов двух

стран — США и Республики Корея — Дж. Буша-старшего и Ро Дэ У — лишь в 1991 г.

Тем не менее, и по сей день в порты Южной Кореи заходят американские атомные авианосцы и подводные лодки — носители ядерного оружия. Они же, а также стратегические бомбардировщики США, способные нести такое оружие, участвуют в различных ежегодно проводимых там совместных военных маневрах с Южной Кореей. Так, в 2013 г. американские стратегические бомбардировщики, прилетевшие с континентальной части США, демонстративно отработывали поражение целей на территории Корейского полуострова.

Заявление Ро Дэ У от 18 декабря 1991 г. об отсутствии на юге полуострова ядерного оружия имели целью заставить КНДР пообещать не создавать такое оружие. Начавшиеся к тому времени межкорейские контакты по этому вопросу были вызваны озабоченностью США и РК появившимися в конце 1989 г. в печати спутниковыми фотографиями, которые давали основания подозревать наличие у КНДР потенциала для развития ядерной программы военного назначения.

31 декабря 1991 г. Север и Юг Кореи объявили о согласовании Совместной декларации о денуклеаризации Корейского полуострова, которая была 20 января 1992 г. подписана главами правительств КНДР и РК и вступила в силу 19 февраля 1992 г.²

В документе содержалось взаимное обещание не «испытывать, изготавливать, производить, принимать, владеть, хранить, размещать и применять» ядерное оружие, использовать ядерную энергию «исключительно в мирных целях», не владеть оборудованием «для переработки ядерных материалов и обогащения урана»³.

Стороны также договорились о проведении инспекций объектов, выбранных другой стороной, но согласованных обеими сторонами, и сумели создать Совместный комитет ядерного контроля, который в течение 1992 г. провел 23 заседания для обсуждения условий взаимных проверок.

Тем временем осложнилась ситуация на других треках — между КНДР, с одной стороны, США и МАГАТЭ — с другой. С существенным опозданием подписав Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ в январе 1992 г. (КНДР вступила в ДНЯО в декабре 1985 г.) и даже согласившись на проведение специальных инспекций, Пхеньян вскоре счел требования МАГАТЭ чрезмерными. Дело в том, что агентство потребовало допуска на два объекта, которые были незадекларированы северокорейцами для инспекций и объявлены ими не имеющими отношения к ядерной программе.

Результатом последовавшей затем цепи взаимных обвинений стало решение о выходе КНДР из ДНЯО в марте 1993 г. Американцы всерьез рассматривали возможность нанесения удара по ядерным объектам КНДР, однако несогласие с таким выбором тогдашнего президента РК Ким Ен Сама и поездка в Пхеньян бывшего президента США Дж.Картера и его встреча с Ким Ир Сеном летом 1994 г. позволили повернуть развитие событий в переговорное русло, на этот раз напрямую между представителями КНДР и США.

Итогом их усилий стало подписание в Женеве 21 октября 1994 г. Рамочного соглашения (РС), или Рамочных договоренностей (РД). К сожалению, Вашингтон свел свои обязательства по этому документу де-факто к двум пунктам: создать международный консорциум (КЕДО) для строительства в КНДР АЭС из двух реакторов на легкой воде (ЛВР) и поставлять до пуска первого из них, намечавшегося на 2003 г., по 500 тыс. тонн жидкого топлива ежегодно⁴.

В свою очередь, Пхеньян должен был «заморозить» газографитовый реактор и другие связанные с ним объекты в ядерном центре в Ненбене, где северокорейцы могли получать оружейный плутоний, прекратить сооружение еще двух реакторов такого же типа мощностью 50 МВт и 200 МВт, остаться в Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и соблюдать Декларацию Севера и Юга Кореи от 1991 г. о денуклеаризации Корейского полуострова⁵.

США утверждают, что они выполняли свои обязательства по Рамочному соглашению, а КНДР мол этого не сделала. На деле КНДР сохраняла указанные в документе объекты «замороженными» до конца 2002 г., а США фактически не начали строить АЭС, хотя в письме президента США Б.Клинтона Ким Чен Иру американцы обещали сделать это в одиночку, если КЕДО не решит эту задачу⁶.

Главная причина затяжки в том, что в США рассчитывали на скорый крах северокорейского режима после смерти Ким Ир Сена 8 июля 1994 г. (соглашение подписывалось через три месяца после этого события), а республиканцы с приходом к власти по партийным, идеологическим соображениям полностью отказались от политики мирного «вовлечения» КНДР, проводившейся, хоть и весьма непоследовательно, демократами⁷.

Но особенно в США сейчас стараются не вспоминать, что РД, помимо нераспространенческих статей, содержат ряд политических обязательств США перед КНДР: предоставить «официальные гарантии» того, что США не применят против нее ядерное оружие и не будут угрожать его применением, двигаться к «полной нормализации

политических и экономических отношений»⁸. Ни первого, ни второго не произошло ни при Б.Клинтоне, ни при Дж. Буше-младшем, ни при Б. Обаме.

Под предлогом того, что северокорейцы в октябре 2002 г. якобы признали наличие второй, альтернативной программы получения материалов для ядерного оружия путем обогащения урана, США прекратили поставки топлива КНДР. Формальное основание — КНДР пообещала в РД соблюдать Декларацию о денуклеаризации Корейского полуострова, в которой обе Кореи отказались как от переработки плутония, так и обогащения урана⁹.

Однако США при этом предпочли «не заметить» такой же ссылки РД на необходимость соблюдения принципов американо-северокорейского заявления от 11 июня 1993 г. В нем, помимо «отказа от использования силы или угрозы силой», США и КНДР обязались «уважать суверенитет» и «не вмешиваться во внутренние дела» друг друга, продолжить «диалог между правительствами» и вести его на основе «равенства и справедливости»¹⁰.

Бойкот диалога с Пхеньяном на протяжении почти двух лет после прихода к власти республиканцев, санкции против КНДР и угрозы в ее адрес, курс на смену режима явно противоречили этим принципам и тоже являлись нарушением РД. Более того, администрация Дж. Буша в 2002 г. включила КНДР в так называемую ось зла и в список стран, по которым возможно нанесение превентивных ядерных ударов.

Факты свидетельствуют о том, что форсирование Пхеньяном военной составляющей его ядерных программ было вызвано, с одной стороны, потерей КНДР гарантий безопасности со стороны СССР после его распада и размыванием их со стороны КНР, а с другой — агрессией США и НАТО на Балканах.

В последующем смены режимов, реализованные США и их союзниками в Ираке и Ливии только укрепили решимость руководства КНДР наращивать ядерные средства сдерживания, что привело к окончательному выходу КНДР в 2003 г. из ДНЯО и трем ядерным испытаниям, проведенным в 2006, 2009 и 2013 г.

В КНДР, в частности, решительно осудили действия США и других стран НАТО в Ливии, не преминув указать на прямую связь ядерного разоружения Ливии с последующей агрессией против этой страны. Заодно северокорейцы подчеркнули, что ливийские события подтвердили правоту избранного ими пути «приоритета армии» и создания средств самообороны, оказавшихся весьма ценными для

предотвращения войны и защиты мира и стабильности на Корейском полуострове.

Так что, увы, дело не только в КНДР и даже не столько в КНДР. СБ ООН принял несколько резолюций, поддержанных РФ и КНР, с осуждением этих акций и ввел против КНДР жесткие санкции. Тем не менее, КНДР претендует на статус ядерной державы, который в мире пока никто не собирается признавать, и закрепила его в поправках в Конституции страны в 2013 г.

Одним из важнейших направлений обоснования этого курса внутри самой КНДР стала пропагандистская кампания по «национализации» северокорейского ядерного щита, попытки придания ему характера «общекорейского достояния», которое в перспективе поможет единой Корее быть на равных как с окружающими ее, так и другими «большими странами» и «внешними силами», ранее диктовавшими корейцам, как им жить¹¹.

В связи с этим обращают на себя внимание содержащиеся в официальных заявлениях КНДР обещания никогда не использовать ядерное оружие «для шантажа или причинения вреда соотечественникам»¹². Более того, в Пхеньяне пытаются уверить Сеул, что северокорейское ядерное оружие это «меч, защищающий всех корейцев от нарастающей ядерной угрозы США»¹³.

2. Ядерные программы КНДР в контексте международных режимов нераспространения

Требую от КНДР отказаться от «ядерной программы», можно вести речь только о военной ее составляющей. ДНЯО не запрещает любой стране проводить научные исследования и развивать атомную энергетику, более того, обязывает ядерные державы оказывать содействие в этом неядерным государствам. Создание КЕДО и согласие ее членом — США, Японии и РК — строить АЭС в КНДР означало ни что иное, как признание ими права КНДР иметь мирный атом.

Расхожим тезисом пропагандистской войны против КНДР после подписания РД стали утверждения о «ядерном шантаже» или «вымогательстве» Пхеньяном у «мирового сообщества» нефти, помощи и т. д. Между тем КНДР требовала от США всего лишь выполнения их обязательств по двусторонним соглашениям. США пошли на заключение РД, поставки топлива и строительство АЭС в КНДР потому, что не имели международно-правовых оснований требовать пре-

кращения национальной энергетической атомной программы КНДР и были вынуждены ее выкупить. Сделка была закреплена в Рамочных договоренностях между КНДР и США. Требование уплатить по сделке не является шантажом.

Одно из самых распространенных обвинений в адрес КНДР заключается в нарушении ею своих международных обязательств. Между тем одно из основополагающих положений международного права, которое отражено и в ДНЯО (ст. X) состоит том, что когда страна сталкивается с угрозой своему существованию, она имеет право выйти из любого договора в интересах защиты суверенитета. Этим правом и воспользовались северокорейцы.

Безусловно, выход любого государства из ДНЯО нежелателен. Шаг, предпринятый КНДР, привел к дальнейшему осложнению обстановки, создал плохой прецедент. Однако международного права он не нарушает. Это, кстати, косвенно признал даже тогдашний генеральный директор МАГАТЭ М. Эль-Барадеи, который призвал подумать над изменением указанной статьи ДНЯО как оставляющей лазейку для потенциальных распространителей.

К сожалению, позиция самих США в вопросах ядерного нераспространения оказалась далеко небезупречной и, зачастую, вызывающе непоследовательной.

Во-первых, в 1995 г. на конференции по соблюдению ДНЯО неядерные страны дали согласие на его бессрочное продление при двух главных условиях: ядерные державы ведут дело к полной ликвидации ядерного оружия и берут на себя обязательства не использовать или не угрожать применением такого оружия против неядерных стран. В 2002 г. администрация Дж. Буша фактически аннулировала это обещание, назвав семь стран, в том числе КНДР (кстати, и Россию тоже) в качестве объектов для упреждающих ядерных ударов.

Во-вторых, США и некоторые другие ядерные державы продолжают совершенствовать свои ядерные арсеналы и работают над созданием зарядов, способных поражать бункера глубокого залегания. Не секрет, что создание такого вида оружия было мотивировано планами его применения против КНДР, где большинство военных и значительная часть гражданских объектов находится под землей.

В-третьих, американцы почему-то считают, что их главному военно-политическому союзнику в Восточной Азии — Японии можно в огромных количествах перерабатывать плутоний и обогащать уран, а вот другим неядерным странам, например, Ирану или КНДР, этого делать ни в коем случае нельзя. Несправедливость такого подхода стала на-

столько очевидной, что США все же пришлось в 2015 г. признать это право за Ираном. Согласно новому соглашению о сотрудничестве в области атомной энергии, подписанному в апреле 2015 г. между США и Республикой Корея, не закрыта такая возможность для этой страны. Как считает ряд экспертов, это может создать новые трудности для того, чтобы уговорить КНДР отказаться от ее ядерных программ¹⁴.

В-четвертых, непоследовательность американской политики в области нераспространения становится особенно наглядной в практике применения двойных стандартов к таким странам, как Израиль, Пакистан, Индия, с одной стороны, и КНДР и Иран — с другой. О ядерном оружии Израиля заговаривать в Вашингтоне вообще считается неpolitкорректным, Пакистан — это союзник по антитеррористической коалиции, который был необходим для отлова Усамы бен-Ладена, а Индия нужна, чтобы «уравновешивать» Китай. Поэтому, например, с Индией можно сотрудничать в области атомной энергии, несмотря на то, что эта страна не является членом ДНЯО, а в КНДР именно по этим же причинам строить АЭС нельзя.

Ядерная сделка с Индией, одобренная в декабре 2006 г. конгрессом США — пожалуй, самый вопиющий пример нарушения США не только ДНЯО, но и целого ряда других международных соглашений в области нераспространения ядерного оружия и даже самого внутреннего законодательства США.

Южнокорейский исследователь Ли Чжун Гю считает, что «почти все государства мира согласны в том, что самые серьезные препятствия для международных усилий в области ядерного нераспространения и разоружения создают сами Соединенные Штаты»¹⁵.

Ситуация с обеспечением режима нераспространения ОМУ в Восточной Азии может оказаться просто катастрофической, если на путь создания ядерного оружия встанут ближайшие союзники США в регионе — Япония и Южная Корея. Серьезную озабоченность на этот счет в мае 2015 г. выразил президент Ассоциации американских ученых Чарльз Фергюсон. По его подсчетам, только четыре реактора на АЭС в Вольсоне позволяют Южной Корее получить оружейного плутония в количестве, достаточном для изготовления 416 атомных бомб¹⁶.

Доводы США в пользу сохранения режимов нераспространения и контроля над вооружениями были бы убедительнее, если бы Вашингтон сам показывал в этом отношении пример. Между тем США по-прежнему не желают ратифицировать договор о Всеобщем запрещении ядерных испытаний, в одностороннем порядке вышли из До-

говора по ПРО, отказались от участия в Конвенции о запрете противопехотных мин, не пожелали признавать юрисдикцию Международного уголовного суда в отношении своих военнослужащих¹⁷.

Похоже, что руководство США не желает признавать никаких международных обязательств и намерено действовать на мировой арене как ему заблагорассудится. В то же время США постоянно требуют от других государств соблюдения тех международных правил, которые сами американцы не собираются выполнять.

Стоит заметить, нисколько не оправдывая ядерные амбиции Пхеньяна, что именно такая политика двойных стандартов, нередко сопровождаемая угрозами, побуждает не только КНДР, но и еще добрый десяток стран подумывать о «ядерном выборе».

В одной из своих предвыборных статей, опубликованных в начале 2012 г., В.В. Путин напомнил, что «у КНДР и России — общая граница, а соседей, как известно, не выбирают», и пообещал «продолжать активный диалог с руководством этой страны, развивать добрососедские связи, одновременно выводя Пхеньян на решение ядерной проблемы»¹⁸.

Российский руководитель вновь подчеркнул, что ядерный статус КНДР для России «неприемлем». Он указал, что Россия неизменно выступает за денуклеаризацию Корейского полуострова, причем исключительно политико-дипломатическими средствами, призывает к скорейшему возобновлению шестисторонних переговоров¹⁹.

Вместе с тем, как следует из высказываний В.В. Путина, Россия не склонна возлагать всю вину за создавшуюся ситуацию исключительно на КНДР. «На фоне страстей вокруг ядерных программ Ирана и Северной Кореи невольно начинаешь задумываться о том, как возникают риски распространения ядерного оружия — и кто их усиливает. Есть ощущение, что участвовавшие случаи грубого и даже силового вмешательства извне во внутренние дела стран могут стимулировать те или иные авторитарные режимы (да и не только их) к обладанию ядерным оружием. Имею, мол, атомную бомбу в кармане, и никто меня не тронет, поскольку себе дороже. А у кого бомбы нет — тот пусть ждет «гуманитарной» интервенции», отметил российский руководитель²⁰.

Нравится это нам или нет, продолжал российский президент, но то, что внешнее вмешательство подталкивает к такому ходу мыслей, — факт. Поэтому и так называемых «пороговых» стран, находящихся на расстоянии вытянутой руки от технологий «военного атома», становится не меньше, а больше. В этих условиях возрастает значение создаваемых в различных частях мира зон, свободных от ОМУ.

По инициативе России начата работа по обсуждению параметров такой зоны на Ближнем Востоке.

«Необходимо сделать все возможное, чтобы соблазн заполучить ядерное оружие ни перед кем не маячил. Для этого и самим борцам за нераспространение надо перестроиться, особенно тем, кто привык наказывать другие страны с помощью военной силы, не дав поработать дипломатии. Так было, например, в Ираке, проблемы которого после почти десятилетней оккупации лишь усугубились», отмечал российский лидер.

Если, наконец, удастся искоренить стимулы, подталкивающие государства к обладанию ядерным оружием, то можно будет на основе действующих договоров сделать международный режим нераспространения по-настоящему универсальным и прочным. Такой режим давал бы возможность всем заинтересованным странам в полной мере пользоваться благами «мирного атома» под контролем МАГАТЭ²¹.

Однако, судя по всему, не все партнеры России разделяют такой подход. В Москве считают, что сейчас нужно проявлять особую аккуратность. Недопустимы попытки испытать на прочность нового лидера КНДР, которые, по сути, провоцировали бы необдуманные контрмеры²².

Проходившие в 2003—2008 гг. шестисторонние переговоры по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП) с участием США, КНР, России, Японии, КНДР и Республики Корея не достигли целей, ставившихся перед ними, хотя их участникам удалось принять 19 сентября 2005 г. в Пекине Совместное заявление, в котором были согласованы принципы решения этой проблемы. Однако первоначальное успешное продвижение по пути их имплементации было приостановлено из-за разногласий по поводу порядка перехода к третьему этапу реализации этого документа, в первую очередь, в части, касающейся проблемы контроля над соблюдением достигнутых договоренностей.

Попытки КНР и РФ добиться возобновления переговорного процесса пока не дали результата. США и их союзники настаивают на выполнении КНДР предварительных условий — неких практических шагов по ядерному разоружению, которые они публично предпочитают не конкретизировать, равно как и свои ответные шаги навстречу Пхеньяну, который выступает за переговоры без предварительных условий.

В Москве по-прежнему исходят из того, что шестисторонние переговоры представляют собой единственный эффективный путь раз-

решения проблемы. Эта позиция, которую разделяет и Китай, была вновь подтверждена во время визита Президента РФ В.В. Путина в июне 2016 г. в КНР²³.

Что же касается КНДР, то помимо угроз своей безопасности, она оправдывает свою позицию двойными стандартами, столь наглядно продемонстрированными мировым сообществом при оценках деятельности КНДР и ряда других стран в ракетно-ядерной области. Реакция СБ ООН выглядела явно несправедливой, по крайней мере, в глазах северокорейцев, на фоне многочисленных испытаний Индией и Пакистаном баллистических ракет, способных нести ядерные боеголовки, и была решительно отвергнута КНДР²⁴.

Действительно, в течение 1998—2012 гг. Индия и Пакистан провели более 120 испытательных пусков боевых ракет (из них около 80 — баллистических), многие из которых могут быть оснащены ядерными боеголовками²⁵. Тем не менее, США не уставали уверять, что никакой угрозы миру эти действия не представляют. Однако в начале 2013 г. кровопролитные инциденты на границе между этими двумя странами заставили даже «Нью-Йорк Таймс» признать, что длящийся десятилетиями индо-пакистанский конфликт является «одним из наиболее вероятных очагов ядерной войны»²⁶. Но никто по этому поводу СБ ООН созвать не попросил.

За тот же период (1998—2012 гг.) КНДР сделала всего 4 попытки запустить спутник (первые три — в 1998, 2009 и 2012 г. — неудачные). И все они стали предметом внимания СБ ООН в виде резолюций или заявлений Председателя СБ ООН. В этой связи в КНДР не без иронии отметили, что мире за все время было произведено более 2000 ядерных испытаний и более 6000 запусков спутников и ни один из них, за исключением сделанных в КНДР, не стал предметом обсуждения на СБ ООН²⁷.

Такой же неоднозначный подход проявлялся при оценке действий ряда других государств. Япония в апреле 2012 г., когда северокорейцы в очередной раз потерпели неудачу с запуском спутника, вывела на орбиту 4 спутника, в том числе один южнокорейский, и заявила, что планирует вывести еще шесть. Южная Корея в 2013 г. (причем с помощью России) тоже запустила собственный спутник со своего космодрома.

Такие двойные стандарты, видимо, привычны для элит и населения государств так называемого золотого миллиарда, но они болезненно воспринимаются в странах, в которых проживают остальные 5 млрд людей на Земле. В Пхеньяне, похоже, решили жестко отстаи-

вать свое суверенное право на использование космического пространства в мирных целях. Это право закреплено в соответствующих международных договорах и конвенциях, носящих универсальный характер. КНДР присоединилась к большей части из них, в том числе к Договору об использовании космического пространства в мирных целях. Этим правом широко пользуются все окружающие ее государства. Поэтому северокорейцы никогда не смиряются с попытками лишить страну этого права, что и было подтверждено Пхеньяном, отвергшим как заявление Председателя СБ ООН с осуждением апрельского 2012 г. пуска (неудачного), так и резолюции СБ ООН по поводу успешных запуска спутника в декабре 2012 г. и в феврале 2016 г.²⁸

Позиция российской стороны по неудачной попытке КНДР запустить 13 апреля 2012 г. искусственный спутник Земли проста — у Корейской Народно-Демократической Республики есть право на использование космического пространства в мирных целях. Однако на данном этапе это право ограничено соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН. Как только созреют условия для снятия санкций (о необходимости создания которых хорошо известно Пхеньяну), никаких ограничений на реализацию права на мирное освоение космоса и атомной энергетики у КНДР не будет²⁹.

Россия согласилась с тем, что нарушение резолюции Совета Безопасности требует рассмотрения ситуации в СБ ООН. Но реакция Совбеза должна быть взвешенной. Мы не верим в новые санкции, которые ничего не дадут с точки зрения урегулирования ситуации. В Москве считали, что СБ ООН должен ответственно подойти к своим обязанностям и принять решения, в которых будет дана принципиальная оценка случившегося, с одновременным ориентиром на достижение главной цели — возобновление шестисторонних переговоров³⁰.

Москва призвала Пхеньян избегать действий, подпитывающих эскалацию напряженности на Корейском полуострове. Одновременно Россия ожидает максимальной сдержанности и ответственности всех расположенных в регионе государств и готова и дальше совместно с партнерами по шестисторонним переговорам продолжать усилия по нормализации обстановки.

Вместе с тем министр иностранных дел России С. Лавров еще раз подчеркнул, что «очень важно, чтобы все стороны, которые участвуют в переговорах, избегали резких шагов, не провоцировали друг друга» и призвал к тому, чтобы «активнее создавать условия» для возобновления шестисторонних переговоров³¹.

Реакция КНДР на две последние резолюции СБ ООН — по четвертому ядерному испытанию в январе 2016 г. и по запуску спутника в феврале 2016 г. — свидетельствует, что в обозримом будущем всем нам придется иметь дело с де-факто ядерной Северной Кореей. Реалии современных международных отношений вряд ли подвигнут руководство этой страны на отказ от своих ракетно-ядерных сил сдерживания.

Некоторые специалисты в США призывают признать существующие реалии и научиться сосуществовать с ядерной КНДР. Они не считают, что такой вариант приведет к «эффекту домино» и ядерному вооружению Японии и Южной Кореи.

3. Геополитика и нераспространение

В целом ситуацию вокруг ядерных программ КНДР и перспективы ее разрешения можно понять только в контексте американо-китайского партнерства и соперничества и баланса этих составляющих в отношениях двух великих держав. Более того, в последние годы Корейский полуостров стал одним из крупнейших узлов американо-китайских противоречий, а в будущем, не исключено, может оказаться полигоном для пробы сил между КНР и США.

Для американцев что Север, что Юг Кореи — это пешки, которые разыгрываются ими в партии против Китая. Как известно, администрация Б. Обамы провозгласила курс на возвращение США в Азию, выдвинула проект создания Транстихоокеанского партнерства (ТТП), которое было формализовано в октябре 2015 г. Многие политики и аналитики сходятся во мнении, что и «возвращение в Азию», и ТТП направлены прежде всего на сдерживание Китая. А уж прямо называть вещи своими именами — на военно-политическую изоляцию Китая в АТР.

В рамках этой стратегии США пытаются создать санитарный кордон вокруг Китая — сделать так, чтобы внешняя и оборонная политика всех соседних с ним государств была ориентирована на Вашингтон. Для этого американцы в средствах не стесняются: в ход идет все — от создания новых военных баз до заигрывания с еще недавно неудобными режимами, как в Мьянме. Открытые призывы последовать ее примеру были озвучены и в отношении КНДР. Но на Пхеньян, они, похоже, большого впечатления не произвели.

В период шестисторонних переговоров российская сторона не раз указывала, что успех возможен только в контексте нормализации американо-северокорейских отношений. Однако политика администрации Б.Обамы показала, что США и не думают о нормализации отношений с КНДР. После исчезновения с распадом СССР так называемой советской угрозы Вашингтону был крайне необходим новый «злодей» в регионе, который оправдывал бы длящуюся уже 60 лет дислокацию американских войск вдоль границ России и Китая и создание в регионе системы ПРО ТВД, призванной обесценить силы ядерного сдерживания КНР и РФ, а не весьма гипотетическую ракетную угрозу КНДР, которой и была отведена роль «плохого парня».

Для США выгодно, как минимум, поддержание контролируемого ими уровня напряженности на полуострове для оправдания своего военного присутствия в регионе и развертывания там системы ПРО. Программа-максимум Вашингтона — в свете целей нынешнего «возвращения» США в АТР — это ликвидация КНДР тем или иным путем, что позволило бы американцам установить контроль над всем Корейским полуостровом — уникальным с военно-стратегической точки зрения районом на стыке границ РФ и КНР.

Для достижения этой цели администрация Б.Обамы с момента своего прихода к власти проводит в отношении КНДР линию «стратегического терпения», сводящуюся не просто к отказу от переговоров, но и предусматривающую реализацию целого комплекса мер с целью изолировать режим политически (проблема прав человека), удушить его экономически, полностью отрезав от международных финансовых транзакций, и вызвать в итоге его коллапс.

Вашингтон всячески эксплуатирует стремление Пекина избежать прямого противостояния с США и продлить мирную обстановку на своих границах для дальнейшего укрепления КНР. США оказывают огромное давление на КНР, пытаясь вынудить ее подключиться к экономическому удушению КНДР, а заодно показать всему миру, что американцы способны заставить Пекин действовать так, как угодно Вашингтону даже в отношении соседних и союзных с Китаем стран. Именно так выглядит роль *responsible stakeholder*, которую они пытаются навязать КНР.

Несмотря на мощнейший нажим Вашингтона, Пекин своими действиями продемонстрировал, что для КНР, как по военно-стратегическим, так и престижно-политическим соображениям, ликвидация КНДР, тем более силовым путем, совершенно неприемлема. Такое развитие событий привело бы к выходу вооруженных сил США и

их союзников на 1400-километровую сухопутную границу с Китаем, серьезно подрывало бы престиж и внешнеполитические позиции КНР в Азии и во всем мире, практически ставило бы крест на планах Пекина вернуть в «лоно родины» Тайвань. Какая из малых и средних стран по периметру китайских границ стала бы впредь полагаться на Китай, если бы он без боя сдал КНДР, а вместе с ней и весь Корейский полуостров, на протяжении многих веков находившийся в исключительной сфере влияния Китая?

Участие высокой китайской делегации в состоявшемся в октябре 2015 г. праздновании в Пхеньяне 70-летия основания бесценно правящей в КНДР Трудовой партии Кореи (ТПК), личное послание китайского лидера Си Цзиньпина, переданное главой делегации новому руководителю КНДР Ким Чен Ыну, свидетельствуют, на мой взгляд, о том, что, несмотря на беспорное недовольство китайского руководства некоторыми акциями Пхеньяна в ядерной области, Китай намерен сделать все необходимое, чтобы сохранить КНДР как дружественное ему государство, сдерживающее до известной степени геополитические амбиции США в отношении Корейского полуострова.

Та осторожность, с которой американцы ведут себя на полуострове, как раз объясняется тем обстоятельством, что, в отличие от Ирака или Ливии, в Корее ощутимо присутствует китайский фактор. США, вероятно, пока не готовы к прямому столкновению с Китаем по этой проблеме. Это был бы конфликт с полутора миллиардом человек, и в Вашингтоне, видимо, еще не раз подумают, прежде чем пойти на силовые акции в Корее.

Одновременно США всячески пытаются посеять рознь и недоверие между северокорейцами и китайцами, периодически расточая комплименты в адрес последних за «сотрудничество» в решении ядерной проблемы и призывая их начать обсуждение плана совместных действий на случай возникновения неких «чрезвычайных ситуаций» в КНДР.

Однако китайцы вряд ли верят посулам американцев, которые уверяют их, что в случае «коллапса» КНДР США не расширят свое военное присутствие на северную часть полуострова, а лишь ограничатся поиском и вывозом северокорейского ОМУ. В Пекине, наверное, не забыли о похожих обещаниях, дававшихся советскому руководству насчет нерасширения НАТО на Восточную Европу, и сопоставляют их с нынешней реальностью на Европейском континенте.

В результате к настоящему моменту на полуострове сложилось довольно неустойчивое равновесие: США не решаются на силовую

акцию прямо на границах КНР и РФ, а Пекин делает все для того, чтобы сохранить КНДР в качестве буферного государства перед силами передового базирования США в СВА.

4. Ключ к нераспространению — новая система региональной безопасности

Одна из главных причин сохраняющегося тупика вокруг военных ракетно-ядерных программ КНДР заключается в том, что преимущественно позиция давления, санкционный подход к их прекращению, проводимые США и навязанные ими своим союзникам, а, в конечном счете, и Совету Безопасности ООН, себя не оправдали. Так не удалось решить провозглашавшейся их сторонниками задачи — обеспечить денуклеаризацию Корейского полуострова.

Напротив, именно столкнувшись с такой линией, которую еще в середине прошлого столетия известный американский политик, председатель сенатского комитета по иностранным делам У. Фулбрайт метко охарактеризовал как «самонадеянность силы», КНДР в 2006—2016 гг. провела четыре испытания ядерного оружия, осуществила два подряд успешных запуска ИСЗ и стала де-факто ракетно-ядерной державой.

Показательно, что даже ряд американских специалистов стал признавать, что именно неспособность мирового сообщества, в первую очередь США и их союзников в Азии, а также Китая учесть реальные озабоченности КНДР своей безопасностью привели к нынешней ситуации³².

Одним из самых распространенных мифов, призванных замаскировать нежелание США не на словах, а на деле обсудить эти тревоги, является утверждение, что КНДР занялась ядерной программой, чтобы выменивать ее на очередные порции продовольствия, экономическую помощь, и, таким образом, периодические всплески вызывающей риторики Пхеньяна — ни что иное, как попытка выбить новые поставки.

Акцент на экономических выгодах, которые якобы получит КНДР, фальшив. Более того, такая посылка уводит нас от сути проблемы. Для Пхеньяна экономические стимулы не являются решающим аргументом. Вскоре после начала шестисторонних переговоров Сеул предлагал ему в обмен на отказ от ядерной программы, поставки электроэнергии в объемах, которые должны были вырабатывать так и

не построенные КЕДО в КНДР два реактора на легкой воде. Северокорейцы не согласились. Самый свежий пример непродуктивности такого подхода — судьба американо-северокорейских договоренностей февраля 2012 г., многими преподносившихся как якобы согласие КНДР «обменять атом на рис».

Не пренебрегая экономическими аспектами урегулирования, не надо забывать, что ядерная проблема была порождена, прежде всего, кризисом безопасности на Корейском полуострове. Она возникла в начале 90-х годов XX столетия как реакция КНДР на слом существовавшей к тому времени архитектуры безопасности в мире и в США. Последовавшие затем односторонние силовые действия США с целью смены неугодных им режимов стали для Пхеньяна решающим аргументом в пользу ядерного выбора.

Примеров того, что государства подталкивают к такому выбору реальные или воображаемые угрозы — достаточно. В начале 1970-х годов. Сеул, напуганный тем, что внезапное американо-китайское сближение лишит его защиты США, тоже предпринял попытку обзавестись ядерным оружием. Эти амбиции были погашены лишь после подтверждения Вашингтоном своих гарантий безопасности РК.

Безопасность — безусловный приоритет Пхеньяна, особенно после акций США и их союзников на Балканах, в Ираке и Ливии. Поэтому главная цель северокорейских эскапад — вынудить США пойти на нормализацию отношений с КНДР и таким образом снять или уменьшить военную угрозу. Нормализация также призвана положить конец экономической блокаде и санкциям со стороны США, большинство из которых, кстати, были введены ими в одностороннем порядке задолго до того, как у КНДР появились ракеты и ядерное оружие.

Между тем в США заявляют, что такая нормализация зависит также от удовлетворения их претензий по поводу прав человека в КНДР, сокращения ее обычных вооружений и армии и отвода от демилитаризованной зоны (ДМЗ), ликвидации запасов химического и бактериологического оружия, а также ряда других вопросов.

В свете такой позиции США переговоры для КНДР теряют всякий смысл, ибо даже полное удовлетворение требований Вашингтона по тематике нераспространения не позволит Пхеньяну достичь главной цели, ради которой он пошел на диалог — снятия внешней угрозы и экономической блокады

Еще один важный урок прошедшего этапа дипломатического урегулирования ситуации вокруг ракетно-ядерных программ КНДР заключается в том, что путем избирательного применения принципов

Устава ООН и других международных, законов, когда друзьям, союзникам, перспективным коммерческим партнерам позволено едва ли не все, а вот тем, кто таковыми не является или не оказался в числе американских союзников, а тем более препятствует реализации целей американской внешней политики, запрещается буквально все — таким путем проблему распространения ОМУ и средств их доставки не решить. Во всяком случае, такой подход в случае с КНДР себя явно не оправдал.

Нельзя, чтобы по этому вопросу кто-то один доминировал, и не потому, что Россия против односторонних или двусторонних переговоров. Судьба, постигшая американско-северокорейские договоренности, о которых было объявлено 29 февраля 2012 г., подтверждает, что результативность такого подхода невелика и крайне ненадежна. Иногда говорят: отдайте это все, допустим, Соединенным Штатам Америки, они обо всем договорятся. Этого не произошло. Так мир устроен, что необходимы гарантии, необходимо создавать комплексную систему безопасности, и поэтому шестисторонние переговоры, в которых участвуют две Кореи, Китай, Российская Федерация, Япония, Соединенные Штаты Америки, в этом смысле представляются гораздо более объективным механизмом³³.

В последние годы новым осложняющим моментом в решении проблемы ядерного нераспространения стали явно активизировавшиеся усилия США и их союзников в Восточной Азии по развертыванию элементов американской глобальной системы ПРО в регионе.

Россия как в публичном пространстве, так и в двустороннем диалоге с США и Южной Кореей неоднократно выражала беспокойство по поводу того, что под маркой ответа на так называемую северокорейскую ракетно-ядерную угрозу США стремятся добиться односторонних военных преимуществ, включая развертывание в Северо-Восточной Азии нового позиционного района ПРО. Уже заложена юридическая основа для создания в недалеком будущем интегрированной системы ПРО США, Республики Корея и Японии, которая, как следует из экспертных оценок, по своим техническим параметрам существенно превосходит уровень, необходимый для нейтрализации ракетного потенциала КНДР. В начале июля 2016 г. США и РК официально объявили о предстоящем размещении в Южной Корее американских комплексов ПРО THAAD³⁴.

В заявлении МИД России в связи с этим решением указывается, что «подобные действия, чем бы они ни аргументировались, самым негативным образом сказываются на глобальной стратегической ста-

бильности, о приверженности которой так любят рассуждать в Вашингтоне. Они также чреваты угрозой обострения региональной напряженности, созданием новых трудностей для решения сложных проблем Корейского полуострова, включая задачу его денуклеаризации»³⁵.

Самую резкую реакцию решение США и РК вызвало и в Пекине. В заявлении МИД КНР отмечалось, что «размещение США и РК системы ТНААД не способствует достижению цели денуклеаризации Корейского полуострова, поддержанию мира и стабильности на Корейском полуострове, идет вразрез с усилиями различных сторон по решению проблем путем диалога и консультаций. Оно нанесет серьезный ущерб интересам стратегической безопасности Китая и других стран региона, а также стратегическому балансу в регионе»³⁶. Китайская сторона решительно призвала США и РК «прекратить процесс развертывания системы ТНААД, отказаться от действий, которые могут осложнить региональную ситуацию, и не допускать действий, которые наносят ущерб интересам стратегической безопасности КНР»³⁷.

Что же касается перспектив возобновления шестисторонних переговоров, то нельзя не видеть, что за прошедшие два десятилетия эта проблема «обросла» различными негативными наслоениями, не сняв которые мы едва ли сможем возобновить процесс ее практического урегулирования. События в мире последних лет, включая пертурбации на Севере Африки, Ближнем и Среднем Востоке, последовательно углубляли недоверие северокорейских лидеров к международно-правовым механизмам обеспечения национальной безопасности и, напротив, укрепляли убежденность в том, что лишь оружие массового поражения является залогом сохранения суверенитета и независимости страны.

В России ни в коем случае не оправдывают наличие у Пхеньяна ракетно-ядерных программ. Отношение к ним РФ четко выразила своим голосованием в Совете Безопасности ООН по резолюциям, имеющим отношение к данной теме. Но нельзя не видеть, что для решения проблемы необходимо, прежде всего, устранить причины, ее породившие. Именно на таком понимании зиждется наш подход к урегулированию ЯПКП, а именно — в широком контексте продвижения военной разрядки в регионе, демонтажа конфронтационной инфраструктуры и формирования дееспособного многостороннего механизма обеспечения мира и безопасности в Северо-Восточной Азии»³⁸.

Подобная концепция заинтересованно воспринята Пхеньяном и Пекином, но, к сожалению, пока вызывает реакцию отторжения в Вашингтоне, на мнение которого, как известно, ориентируются Сеул и Токио. Тем не менее, надеемся, что и в этих столицах рано или поздно придут к осознанию того, что предложенная Москвой философия, по сути, является единственным вариантом политико-дипломатического выхода из сложившегося в переговорном процессе тупика.

Россия готова вместе с другими странами обеспечивать безопасность в Азиатско-Тихоокеанском регионе и решать ядерную проблему Корейского полуострова. Добиться этого можно только путем многосторонних консультаций и совместных усилий.

Примечания

¹ Корейское урегулирование и интересы России» / под ред. В.И. Денисова и А.З. Жебина. М.: ИДВ РАН, НП ИД «Русская панорама», 2008. С. 28.

² Peace and Cooperation. White Paper on Korean Unification. 1996. Ministry of National Unification. Republic of Korea. Seoul. 1996. P. 122, 208—209.

³ Нодон синмун, 22.01.1992; Peace and Cooperation. White Paper on Korean Unification. 1996. Ministry of National Unification. Republic of Korea. Seoul. 1996. P. 208—209.

⁴ См. текст Рамочных договоренностей. ЦТАК. 22.10.1994.

⁵ Там же.

⁶ См. текст письма Б. Клинтона Ким Чен Иру. ЦТАК. 22.10.1994.

⁷ Turning Point in Korea. New Dangers and New Opportunities for the United States. Report of the Task Force on U.S. Korea Policy. Selig S.Harrison, et.al. Chicago. February. 2003. P. 8.

⁸ ЦТАК. 22.10. 1994.

⁹ ЦТАК. 31.12.1991.

¹⁰ Нодон синмун. 12.06.1993.

¹¹ Нодон синмун. 18.01.2014.

¹² NDC of DPRK Advances Crucial Proposals to S. Korean Authorities. ЦТАК. 01.16.2014.

¹³ Пресс-заявление представителя стратегических войск Корейской народной армии. Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации. 05.03.2014.

¹⁴ Fitzpatrick, Mark. South Korea nuclear cooperation deal not as simple as 123. April 23, 2015. URL: <http://www.iiss.org/en/Topics/non-proliferation-and-disarmament/south-korea-nuclear-cooperation-deal-not-as-simple-as-123-a371>

¹⁵ Lee Junkyu. US double-dealing attitude and Japan's priveledge. 17.11.2005. URL: <http://Coreafocus.com>.

¹⁶ The Korea Herald. 04.05.2015.

¹⁷ Российская газета. 24.04.2003.

¹⁸ Путин В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27.02.2012.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики. 2016.06.25. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5100>

²⁴ DPRK NDC Issues Statement Refuting UNSC Resolution. KCNA. 24.01.2013.

²⁵ Dalton T., Nandler J. Understanding the Arms «Race» in South Asia / The Carnegie Papers. Nuclear Policy. Sept. 2012.

²⁶ The New York Times. 16.01.2013.

²⁷ Пресс-заявление представителя МИД КНДР, 12 февраля 2013 г. Пресс-релиз Посольства Корейской Народно-Демократической Республики в Российской Федерации. Москва, 12.02.2013.

²⁸ DPRK Rejects UNSC's Act to Violate DPRK's Legitimate Right to Launch Satellite. DPRK Foreign Ministry Statrment. KCNA. 17.04.2012.; DPRK Refutes UNSC's «Resolution» Pulling Up DPRK over Its Satellite Launch. KCNA. 23.01.2013.

²⁹ Выступление и ответы министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам 11-й встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая, Москва, 13.04.2012. URL: <http://www.mid.ru>

³⁰ Выступление и ответы министра иностранных дел России С.В. Лаврова на вопросы СМИ в ходе совместной пресс-конференции по итогам 11-й встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая, Москва, 13.04.2012. URL: <http://www.mid.ru>

³¹ Россия призывает избежать резких шагов при переговорах по ядерной проблеме КНДР. URL: <http://www.rosbalt.ru/main/2012/09/08/1031833.html>

³² Alagappa V. North Korea tests Asian security // The Asia Times. 19.02.2013.

³³ URL: <http://news.kremlin.ru/news/10911>

³⁴ Интервью заместителя министра иностранных дел России И.В.Моргулова агентству «Интерфакс». 02.09.2015. URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/1731468

³⁵ Заявление МИД России в связи с решением о размещении американской системы ПРО в Республике Корея 08.07.2016. URL: http://www.mid.ru/ru/maps/kr/-/asset_publisher/PR7UbfssNImL/content/id/2349040

³⁶ Развертывание системы ТНААД в РК подорвет стратегическое равновесие в регионе — МИД КНР. 08.07.2016. Russian.News.Cn. URL: http://russian.news.cn/2016-07/08/c_135498290.htm

³⁷ Там же.

³⁸ Интервью заместителя министра иностранных дел России И.В. Моргулова агентству «Интерфакс». 02.09.2015. URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/-/asset_publisher/O3publba0Cjv/content/id/1731468.

С.В. Уянаев

ВОСТОЧНОАЗИАТСКАЯ ПОЛИТИКА ИНДИИ: МНОГОСТОРОННИЕ И ДВУСТОРОННИЕ СВЯЗИ КАК МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Регион Восточной (Тихоокеанской) Азии уже не один год является предметом повышенного внимания в индийской внешней политике. Причем на протяжении последних двух-трех десятилетий приоритетность этого направления неуклонно возрастала, более того — обрела структурированность, системность, оформлялась в виде специальных правительственных программ. Этот процесс отражал восходящую динамику вовлеченности страны в дела региона, включал совершенствование механизмов реализации «восточной политики», в которых изначально стали выстраиваться два направления — активное участие в значимых многосторонних структурах (АСЕАН, ВАС, РИК и др.), связанных с Восточной Азией и АТР, а также продвижение здесь тесных связей на двустороннем уровне.

Важно заметить, что к середине 2010-х годов в восточноазиатском курсе страны наступил очередной этап, в котором по многим признакам отчетливо обозначилась тенденция к качественному усилению.

Активизация «восточной формулы»

С приходом в мае 2014 г. к власти в Индии кабинета Нарендры Моди, что означало смену прежнего руководства во главе с партией Индийский национальный конгресс (ИНК) и выдвижение на первые роли лидеров Бхаратия джаната парти (БДП), во внешней политике страны произошли определенные, естественные в таких случаях перемены.

Были сделаны новые уточнения, расставлены некоторые акценты. Впрочем, новации не отменили, а, пожалуй, лишь усилили базовые направления индийского международного курса, который, по крайней мере, в текущем столетии сфокусирован на стратегической задаче не только сохранения традиционной «стратегической автономии» Индии, но и обретения ею роли самостоятельного и независимого центра регионального и глобального влияния. В том числе, за счет гибкой, многоплановой и диверсифицированной внешней политики¹.

В полной мере это относится и к одному из основных компонентов такого курса — *политике в регионе Восточной Азии и АТР*, которая в качестве самостоятельного структурного направления под названием «**Внимание к Востоку**» (Look East Policy) была принята еще в начале 1990-х годов правительством, руководимым партией ИНК. Характерно, что используя термин «Восток», Дели с самого начала декларировал, что под ним имеется в виду Восточная Азия — прежде всего Юго-Восточная (ЮВА), где четверть века назад стали осуществляться первые активные шаги, а затем и Северо-Восточная Азия (СВА).

Что касается нынешнего правительства Н. Моди, то оно практически сразу выступило, по сути, с новой, модернизированной и более активно звучащей версией формулы «Восточной политики».

Эта версия теперь не просто привлекает «Внимание к Востоку», а прямо призывает «**Действовать на Востоке**» (Act East Policy), иными словами, предусматривает резкую *активизацию «восточного курса»*, что объективно делает его одним из ключевых элементов в нынешней многовекторной международной политике Дели.

Общие цели обновленной «восточной» программы, как они были оценены в политических и экспертных кругах и в самой Индии, и за ее пределами, заключаются в том, чтобы повысить эффективность внешней политики страны в целом. Акценты были сделаны на том, чтобы упорно отстаивать «два ключевых звена», а именно интересы экономики и безопасности, более целенаправленно продвигаться к статусу государства, которое «активно участвует в формировании международного порядка в мире и Азии».

Как, в частности, подчеркивал в этом контексте на страницах The Indian Express известный политолог С.Раджа Мохан, «нужно положить конец проводимой Дели политике оборонительного мультилатерализма, одновременно подтвердив рождение Индии в качестве уверенной в себе региональной державы и крепнущего глобального

актора». Что касается конкретно Восточной Азии, то путь к укреплению индийской роли, по мнению эксперта, лежит здесь, в том числе, через активное участие в решении вопросов безопасности².

«Действовать на Востоке» — форма и наполнение

Уточним, что принятая, как сказано выше, еще в прошлом веке при премьере Нарасимха Рао политика «Внимание к Востоку», начала активно осуществляться при последующих кабинетах, возглавляемых — А.Б. Ваджапай (2003—2005 гг.) и М. Сингхом (2005—2014 гг.).

Именно в этот период стали наиболее активно развиваться различного рода связи с государствами Восточной Азии.

С точки зрения географии, стартовав, повторим, главным образом со стран Юго-Восточной Азии, индийская «восточная политика» затем стала все больше охватывать и страны Северо-Восточной Азии.

Формы и механизмы сотрудничества сразу же стали носить разноплановый характер — развивались как *двусторонние контакты*, так и связи на *многосторонней основе* — со структурами АСЕАН, позднее на площадке форумов Восточноазиатского саммита (ВАС). В последние десять лет вопросы, связанные с обстановкой в регионе, Индия активно обсуждает в рамках структуры трехстороннего взаимодействия «*Россия—Индия—Китай*» (РИК), в ряде других диалоговых форматов.

Изначально базовым направлением кооперации в Восточной Азии индийское руководство объявило в основном *экономическое сотрудничество и интеграцию*,³ к которому подключалась также общая задача «укрепления дружеских связей со странами региона».

Однако, в широких кругах экспертного и политического спектра уже в 1990-е годы не слишком скрывались и интересы, связанные с вопросами обеспечения *политической и оборонной безопасности*. Прежде всего, речь шла о задаче «*сбалансировать*» *растущее влияние КНР*, с которой у Индии исторически сформировался достаточно сложный характер отношений.

Этот целевой компонент — оборона и безопасность — в качестве основного сохранен и, похоже, усилен в новом курсе «Действовать на Востоке». Не зря влиятельная индийская газета The Times of India в момент формирования нового правительства Н.Моди в качестве двух из шести основных ему рекомендаций выдвинула, во-первых, задачу ответа на «вызовы и напряженность», связанные с «ростом и экспансией Китая», а во-вторых — необходимость резко активизировать «как

никогда актуальную для страны политику в Азии (Look East Policy), имея в виду, в частности, связи с Вьетнамом, Индонезией, Сингапуром, Австралией, которые «испытывают схожие озабоченности»⁴.

В рамках нового, «более активного» этапа «восточной политики» выделен еще один целевой элемент. В Дели стали все чаще говорить о задаче «*обеспечить в АТР стабильный морской порядок*».

«Проводившаяся при прежнем правительстве политика «Внимание к Востоку» уже признавала ключевую важность обеспечения безопасности на морях и необходимость развития партнерских связей в Азии. Правительство Н.Моди в рамках курса «Действовать на Востоке» стало следовать этим целям с новым осознанием их неотложного значения», — подчеркивал тот же С. Раджа Мохан в комментарии, размещенном на сайте индийского МИД⁵.

При этом в Индии не скрывают, что побудительным мотивом внимания к «морской проблематике» в немалой степени служит тот же «китайский фактор». А именно — «активность Китая в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях». Не будучи прямо затронутой имеющимися здесь «островными» спорами, Индия, подчеркивают комментаторы, испытывает озабоченности «в связи со своими экономическими интересами в регионе, а также по поводу растущей военно-морской деятельности КНР в Индийском океане». Отстаивать «стабильный морской порядок» Индия намерена, «опираясь на двусторонние связи со странами региона и многосторонние механизмы, в том числе с участием «внерегиональных держав»⁶.

В любом случае можно констатировать, что «восточная политика» Индии, уже начиная со второй половины 2014 г., заметно повысила свою активность. Последовал ряд важных визитов, переговоров с руководителями стран региона. Собственно говоря, в ходе одного из таких событий — визита в августе 2014 г. в Ханой — глава внешнеполитического ведомства в новом индийском кабинете Сушма Сварадж заявив о новом, «более активном этапе, идущем на смену прежнему двадцатилетнему периоду», как раз впервые публично и применил формулу «Действовать на Востоке»⁷.

Индия—АСЕАН: приоритетный механизм

Как отмечалось выше, одной из главных форм реализации «восточной политики» Индии является ее активная, возрастающая роль на многосторонних региональных переговорных площадках. Среди них

особое место традиционно отводится механизмам структур АСЕАН. Согласно и официальной позиции, и мнению экспертов организация имеет «коренное значение» для индийских региональных интересов. «АСЕАН является ядром индийской политики «Действовать на Востоке», стоит в центре нашей мечты о наступлении века Азии», — отмечалось в пресс-релизе МИД Индии, опубликованном в феврале 2015 г.⁸

Связано это не только с тем, что именно АСЕАН стала организацией, связи с которой в ранние 1990-е дали в целом старт интеграции Индии в экономическое и политическое пространство ЮВА и АТР.

Объяснением служит и тот большой объем связей, который был заложен изначально, причем он поддерживается и развивается по сей день. Вступив в диалог с АСЕАН в 1992 г. в качестве «секторального партнера», через четыре года Индия обрела статус уже «полноформатного диалогового партнера АСЕАН».

В 2002 г. диалог Индия—АСЕАН (формат АСЕАН+1) был выведен на уровень саммитов. Заседания 12-го саммита АСЕАН+Индия, проходившего в ноябре 2014 г. в Мьянме в рамках ежегодных мероприятий АСЕАН на высшем уровне (включая партнерский формат АСЕАН+1), стали площадкой, где Дели впервые действовал в условиях декларированного нового этапа своей «восточной политики». Выступая на саммите, Нарендра Моди подчеркнул, что Индия и страны АСЕАН могут стать «действительно крупными партнерами», привлекая внимание к экономическим планам Дели в сфере инвестиций и производства, известным как проект Make in India, который, по его словам, способен «принести выгоду обеим сторонам»⁹.

Как отмечали в связи с проведением саммита авторитетные наблюдатели, тремя целевыми составляющими «индийского участия в диалоге являются интересы торговли, культуры и укрепления разносторонних связей».

Так, ожидается подписание документа о расширении действия соглашения о двусторонней Зоне свободной торговли (ЗСТ) на сферы инвестиций и оказания услуг, что, как планируется, даст импульс и торговле. Ее объем, выросший после подписания в 2009 г. соглашения о ЗСТ по торговле товарами к середине 2010-х годов превысил 80 млрд долл., а еще через пять лет эксперты предполагают его удвоение. Объем двусторонних инвестиций составил в последние годы около 60 млрд долл. — порядка 28 млрд из АСЕАН в Индию и свыше 32 млрд в обратном направлении. В 2015 г. в рамках мероприятий 13-го форума АСЕАН стороны приняли очередной План совместных действий — на 2016—2020 гг.¹⁰

Индия проявляет заинтересованность в продвижении ряда трансграничных проектов, в том числе в области транспортной инфраструктуры. Речь идет о проектах сооружения шоссейных, железнодорожных и морских коммуникаций, которые теснее связали бы северо-восток Индии со странами АСЕАН. В целях стимулирования сотрудничества Дели совершенствует его механизмы. Учреждено представительство Индии при структурах АСЕАН в Джакарте, создан и специальный координационный центр по делам АСЕАН в Дели. Хотя проекты сотрудничества имеют главным образом экономический и гуманитарный характер, ясно, что в конечном счете речь идет об общем укреплении позиций Индии и в ЮВА, а также в восточной части Индийского океана, в том числе в контексте индийско-китайских разногласий и общих задач по обеспечению национальной безопасности.

Индия и Восточноазиатские саммиты

Эта сторона индийских интересов и целевых установок (вопросы безопасности) более отчетливо проявляется на площадке другого многостороннего форума — Восточноазиатского саммита (ВАС), который представляет для Индии еще один важный инструмент осуществления «восточной политики». Согласно официальной позиции индийского МИД, «ВАС ныне превратился в форум стратегического диалога и сотрудничества по представляющим общий интерес вопросам политики, безопасности и экономики, который играет важную роль в формировании региональной архитектуры»¹¹.

Нарендра Моди принял участие в 9-м саммите ВАС (ноябрь 2014 г., Мьянма), провел на его полях несколько важных двусторонних встреч. Лейтмотивом заявлений премьер-министра стал тезис о том, что ВАС является важной площадкой поддержания мира, стабильности и процветания в АТР и в мире. Подчеркнув авторитет этого форума с точки зрения «людского, экономического и военного потенциала государств-участников», Н. Моди призвал к усилению сотрудничества в таких областях, как энергетика, ответы на вызовы катастроф и эпидемий, отдельно выделил вопросы поддержания безопасности.

Индийский руководитель отметил актуальность борьбы против терроризма, выступил в поддержку принятого на саммите заявления по проблеме Исламского государства, заявив при этом об отсутствии причинно-следственных «связей между религией и терроризмом».

Другим важным измерением безопасности Н. Моди назвал космическую и кибербезопасность, подчеркнув, что обе сферы должны стать областями укрепления международных взаимосвязей, а не «новых угроз и конфликтов». Кроме того, было обращено внимание на необходимость для всех стран следовать нормам международного права, в том числе в сфере обеспечения свобод мореплавания и морской безопасности¹².

В Индии придают также немалое значение участию в таких многосторонних структурах, как Региональный форум АСЕАН (ARF) и расширенный форум министров обороны стран АСЕАН с партнерами (ADMM+).

Первый из этих форматов в Дели рассматривают в качестве «обшекоординирующего органа» (пусть и с «декларативным, в основном, характером работы»); второй — как механизм продвижения к строительству «системы региональных мер доверия»¹³.

В последнее время политики и эксперты все чаще говорят о подключении Индии к одной из наиболее представительных региональных площадок — АТЭС. АТЭС остается пока единственной из значимых региональных структур, где Индия до сей поры не принимает участия. Знак, что эта ситуация может измениться — упоминание в ряде последних многосторонних и двусторонних документов о «приветствии» возможного участия Индии в АТЭС. В частности, такой пункт содержался, например, в коммюнике 13-й трехсторонней встречи министров иностранных дел РФ, КНР и Индии (РИК), прошедшей в феврале 2015 г. в Пекине¹⁴.

РИК как перспективный механизм региональной политики

Формат «Россия—Индия—Китай» (Дели — его активный участник), как упоминалось выше, также заслуживает внимания в контексте индийской вовлеченности в дела Восточной Азии и АТР.

Дело в том, что ставшая в новом веке заметным явлением мировой политики, структура РИК в своей региональной повестке уделяет АТР немалое место. Порой это место выглядит не столь рельефно на фоне, к примеру, положения в Центральной и Южной Азии и Афганистане (предмет особо частого упоминания в РИК), однако является весьма важным по значению.

Не случайно на отмеченной встрече трех министров в Пекине стороны договорились «как можно скорее сформировать механизм

консультаций между Китаем, Россией и Индией по Азиатско-Тихоокеанскому региону». ¹⁵

Взаимодействие в РИК на уровне официальных государственных структур, стартовав в сентябре 2002 г. первой встречей министров иностранных дел РФ, Индии и Китая, сегодня осуществляется по нескольким линиям. Создана и регулярно действует структура диалога по линии МИД: в апреле 2016 г. в Москве прошла уже 14-я встреча трех министров, еще в 2008 г. был запущен механизм встреч руководителей региональных департаментов.

На этом же уровне (глав департаментов) в 2008 г. была начата работа отраслевых переговорных площадок — по сельскому хозяйству, здравоохранению и чрезвычайным ситуациям. Годом раньше в Индии под эгидой торговых палат прошел первый форум представителей деловых кругов трех стран.

Уже 14 трехсторонних встреч провели и ученые-политологи. Еще в 2001 г. они впервые собрались в Москве на свою первую академическую конференцию, по сути, запустив по так называемой «второй дорожке» весь, собственно, процесс трехстороннего диалога. Тем самым был сделан серьезный вклад в последовавший вскоре выход РИК на официальный уровень. А переговорной вершиной стал саммит РИК на полях «Большой восьмерки», прошедший в Санкт-Петербурге в 2006 г.

Основной политической целью взаимодействия в РИК, согласно принятым «тройкой» документам, служит «усиление воздействия на процесс демократизации международных отношений, формирование многополярного миропорядка, воплощающего культурно-цивилизационное многообразие мира».

Это общее положение полностью касается и согласованных *региональных подходов*, в том числе к ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе, где три страны выступают за коллективный способ ведения дел, соблюдение норм международного права и недопущение односторонних действий, за мирные, диалоговые формы решения спорных вопросов.

В этом смысле роль формата РИК, пусть пока слабо реализованная в практической политике, весьма велика с точки зрения потенциального активного участия в формировании в АТР своего рода базового «кодекса международного общения».

Еще в мае 2008 г. в Екатеринбурге главы трех дипломатических ведомств, рассмотрев обстановку в АТР, выделили такие идеи для региона, как мир и устойчивое развитие, многосторонность и равная

безопасности, взаимное доверие, взаимный учет интересов других сторон, равенство, открытый регионализм, сотрудничества на взаимовыгодной и недискриминационной основе. В АТР и Восточной Азии, где актуальным являются поэтапное (и весьма непростое) продвижение к созданию системы региональной безопасности, такой кодекс в виде приведенных рамочных принципов может быть не только востребован, но и послужить прочной основой последующих действий на платформе универсального регионального форума (например, ВАС).

Восточноазиатское измерение РИК актуально еще как минимум в двух аспектах. Во-первых, в системе РИК формируется позиция трех стран по важнейшей ядерной проблеме Корейского полуострова, где все три стороны согласованно выступают за безъядерный статус Кореи и мирный диалог двух корейских государств. Второй аспект связан как раз с ролью и местом Индии, которая (об этом еще будет сказано ниже) в последние годы стала объектом активной политики США, стремящихся «привязать» Дели к целям своей стратегии «возвращения в АТР». В этом смысле РИК — актуальная площадка противодействия таким планам, создающим напряженность в регионе, в том числе — мешающим развитию китайско-индийских отношений.

Несомненно, что с созданием в системе РИК специального консультационного механизма по АТР, о чем, повторим, шла речь на 13-м заседании глав трех МИД, все перечисленные аспекты сотрудничества получают новый импульс.

Индия деятельно выступает за последовательное развитие РИК. Как отмечал еще несколько лет назад премьер министр Индии (М. Сингх), трехсторонний формат заслуживает всяческого приветствия как с точки зрения перспектив экономического сотрудничества, так и в контексте естественного стремления «крупнейших стран АТР к углублению взаимодействия друг с другом»¹⁶.

Министр иностранных дел Индии в кабинете М.Сингха Салман Хуршид, принимая в ноябре 2012 г. участников 12-й академической конференции РИК, назвал трехсторонний формат важной площадкой сотрудничества «в интересах перестройки мира на справедливых началах и ради будущих поколений»¹⁷.

Активную позицию в отношении формата РИК занимает и вступившая в 2014 г. в должность главы МИД Индии Сушма Сварадж. Встречаясь с российским и китайским коллегами в феврале 2015 г. в Пекине, она, в частности, акцентировала внимание на «необходимости совместной борьбы против терроризма»¹⁸.

Двусторонний уровень

Двусторонние связи Индии со странами региона продолжают оставаться (наряду с многосторонними структурами в Восточной Азии и в целом в АТР) вторым опорным звеном «восточной политики» страны, часто составляя столь же важный, как минимум, ее механизм.

Согласно сегодняшним аналитическим выкладкам ведущих индийских экспертов, нынешняя динамика событий в АТР (где происходят «исторические перемены в балансе сил», а общая ситуация испытывает в этой связи «многие неопределенности») делает Индию важным региональным игроком, «роль которого оказывается весьма востребованной, в частности в деле обеспечения региональной безопасности». При этом эксперты указывают на произошедшее в последнее время «углубление оборонного сотрудничества Индии с Японией, США, Австралией, Вьетнамом», на задачу развития такого же сотрудничества с Филиппинами и рядом других стран¹⁹.

Характерно, что при этом аналитики делают показательную оговорку, уточняя, что Индия «вовсе не стремится примкнуть к одной из держав в ее противостоянии с другой», а лишь ставит целью «развитие отношений со всеми странами», выступает за укрепление региональных институтов и поддержание баланса сил в Азии и в ее морских акваториях²⁰.

Иными словами, повторим, что развитие двусторонних связей Дели выделяет в качестве одной из основных задач (и, одновременно, механизмов) по реализации своей региональной политики. В ней, как понятно, несмотря на «диверсифицированный подход», присутствуют, безусловно, и свои приоритеты.

Показательным будет беглый аналитический обзор основных событий и тенденций «двустороннего уровня», имевших место, по меньшей мере, за год (с лета 2014 г.) осуществления политики «Действовать на Востоке». Прежде всего, заслуживают внимания обмены на высшем уровне, связи между ведомствами по обороне и безопасности, а также отношения в сфере торговли (табл. 1).

1. Индия и страны Юго-Восточной Азии

Вьетнам. Вьетнам, по мнению многих наблюдателей, является для Индии «стратегически наиболее важным партнером в ЮВА»²¹. Причинами при этом называются совпадающие позиции по теме «китайского фактора», а также географическое положение Вьетнама — в центре Индокитайского полуострова и вблизи от стратегически важных проливов.

Таблица 1. Торговля Индии с 15 ведущими партнерами в АТР в 2014—2015 финансовом году, млн долл.

Место*	Страна	Экспорт	Импорт	Общий объем	Сальдо
1/1	КНР	11 934,25	60 413,17	72 347,42	−48 478,91
2/2	США	42 448,66	21 814,60	64 263,26	20 634,05
3/7	Сянган (Гонконг)	13 599,88	5571,99	19 171,87	8027,89
4/8	Индонезия	4043,32	15 004,64	19 047,96	−10 961,32
5/9	Р. Корея	4602,95	13 529,11	18 132,06	−8926,16
6/10	Малайзия	5816,55	11 117,74	16 934,29	−5301,19
7/11	Сингапур	9809,36	7124,47	16 933,83	2684,89
8/15	Япония	5385,57	10 131,36	15 516,93	−4745,79
9/20	Австралия	2782,13	10 247,24	13 029,38	−7465,11
10/26	Таиланд	3464,83	5865,88	9330,71	−2401,05
11/28	Вьетнам	6257,88	3003,35	9261,23	3254,53
12/33	Россия	2097,01	4249,22	6346,23	−2152,21
13/35	Тайвань	2178,70	4028,65	6207,35	−1849,94
14/53	Мьянма	773,24	1231,54	2004,78	−458,30
15/56	Филиппины	1395,58	423,04	1818,62	972,54
	Итого:	310 338,47	447 964,38	758 301,08	−137 625,92

Источник: Department of Commerce. Export Import Data Bank Version 7.2. 13.09.2015 — сайт Министерства коммерции Индии. URL: <http://commerce.nic.in/eidb/iecnttopn.asp>

* Через дефис — место в общем перечне внешнеторговых партнеров Индии.

14 сентября 2014 г. состоялся визит президента Индии в Ханой и Хошимин, а месяцем позже с государственным визитом в Индии находился тогда премьер-министр Вьетнама Нгуен Тан Зунг. В общей сложности стороны подписали полтора десятка документов в торговой, банковской, гуманитарной и других сферах.

Высокий общий фон отношений несколько контрастирует с относительно невысоким торговым оборотом — в 2014 г. 8 млрд долл. с задачей выйти на 15 млрд к 2020 г.²² Это, однако, по-своему «компенсируется» продвижением в других областях, прежде всего в сфере обороны.

В январе 2015 г. прошел 9-й двусторонний Диалог по оборонным вопросам. Индийские военные продолжают оказывать содействие вьетнамским коллегам в деле повышения общей обороноспособности, в том числе по линии ВМФ. Отряды индийских военных кораблей в августе — октябре 2014 г. побывали в Хайфоне и Дананге. Тесное двустороннее сотрудничество осуществляется в министерском «оборонном» региональном формате встреч министров обороны АСЕАН с партнерами по диалогу (ADMM+).

Сингапур. Продолжают развиваться традиционно тесные, охватывающие широкий круг областей, связи Индии и Сингапура. Вскоре после вступления в должность Н. Моди в Дели (первым из всех коллег среди стран АСЕАН) прибыл министр иностранных дел Сингапура. Была согласована годичная программа обмена на межгосударственном уровне, которая включила переговоры и встречи по линии МИД, различных министерств, включая оборонное ведомство, министерство финансов, торговли и т. п. Глава МИД Индии С. Сварадж побывала затем с ответным визитом в Сингапуре²³.

Первая личная встреча Н. Моди с сингапурским коллегой произошла на полях саммита ВАС в ноябре 2014 г. В феврале 2015 г. в Дели с официальным визитом побывал Президент Сингапура, принявший участие в мероприятиях по случаю 50-летнего юбилея двусторонних дипломатических отношений.

Объем торговых отношений составляет порядка 20 млрд долл. (максимум отмечен в 2011 г. — 25 млрд). Сингапур — один из крупнейших региональных инвесторов в индийскую экономику (29,19 млрд долл. с 2000 по 2014 г.).

Индонезия. Связи с Индонезией концентрируются в основном в торгово-экономической сфере. На полях саммита ВАС в Мьянме (ноябрь 2014 г.) прошла встреча Н.Моди с премьер-министром Индонезии. Ведется диалог на уровне ответственных работников МИД (очередной раунд прошел, в частности, в декабре 2014 г.). Индонезия — второй торговый партнер Индии в АСЕАН — 20 млрд долл. в 2014 г.²⁴

Малайзия. Заметны связи Индии с Малайзией. Малайзия — один из наиболее крупных партнеров в оборонной сфере. Здесь налажен механизм разветвленного диалога и обменов. Ежегодно проходят совместные военные учения, пилоты-инструкторы индийских ВВС принимают активное участие в обучении малайзийских коллег, в частности — управлению российскими истребителями «Сухой». В августе 2014 г. с очередным визитом доброй воли в Малайзии находился отряд индийских военных моряков.

Двусторонний товарооборот (почти 17 млрд долл. товарооборота по итогам принятого в Индии 2014/2015 финансового года) также находится на весьма высоком для торговли Индии со странами АСЕАН уровне с заметным, к слову, перекосом в пользу Малайзии²⁵.

Филиппины. Откровенно низкий уровень торговых отношений между Индией и Филиппинами (1,8 млрд долл. в 2014 г.), не мешает странам поддерживать тесный уровень взаимодействия в других важных областях, особенно по международной повестке.

Так же как в случае с Вьетнамом и рядом других стран региона, общность позиции диктуется стремлением «сбалансировать Китай». Не случайно помимо насыщенной кооперации по линии МИД, где налажен регулярный диалог по вопросам безопасности, стороны развивают сотрудничество в военной сфере. В практику прочно входят регулярные визиты индийских военных кораблей (в том числе в сентябре 2014 г.), совместные тренировки, учебные обмены, обмены информацией²⁶.

Таиланд. Платформа регулярного диалога по вопросам безопасности сформирована и между Индией и Таиландом. Его очередной, третий раунд прошел в мае 2014 г. Развитые отношения в сфере обороны и безопасности соседствуют с достаточно успешными (в отличие от индийско-филиппинской ситуации) торговыми отношениями — порядка 9 млрд долл.²⁷

Мьянма. Весьма разнообразны по числу охватываемых сфер отношения с Мьянмой. Здесь также ведется экономический диалог, заметно развиваются связи в оборонной сфере. Свидетельством внимания к отношениям с Мьянмой стал визит Н.Моди, совершенный в ходе одной из первых его зарубежных поездок в качестве главы правительства²⁸. В столице Мьянмы в августе 2014 г. побывала и новый министр иностранных дел Индии Сушма Сварадж²⁹.

Лаос. Объем связей с Лаосом сравнительно невелик. Однако они носят характер весьма важных и специфических, имея, в том числе, «оборонное» наполнение. Индия неоднократно оказывала Лаосу помощь в поставках отдельных видов военного снаряжения, оборудования, проводила совместные тренировки³⁰.

Камбоджа. Относительно мал и объем связей с Камбоджей (в том числе торговых — 153 млн долл. в 2014 г., в основном это индийский экспорт). В последнее время продвигаются проекты по инвестированию частными индийскими компаниями строительства предприятий в Камбодже.

Одновременно поддерживаются определенные связи в оборонной области: совершаются визиты индийских военных кораблей, в том числе привозящих в дар камбоджийским коллегам то или иное оборудование. В августе 2014 г. прошли совместные тренировки в рамках программы ООН по подготовке миротворческих операций³¹.

* * *

Отношения Индии со странами ЮВА на их двустороннем уровне достаточно точно отражают главные цели Индии в регионе, являющиеся симбиозом экономических интересов с соображениями безопасности и обороны.

Характерно, что даже при скромном в ряде случаев уровне (Филиппины, государства Индокитая) взаимной торговли, практически со всеми странами ЮВА налажен структурированный диалог в области безопасности и обороны. Наиболее интенсивно он ведется с Вьетнамом, Филиппинами — странами, имеющими сложные отношения с Китаем.

Наиболее сбалансированными, с точки зрения многопрофильности и отсутствия видимых дисбалансов, являются отношения с Сингапуром, отчасти — с Малайзией. Высокий уровень торговых отношений характерен для связей с Индонезией.

В целом двусторонний диалог со странами ЮВА, получивший новый импульс в рамках политики «Действия на Востоке», Дели стремится поддерживать на высоком уровне, ставя задачу подкрепить свои интересы в АТР с его «южного фланга».

2. Страны Северо-Восточной Азии

Страны СВА, как отмечалось, в рамках начатой еще в 1990-е годы «восточной политики» вначале числились в ее своеобразном «втором эшелоне». Однако это вовсе не означало их меньшей (в сравнении с ЮВА) значимости для индийской политики, а лишь отражало ее поэтапный характер, который запланированно предусматривал активизацию связей с СВА чуть позднее — на рубеже столетий.

Системная значимость для Индии отношений со странами СВА полностью отражена и в разворачивающейся политике «Действия на Востоке».

Япония. Не будет преувеличением сказать, что узловую роль в стремлении обеспечить для себя приемлемый баланс сил в Тихоокеанской Азии (с учетом, прежде всего, «китайского фактора») Индия отводит отношениям с Японией. Не случайно одним из «главных

приоритетов» региональной политики Н.Моди, об этом прямо говорят в Дели, стали отношения именно с Токио.

Япония явилась одним из первых пунктов в зарубежных маршрутах нового индийского премьера, когда в конце августа — начале сентября 2014 г. он стал гостем японского коллеги С.Абэ в рамках 9-й ежегодной встречи на уровне глав правительств двух стран³². Переговоры были ознаменованы важным решением: статус отношений был повышен до уровня стратегических. Япония обещала предоставить до 50 млрд инвестиций в индийскую экономику в течение 5 лет. Стороны стремятся поднять относительно невысокий уровень двусторонней торговли. Ее пик пришелся на 2013 г. — 18,5 млрд долл.

В отношениях с Токио Дели пытается нащупать «золотую середину». Развивая различные связи, в том числе в военной сфере, участвуя в совместных маневрах, Дели, тем не менее, стремится не переходить некую «красную линию», которая вызвала бы откровенное недовольство Пекина.

В любом случае несомненно, что политика гибкого маневрирования в треугольнике «Пекин—Токио—Дели» будет оставаться для Индии одним из важных инструментов в решении задачи «сбалансировать» Китай.

КНР. Собственно китайская политика Дели несет явный отпечаток симбиоза отношений сотрудничества и соперничества, который характерен для связей двух стран в последние 10—15 лет.

Стороны, далеко не изжившие реликты недоверия, коренящиеся в истории вооруженного противостояния 1960-х годов, стремятся, с одной стороны, развивать конструктивный многопрофильный диалог, причем в последние годы добились на этом пути немалых успехов. Достаточно упомянуть торговлю, возросшую с начала столетия с 2,9 до 70 млрд долл. С другой — отношениям мешает не только груз прошлого, в том числе нерешенный пограничный вопрос, но и стратегическая конкуренция, подспудное региональное соперничество, по-своему неизбежное в ходе наблюдаемого в последние два десятилетия параллельного подъема двух стран.

Правительство Н. Моди приняло у предшественников эстафету этого в целом поступательного развития отношений с Пекином. Китай, в свою очередь, продемонстрировал встречный интерес. В сентябре 2014 г. с официальным визитом в Дели находился Председатель КНР — явление достаточно редкое даже для нынешнего восходящего этапа отношений (предыдущий подобный визит первого лица КНР имел место в 2006 г.).

Н. Моди и Си Цзиньпин подписали 16 соглашений в области торговли, транспорта, инвестиций, фармацевтики, культуры и др. КНР обещала вложить в индийскую экономику порядка 20 млрд долл. в течение ближайших пяти лет³³.

Уже через 8 месяцев в Пекине побывал с официальным визитом Н.Моди. Было подписано свыше 25 документов о сотрудничестве в торгово-экономической и других областях ориентировочно на 32 млрд долл.³⁴ Диалог ведется также в сферах обороны, безопасности, борьбы с терроризмом. Стороны, как и раньше, заявляют о намерении не допустить, чтобы «еще не решенные вопросы препятствовали широкому сотрудничеству».

Это непростая задача, поскольку в перечень проблем, помимо перечисленных, входит ряд других. Это — «тибетская проблема», торговые трения (крупный дефицит со стороны Индии), взаимная подозрительность по поводу связей друг друга с третьими странами: Пекин озабочен сближением Дели с Вашингтоном и Токио, Дели — «всепогодными отношениями» Пекина с Исламабадом и китайской активностью в государствах Индийского океана. Имеют место споры по поводу раздела вод приграничных рек и т. п.

При этом, повторим, стороны воздерживаются от сколько-нибудь опасных обострений, прагматично пытаются обеспечить свои не всегда совпадающие интересы методами дипломатии и диалога.

Республика Корея. Позитивный тренд отличает отношения Индии с Южной Кореей, причем поддерживать его правительство Н.Моди, похоже, будет продолжать весьма активно. Продвигается разветвленный диалог в различных сферах — от экономики до вопросов безопасности и обороны.

Вступив в должность, визит в РК нанесла новый глава МИД С. Сварадж. В декабре 2014 г. в Сеуле побывала делегация индийского военного ведомства.

А в мае 2015 г. в столице РК с официальным визитом побывал уже Н. Моди, в результате чего отношения двух стран обрели статус «специальных стратегических»³⁵.

Монголия. Вряд ли вне поля зрения Дели будет оставаться и Монголия, с которой, в частности, налажен оборонный диалог, проводятся регулярные совместные учения.

Серьезным толчком обещают стать договоренности, достигнутые в ходе визита в Улан-Батор в мае 2015 г. премьера Н. Моди³⁶. Основные параметры перспективного сотрудничества были отражены в Совместном заявлении о развитии стратегического партнерства.

КНДР. Связи Индии с КНДР в сравнении с другими странами региона не слишком заметны. Товарооборот поддерживается на уровне 130 млн долл.³⁷ При этом также развивается культурно-гуманитарный диалог, реализуются программы индийской помощи.

Заслуживает внимания, что связи со странами Восточной Азии Индия стремится подкрепить и с «океанского фланга». В ноябре 2014 г. состоялся визит Н. Моди в **Австралию**. Между двумя странами развивается экономическое сотрудничество (товарооборот составляет порядка 14 млрд долл. в год). Поддерживается диалог в сфере обороны и безопасности, строящийся на базе соответствующих меморандумов и соглашений. Летом 2013 г. в Австралии впервые побывал министр обороны Индии³⁸.

После посещения Австралии Н. Моди нанес также визит в государство **Фиджи**, где, помимо переговоров с руководством этой островной страны, принял участие в Форуме 14-ти островных государств Тихого океана³⁹.

Факторы США и России

Картину двусторонних связей со странами Восточной Азии вряд ли можно считать завершенной без хотя бы краткого упоминания **американского**, а также **российского** факторов.

США, как держава АТР, несомненно оказывает большое влияние на формирование обстановки в западной части Тихого Океана. Соответственно, в известном (причем немало) смысле свое восточноазиатское измерение имеют индийско-американские отношения.

По аналогии с отношениями между Дели и Токио, в них достаточно ясно просматривается «китайский импульс». Причем со стороны США этот импульс выглядит заметно очевидней. Именно повышенная обеспокоенность США ростом мощи КНР (ставшим уже очевидным к началу текущего столетия) «удивительным» образом совпала по времени со стартом активной «индийской политики» Вашингтона, начатой как раз в ранние 2000-е годы. Практически все наблюдатели усмотрели в этом прежде всего желание США «сдержать» КНР».

Дели, безусловно, отдает себе отчет в планах США «пристегнуть» Индию к антикитайской политике, стремится использовать эту свою «нужность» в собственных, индийских интересах. Но, как и в случае с Японией, Дели принципиально избегает откровенно недружественных по отношению к Пекину шагов.

В любом случае, курс Н. Моди «Действовать на Востоке» не может не учитывать фактора американского влияния в регионе. Дели будет, похоже, пытаться и дальше гибко маневрировать (опять же, схожим с «японским сценарием» образом) в треугольнике США—КНР—Индия. Итоги визитов в Индию госсекретаря США Дж. Керри (лето 2014 г.),⁴⁰ а также президента Б. Обамы (январь 2015 г.) в достаточной степени подтвердили такую тенденцию⁴¹.

«Российский фактор» влияния на «восточную политику» Индии находит проявление, прежде всего, в работе формата РИК, который, как было описано выше, вносит свою лепту в формирование обстановки в АТР и Восточной Азии. Влияние России (и формата РИК) нацелено на ослабление китайско-индийских трений, снижение риска излишнего крена Индии в сторону США. Дели, похоже, понимает это и активно сотрудничает в данном формате.

Кроме того, с РФ продолжается развитие связей на двустороннем уровне, которые имеют статус отношений «привилегированного стратегического партнерства». Двусторонние отношения характеризуются, в том числе, и региональным измерением. Это в очередной раз подтвердили, в частности, итоги российско-индийских саммитов (переговоры В.В. Путина с Н. Моди в декабре 2014 г. и через год в Москве), где затрагивались проблематика ВАС, вопросы продвижения в АТР архитектуры региональной безопасности, тема энергетической безопасности в регионе⁴².

По мнению ведущих индийских аналитиков, продвижение двусторонних отношений с державами региона будет являться «ключевым направлением современной политики Дели» в АТР.

Основными «опорными точками» этого курса (об этом частично говорилось выше) будут: отношения с США; «нуждающиеся в дальнейшем усилении связи со стратегическим союзником — Японией»; отношения с Австралией, странами АСЕАН, в частности «Вьетнамом, Филиппинами».

Индия, как следует из подобного рода аналитических материалов, будет «стремиться к многополярности в АТР, прилагая к этому растущие усилия»⁴³.

* * *

Возросшее внимание к Восточной Азии и АТР, проявляемое как официальным Дели, так и экспертным сообществом страны, *говорит о перспективе усиления вовлеченности Индии в дела региона.*

Проводя политику «Действовать на Востоке» и активизируя свой курс как в многостороннем, так и двустороннем форматах, Дели стремится обеспечить здесь в равной мере как экономические интересы, так и интересы укрепления безопасности.

Индийская роль, в большинстве случаев воспринимается в регионе без отторжения, более того, часто приветствуется, рассматривается как полезный элемент формирования разумного баланса сил. Показательно, что даже в Пекине «балансирующая международная роль» Индии встречается, по меньшей мере, «общее» одобрение⁴⁴.

Подходы к проблематике безопасности в Азии и АТР, нахождение консенсуса по этим вопросам представляет важность и для российско-индийского взаимодействия.

Примечания

¹ Если в условиях биполярной системы смысл «автономии» практически совпадал с известными принципами «неприсоединения» (не вступления в противоборствующие блоки), то ныне это понятие совершенствуется, эволюционирует. При новом понимании автономия достигается за счет подчеркнуто диверсифицированной политики гибкого маневрирования, когда активный уровень связей поддерживается с широким спектром стран, в том числе находящихся в непростых отношениях друг с другом (например, с США, Японией, с одной стороны, и КНР, Россией — с другой). Напротив, перекося в сторону активного одностороннего сближения, прежде всего с Вашингтоном, индийские эксперты называют как раз «отказом от стратегической автономии», ее утратой. См., например: URL: <http://indianexpress.com/article/opinion/columns/end-of-strategic-autonomy/2/> (18.11.2014); URL: <http://thediplomat.com/2012/06/indias-misguided-autonomy/> (25.06.2012); URL: https://muse.jhu.edu/login?auth=0&type=summary&url=/journals/asia_policy/v015/15.mohan.htm (15.01.2013); URL: http://erazvitie.org/article/koleso_sansary_sposobna_li_indija (13.05.2015); URL: <http://www.thehindu.com/news/national/india-needs-nonalignment-20-new-policy-report-says/article2943359.ece> (29.02.2012).

² See more at: URL: <http://indianexpress.com/article/opinion/columns/summary-and-substance/99/#sthash.aQ0E6ByU.dpuf> (11.11.2014).

³ К 2015 г. на страны Восточной Азии приходилось около 30 % индийского товарооборота (порядка 75 млрд долл. с АСЕАН и 130 млрд — со странами СВА, при общем объеме индийской внешней торговли около 750 млрд долл.) — подсчеты автора по : Department of Commerce. Export Import Data Bank Version 7.2. 13.09.2015 — сайт Министерства коммерции Индии. URL: <http://commerce.nic.in/eidb/iecnttopn.asp>

⁴ URL: <http://timesofindia.indiatimes.com/news/6-top-priorities-for-the-ministry-of-external-affairs/articleshow/35615678.cms> (26.05.2014).

⁵ *C. Raja Mohan*. From Looking East to Acting East. January 29, 2015. URL: <https://www.indianembassy.se/mynews.php?eid=215>

⁶ *Jagannath P. Panda*. India's Security Outlook and Views on Multilateral Cooperation: The Emerging Asia-Pacific Theater. URL: <http://www.nids.go.jp/english/event/symposium/pdf/2013/E-04.pdf>

⁷ Sushma Swaraj tells Indian envoys to Act East and not just Look East. URL: http://articles.economictimes.indiatimes.com/2014-08-26/news/53243802_1_india-and-asean-countries-east-asia-strategically-important-region

⁸ URL: <http://www.mea.gov.in/aseanindia/press-releases.htm?dtl/22575/India+and+ASEAN+to+work+together+to+realize+potentials+in+Agri+and+Food+Sector> (12.02.2015).

⁹ Remarks by the Prime Minister at 12th India-ASEAN Summit, Nay Pyi Taw, Myanmar URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?24236/Remarks+by+the+Prime+Minister+at+12th+IndiaASEAN+Summit+Nay+Pyi+Taw+Myanmar> (12.11.2014).

¹⁰ By Manish Chand Act East: India's ASEAN Journey URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?24216/Act+East+Indias+ASEAN+Journey> (November 10, 2014); «Plan of action to implement the ASEAN-India partnership for peace, progress and shared prosperity (2016—2020)». URL: http://asean.org/wp-content/uploads/images/2015/August/POA_India/ASEAN-India%20POA%20-%20FINAL.pdf

¹¹ URL: <http://www.mea.gov.in/aseanindia/about-eas.htm> (12.02.2016).

¹² Prime Minister's remarks at the 9th East Asia Summit, Nay Pyi Taw, Myanmar. November 13, 2014. URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?24238/Prime+Ministers+remarks+at+the+9th+East+Asia+Summit+Nay+Pyi+Taw+Myanmar>

¹³ *Jagannath P. Panda*. India's Security Outlook and Views on Multilateral Cooperation: The Emerging Asia-Pacific Theater. URL: <http://www.nids.go.jp/english/event/symposium/pdf/2013/E-04.pdf>

¹⁴ URL: <http://ruchina.org/china-article/china/620.html> (03.02. 2015).

¹⁵ Там же, а также URL: http://russian.news.cn/china/2015-02/03/c_133965678.htm

¹⁶ *М.Сингх*. Индия хотела бы стать ассоциированным членом ШОС. URL: <http://www.rncenter.kz/info/456.php> (23.01.2007).

¹⁷ *Уянаев С.В.* Россия—Индия—Китай: 12-я трехсторонняя конференция ученых // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 24.; External Affairs Minister Shri Salman Khurshid with the delegation during Indo-Russia-China

Dialogue. URL: http://www.mea.gov.in/photo-gallery.htm?Album_768/External+Affairs+Minister+Shri+Salman+Khurshid+with+the+delegation+during+IndoRussiaChina+Dialogue (23.11.2012).

¹⁸ URL: [http://www.mea.gov.in/visit-info.htm?Album_28/Visit+of+External+Affairs+Minister+to+China+February+0103+2015#prettyPhoto\[mixed\]/3/](http://www.mea.gov.in/visit-info.htm?Album_28/Visit+of+External+Affairs+Minister+to+China+February+0103+2015#prettyPhoto[mixed]/3/)

¹⁹ C. Raja Mohan. From Looking East to Acting East. January 29, 2015. URL: <https://www.indianembassy.se/mynews.php?eid=215>

²⁰ Там же.

²¹ India's new Asia-Pacific strategy: Modi acts East. URL: <http://www.lowyintitute.org/files/indias-new-asia-pacific-strategy-modi-acts-east.pdf> India's new Asia-Pacific strategy: acts East (18.12.2014).

²² Здесь и далее по разделу (где нет специальных ссылок) — данные сайта МИД Индии «Briefs on India's Bilateral Relations» (2014—2015 гг.). URL: <http://www.mea.gov.in/foreign-relations.htm>

²³ URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-info.htm?2/710/Visit+of+External+Affairs+Minister+to+Singapore+August+1517+2014>

²⁴ URL: <http://commerce.nic.in/eidb/iecnt.asp> (27.07.2015) (финансовый год в Индии исчисляется с 1 апреля текущего года до конца марта следующего).

²⁵ URL: <http://commerce.nic.in/eidb/iecnt.asp> (12.09.2015).

²⁶ «*India — Philippines Relations*» (PDF). Ministry of External Affairs, Government of India. 2 December 2012. Retrieved 3 November 2015. URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Philippines_-_December_2012-2.pdf

²⁷ URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Thailand_11_01_2016.pdf

²⁸ URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Foreign_policy_of_Narendra_Modi (25.12.2015).

²⁹ URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-info.htm?2/709/Visit+of+External+Affairs+Minister+to+Nay+Pyi+Taw+Myanmar> (07.08.2014).

³⁰ URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Lao_PDR_09_02_2016.

³¹ URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Cambodia_13_01_2016.pdf

³² URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-info.htm?2/711/Visit+of+Prime+Minister+to+Japan+August+30+September+3+2014>

³³ URL: <http://www.mea.gov.in/incoming-visit-info.htm?1/719/State+Visit+of+President+of+the+Peoples+Republic+of+China+September+1719+2014>

³⁴ URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-info.htm?2/772/Visit+of+Prime+Minister+to+China+May+1416+2015>

³⁵ URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-info.htm?2/772/Visit+of+Prime+Minister+to+China+May+1416+2015>

³⁶ URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-info.htm?2/773/Visit+of+Prime+Minister+to+Mongolia+May+1718+2015>

³⁷ URL: http://www.mea.gov.in/Portal/ForeignRelation/Korea_DPR_Feb_2016.pdf

³⁸ Prime Minister's visit to Australia (November 14-18, 2014). URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-info.htm?2/732/Prime+Ministers+visit+to+Australia+November+1418+2014>

³⁹ Prime Minister's remarks at Pacific Island Leaders Meeting (November 19, 2014). URL: <http://www.mea.gov.in/outgoing-visit-detail.htm?24279/Prime+Ministers+remarks+at+Pacific+Island+Leaders+Meeting+November+19+2014>

⁴⁰ URL: <http://www.mea.gov.in/incoming-visit-info.htm?1/707/Visit+of+US+Secretary+of+State+to+India+July+30++August+1+2014>

⁴¹ URL: <http://www.mea.gov.in/incoming-visit-info.htm?1/747/Visit+of+President+of+United+States+of+America+to+India+January+2527+2015>

⁴² URL: <http://www.mea.gov.in/incoming-visit-info.htm?1/736/Official+Visit+of+the+President+of+the+Russian+Federation+to+India+December+1011+2014>

⁴³ Jagannath P. Panda. India's Security Outlook and Views on Multilateral Cooperation: The Emerging Asia-Pacific Theater. URL: <http://www.nids.go.jp/english/event/symposium/pdf/2013/E-04.pdf>

⁴⁴ Официоз КНР «Жэньминь жибао» поместил в феврале 2015 г. комментарий «Дипломатическое балансирование Индии способствует миру во всем мире». URL: <http://russian.people.com.cn/n/2015/0203/c95181-8845424.html>

Раздел третий

КОМПЛЕКС ПРОТИВОРЕЧИЙ

В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Нгуен Суан Кыонг

КИТАЙСКАЯ «ДИПЛОМАТИЯ ДОБРОСОСЕДСТВА»

И ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА БЕЗОПАСНОСТЬ

ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Вступление

В последние годы международное положение, главным образом в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), важной составной частью которого является Восточная Азия, претерпело множество быстрых и сложных перемен¹. Большинство стран избрали новую геополитическую стратегию с АТР в качестве ее центра. Эти изменения выражаются в следующем.

1. Китай мощно «поднимается»; Япония осуществляет стратегическую перестройку национальной обороны и безопасности.

2. США активно проводят политику «поворота, или перебалансировки в Азии» и достигли в этом определенных успехов.

3. Россия и Индия разработали свою собственную «восточную политику».

4. Страны Восточной Азии укрепляют безопасность и суверенитет перед лицом неумеренных геополитических территориальных претензий со стороны одной из соседних стран.

Вышеуказанные корректировки, прежде всего в сферах безопасности и дипломатии, коснулись многих стран региона. Они вызваны проведением Китаем, как великой державой номер один, курса глобализации, призванного помочь осуществлению «китайской мечты»².

В положении самого Китая также произошло много важных перемен. Реализация модели экстенсивного экономического роста продолжается, создавая трудности, усиливаются противоречия и социальная нестабильность. Вскоре после XVIII съезда Коммунистическая партия Китая (КПК) и китайское государство провели ряд корректив, в том числе в дипломатических отношениях с соседними странами. Тем не менее, жесткий конфликт из-за суверенитета над архипелагами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях имел нежелательные для Китая последствия. Большинство стран, прежде всего соседних, питают к Китаю подозрения, рассматривая его даже как вызов или угрозу. «Добрососедская политика» Китая, создав за последние годы много трудностей и испытаний для большинства соседей, не способствовала прорыву и в его отношениях с крупными странами.

«Решительные» и «устрашающие» действия в отношении пограничных стран в этот период повлекли банкротство линии Китая на «доброе соседство и дружбу». Образ Китая как «миротворца», его «дипломатия добрососедства» в интересах «мирной Азии» и «мирного человечества» подвергаются сомнению и более не находят отклика у общественности соседних стран, подвергаются даже бойкоту с их стороны.

В такой внутренней и международной обстановке Китай вынужден искать более активный, «более эффективный» способ выстраивания дипломатии, концентрироваться преимущественно на «дипломатии добрососедства». Рассмотрим, как происходит этот процесс с 2013 г. по настоящее время и как он влияет на политическую безопасность в Восточной Азии.

I. Корректировка «дипломатии добрососедства» Китая

1. Подход и методика

а) «Дипломатия добрососедства»³ является важной составной частью дипломатии Китая, его общей стратегии государственного развития. По этой причине китайская дипломатия носит прагматичный

характер (отличный от гегемонистской дипломатии США или сбалансированной политики больших стран АСЕАН), опирается на реальную государственную мощь, самобытность, широкое распространение «мягкой силы», служит государственным интересам под лозунгом мирного сотрудничества и развития.

б) Термин «добрососедство» понимается Китаем во многих смыслах, включает самые различные территории и государства планеты. До начала своей корректировки «дипломатия добрососедства» Китая строилась согласно «объектам», «линии» и «сфере». После 2013 г. этот порядок был изменен на «линию», «сферу» и «объекты». «Линия» между Китаем и соседними странами проведена так, чтобы обеспечить жизненно важные интересы его государственной безопасности. Некоторые соседние страны отнесены к разряду «сопредельных государств» по уровню добрососедства их отношений с Китаем. «Объектами» внешних сношений Китая считаются пять великих держав — США, Россия, Англия, Франция и Индия, которые отнесены к центральному кругу «сопредельных государств», очень важных для «добрососедской стратегии» Китая. В «сферу» включены отношения Китая со всеми другими странами мира вне его пограничных пределов, осуществляемые в духе дружбы и взаимовыгодного сотрудничества⁴, это большой круг «сопредельных государств».

В рамках данной темы сконцентрируемся на анализе *корректировки «дипломатии добрососедства» Китая по всем трем составляющим: «линии», «объекту» и «сфере» в отношениях со странами Восточной Азии.*

в) Понятие Восточная Азия, согласно зарубежным и китайским исследованиям, имеет узкое и широкое значение.

В рамках этой специальной темы ограничим Восточную Азию понятием Северо-Восточной Азии вместе с Юго-Восточной Азией, судьбы которых тесно связаны с регионом Сибири и Дальнего Востока России.

г) Важным моментом в исследовании Китая в целом и «дипломатии добрососедства» этой страны, в частности, являются китайско-американские отношения (в официальных документах Китая к ним применяется термин «ключевые»), имеющие решающее значение для всех остальных составных частей дипломатии. В «дипломатии добрососедства» Америка по-прежнему рассматривается как самая «добрососедская» среди «сопредельных государств». Хотя географически США далеки от Китая, но стратегически и геополитически «ближе» их для Китая никого нет.

2. Некоторые особенности «дипломатия добрососедства» Китая

а) Эта политика опирается на общие законы внешнеполитических отношений. До корректировки «дипломатия добрососедства» предполагала, что «крупные страны являются ключевыми, и добрососедство с ними и развивающимися странами служит основой» этой дипломатии⁵. После корректировки данный порядок изменился: **соседние страны** названы «приоритетным направлением» дипломатии⁶. В октябре 2013 г. на рабочем совещании ЦК КПК по внешнеполитическим вопросам было заявлено, что «соседние страны будут играть более важную роль в стимулировании процесса национального возрождения, чем отношения с развитыми государствами»⁷.

б) *Дипломатия, в том числе «дипломатия добрососедства» и все ее корректировки, выдвинуты и осуществляются Коммунистической партией Китая*⁸. С момента основания страны и до настоящего времени все генеральные секретари партии являлись «авторами» общих концепций. КПК — правящая партия, поэтому выдвижение и реализация внешнеполитического курса и дипломатическая деятельность всегда отражают «волю» партии, а также традиционное китайское сознание.

в) *«Дипломатия добрососедства» выражает всю государственную мощь Китая*. Выдвигая внешнюю политику и реализуя дипломатическую деятельность, в том числе «дипломатию добрососедства», Китай всегда сочетает и использует экономическую и военную мощь, «кнут и пряник» для достижения цели. Пекин опирается на всё возрастающую экономическую мощь в строительстве системы долгосрочных и всесторонних отношений со всеми соседними государствами. Китай надеется, что эта система, в конце концов, объединит «понимание его интересов» соседними странами с его собственным. Примером является инициированный им проект Шелкового пути XXI века.

3. Основные причины корректировки «дипломатии добрососедства»

а) *Долгосрочные расчеты развития экономики, ориентированные вовне*
Внутреннее положение Китая заставляет выстраивать дипломатию в двух основных аспектах:

- реальное положение Китая в качестве второй крупнейшей экономики мира и временно третьей в мире в военном отношении, когда на практике Китай уже стал великой мировой державой, побуждают его играть роль большой «ответственной» страны, выдвигать новые инициативы, повышать свое влияние в регионе и во всем мире посредством международной дипломатии;

- многочисленные внутренние трудности, такие как диспропорции социального развития; противоречия в борьбе против взяточничества (типа «замахнулся на тигра, а убил муху») и т. п. заставляют Китай «перемещать» противоречия и конфликты за рубеж для их разрешения и проведения новой внешней политики.

б) Территориальные претензии и среднесрочное решение проблем региональной безопасности

Геополитические и территориальные притязания Китая в Восточной Азии, прежде всего в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, вызывают негативную реакцию международного сообщества, прежде всего стран региона. В дополнение к этому события на Корейском полуострове, а также, в определенной степени, проблема Тайваня побуждают Китай проявлять большую решительность в конфликтах в сопредельных районах.

Таковы важнейшие факторы общей «дипломатии добрососедства» Китая. Китай заявляет, что большая решительность в принятии решений не вызовет дестабилизации, а, напротив, будет способствовать большей стабильности сопредельного Китая региона. Решимость Китая поможет всем сторонам конфликта, так же как и другим странам, увидеть, что никому не позволено злоупотреблять мирными политическими подходами Пекина в целях провокаций⁹.

4. Основные цели корректировки «дипломатии добрососедства» Китая

а) Поддерживать стабильность внешней окружающей среды в целях ускорения развития

Укрепление стабильности является важной предпосылкой и целью для надлежащего и своевременного рывка Китая в начале XXI века. Китай стоит перед выбором — сотрудничать или конкурировать с сопредельными странами.

Укрепление стабильности подразумевает:

- усиление процесса восстановления экономики, по-прежнему ослабленной глубокими последствиями мирового финансового кризиса;
- надлежащее решение многочисленных актуальных, животрепещущих экономических, политических и социальных внутренних проблем;
- решение проблемы перепроизводства и валютных излишков;
- усиление «великого движения» по освоению Западного Китая;
- повышение возможностей использования источников природных ресурсов в странах, входящих в пояс сухопутного и морского Шелкового пути;

- эффективное решение конфликтов вокруг островов в регионе;
- ограничение мощного воздействия на Китай стратегии «поворота», или «перебалансировки» США в АТР.

б) *Строить или разрушать современные отношения с сопредельными странами региона*

Эта цель, как представляется, противоречит вышеназванной задаче создания «стабильности», однако практически является для Китая другой ее ипостасью. Известный российский вьетнамовед проф. В.Н. Колотов полагает, что Китай начнет активно реформативировать пространство вокруг своих границ, прежде всего на южном направлении «восточноазиатской дуги нестабильности», и готовится сыграть роль «аиста», чтобы удовлетворить свои интересы по сценарию «ловить рыбу в мутной воде»¹⁰.

в) *Преследовать собственные экономические и геополитические интересы*

Активность в осуществлении «дипломатии добрососедства» в регионе помогает Китаю защитить «главные», государственные интересы в сфере как экономики, так и геополитики в условиях усиливающегося вмешательства некоторых внерегиональных держав, преследующих свои интересы в регионе, прежде всего США. Китай стремится «свести на нет» влияние США и ряда других стран в АТР, сделать реальностью «линию бычьего языка», «монополизировать Восточное (Южно-Китайское) море», стать главным лидером региона.

Си Цзиньпин придерживается следующей позиции: «Преследуя и осуществляя цель «Две задачи столетия», осуществлять великое возрождение китайской нации, всесторонне развивать отношения с соседними странами, укрепляя с ними добрососедство и углубляя взаимовыгодное сотрудничество, надежно защищать и хорошо использовать благоприятный в стратегическом отношении для развития Китая период, защищать суверенитет, национальную безопасность, плодотворно реализовывать свои интересы, всемерно усиливать дружественные политические отношения, крепить экономические отношения, повышать сотрудничество в сфере безопасности, усиливать обмен товарами и человеческими ресурсами»¹¹.

5. Корректировка «дипломатии добрососедства» Китая

Корректировка «дипломатии добрососедства» Китая в последнее время преследовала стратегическую цель — «Поддерживать стабильные отношения на Севере, продвигаться на Восток и Запад, спускаться на Юг», опираясь на установку «Дружба, Искренность, Взаимная

выгода, Великодушие»¹². Эта политика осуществлялась в таких сферах, как политика, идеология, экономика, укрепление обороны, культура и др.

а) Изменять приоритеты дипломатических отношений

В октябре 2013 г. на рабочем совещании ЦК КПК по внешнеполитическим вопросам Си Цзиньпин и новое руководство Китая повысили статус «дипломатии добрососедства», сделав ее приоритетом своей стратегии¹³.

б) В сфере политики — идеологии создавать атмосферу доброго согласия, но в духе твердости

Китай продолжает расширять рамки долгосрочной стабильности, повышать отношения до уровня стратегического партнерства со странами, имеющими сложные пограничные, территориальные и исторические проблемы, укреплять с ними отношения, глубоко вмешиваться во внутренние дела других стран, используя силы, которые ранее занимали даже недружественные позиции по отношению к Китаю. Новый руководитель КНР осуществил ряд официальных визитов в страны, относящиеся к «добрососедским» и «сопредельным»: в США (июнь 2013, сентябрь 2015), Россию (март 2013, май 2015 и др.), страны Юго-Восточной Азии (2013). Китайский лидер также участвует в работе таких многосторонних структур, как АТЭС, Восточноазиатский саммит и др. Здесь он выдвинул доктрины «Общей судьбы», «Совершенствования Зоны свободной торговли Китай—АСЕАН (КАФТА)», создания Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и т. п.

Одновременно Пекин принимает глав государств и высокопоставленных дипломатов «добрососедских стран»: президента России В. Путина (2015), президента Индии Нарендры Моди (2015), генерального секретаря ЦК КПВ Нгуен Фу Чонга (2015), президента Вьетнама Чыонг Тан Шанга (2013, 2015) и др. Китай стремится поднять отношения с Индонезией и Малайзией до уровня «всестороннего стратегического партнерства», с Таиландом — до уровня «всестороннего стратегического партнерства и сотрудничества» (как и с Вьетнамом), предоставляет льготы и значительные инвестиции Камбодже и Лаосу.

в) В области экономики — стимулировать «один важный пункт, два руководящих направления» — ключевые идеи дипломатии Китая в 2015 г.

Китай активно продвигается от отношений обычной торговли к сотрудничеству и инвестированию крупных проектов, прежде всего в сферах энергетики, разработки полезных ископаемых, строительства инфраструктуры, научно-технического сотрудничества, технологий,

охраны окружающей среды, поэтапного создания зон свободной торговли, таких как ЗСТ ШОС, ЗСТ Северо-Восточной Азии, двусторонние ЗСТ и др.

Важнейшим в этом регулировании является осуществление установки «одного важнейшего пункта, двух руководящих направлений». Этим важнейшим пунктом является всестороннее стимулирование «Одного пояса, одного пути» (Проект «Шелкового пути XXI века»), нефтепроводов, проектов регионального и транснационального развития, улучшения политического взаимопонимания с другими странами, реализации общего положения о взаимовыгоде и поиске эффективных путей развития.

В процессе формирования «Одного пояса, одного пути» Китай неизменно отстаивает принцип «вместе обсуждать, вместе строить, вместе пользоваться доходом». Понятие «Один пояс, один путь» означает совместное развитие, целью которого является взаимная выгода, однако это — не «сольный номер» Китая, а симфония всех стран-участниц. «Двумя руководящими линиями является надлежащее осуществление двух задач — мира и развития».

г) *В области вооруженных сил быть «пророссийскими», «антиамериканскими, антияпонскими», «оттеснять Филиппины и Вьетнам», «взять на буксир страны АСЕАН»*

В настоящее время Китай проявляет повышенное внимание к взаимодействию в сфере нетрадиционной безопасности, инициирует сотрудничество органов безопасности с окружающими странами, усиливает совместные учения, расширяет военный обмен с другими государствами, включая союзников США.

Китай постепенно отходит от политики «ожидания и накопления могущества», наряду с этим активно участвует в международных делах, прежде всего в решении региональных проблем; инициирует конкурентную борьбу за расширение влияния; увязывает «дипломатию добрососедства» с «великодержавной дипломатией», «энергетической дипломатией» и «морской стратегией».

С Россией. Китай и Россия провели совместные воздушные и морские маневры в Японском море в акватории российского порта Владивосток с 21 по 28 августа 2015 г. Китай восстанавливает военное сотрудничество с Россией посредством ряда договоров по закупкам и продажам вооружений и военного оборудования.

С США. Китай усиливает Стратегию недопущения к отдельным районам (anti-access/area-denial, A2/AD), оказывает решительное противодействие военным силам США в Южно-Китайском и Вос-

точно-Китайском морях и ищет способы вытеснить США за первую линию островов.

С Японией. Раздувая конфликт по поводу островов Сенкаку, Китай создал Оознавательную зону ПВО (ADIZ) в Восточно-Китайском море, намереваясь разрушить существующее положение зависимости от Японии. Китай решительно отвергает военную политику Японии.

С Филиппинами. Китай захватил вооруженным путем отмель Скарборо в исключительной экономической зоне Филиппин, отрицает свое участие в конфликте с Филиппинами, возбудившими иск к КНР в Арбитражном суде в Гааге на основе Конвенции по морскому праву 1982 г. В нем опровергаются претензии на акваторию Южно-Китайского моря, заявленные Китаем в «линии бычьего языка», и показаны нарушения Китаем законных прав Филиппин в Восточном море. Китай активно осуждает присутствие США и Японии на Филиппинах. 12 июля 2016 г. Постоянный арбитражный суд в Гааге вынес единогласный вердикт в пользу Филиппин.

С Вьетнамом. Китай учредил множество новых административных структур, таких как Управление Саньша (по одноименному поселению, построенному Китаем на одном из Парасельских островов), осуществляет строительство многочисленных военных объектов на Парасельских островах. Китай ввел буровую платформу НД-981 вместе с сотнями военных кораблей, самолетов боевой поддержки в воды исключительной экономической зоны и территориального шельфа Вьетнама, нарушив его суверенитет. Китай активно наращивает площади 8 коралловых рифов архипелага Спратли, относящихся к суверенитету Вьетнама, превращая их в военные базы, навязывает неправомерные запреты на лов рыбы в водах Парасельских островов, захватывает и жестоко избивает вьетнамских рыбаков.

С Малайзией. С одной стороны, Китай ввел на участок Лукония, принадлежащий акватории Малайзии, боевой корабль, который бросил якорь на удалении всего 84 морских миль от Саравака и тем самым глубоко проник в ИЭЗ Малайзии. С другой стороны, Китай дважды провел совместные учения с Малайзией (в 2014 и в сентябре 2015 г.) в Малаккском проливе и прилегающем районе. Целью этих действий является «сглаживание подозрений по поводу гегемонизма» Китая.

д) *В области культуры — развивать «мягкую силу» Китая*

В последние годы Китай расширил фонд стипендий для иностранных студентов, прежде всего из стран региона. Существует множество

видов стипендий: полная стипендия, стипендия Конфуция, провинциальная стипендия для студентов вузов, магистров и соискателей докторской степени. Несложные условия предоставления этих стипендий иностранным студентам включают: полную компенсацию оплаты за обучение, оплату общежития, медицинскую страховку. Кроме того, каждый месяц предусмотрено выделение средств на бытовые нужды. Количество стипендиатов из стран АСЕАН постоянно растет¹⁴.

Китай прилагает усилия по популяризации ценностей своей традиционной культуры, как имеющей всеобъемлющий характер для культур стран АСЕАН, посредством деловых обменов и пропаганды своей культуры. Во многих странах ЮВА, в том числе во Вьетнаме, китайские фильмы ежедневно занимают на телеканалах значительное время.

Китай популяризирует свой образ «большой ответственной страны», «доброего соседа» со стратегической целью избавиться от наследия прошлого в духе «великоханьского гегемонизма» и одновременно укрепить свое международное положение.

6. Вызовы китайской политике корректировки «отношений»

а) Проблема выбора методов реализации «дипломатии добрососедства»

Что нужно предпринять, чтобы выстроить и осуществить общую стратегию управления и укрепления отношений с добрососедскими государствами и другими странами региона (включая великие державы, в частности США), как никогда активных сегодня и выгодных в долгосрочном плане, одновременно защитив и эффективно продвигая суверенные интересы Китая? Это является главным вызовом для китайской «дипломатии добрососедства».

Стремясь оптимально решать проблемы своей экономики и безопасности через проект Экономического пояса Шелкового пути и концепции экономических коридоров, Китай пытается мирно управлять региональными конфликтами, однако он встречается с трудностями и оказывается неспособным изменить отношение к себе со стороны «добрососедских государств», которые рассматривают его в качестве угрозы.

б) Усиление дестабилизации среды

1. Почти все морские конфликты с соседними странами еще не урегулированы.

2. Ситуация в горячих точках региона развивается сложно и содержит множество дестабилизирующих факторов, гонка вооружений имеет тенденцию усиления.

3. Вызовы нетрадиционной безопасности нарастают.

4. Все больше обостряется стратегическая конкуренция между Китаем и США, Японией и Индией.

в) *Снижение политического доверия*

Рост национального оборонного бюджета Китая, «жесткость» его действий в островных конфликтах, политические замыслы, связанные с проектом Морской Шелковый путь XXI века, усиливают подозрения к Китаю со стороны соседних стран. Страны АСЕАН «обеспокоены тем, что Китай может использовать Морской Шелковый путь, чтобы переутвердить свое, унаследованное из истории, присутствие в регионе, что позволит ему усилить территориальные претензии в Восточном море¹⁵. Представитель министерства национальной обороны Филиппин Питер Пол Галвез, обеспокоенный деятельностью Китая по наращиванию каменных рифов в Восточном море, заявил: «Вопреки благим обещаниям, Китай продолжает незаконные действия, нарушающие наш суверенитет. Эта деятельность направлена исключительно на милитаризацию искусственных островов и ведет к достижению Пекином «точки невозврата»¹⁶.

II. Воздействие «дипломатии добрососедства» Китая на безопасность в Восточной Азии

Чтобы более качественно рассмотреть эти влияния — как положительные, так и отрицательные, — мы согласимся с мнением сотрудника Вьетнамской академии общественных наук До Минь Као. При изучении Китая в целом, как и «дипломатии добрососедства», в частности, выявляется, что положительные явления для Китая совсем не обязательно были положительными для соседних стран, а также для всего мира. Отрицательные явления для Китая также могли быть отрицательными для соседних стран, но в некоторых случаях они могли быть и положительными для них.

1. Улучшение внутреннего положения в Китае

а) *Положительные эффекты для Китая*

Выстраивая «дипломатию добрососедства», Китай приобретает все больше выгод в плане экономики и безопасности:

- он создает образ «большой ответственной страны» в глазах соотечественников, а также регионального и международного общественного мнения;

- использует благоприятную возможность получить доступ к природным ресурсам соседей и улучшить экономическую ситуацию, приобрести выгоды для правящей партии и крупных экономических группировок;
- получает «законную» причину для повышения военной мощи, усиления мер по противодействию внутренним вызовам;
- расширяет захват островов в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях;
- не отдает соседние страны под опеку США, направленную против Китая, мешает проведению ими нейтралитета или добивается их раскола, когда возникает китайско-американская конкуренция;
- создает для соседних стран сложности в определении позиций и достижении единства относительно вмешательства Китая в дела региона и мира.

б) *Отрицательные эффекты*

Китай вынужден:

- нести тяжелую ношу «международной ответственности»;
- все дальше идти по пути «милитаризации» перед лицом новых вызовов региональной и международной безопасности;
- «сбрасывать» маску миротворца.

Эти обстоятельства препятствуют успеху «дипломатии добрососедства» Китая.

2. Изменение статус-кво в Восточной Азии

а) *Положительные эффекты*

Создание источников капитала для стран региона. Благодаря Фонду Шелкового пути, посредством Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) ряд стран могут получить кредиты, стимулирующие их внутреннее развитие. Это даст толчок прогрессу экономик стран АСЕАН+1.

Стимуляция роста национального самосознания в ряде стран и региональных организаций. «Решительные» и «ужасающие» действия Китая в Восточно-Китайском и особенно в Южно-Китайском море пробуждают национальное самосознание во Вьетнаме, Филиппинах, Малайзии, Индонезии... Бывший премьер-министр Вьетнама Нгуен Тан Зунг заявлял: «Никогда не променяем суверенитет на иллюзорную вечную дружбу»¹⁷, президент Филиппин Бениньо Акино вторил ему: «Наш противник (Китай) намного превосходит нас в любом ас-

пекте: по влиянию, в экономике или военной мощи, но, опираясь на справедливость и патриотизм, мы не останемся позади»¹⁸. 3 июня 2015 г. Бениньо Акино сравнил действия Китая в Восточном море (ЮКМ. — *Ред.*) с тем, что делала фашистская Германия накануне Второй Мировой войны¹⁹. АСЕАН в мае 2016 г. также заявила, что «разделяет серьезную озабоченность» ряда руководителей стран-членов Ассоциации по поводу наращивания Китаем территории на ряде островов в ЮКМ, так как эти действия «разрушают доверие и могут нарушить мир, безопасность и стабильность»²⁰.

в) Отрицательные эффекты

Ввиду вышеуказанных целей «дестабилизации» или осуществления политики «разделяй и властвуй» проведение Китаем новой «дипломатии добрососедства» вызовет разлад в соседних странах, создаст новые угрозы и вызовы для всех сфер их жизни.

Во-первых, вызовет противоречия между странами АСЕАН, прежде всего по проблеме Восточного моря как части Морского Шелкового пути XXI века. Данный проект является инструментом разрушения единства между соседними странами, так как требует реакции на политику Китая. Некоторые страны ввиду скорой экономической выгоды готовы отбросить принципы и нормы международного права, чтобы поддержать Морской Шелковый путь Китая, наносящий ущерб интересам тех, кто конфликтуют с Китаем из-за суверенитета над островами. Вместе с тем Китай, вероятно, усилит давление и даже спровоцирует вооруженные конфликты с теми, которые не поддерживают этот проект.

Исследователь Таншен Шен полагает, что инициатива нового Шелкового пути в случае успеха может привести к воссозданию древнекитайского мирового порядка, поэтому заключает в себе важное геополитическое содержание. Морской Шелковый путь XXI века, по его мнению, создает интеллектуальный застой, разделяет государства региона, ослабляет влияние АСЕАН.

Во-вторых, проведение такой «дипломатии добрососедства» оказывает отрицательное воздействие на экономику всех государств региона. Китай использует новый Шелковый путь в качестве противовеса проекту Транстихоокеанского партнерства (ТТП), инициированному и возглавляемому США изначально без участия Китая. Своими проектами Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, Азиатско-Тихоокеанской зоны свободной торговли (АТЗСТ) Китай вновь бросает вызов США, причем считает новый Шелковый путь более важным

проектом, чем создание ЗСТ в АТР в целом, так как по своим масштабам и перспективам он не уступает ТТП.

В сфере торговли нездоровая конкуренция Китая подталкивает страны ЮВА к пассивному состоянию поставщиков дешевого сырья, природных и энергоресурсов для Китая и импортеров оборудования, техники, предметов домашнего обихода.

В сфере инвестиционного сотрудничества целью Китая являются проекты в сферах недвижимости и природных ресурсов в странах ЮВА для направления в эти страны многочисленных отрядов низкоквалифицированных рабочих. Непрерывное инвестирование Китаем проектов по созданию инфраструктуры, недвижимости и разработке полезных ископаемых и сырья в странах АСЕАН все более повышают их зависимость от китайской экономики. Угрозы от этой деятельности заключаются в следующем: в случае китайской экономической нестабильности страны АСЕАН подвергнутся чрезвычайно негативному воздействию, вплоть до цепной реакции кризиса. Кроме того, в своих гегемонистских замыслах Китай способен использовать экономическое сотрудничество, дабы оказать давление на страны АСЕАН в части внутренней и внешней политики.

В-третьих, «дипломатия добрососедства» Китая разрушает культуру и общество стран Юго-Восточной Азии. Китай использует «мягкую силу» культуры, шаг за шагом расширяя свое внешнее влияние, прежде всего в ЮВА. Ежегодно многочисленные студенты этих стран получают стипендии, приезжая на обучение в Китай. В будущем они станут китаизированной «культурной армией», распространяя культуру Китая в своих странах. Кроме того, Китай открывает университеты Конфуция, сотрудничает в области образования, стимулирует культурные обмены между странами, экспортирует культурную продукцию, такую как теле- и художественные фильмы, музыку, создает условия популяризации китайского языка, вызывая волны, накатывающиеся на Юго-Восточную Азию. В некоторых странах ЮВА «экранизация» китайской истории пассивно востребована «самим сердцем» определенной части населения. Последствием этого является разрушение традиционных национальных культур ЮВА, «принятие» культурных стереотипов Китая.

В-четвертых, новый Шелковый путь, прежде всего на море, является угрозой суверенитету и территориальной целостности сопредельных стран, особенно стран, конфликтующих в настоящее время с Китаем

относительно островов в Восточном море, так как представляет угрозу свободе и безопасности мореплавания.

С помощью «дипломатии добрососедства», в первую очередь Морского Шелкового пути, Китай вынашивает в отношении Восточной Азии следующие геополитические замыслы:

а) вытеснить США и страны Запада из региона и создать конкуренцию, что еще более обострит борьбу за влияние в регионе между крупными странами, прежде всего Америкой и Китаем;

б) самостоятельно определить новые правила, которым должны будут следовать другие страны. Это означает односторонний отказ от международного права, создает угрозу суверенитету и территориальной целостности соседних стран, прежде всего тех, кто конфликтует с Китаем из-за островов в Восточном море, угрозу свободе, безопасности, в том числе безопасности морских перевозок;

с) постепенно «оптимизировать» ситуацию и приблизиться к замыслу монопольного владения Восточным морем²¹. Инициатива Морского Шелкового пути является вызовом суверенитету над островами некоторых стран региона, прежде всего Вьетнама. Морской Шелковый путь предполагает укрепить тактическое присутствие КНР в Восточном море на трех направлениях: 1) кодифицировать «линию бычьего языка» во всех государственных документах и зарегистрировать в международных организациях и форумах; 2) развернуть деятельность по нарушению принятого порядка, установить контроль по «линии бычьего языка», чтобы утвердить право собственности и управления над всем Восточным морем; 3) организовать мощную пропаганду в ответ на критику мирового сообщества²².

В-пятых, это — угроза гонки вооружений и возникновения вооруженного конфликта в регионе.

Политическая деятельность Китая в Восточном море предполагает воплощение «китайской мечты» и создание «морской державы», что превратило бы это море в один из наиболее горячих морских районов современного мира. Российский исследователь проблем ЮКМ Г. Локшин в книге «Южно-Китайское море. Трудный поиск согласия»²³, его коллеги Д. Мосяков и Е. Кобелев полагают, что именно политика Китая является причиной конфликтной ситуации в этом регионе²⁴. Это мнение разделяют ученые и политики США²⁵. Многие внерегиональные державы усиливали здесь свое присутствие, включая военное, для защиты своих интересов, что оказало влияние не

только на их двусторонние отношения с Китаем, но и на китайско-вьетнамские отношения.

Характерно, что в последнее время стали заметны решительные попытки США приостановить действия Китая, поводом для чего стали агрессивные акции Китая в отношении Вьетнама и Филиппин.

Усиление Китаем работ по наращиванию семи подводных рифов²⁶ в ЮКМ, укрепление военно-морских сил и «жесткие» заявления Китая, относящиеся к свободе судоходства в Восточном море, вызывают здесь не только новую гонку вооружений, но и подводят конфликт к грани вооруженного²⁷.

Заключение

Политика в отношении соседних стран служит целям Китая как сверхдержавы. Ее «усиление» в экономическом и военном отношении, как и обострение внутренних противоречий и конфликтов, наряду с изменениями в регионе, прежде всего ростом напряженности в ВКМ и ЮКМ, побудили китайское руководство нового поколения (Си Цзиньпина и Ли Кэцяна) к корректировке отношений с соседними странами после 2013 г. Конкуренция, забота о собственных интересах повысились и приобрели более прагматичный характер.

Акцентами этой политики Пекина стали следующие: решительная конкурентная борьба с Японией и США, «разрядка» с Россией, давление на Вьетнам и Филиппины, примирение со странами ЮВА и содействие им. «Движение на Запад и на Юг» является приоритетом «добрососедской политики» Китая. Здесь прорывом должны стать «сотрудничество на море» с выходом в Тихий океан и смычка с Индией. Тем не менее, политика в отношении великих держав и в отношении соседних государств строится с учетом китайско-американских отношений, хотя отдельно от них имеет место взаимодействие и с другими великими державами. Применяются и кнут, и пряник. Китай намерен избрать более гибкую тактику в отношениях с соседними странами.

По мере ожидаемой настройки Китаем «дипломатии добрососедства» обстановка в Восточной Азии претерпит множество внезапных и непредсказуемых перемен. Страны этого региона должны быть уверенными в себе, сотрудничать, самостоятельно определять свое будущее и судьбу.

Перевели: Е.В. Кобелев, В.П. Ларин.

Примечания

¹ Đỗ Minh Cao. Ảnh hưởng của những thay đổi địa chính trị và khu vực đến an ninh của Việt Nam // Nghiên cứu Ấn Độ và châu Á : [До Минь Као. Влияния геополитических и региональных изменений на безопасность Вьетнама // Индийские и азиатские исследования, Ханой]. 2014. № 9 (22). С. 52—66.

² См.: Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай—Россия 2050 — стратегия развития. М.: ИНЭС, 2006. — Академик РАН М.Л. Титаренко писал, что на практике Китай — великая мировая держава. Сам генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин в 2013 г. также называл Китай в качестве «одной из развивающихся великих держав» и призвал Китай «расширить» сотрудничество и «способствовать развитию таких стран, как Россия, Бразилия, Индия, Индонезия и Мексика». URL: <http://nghiencuuquocte.net/2015/01/05/bien-chuyen-lon-ngoai-giao-trung-quoc>.

³ Дефиниции этого понятия представлены в работе: Ле Тхи Тху Хонг, Фам Хонг Тхай. Взгляд АСЕАН на пограничную дипломатию Китая. URL: <http://www.inas.gov.vn/712-chinh-sach-ngoai-giao-lang-gieng-cua-trung-quoc-nhin-tu-asean.html>

⁴ Понимание современной стратегии «Дружественной дипломатии» КНР: особенности, характер, цель». URL: <http://dlntq.laocai.gov.vn>. Цитируется по: Динь Конг Туан. Урегулирование современной внешней политики Китая. URL: <http://www.vanhoanghean.com.vn/chuyen-muc-goc-nhin-van-hoa/nhin-ra-the-gioi/dieu-chinh-chinh-sach-doi-ngoai-cua-trung-quoc-hien-pay>

⁵ Политический доклад ЦК КПК XVI съезду партии.

⁶ Заявление министра иностранных дел Ван И в сентябре 2013 г.

⁷ URL: <http://nghiencuuquocte.net/2015/01/05/bien-chuyen-lon-ngoai-giao-trung-quoc/>

⁸ Данное положение отличается во многих странах мира: внешнеполитический курс и дипломатическая деятельность осуществляются правительственными органами.

⁹ Мнение Михаэля Д. Свэйна. URL: <http://nghiencuubiendong.vn/nghien-cuu-trung-quoc/5195-quan-diem-va-binh-luan-cua-trung-quoc-ve-chinh-sach-ngoai-giao-lang-gieng>

¹⁰ Колотов В.Н. Восточноазиатская дуга нестабильности как основной элемент системы региональной безопасности // Актуальные проблемы региональной безопасности современной Азии и Африки / отв. ред. В.Н. Колотов. СПб.: НП-Принт, 2013. С. 62. URL: <http://media.orient.spbu.ru/publication/APRBSAiA>

¹¹ Всесторонне построить общество среднего достатка к 100-летию Коммунистической партии Китая, успешно построить могучее, демократическое,

цивилизированное, гармоничное модернизированное социалистическое государство к 100-летию КНР — См.: Trích văn kiện đảng Cộng sản Trung Quốc lần thứ 18 : [Документы XVIII съезда КПК].

¹² Дружба, Искренность, Взаимовыгода, Великодушие (亲、诚、惠、容).

¹³ URL: <http://nghiencuuquocte.net/2015/01/05/bien-chuyen-lon-ngoai-giao-trung-quoc/>

¹⁴ Китай осуществляет в настоящее время «План обмена двухстами тысячами студентов» с АСЕАН, составленный до 2010 г. Только в Гуанси ежегодно 200 студентов из стран АСЕАН получают стипендии. URL: <http://vietnamese.cri.cn/721/2014/07/16/1s200792.htm>

¹⁵ URL: <http://nghiencuubiendong.vn/tin-ncbd/4679-yeu-to-chinh-tri-trong-sang-kient-con-duong-to-lua-tren-bien-cua-trung-quoc/>

¹⁶ URL: <http://vietbao.vn/The-gioi/Philippines-nghi-ngo-dong-thai-cua-Trung-Quoc-o-Bien-Dong/2147587862/159/>

¹⁷ URL: <http://vnexpress.net/tin-tuc/the-gioi/thu-tuong-khong-danh-doi-chu-quyen-lay-huu-nghi-vien-vong-2994075.html>

¹⁸ URL: <https://kimdunghn.wordpress.com/2015/07/31/tong-thong-philippines-keu-goi-toan-dan-doan-ket-chong-trung-quoc>

¹⁹ URL: <http://www.thanhnien.com.vn/the-gioi/nhat-ban-philippines-len-an-trung-quoc-xay-dao-570492.html>

²⁰ URL: <http://vnexpress.net/tin-tuc/the-gioi/asean-se-ra-tuyen-bo-len-an-trung-quoc-xay-dao-o-bien-dong-3206723.html>

²¹ Это мнение профессора из Университета Мэн (США) Нго Винь Лонг. См.: URL: <http://infonet.vn/trung-quoc-am-muu-gi-voi-con-duong-to-lua-tren-bien-post138003.info>

²² URL: <http://vietnamnet.vn/vn/tuanvietnam/187005/con-duong-to-lua-hay-tu-loi-tren-bien-dong.html>

²³ Локшин Г.М. Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. М.: ИДВ РАН, 2013.

²⁴ Мосяков Д.В. На грани фола: политика Китая в Южно-Китайском море / Индекс безопасности. № 4 (107). Т. 19. URL: <http://glasru.ru/na-grani-fola-politika-kitaya-v-yuzhno-kitayskom-more>; Кобелев Е.В. Южно-Китайское море; тлеющий очаг конфликта. URL: http://www.rau.su/observer/N07-08_95/7-8_07.htm; Xung đột trên biển Đông và quan điểm của Nga : [Конфликт в Восточном море и позиция России]. URL: <http://www1.vietinfo.eu/chuyen-muc-bien-dong/xung-dot-tren-bien-dong-va-quan-diem-cua-nga.html>

²⁵ Маккейн Дж. Китай создает напряженность в Восточном море. URL: <http://phapluattp.vn/20110622091957608p0c1013/trung-quoc-lam-gia-tang-cang-thang-tren-bien-dong.htm>; Trung Quốc gây căng thẳng ở biển Đông. URL: <http://>

nld.com.vn/20110621102659603p0c1006/trung-quoc-gay-cang-thang-o-bien-dong .htm; Китайский генерал кичливо угрожает преподать Вьетнаму «один урок». URL: <http://vn.news.yahoo.com/t%C6%B0%E1%BB%9Bng-trung-qu%E1%BB%91c-ng%E1%BA%A1o-m%E1%BA%A1n-%C4%91e-d%E1%BB%8Da-vi%E1%BB%87t-nam.html>

²⁶ Рифы: Суби, Гавен, Тынгиа, Ванькхан, Тьытхап, Гакма, Тяувиен.

²⁷ Китай бьет тревогу в связи с опасностью войны в Восточном море. Морская безопасность усложняется и волны в Восточно-Китайском и в Южно-Китайском морях и так высоки. URL: <http://tintuc.vn/binh-luan-quan-su/trung-quoc-lon-giong-sanh-bao-nguy-co-chien-tranh-tren-bien-dong-bung->; Восточное море может стать ареной Третьей мировой войны. URL: <http://nghiencuuubiendong.vn/tin-ncbd/4934-bien-dong-co-nguy-co-tro-thanh-vu-dai-cua-chien-tranh-the-gioi-thu-3>.

До Минь Као, Нгуен Динь Лиет

КОРРЕКТИРОВКА СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЯ, ЕЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РЕГИОНА И ОТВЕТНЫЕ МЕРЫ ВЬЕТНАМА

Китай — одна из стран, которая сегодня следует политике глобализации, становясь мировой державой номер один, стремясь осуществить «китайскую мечту»¹. Во внутреннем положении КНР происходят важные перемены. Модель экстенсивного экономического подъема реализуется с трудом, усиливаются социальные противоречия и нестабильность. Сразу же после XVIII съезда КПК и китайское правительство осуществили ряд корректировок стратегии безопасности и национальной обороны.

I. Корректировка стратегии безопасности и национальной обороны

1. Причины корректировки

а) Ослабление внутренней безопасности Китая

Вместе с замедлением темпов экономического развития внутренняя безопасность Китая еще никогда не была столь «накалена» и развивалась столь сложно, как в последнее время, особенно в связи с деятельностью террористических, сепаратистских и радикальных религиозных элементов. Согласно «Докладу о национальной безопасности Китая 2014 г.», содержащемуся в Зеленой книге Национальной безопасности, обнародованной 6 мая 2014 г., «террористическая деятельность в Китае в настоящее время мощно развивается, имеет тенденцию к расширению, нацелена на правительственные органы, ар-

мию, полицию, использует грубые, самодельные орудия для совершения преступлений». Только в 2013 г. произошло 10 террористических актов. Бюджетные ассигнования на внутреннюю безопасность в 2013 г. превысили затраты на национальную оборону (770 млрд юаней на одну и 720 млрд юаней на другую), что демонстрирует серьезное ослабление внутренней безопасности Китая. Многие теракты были особенно тяжкими, особенно на площади Тяньаньмэнь (октябрь 2013 г., 5 погибших), резня на вокзале в Куньмине (март 2014 г., 29 погибших, 140 раненых), взрыв бомбы на вокзале в Урумчи, (апрель 2014 г., 3 погибших, более 70 раненых).

Дестабилизация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР) очень обеспокоила китайское руководство. Плотность контроля силами постоянных членов Политбюро — высшего политического органа Китая, — прибывавших в СУАР, с каждым днем возрастала: лишь за два года, с момента завершения XVIII съезда до 2014 г., постоянные члены Политбюро инспектировали СУАР 15 раз, что остается рекордным уровнем до настоящего времени. С 27 по 30 апреля 2014 г. Си Цзиньпин лично инспектировал СУАР по наивысшим стандартам. Одновременно в качестве генерального секретаря, постоянный член Политбюро ЦК Юй Чжэншэн вместе с 4 членами Политбюро также присутствовали там, чего никогда не было в период руководства Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао. Сразу после взрыва в Урумчи Си Цзиньпин издал указ «бороться с терроризмом, не расслабляясь ни на минуту, упорно осуществлять решительные меры, твердо подавлять агрессию всех террористических элементов». Перед лицом напряженности в СУАР состав «Строительного соединения СУАР» сразу после XVIII съезда был укреплен и увеличен с 1 до 7 дивизий.

б) Коррупция, в том числе в армии, угрожающая вызвать крах власти

За минувшие годы казнокрадство и коррупция, в том числе в китайской армии, несколько не уменьшились. Член ЦК КПК, заведующий Международным отделом ЦК Ван Цзяжуй 8 сентября 2014 г. заявил, что главной озабоченностью Пекина является сохранение Коммунистической партии Китая перед угрозой коррупции². «Если мы позволим развиваться и расширяться коррупции, ружье выстрелит, основы разрушатся... История не раз свидетельствовала, что если коррупция не преодолена, мы капитулируем даже еще до того, как разразится война»³.

в) Гипертрофия военной и экономической мощи

В 2010 г. Китай стал крупнейшей экономикой мира. Достигнутые Китаем успехи рассматриваются как чудо. Китайская элита и общест-

во считают, что в прошедшие годы уверенной «поступью» китайской экономики были отмечены все уголки мира и, более того, было достигнуто превосходство над экономикой США. И теперь военная «поступь» расширяет жизненное пространство интересов Китая по всему миру и, что более важно, приближает ликвидацию военного превосходства Америки. Для защиты своих все более возрастающих законных интересов на море и за рубежом китайская армия осуществит «выход во внешний мир». «Куда распространятся государственные интересы, там должны будут действовать боевые силы нового образца»⁴.

з) Угроза безопасности в регионе

Отношения Китая с сопредельными странами в предшествующие годы выявили множество проблем, создали еще невиданную «внешнюю угрозу безопасности» для Китая. Ряд аналитиков полагают, что «отношения с сопредельными странами явятся в будущем самой насущной проблемой для безопасности Китая»⁵. Эта неотложная проблема, которую должен решить Китай, явилась одной из основных причин корректировки «дипломатии добрососедства» и военной стратегии Китая после «Рабочего совещания по дипломатической работе с сопредельными странами», состоявшегося в октябре 2013 г.

д) Стратегические военные слабости

«В предшествующие годы Китай приложил большие усилия по концентрации сил информатики и электронной технологии для самостоятельного строительства их технологического базиса. Однако поставленная задача оказалась достаточно новой для Китая в условиях быстрого развития техники в данной области. Китай имеет незначительные возможности технологической поддержки ведения боевых действий ввиду недостатка практического опыта, что ставит под вопрос возможности использования оборудования при возникновении войны»⁶.

К слабостям вооруженных сил Китая относятся факторы организации и поддержания боевого духа, они недостаточно понимаются теми, кто реально контролирует артиллерию и флот. КНР — единственная великая держава, армия которой не является официальным государственным институтом. Она относится к ответственности компартии и находится под управлением Центральной военной комиссии КПК, а не Министерства обороны. Хотя партия и правительство в Китае очень близки между собой, однако партия имеет несколько более туманный облик, в результате чего за рубежом с трудом понимают, в каком месте находятся верные армии люди и каковы главные предпочтения военных руководителей.

е) Отсталость в военно-технической области

В настоящее время на всех боевых самолетах Китая применяются двигатели зарубежного производства. Многие крупные боевые корабли Китая также имеют иностранные двигатели. В современную эпоху информатики электронное информационное оборудование — это важнейшая составляющая, однако по уровню информатизации китайская армия находится сегодня не выше 20-го места, тогда как страны НАТО обладают очень современным информационным оборудованием. По количеству и качеству ядерных вооружений Китай также занимает лишь 5-ю позицию, поскольку не располагает стратегическими бомбардировщиками. Боевые китайские самолеты отстают от американских на 15—20 лет.

Одним словом, военная мощь Китая пока недостаточна для реализации глобальной стратегии. В Европе, Африке, на Ближнем и Среднем Востоке или в Латинской Америке авиация и флот Китая не могут сравниться с мощью армии США или не имеют достаточно сил для схватки с «местными» вооруженными отрядами. В Европе же военная мощь Китая не сопоставима с военной мощью Англии, Франции и других стран, в Африке и на Среднем Востоке — с военной мощью как США, так и Израиля.

В настоящее время военная мощь Китая сконцентрирована, прежде всего, на решении проблем внутренней безопасности и обеспечении планов доминирования в морских районах в пределах АТР, а именно в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, вблизи от морской границы самого Китая. Для осуществления этой задачи до 2020 г. НОАК должна стать самой мощной армией Азии, а для того, чтобы к 2050 г. достичь уровня мощнейших армий мира, Китай должен быстро осуществить военную модернизацию, и в этом — главная причина производимой корректировки стратегии военной безопасности в новых международных условиях.

2. Основные цели корректировки*а) Стабилизация внутреннего положения*

Потеря политической стабильности внутри страны станет большим барьером для государственного строительства, прежде всего для поддержания стабильного развития и неуклонного укрепления экономики. Корректировка стратегии безопасности и национальной обороны, в первую очередь, расходования бюджетных средств на обеспечение внутренней безопасности помогут Китаю решить эти задачи.

б) Укрепление военной мощи в целях национальной обороны

Корректировка стратегии безопасности и национальной обороны одновременно предполагает укрепление общей мощи государства. Прежде всего, она позволит преодолеть коррупцию в китайской армии, которая может «угрожать дальнейшему существованию партии» и привести Китай «к самокапитуляции».

в) Упрочение позиций Китая в системе региональной и международной безопасности

Только мощный Китай будет иметь весомый голос во всех международных системах, прежде всего в международных и региональных организациях, в том числе в структурах региональной безопасности.

г) Достижение геостратегических планов в регионе и мире

Лишь обладая мощной армией, рациональными стратегией и тактикой, Китай сможет реализовать в регионе свои геостратегические планы. А именно — добиться вытеснения иностранных сил из региона и стать его хозяином, узаконить «линию бычьего языка» в ЮКМ.

д) Продвижение новой стратегической идеологии безопасности и национальной обороны

В области безопасности. Корректировка стратегической идеологии государственной безопасности Китая после XVIII съезда КПК наиболее полно отражена в «Общей концепции национальной безопасности», выдвинутой Си Цзиньпином на первом заседании Совета национальной безопасности Китая 15 апреля 2013 г. и официально ставшей основным содержанием «Главной стратегии национальной безопасности», утвержденной Политбюро ЦК КПК 23 января 2015 г.

Обобщенное содержание «Общей концепции национальной безопасности», согласно Си Цзиньпину, состоит в следующем: «Придавать значение как внешней, так и внутренней безопасности, безопасности государственной территории и одновременно безопасности людей, традиционной и нетрадиционной безопасности, проблемам развития и проблемам безопасности, личной и коллективной безопасности».

«Общая концепция национальной безопасности» направлена на благоприятное обеспечение внутри и вне страны *реализации «двух задач столетия»* и достижение *«китайской мечты»*. В области внешней политики Китай, главным образом, концентрируется на строительстве *«новых отношений между великими державами»*, прежде всего с США. Он также выступил с инициативой построить *«китайско-американские военные отношения нового типа»*, наполненные содержанием *«взаимного уважения, взаимного доверия, сотрудничества, стабильности»*. *«Новые отношения между великими державами»* и *«военные*

отношения нового типа», инициированные Китаем, строятся на стремлении к стабильности отношений между великими державами и между их армиями с целью обеспечения национальной безопасности Китая. Основной целью «*строительства новых отношений между великими державами*» для Китая является противостояние стратегии «перевыравнивания» США в АТР, но конкретной главной целью для Китая является создание благоприятных внешних условий для защиты ключевых интересов Китая: суверенитета, безопасности и интересов развития.

Китай также стремится играть руководящую роль в осуществлении региональной безопасности. «Новая концепция азиатской безопасности» выдвинутая Си Цзиньпином на 4-й межправительственной Конференции по взаимодействию и мерам доверия в Азии в мае 2014 г. в Шанхае, направлена на «строительство коллективной, комплексной, надежной безопасности сотрудничества» в Азии. Эта «Концепция» является программой, «делом Азии, которое должно иметь опору в народах Азии». Эта установка сильно отличается от того, что много раз провозглашал Си Цзиньпин ранее: «Азиатско-Тихоокеанский регион достаточно велик, чтобы вместить Китай вместе с США». Китай не желает, чтобы США ввязывались в проблемы азиатской безопасности. Азия сегодня — это самый динамично развивающийся регион, однако и один из тех регионов, где возникают первостепенные проблемы безопасности, в том числе национальная безопасность Китая испытывает самое непосредственное и многообразное воздействие.

В области национальной обороны

Прежде всего, Китай изменил задачи и способы защиты.

О задачах. В настоящее время вместе с развитием международной ситуации и всесторонним усилением мощи страны главной целью вооруженных сил Китая является защита «ключевых интересов», к которым относятся конфликтные на сегодняшний день регионы и территории, внешние интересы в целом и проблемы развития.

О способах. Китай серьезно изменил способы защиты страны путем перехода от военной теории ведения тотальной войны к ведению локальных войн.

В 2014 г. Китай издал Белую книгу «Черновик военной стратегии». В ней говорится, что Китай всемерно использует военно-морские и военно-воздушные силы для контроля морских районов вдоль побережья западной части Тихого океана, Южно-Китайского моря и Индийского океана. Это положение сформулировано в военной стра-

тегии Китая для переноса центра тяжести с «защиты ближнего моря» на «сочетание защиты ближнего и дальнего морей».

Китай заявил о сокращении армии на 300 тыс. человек. Возможно, это сделано для внешнего успокоения, а, возможно, свидетельствует, что эта страна в настоящее время активно проводит модернизацию вооруженных сил. На практике Китай осуществляет сегодня свои планы преобразования армии по американскому образцу. В целях поддержки армии Китай проводил и проводит организацию рыболовецких артелей в качестве «народной морской армии», играющей полувоенную роль. Эта народная морская армия представляет собой форму «не похожих ни на кого» военно-морских сил, но дает ВМС Китая многочисленные и не требующие больших затрат силы, обладающие достаточными возможностями для осуществления необходимых задач, и, что более важно, законных, которые станут политическим вызовом для любого противника. Их гигантская сеть заставит всех противников «убрать руки» при принятии решений выступить против Пекина во всех спорах о морской торговле и даже в морской войне.

Имея 200 тысяч рыболовецких судов, Китай в настоящее время обладает самой большой «рыболовецкой эскадрой» в мире, которая включает более 14 млн рыбаков, что составляет 1/4 от их общемирового количества. Эти мощные силы тесно взаимодействуют с основными вооруженными подразделениями в целях поддержки стратегических расчетов Пекина в районе Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Так, уже очевидно, что эти силы НОАК имели прямое отношение к атаке на Парасельские острова в 1974 г. Теперь они регулярно препятствуют патрулированию, осуществляемому в ЮКМ американскими кораблями. Народная морская армия Китая опаснее всех ракет. «Ввод Китаем ракет в данный морской район является менее опасным, чем придание военно-морским силам некоторого гражданского характера. Это, поистине, армия «рабочих-рыбаков», представляющая собой перекрашенные в военные цвета гражданские корабли, обладающие боевыми и огнестрельными возможностями в любых необходимых случаях», считает генерал-майор Ле Ван Кыонг, бывший директор Института стратегии национальной обороны⁷.

Китайский военный бюджет едва достиг 1/4 от бюджета США, поэтому, выступая на сессии ВСНП, г-жа Фу Ин заявила, что Китай еще не забыл уроков истории, согласно которым «слабый будет бит». «Наша родина успешно осуществила модернизацию, в которой мо-

дернизация армии играет важную роль. Бюджет должен это гарантировать»⁸. Где взять много денег для бюджета безопасности и армии — это большая проблема для китайских властей и КПК, когда годовой душевой доход в Китае пока составляет 6629 долл. на человека (это 86-е место в мире). Действительно, здесь кроется большой вызов по части модернизации армии Китая.

О недостатках китайской армии

Характер войн видоизменился, в то же время китайская армия пока слабо подготовлена. Научно-технический уровень вооружений остается не самым передовым. Военачальники имеют недостаточно опыта в сравнении с уровнем ряда передовых стран мира. Даже современные виды вооружений и военной техники Китая уступают российским, не говоря уже об американских. Образцы современного оружия Китая, как то самолеты-невидимки, авианосцы, некоторые виды ракет — все это, по большей части, технические копии, боеспособность которых нельзя сравнить с подлинниками⁹.

В современном мире наличие союзников — один из факторов, хотя и второстепенных, но создающих комплексную силу государства. Для сравнения число союзников Вашингтона — около 60 стран, на которые приходится около 80 % военных расходов в мире. В то время как Китай связан официальным союзом с Северной Кореей и имеет отношения в сфере безопасности с Пакистаном. Китай также развивает военное сотрудничество и покупает оружие у РФ, однако отсутствие доверия между бывшими историческими противниками делает крайне трудным превращение их отношений в прочный союз.

Миролюбивая общественность мира постоянно опасается все большего роста военного бюджета Китая. В действительности в международной деятельности существуют «красные линии» в отношении глобальной стратегии и геополитики. Если какая-то страна, в том числе КНР, «рискнет» их пересечь, то ее ждут тяжелые последствия. Ядерные проблемы Ирана и КНДР, Ливия, Ирак, Грузия... или же проблема России с Украиной за последние годы — все это наглядно подтверждают данный тезис. «Милитаризация» современного Китая также не находится вне этого принципа.

К этому добавим разрабатываемую США стратегию «перебалансировки в АТР», российскую «Стратегию великой Азии», «Действия на Востоке» Индии, принятие ряда новых стратегий безопасности в России, Японии и других странах. Все более напряженные и постоянно грозящие конфликтами споры за суверенитет над островами в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях создают стратегиче-

ские неприятности и новые угрозы безопасности во внешней окружающей среде Китая, непосредственно влияющие на стратегию военной безопасности этой страны.

II. Последствия корректировки стратегии военной безопасности для Китая и региона

1. Изменения внутренней обстановки в Китае

Первые шаги по внутренней стабилизации

Во-первых, стабилизирован общественный порядок. Китай своевременно решил проблему терроризма и мятежей в Синьцзяне, а также пресек другие «беспорядки» в ряде других провинций и городов.

Во-вторых, снижены проявления коррупции в обществе и армии. Проводится операция «Охотой на тигров убьем мух» с тремя целями: против «продажных» чиновников в партийном и государственном аппарате, военачальников и руководителей госпредприятий. Мировая печать квалифицировала эту операцию как 9-е или 10-е по значимости мировое событие 2014 г. Целая серия «жирных тигров» и «мелких мух» попали в капкан. Самые известные — это члены «новой банды четырех» Китая: глава отдела Единого фронта при ЦК КПК Лин Цзихуа, экс-министр Государственной безопасности и гендиректор Нефтегазовой корпорации Китая Чжоу Юнкан, бывший секретарь парткома города Чунцин Бо Силай и зампредседателя Центрального военного совета Сюй Цайхоу. Первые шаги этой операции вселили «веру» в народ.

В-третьих, обеспечен заметный рост мощи китайской армии. Назначение группы новых командиров, дисциплинарное наказание ряда коррумпированных военачальников, чистка рабочих команд некоторых командующих вооруженными силами, ужесточение дисциплины в армии, ее пополнение современным оружием и оборудованием значительно усилили мощь китайской армии. Военный парад по случаю 70-летия окончания Второй мировой войны 3 сентября 2015 г. продемонстрировал военную мощь Китая, показал прогресс военной промышленности и превращение страны из крупного импортера оружия в крупного экспортера оружия. Многие партнеры уже купили и продолжают покупать оружие у Китая.

В-четвертых, достигнут рост авторитета и влияния Китая. Тот факт, что 57 стран дали согласие участвовать в Азиатском банке инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и в великом континентальном

проекте «Один пояс — один путь» (Новый шелковый путь. Шелковый морской путь XXI века), говорит о повышении авторитета и влияния Китая. Две эти акции, имеющие международный, стратегический характер, помогут Китаю добиться притягивания к себе из других стран капиталов и природных ресурсов. Они должны внести раскол и расслоение в антикитайские силы как в самой стране, так и за рубежом. Они улучшат образ Китая как «ответственной великой державы» у китайского народа, в региональном и международном общественном мнении.

Несмотря на эти успехи, есть опасность общественного недовольства. Результаты ежегодного секретного совещания высших руководителей Китая в курортном городе Бэдайхэ в мае 2015 г. показали, что они не добились необходимого консенсуса. Различные группы руководителей преследуют каждая собственную выгоду. «Это испытание возможностей руководителей в определении своей судьбы».

Угроза протестной реакции достигла пика, когда появилась информация о том, что «два руководителя безопасности Китая лишились своих постов, так как планировали покушение на Си Цзиньпина»¹⁰. Это Цао Цин — зав. отделом органов безопасности ЦК КПК и Ван Цин, его заместитель. Доказательством этого факта ... явились статьи Си Цзиньпина в интернет-газете «Босюнь» и статья «Председатель Си Цзиньпин требует абсолютной верности и твердой веры от органов госбезопасности», опубликованная агентством Синьхуа 19 мая 2015 г.

2. Изменение международной и региональной обстановки

Новое восприятие стратегии и военных амбиций Китая

Осуществление Китаем корректировки дипломатической стратегии, стратегии безопасности и обороны, ставящей цель завладеть инициативой в деле сохранения и обеспечения своих государственных интересов, привлекло внимание многих стран мира. Усиление политики односторонности Китая вызвало у стран мира более четкое осознание его истинных амбиций, а именно: создать новые правила игры в целях установления мирового порядка, выгодного для этой страны.

Проблемы торгово-экономического обмена различных стран с Китаем

Корректировка Китаем способов, средств, направлений реализации дипломатической стратегии и стратегии военной безопасности, новые подходы к экономической безопасности и кибербезопасности будут воздействовать на его торгово-экономическую деятельность с

различными странами мира. Китай получил возможность расширять торговлю, лучше контролировать электронные системы торговых обменов, аккумулировать торговую информацию и т. п., что будет создавать трудности торгово-экономической деятельности конкурентов Китая.

Рост конкурентной борьбы в военной области

Корректировка стратегии военной безопасности помогает КНР осуществлять противоправные «благоприятные» и «эффективные» действия в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. Сооружение искусственных островов, строительство объектов военного назначения на островах Южно-Китайского моря, милитаризация отрядов из десятков тысяч рыболовных судов, ввод буровых установок в ИЭЗ Вьетнама, односторонние приказы о запрете ловли рыбы в морских водах других стран, создание помех для свободного судоходства кораблям других стран — все это является нарушением международного права согласно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Указанные действия ведут к эскалации напряженности в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях и даже могут привести к серьезным конфликтам между Китаем и теми странами, у которых есть непосредственные споры с Китаем на море. Это наносит ущерб региональной и международной безопасности.

III. Воздействие региональных изменений на безопасность Вьетнама

Вступая во вторую декаду XXI века, после определенных успехов в развитии страны, СРВ сталкивается с немалыми испытаниями, вызванными региональными и геополитическими изменениями. В сфере безопасности Вьетнама они выражаются в двух аспектах — позитивном и негативном. Только преодолев негативный и используя позитивный тренды, Вьетнам обеспечит безопасность и суверенитет своей территории.

1. Негативные воздействия и влияние

Негативные воздействия и влияние на безопасность Вьетнама в основном исходят от возвышения Китая и «китайской мечты».

а) Влияние на нетрадиционную безопасность

Три следующие нетрадиционные сферы безопасности подверглись негативному влиянию и воздействию Китая:

Политическая безопасность

Вследствие схожести политических режимов некоторые политические идеи и установки Китая естественным образом оказали влияние на идеологическую систему и формирование политики Вьетнама. Вьетнам механически повторяет некоторые ошибки Китая, но не оценивает должным образом их негативные последствия. В статье «Отрицательные факторы вьетнамо-китайских отношений» мы приводим несколько существенных примеров этого, среди которых выделяем губительное копирование Вьетнамом «трех сельских вопросов» Китая¹¹. Сроки и условия решения «трех сельских вопросов» в обеих странах очень различны, и негативные последствия этих вопросов для Китая уже четко видны. Вьетнам не осознал этого, и, решая «три сельских вопроса», напрасно тратит и время, и силы, и деньги. Второй пример — это «кадровое планирование», ведущее к догматизму и невозможности найти новые факторы прорыва страны в будущее.

Поверив в «дружбу» и красочные лозунги Китая, многие поколения вьетнамского руководства оказывались «в ловушке» в сфере национальной безопасности. Лишь когда уже было поздно, Вьетнам осознал, что эта дружба — всего лишь иллюзия¹². Эти ошибки привели к падению авторитета партийного и государственного руководства.

Налицо вызовы правящим позициям Компартии Вьетнама. Корректировка стратегии безопасности и обороны Китая привела к тому, что обстановка на сухопутных границах и споры в ЮКМ становятся с каждым днем все сложнее. Это поистине трудная математическая задача для партии и правительства Вьетнама: как добиться того, чтобы избежать «крайне сложного выбора» — отстаивать свою независимость и территориальную целостность или сохранять традиционные отношения с Китаем.

Экономическая безопасность

Пользуясь «весом» своей экономики, Китай вовлек Вьетнам в «сферу своего влияния»¹³. Многие исследования указывают, что Китай выигрывает тендеры по 90 % строительных контрактов, в том числе и во всех энергетических проектах¹⁴. Зависимость вьетнамской экономики от китайской достигает более 80 %, ¹⁵ в то время как мировая экономическая теория показывает, что если показатель выше 30 %, то это — серьезная зависимость. Торговый баланс с Китаем должен вызывать во Вьетнаме содрогание: дефицит за 10 лет вырос в 100 раз. В 2013 г. вьетнамский экспорт в Китай достиг 13,1 млрд долл., в то время как импорт, по предварительным подсчетам, достиг 36,8 млрд долл., соответственно он вырос за год на 26,7 % (на 7,8 млрд долл.).

Таким образом, внешнеторговый дефицит с Китаем является самым крупным, в 2014 г. он достиг 23,7 млрд долл. Чрезмерно большой торговый дефицит с Китаем превращает вьетнамскую экономику в экономику «копирующую», отсталую. Как следствие этого, СРВ не может импортировать товары хорошего качества, исходные и новые технологии¹⁶.

В итоге происходит торможение развития Вьетнама. Увеличение Китаем военного бюджета, усиление модернизации армии вынуждают Вьетнам также ежегодно увеличивать военный бюджет, причем в условиях, когда ресурсы страны ограничены. Вьетнам вынужден сокращать инвестиции для развития, замедлять процессы реструктуризации и смены модели развития, что порождает опасность еще большего отставания Вьетнама.

Общественная культура

Имея мощную финансовую базу, Пекин почти «задаром» преподносит Вьетнаму многие фильмы, несущие на себе отпечаток китайской культуры. На вьетнамском телевидении большая часть эфирного времени на многих каналах занята разнообразными китайскими фильмами, которые могут смотреть вьетнамцы. Многие китайские «ценности» незримо проникают в духовную жизнь и быт, так же как и в образ жизни различных слоев населения Вьетнама.

В Китае же, напротив, массовый показ вьетнамских фильмов с каждым днем сокращается. Очень многие китайские издания не освещают положительные стороны духовной жизни Вьетнама, а иногда статьи и вовсе носят осуждающий характер, принижая образ Вьетнама в глазах китайской и мировой общественности.

б) Влияние на традиционную — военную безопасность

Осуществляя «китайскую мечту», новое руководство Китая во главе с Си Цзиньпином стало проводить более решительную политику¹⁷. Объявив «линию бычьего языка» в ЮКМ зоной своих «ключевых интересов» (март 2010 г.), Китай ведет здесь разработку геополитических и природных ресурсов, одновременно наращивает военную мощь, угрожает и оспаривает суверенные права на острова соседних стран, таких как Филиппины и Вьетнам. Это создало угрозу государственному суверенитету, безопасности, территориальной целостности Вьетнама, не говоря о проблемах экономических, социальных, окружающей среды, морских островов и т. д.

Основные корректировки Китаем стратегии военной безопасности, угрожающие Вьетнаму, следующие: во-первых, курс на усиление авиации и флота; во-вторых, способы и средства ее реализации — пре-

имущественно в направлении моря, т. е. курс, определяемый как «строительство морской державы». Цель этих действий — перенести центр тяжести морской тактики Китая с «обороны в открытом море» на «защиту на океанах», чтобы отражать «все угрозы правам и интересам судоходства Китая». Это усилило опасность установления негласного контроля Китая над ЮКМ, даже возможность, пусть умеренного, но все-таки серьезного конфликта между Китаем и Вьетнамом в споре за принадлежность островов в ЮКМ.

Меняются представления и взгляды относительно военной безопасности Вьетнама. Он осознает, что в нынешней обстановке следует заново оценить «друзей-соседей» с учетом изменения их стратегии военной безопасности. Вьетнам вынужден усиливать оборонный потенциал посредством заключения контрактов о покупке оружия и военной техники. Расширяется военное сотрудничество СРВ со странами АСЕАН и с США. Вьетнам также осознает, что оборона должна служить национально-государственным интересам, национальный суверенитет — превыше всего, остальное — это иллюзии.

2. Позитивный эффект действий Китая

Геополитические и региональные изменения оказывают и позитивное воздействие на безопасность Вьетнама.

В политике

Бесцеремонное посягательство Китая на территорию Вьетнама в 2014 г. не принесло Китаю успеха. Напротив, это событие позволило вьетнамскому народу лучше понять себя, а миру лучше понять Вьетнам. Следующие поколения вьетнамцев и вьетнамских руководителей уже будут знать, как «уживаться с наводнением» — таким близким соседом — «гора к горе, река к реке», и защищать свой суверенитет и территориальную целостность.

10 июля 2014 г. сенат США единогласно принял постановление под номером S.RES.412 по Южно-Китайскому морю с требованием к Китаю вернуть статус-кво от 01.05.2014 г. Поддержка этой сверхдержавы, других держав и стран АСЕАН воодушевила вьетнамский народ на защиту суверенитета и безопасности, а также внесла вклад в умирение авантюристов, желающих причинить вред Вьетнаму.

В экономике

Фактически экономика Вьетнама представляет соседу большой рынок, в котором реально нуждается простой народ Китая. У многих крестьян, несмотря на частые скачки цен, есть рынок для сбыта своей продукции. Экономика Вьетнама относительно стабильно развивает-

ся высокими по среднемировым меркам темпами благодаря связям с рынками АСЕАН и других динамичных экономик Восточной Азии.

Вьетнам осознал, что пришло время ускорить реформы экономических механизмов, диверсифицировать рынок и преодолеть прежнюю зависимость от Китая. Многочисленные мнения о том, что нужно «оторваться от Китая», вызывают все больше понимания.

В сфере национальной обороны

Из-за проблемы суверенитета страны многие внутренние проблемы временно отошли на второй план перед лицом сплочения народа. Состояние внутренней безопасности в стране стабильное.

Вьетнам вынужден увеличить свой оборонный потенциал с помощью контрактов на покупку вооружений и военного оборудования. Растет сотрудничество в сфере обороны со странами АСЕАН, США.

В национальном самосознании

Амбиции КНР монополю владеть регионом ЮКМ вызвали стремление всех вьетнамцев как в стране, так и за ее пределами, в едином порыве поддерживать борьбу в защиту суверенитета и территориальной целостности. Это — сила солидарности, сила национальной памяти, которая способна одержать победу над самым современным оружием. Вместе с народом руководители партии и правительства Вьетнама осознают простую истину — во имя интересов нации и корпораций северный сосед готов похоронить более двадцати лет нормализации отношений. Ради «глобальных целей» они используют ЮКМ — единственный проход в океаны, во имя того, чтобы стать хозяином региона, а не во имя искренней дружбы между народами двух соседних стран.

3. Контрмеры Вьетнама

Первое — цели и политика. Вьетнам решительно защищает суверенитет и суверенные права в отношении ИЭЗ и морского шельфа, стремится сохранять мирные отношения, гарантировать добычу полезных ископаемых в акваториях, находящихся под его суверенитетом, согласно Конвенции о морском праве 1982 г. Он стремится использовать проблему ЮКМ в целях укрепления великой национальной солидарности, повысить свою роль и авторитет в регионе и на международной арене.

Второе — курс и принципы. Необходимо включить проблемы ЮКМ в общий контекст внешней политики Вьетнама. Независимость, самостоятельность, неприсоединение, постоянное равновесие в отношениях с зарубежными странами, твердое следование принци-

пам мира, стабильности и уважения международного права — вот наши принципы. Важно выработать стратегию, комплексную политику и методы принятия конкретных решений по проблемам ЮКМ, сочетать силу нации и международную поддержку, двусторонние и многосторонние отношения. Суть внешней политики страны — оборона, безопасность, сотрудничество министерств, ведомств и местных органов власти в общей борьбе за решение проблем Южно-Китайского моря.

Заключение

Корректировка стратегии военной безопасности Китая после XVIII съезда КПК делается, главным образом, в целях улучшения ситуации безопасности внутри страны, повышения военных возможностей Китая, достижения геополитического превосходства в региональном и мировом масштабе, реализации «китайской мечты». Эти действия Китая заметно изменили состояние военной безопасности в регионе и мире, особенно в районе Южно-Китайского моря. Архитектура региональной безопасности изменилась, опасность потери территориального суверенитета для ряда стран региона, прежде всего для Вьетнама и Филиппин, повысилась, свобода судоходства для заинтересованных стран оказалась под серьезной угрозой.

Амбициозные цели Пекина по созданию «морской державы» и реализации «китайской мечты» не ограничились нынешними временными результатами. Опасность конфликта в ЮКМ действительно существует. Страны, имеющие здесь свои интересы, особенно страны региона, должны выработать практическую стратегию и контрмеры, отвечающие тем сценариям безопасности, по которым могут развиваться события в этом регионе.

Угроза суверенитету и юрисдикции в отношении Парасельских островов и архипелага Спратли, а также других акваторий в Южно-Китайском море из-за притязаний Китая на господство в регионе — самая большая проблема для Вьетнама. Определяя свой будущий путь, он именно благодаря трудностям полон сил и обязательно найдет подходящие и цивилизованные способы в борьбе за суверенитет и территориальную целостность.

В условиях одновременно сотрудничества и борьбы в отношениях с Китаем Вьетнаму необходимо скорректировать свою стратегию и варианты обеспечения безопасности, используя преимущественно

политические, мирные варианты решения проблемы. Собрать воедино силы нации, пользуясь международным сочувствием и поддержкой, прежде всего стран АСЕАН, — вот что станет наиболее весомым подспорьем для дела защиты национального суверенитета Вьетнама.

Данный текст скомпонован редколлекцией из двух статей указанных авторов.

Перевели Е.В. Кобелев и В.П. Ларин.

Примечания

¹ См.: Кузык Б.Н., Титаренко М.Л. Китай—Россия 2050 — стратегия соразвития. Москва: ИНЭС, 2006. 656 с. — Академик РАН Титаренко М.Л. писал, что, на практике, Китай является великой мировой державой. Сам Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин в 2013 г. также рассматривал Китай как относящийся к «главным развивающимся великим державам» и призвал Китай «расширять сотрудничество» и «продвигать развитие сопредельных стран» (России, Бразилии, Южной Африки, Индии, Индонезии и Мексики). URL: <http://nghiencuuquocte.net/2015/01/05/bien-chuyen-lon-ngoai-giao-trung-quoc>

² URL: <http://nld.com.vn/thoi-su-quoc-te/trung-quoc-so-nhat-tham-nhung-20150908222400571.htm>

³ Trung Quốc sợ 'quân đội tham nhũng thua trên chiến trường' (Китай опасается, что «армия потерпит поражение перед коррупцией»). URL: <http://nguyentandung.org/trung-quoc-so-quan-doi-tham-nhung-thua-tren-chien-truong.html>

⁴ URL: <http://vntime.vn/QuocTe-QuanSu/KhiTai-QuanSu/2012/3/3/Trung-Quoc-Loi-ich-mo-rong-den-dau-quan-doi-phai-vuon-ra-den-do-20a6d2Qu.html>

⁵ Cửa sổ phương Nam (Южные ворота). 25.11.2013.

⁶ URL: <http://www.bayvut.com.au/s%E1%BB%B1-ki%E1%BB%87n/s%C6%B0%CC%81c-ma%CC%A3nh-qu%C3%A2n-%C4%91%C3%B4%CC%A3i-trung-qu%C3%B4%CC%81c-hi%C3%AA%CC%A3n-nay-ra-sao>.

⁷ Thiếu tướng Lê Văn Cương, Nguyên viện trưởng Viện Chiến lược quốc phòng, Bộ Quốc phòng Việt Nam (Генерал-майор Ле Ван Кьонг, бывший директор Института стратегии национальной обороны Министерства национальной обороны Вьетнама). URL: <http://dantri.com.vn/the-gioi/dan-quan-bien-cua-trung-quoc-nguy-hiem-hon-ca-ten-lua-20150810104452495.htm>

⁸ В 2015 г. военный бюджет Китая увеличился на 12,2 %, составив 130 млрд долл. Для сравнения: в 2016 финансовом году президент США Барак Обама потребовал на военные цели 585 млрд долл. из бюджета. URL: http://www.bbc.com/vietnamese/world/2015/03/150304_china_military_budget

⁹ Там же.

¹⁰ URL: <http://www.tinmoi.vn/hai-lanh-dao-an-ninh-tq-mat-chuc-vi-am-muu-am-sat-tap-can-binh-011359551.html>

¹¹ Đỗ Minh Cao. Những nhân tố tiêu cực trong quan hệ Việt Nam-Trung Quốc // Nghiên cứu Trung Quốc. № 7 (119). Tr. 45-54-2011 (До Минь Као. Отрицательные факторы во вьетнамско-китайских отношениях // Китайские исследования. 2011. № 7 (119). С. 45—54).

¹² Trung Quốc bám vào công thư của Cố Thủ tướng Phạm Văn Đồng để nguy biệп hành động chiếm đoạt Hoàng Sa của Việt Nam. Thủ tướng Nguyễn Tấn Dũng: «Không đánh đổi chủ quyền lấy hữu nghị viên vông» (Китай воспользовался письмом бывшего премьер-министра ДРВ Фам Ван Донга, чтобы заняться софистикой относительно захвата Парасельских островов Вьетнама. Премьер-министр СРВ Нгуен Тан Зунг сказал по этому поводу: «Мы не обменяем суверенитет на иллюзорную дружбу»). URL: <http://vnexpress.net/tin-tuc/the-gioi/thu-tuong-khong-danh-doi-chu-quyen-lay-huu-nghi-vien-vong-299407t.html>

¹³ Мазырин В.М. Развитие Вьетнама в сфере китайского влияния // Подъем Китая: значение для глобальной и региональной стабильности. М.: Рубежи XXI, 2007. С. 212—227.

¹⁴ URL: http://www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2010/08/100802_chinese_contractors.shtml; URL: <http://www.baomoi.com/Nghi-ngai-cac-du-an-nang-luong-do-nha-thau-Trung-Quoc-thuc-hien/148/13899075.epi>

¹⁵ URL: <http://m.tuanvietnam.net/2014/07/giam-le-thuoc-khong-phai-cho-su-co-moi-thay-doi>

¹⁶ URL: <http://dantri.com.vn/kinh-doanh/giat-minh-can-can-thuong-mai-viet-nam-trung-quoc-nhap-sieu-tang-100-lan-trong-10-nam-890863.htm>

¹⁷ См.: *Портяков В.Я.* «Китайская мечта»: Поднебесная создает свою систему ценностей в противовес американской. URL: <http://maxpark.com/user/1805715924/content/1797611>. См. также: Đỗ Minh Cao. «Giấc mộng Trung Hoa» của Trung Quốc. Op. cit. : [До Минь Као. «Китайская мечта» Китая в обстановке новой глобализации. А также оценки г-жи Тон Ван, сотрудника Стимсон Центра, Вашингтон. URL: http://www.bbc.co.uk/vietnamese/vietnam/2014/07/140724_hoi_luan_bien_dong.shtml].

Нгуен Динь Лиет

ОТНОШЕНИЯ ВЬЕТНАМА С КИТАЕМ В ФОКУСЕ ПРОБЛЕМ ЮЖНО-КИТАЙСКОГО МОРЯ¹

Исследование вьетнамо-китайских отношений в период нормализации (с 1991 г. до наших дней) показывает наличие пяти главных проблем. Хотя они и разные по своему характеру, но все имеют неблагоприятную тенденцию для диалектики развития этих отношений:

- во-первых, политическое доверие между двумя партиями и государствами все время снижается;
- во-вторых, постоянно растет торговый дефицит Вьетнама;
- в-третьих, китайские инвестиции во Вьетнаме влекут много последствий, тормозящих развитие Вьетнама;
- в-четвертых, «мягкая сила» китайской культуры оказывает влияние на все стороны жизни, общество и культуру Вьетнама;
- в-пятых, споры из-за территориальных границ, доставшиеся от истории, и главный из них — в Восточном море — все более погружают отношения между двумя странами в состояние кризиса.

Меняющаяся обстановка последних лет показывает, что из пяти указанных проблем первопричиной и главным фактором, вызывающим напряженность в отношениях Вьетнама и Китая, глубоко и широко влияющим на все другие вопросы, является конфликт в Восточном море.

I. Южно-Китайское море в планах Китая: активизация действий с целью утверждения своего суверенитета

По мере новых достижений и новых успехов Китай шаг за шагом двигался в Восточную Азию, опираясь на хорошо продуманную,

крупномасштабную стратегию. Он добился многого почти за 40 лет открытости и реформ, это стало ценным капиталом для вхождения в XXI век. Превращение во вторую, самую крупную и важную после США державу в мире определило его позиции и могущество, создало предпосылки для значительного влияния в регионе и во всем мире. Китай имеет стратегические планы, рассчитанные во временных рамках до 2025 года.

Политический курс, намеченный XVIII съездом КПК, исходит из того, что главной задачей является развитие экономики на основе открытости и широкого экономического сотрудничества с регионом и со всем миром. Но на деле действия Китая в последние годы вызывают беспокойство во всем мире, особенно ввиду игнорирования им норм международного права в Восточном море.

С новым экономическим потенциалом и военной мощью Китай отказался от так называемого *скрытного выжидания момента* и активизировал действия, направленные на утверждение своего суверенитета. Наш «*добрый сосед*» ясно показал стремление к монопольному господству в Восточном море

Китай неизменно выступает за разрешение споров в Восточном море путем двусторонних переговоров, и каждый раз протестует против любых попыток делать это через многосторонние переговоры. В год, когда Вьетнам в свою очередь председательствовал на всех форумах в АСЕАН, Китай оказывал сильное дипломатическое давление с тем, чтобы не допустить включения этих проблем в повестку XVII саммита АСЕАН и других связанных с ним форумов.

21 июня 2012 г. Национальное собрание Вьетнама приняло Морской кодекс, и тут же Министерство гражданской администрации Китая выпустило «Объявление об утверждении создания города уездного значения Сиша, на который возложена ответственность за управление Парасельскими островами, архипелагом Спратли и островами Пратас (Джунгша) с административным центром на острове Фулам в составе Парасельских островов». 19 июля 2012 г. Центральная военная комиссия Китая приняла официальное решение создать «военное командование» на острове Фулам.

23 июня 2012 г. китайская национальная нефтяная компания (СНООС) объявила международный тендер на 9 блоков для добычи нефти общей площадью примерно 160 129,38 кв. км, которые полностью находятся в ИЭЗ и на шельфе Вьетнама.

29 ноября 2012 г. Народный совет провинции Хайнань (КНР) принял «Регламент поддержания безопасности морской границы

провинции Хайнань». По нему с 1 января 2013 г. пограничная полиция провинции получала право проверки, задержания и выдворения любого иностранного судна, «незаконно вторгшегося в район моря, находящийся под управлением местных властей». Общественное мнение многих стран оценило эту акцию как дерзость и произвол.

2 мая 2014 г. напряженность в Восточном море серьезно возросла, когда Китай в одностороннем порядке выдвинул буровую установку «Океан 981» в ИЭЗ и на шельф Вьетнама. Примерно через две недели после этого, 13 мая 2014 г. Министерство обороны Филиппин опубликовало фотографии, показывающие, как Китай в срочном порядке строит искусственные острова на каменных скалах и коралловых рифах на Парасельских островах и Спратли.

На затопляемом в прилив рифе Суби в архипелаге Спратли, где изначальная площадь равнялась примерно 100 кв. м, сейчас Китай имеет строительную площадку в 76 га (760 000 кв. м) — в 760 раз больше изначальной площади острова, построил там взлетно-посадочную полосу и гавань для рыболовных и сторожевых судов. На рифе Джонсон (вьет. Гакма) площадью 4128 кв. м. Китай построил искусственный остров площадью 10,9 га (109 000 кв. м) с земляным покрытием в 4128 кв. м и 6 различными объектами, с гаванью, способной принимать корабли длиной до 130 м.

Та же картина наблюдается и на ряде других скал и рифов².

Попытки стимулировать развитие туризма

В прошлом и в настоящем Китай старается всячески поощрять туризм на Парасельские острова, стремясь приблизить всю инфраструктуру на островах к материке путем предоставления транспортных услуг для путешествий на острова, создания филиалов банка Китая на Парасельских островах, Спратли и Пратас, официально связанных с континентальной банковской системой Китая, расширения сети телевизионного вещания на созданный город Сиша и т. д.

Усиление службы морского дозора

В целях использования полувоенных сил для защиты и контроля в Восточном море Китай создал целую флотилию правоохранительных кораблей на море под руководством Главного управления морского дозора Китая. 8 мая 2011 г. Китай принял решение передать в эскадру, несущую патрульную службу в Восточном море, новый корабль водоизмещением 1500 тонн и длиной 88 м, тем самым он довел до 13 количество кораблей своей патрульной службы. В 2011 г. корабль «Морской дозор Китая 50» — самый современный корабль правоохранительной службы Китая — впервые вышел в море. Китай

затем добавил этой службе еще 54 скоростных корабля. Силы китайского морского дозора к 2020 г. должны возрасти с 9000 до 15 000 человек. Количество патрульных кораблей вырастет с 350 в 2015 г. до 520 в 2020 г. Эти силы решено подкрепить уже в 2015 г. 16 самолетами воздушной разведки.

Рост капиталовложений в геологоразведку и добычу полезных ископаемых

Стратегия расширения жизненного пространства, осуществляемая Китаем, предусматривает усиление и развитие морской экономики начиная с 12-го пятилетнего плана социально-экономического развития (2011—2015) путем увеличения добычи нефти и газа и реализации стратегии «выхода на большие глубины». Государственная нефтяная корпорация Китая (СНООС) предложила иностранным компаниям 19 блоков для сотрудничества в добыче нефти и газа в прибрежных районах, в том числе 12 блоков, расположенных в восточной части и 7 в западной части Восточного моря. За 5 лет по плану должно быть вложено 350 млрд юаней (54 млрд долл.) в разработку этих блоков. В мае 2011 г. СНООС сдала огромную буровую установку, получившую № 981. 9 мая 2012 г. эта установка официально приступила к бурению в районах с глубиной в 3000 м. Это было исключительно важное событие, означавшее новый шаг вперед Китая в истории разведки нефтегазовых месторождений, которая была перенесена с континента в море и из мелководья в глубоководные районы. Известно, что около 70 % запасов нефти и газа в ЮКМ находятся именно в глубоководных районах (площадью 1,54 млн кв. км). Китай стал первой страной, начавшей самостоятельную разведку нефти и газа в этих районах. До этого для разведывательного бурения на дне приходилось в основном заключать контракты с американскими и норвежскими компаниями.

Увеличение вылова рыбы было достигнуто после введения в Восточное море флотилии кораблей, включая плавбазу «Хай нам бао ша 001» («Пески Южного моря»). Таких плавбаз в мире всего четыре. Она имеет на борту 4 перерабатывающих завода, где по две недели трудятся 600 рабочих. Ее сопровождает танкер водоизмещением 20 тыс. т и отряд вспомогательных кораблей. Это позволяет китайским рыбакам вести непрерывный промысел на протяжении 9 месяцев. Сейчас в провинции Хайнань работает около 27 тыс. рыболовных судов, в том числе около 2000 водоизмещением от 100 т и выше. Директор рыболовной и морской службы провинции Хайнань считает, что надо отказаться от устаревшей установки «суверенитет наш, споры отложить,

использовать вместе» и перейти к новой формуле: «суверенитет наш, использовать самостоятельно, действовать активно».

Усиление разведочных работ, замеры и картографирование Восточного моря

Это — новая установка, которой Китай придает особое значение и усиленно проводит ее в жизнь с 2012 г. Создано специальное управление — Картографическое, которое руководит и координирует пропаганду и распространение знаний государственной карты и осуществляет контроль над общегосударственным рынком карт из 13 правительственных органов. Это управление издает все карты, относящиеся к Восточному морю, и карты островов этого моря, которые публикуются, проводя политический курс Китая и одновременно распространяя знания о своей территории в массах.

II. Южно-Китайское море в отношениях Вьетнама с Китаем

При вступлении в XXI век в общественном мнении повсюду преобладала оптимистичная вера в то, что Восточное море ждет новый период мира, стабильности и сотрудничества во вьетнамо-китайских отношениях. Это особенно проявилось сразу после того, как были заключены Соглашение между СРВ и КНР о границах территориальных вод, исключительной экономической зоны и континентального шельфа в заливе Бакбо (Тонкинский) и Соглашение между правительствами СРВ и КНР о сотрудничестве в рыболовном промысле в заливе Бакбо. В это же время было принято Совместное заявление о всестороннем сотрудничестве между СРВ и КНР в новом веке. Действительные события последних лет показали, что, хотя общая тенденция к миру и стабильности все еще сохранялась, но обстановка в Восточном море развивалась крайне сложно, создавая угрозу международным отношениям в регионе, вообще в мире и, в частности, вьетнамо-китайским отношениям, сотрудничеству двух стран в сохранении безопасности в ВА.

По проблеме Восточного моря в Заявлении Вьетнама и Китая от 2000 года было ясно сказано: «Стороны обязуются строго выполнять соответствующие договоренности, достигнутые между двумя странами, активно сотрудничать, стремиться превратить границу между ними в границу мира, дружбы и длительной стабильности. Стороны подтверждают, что сохранят существующие механизмы переговоров

по морским проблемам и будут терпеливо искать путем переговоров фундаментальное, долгосрочное решение, приемлемое для обеих сторон. До того, как проблема будет решена, стороны будут активно обсуждать и изыскивать все возможности для сотрудничества в таких областях, как защита окружающей среды на море, метеорология, гидрология, защита от стихийных бедствий, исходя из принципа «сначала легкое, а сложное потом». Одновременно стороны не будут предпринимать ничего, что может дополнительно осложнить или расширить споры, не будут применять силу или угрожать силой. Стороны должны своевременно обсуждать и принимать необходимые меры для соответствующего разрешения возникающих разногласий в спокойном и конструктивном духе, не допуская, чтобы эти разногласия влияли на развитие нормальных отношений между сторонами»³.

Взаимные обязательства Вьетнама и Китая относительно проблем ЮКМ в первое время выполнялись. В течение ряда лет там сохранялась мирная обстановка. Экономическое сотрудничество Вьетнама и Китая в заливе Бакбо развивалось. С другой стороны, практика прошедших первых 10 лет показала, что соблюдение сторонами взятых обязательств оказалось совсем нелегким делом, и это все более ставило отношения двух стран в этой части перед большими трудностями.

Опыт первых 10 лет XXI века показал, что решение спорных проблем суверенитета и развитие нормального сотрудничества взаимно влияют друг на друга. Успешное решение одной проблемы создает благоприятные условия для решения другой, и наоборот. В течение 10 лет в целом руководство обеих стран старалось «своевременно обсуждать и достойно решать возникавшие разногласия в спокойном и конструктивном духе, не допуская, чтобы эти разногласия влияли на развитие нормальных отношений между сторонами», соответственно обязательствам по совместному «Заявлению о всестороннем сотрудничестве в новом веке». Однако во втором десятилетии XXI века Восточное море все более стало превращаться в «горячую точку» в отношениях двух стран, и, как мы уже говорили выше, стало «причиной всех причин», которая довела отношения Вьетнам с Китаем до самого низкого уровня.

1. Вьетнам и Китай в споре за суверенитет в ЮКМ

Прежде всего, надо признать, что Соглашение о границе территориальных вод, исключительной экономической зоны и континентального шельфа в заливе Бакбо, подписанное правительствами СРВ

и КНР 25 декабря 2000 г., ознаменовало новый этап в процессе разрешения споров в Восточном море и в сотрудничестве сторон по использованию его ресурсов.

В истории чей-либо суверенитет в заливе Бакбо никогда не фиксировался. Поэтому вышеупомянутое соглашение между правительствами СРВ и КНР явилось событием большого исторического значения в отношениях между двумя странами. Это соглашение о разделе в заливе соответствует позиции Вьетнама и общей тенденции в мире по разграничению акваторий вместе с исключительными экономическими зонами и границами континентального шельфа в тех случаях, когда ширина данного района не превышает 400 миль. Соглашение установило границы территориальных вод, а также ИЭЗ и континентального шельфа обеих сторон в заливе Бакбо по 21-й параллели северной широты, последовательно связанные друг с другом прямыми отрезками. Линия раздела оставила за Вьетнамом площадь, примерно на 8000 кв. км большую, чем за Китаем (в соотношении 1,135:1). Это был справедливый и приемлемый для обеих сторон результат. С момента заключения и вступления в силу соглашения о разграничении в заливе Бакбо, хотя и возникали некоторые недоразумения и инциденты небольшого масштаба, но в целом мир и стабильность в отношениях сторон удавалось сохранять, что способствовало экономическому сотрудничеству Вьетнама и Китая в «поясе» залива.

Главная проблема Восточного моря в настоящее время связана с двумя архипелагами — Парасельским и Спратли. Парасельские острова были полностью оккупированы Китаем с 1974 г. Архипелаг Спратли является объектом не только двустороннего спора Вьетнама и Китая, но также предметом многостороннего спора 5 государств и 6 сторон — Вьетнама, Китая, Филиппин, Малайзии, Брунея и Тайваня. Естественно, что мир и стабильность в Восточном море касаются интересов многих государств, включая США, Японию и др., но в первую очередь это затрагивает интересы государств ЮВА.

Сотрудничество ради безопасности и развития является важной необходимостью и естественным стремлением всех прибрежных государств Восточного моря в отношениях друг с другом. Поскольку Китай заявляет о своем *«беспорном суверенитете»*, а другие государства рассматривают свой суверенитет в этом море тоже как *«имеющий стратегическое значение, не допускающее никакого компромисса»*, представляется, что в долгосрочной перспективе споры о суверенитете будет невозможно решить ни путем прямых переговоров между этими государствами, ни через Международный суд. В этих условиях

мир и стабильность в Восточном море не только являются жизненно важным интересом береговых государств, но и затрагивает интересы таких стран, как Япония, Корея, США, Индия и другие, в том, что касается свободы судоходства и международной торговли.

Принятая в 2002 г. в Пномпене АСЕАН и Китаем Декларация о поведении сторон в Восточном море (англ. DOC) была направлена на сохранение статус-кво, поддержание мира и стабильности ради сотрудничества и развития в условиях, когда еще не было никакого юридически обязывающего кодекса правил поведения сторон в Восточном море. Декларация гласила: «Заинтересованные стороны участвуют в разрешении территориальных споров мирными средствами, не прибегая к угрозам или применению вооруженных сил, путем дружественного обмена мнениями и переговоров между непосредственно участвующими сторонами, и опираясь на общепринятые нормы международного права, включая Конвенцию по морскому праву 1982 года»⁴. Декларация утверждала также «свободу судоходства и воздушных сообщений в Восточном море». Участники обязались воздерживаться от любых действий, способных осложнить или усилить споры и повлиять на мир и стабильность в регионе.

Какое-то время после принятия этой Декларации не было ни одного военного столкновения между сторонами с целью установления суверенитета над островами. Несмотря на то, что Декларация не имела обязательной юридической силы, а «доверие» между сторонами было весьма ограничено, сохранение мира и относительной стабильности все же создало условия для некоторого продвижения вперед сотрудничества в вопросах безопасности и стабильности между странами региона.

Проблема в том, что до последнего времени Декларация 2002 г. не имела никаких конкретных директив по ее применению. Все стремятся к тому, чтобы появился, наконец, Кодекс поведения сторон в Восточном море (англ. СОС), принятый АСЕАН и Китаем и имеющий обязательную силу для обеих сторон. Значение Декларации 2002 г. должно быть подтверждено, но вместе с тем необходимо видеть, что ее претворение в жизнь идет, действительно, трудно. С 2009 г. все обсуждения вопросов реализации этой Декларации зашли в тупик из-за позиции Китая, который выступал только за двусторонние переговоры и не хотел никаких многосторонних обсуждений с АСЕАН⁵.

За период с 2007 г. и до настоящего времени Китай совершил целый ряд действий, которые значительно ослабили безопасность в регионе Восточного моря, а вьетнамо-китайские отношения стали бо-

лее напряженными. Особого внимания заслуживает май 2009 г., когда Китай крайне жестко прореагировал на то, что Вьетнам и Малайзия вместе внесли свои претензии на шельф в Восточном море в Комиссию ООН по границам материкового шельфа. По этому случаю Китай впервые представил в ООН официальную ноту с требованием суверенитета на акваторию моря в границах так называемой «линии бычьего языка», которая охватывала более 80 % всей акватории и включала оба вьетнамских архипелага — Парасельский и Спратли. Самым серьезным стало то, что с 2011 г. и по настоящее время Китай усилил враждебные действия в Восточном море, что вызвало осложнение всей обстановки в регионе в первые годы второго десятилетия XXI века.

Оглядываясь на вьетнамо-китайские отношения в споре за суверенитет в Восточном море в прошедший период, мы видим, что:

- во-первых, переговоры на экспертном уровне между Китаем и Вьетнамом по проблемам Восточного моря, хотя и не принесли ожидаемых результатов, но само наличие этого переговорного механизма имело свое значение. Оно было полезно для поддержания стабильности в отношениях двух стран в этом море;
- во-вторых, полное решение спора о суверенитете в Восточном море таким образом, чтобы это было приемлемо для обеих сторон, наверняка невозможно в ближайшем будущем из-за сложности самой проблемы. Поэтому все стороны, особенно Китай и Вьетнам, должны принять временные меры, которые были бы приемлемы для обеих сторон, *исходя из принципа «сохранения статус-кво» и одновременно обеспечивая мир и стабильность, создавая условия для сотрудничества и развития, для того, чтобы в отдаленной перспективе прийти к окончательному решению проблемы путем мирных переговоров* (курсив наш. — Ред.).

2. Вьетнам и Китай: экономическое сотрудничество в ЮКМ

Можно сказать, что вьетнамо-китайское экономическое сотрудничество в ЮКМ началось с «Соглашения о сотрудничестве в рыболовстве в заливе Бакбо», которое было заключено правительствами СРВ и КНР 25 декабря 2000 г. Соглашение было достигнуто всего за месяц переговоров. На его основе стороны установили район совместного промысла морепродуктов шириной около 30 миль от линии раздела, лежащей ниже 20° Северной широты. В первые годы выполнения этого Соглашения координация действий между сторонами была еще слабой, и потому произошло несколько инцидентов и за-

служивающих сожаления столкновений. Но с 2008 г. и до настоящего времени положение здесь начало улучшаться.

В 2004 г. премьер министры Фан Ван Кхай и Вэн Цзябао согласовали план вьетнамо-китайского экономического сотрудничества по модели «один пояс и два коридора», который открыл новую перспективу торгово-экономического сотрудничества обеих стран в «Поясе залива Бакбо». Залив Бакбо — это часть Восточного моря⁶. На его берегах находятся китайские провинции Гуанси, Гуандун, Хайнань и вьетнамская провинция Куангнинь, город Хайфон, провинции Тхайбинь, Намдинь, Тханьхоа и Нгеан. Эти провинции Китая и Вьетнама располагают богатыми месторождениями нефти и благоприятными географическими и природными условиями для развития. Если будут налажены взаимные связи, то могут быть созданы благоприятные условия для сотрудничества между ними и взаимной дополняемости в целях развития.

Экономический пояс залива Бакбо занимает очень благоприятное географическое положение на путях между странами АСЕАН и Китаем. В нем можно воспользоваться большими и разнообразными ресурсами для развития. И там есть транспортная система на море, связанная с транспортными путями на берегу, что вместе взятое создает весьма благоприятные условия для экономических связей между окружающими регионами.

В июле 2006 г. на Форуме экономического сотрудничества в заливе Бакбо, организованном в китайском городе Наньнин, была выдвинута идея экономического сотрудничества Китай — АСЕАН по модели «одна магистраль — два крыла», в которой одним из этих важнейших «крыльев» должно быть расширенное экономическое сотрудничество в заливе Бакбо. По мнению китайских экспертов, формула «один пояс и два коридора» — важная составная часть формулы «одна магистраль — два крыла»⁷. Из этого можно заключить, что для Китая экономическое сотрудничество в «поясе залива Бакбо» является неотъемлемой составной частью экономического сотрудничества в расширенной зоне залива Бакбо. Для Вьетнама экономическое сотрудничество с Китаем в «поясе залива Бакбо» также крайне необходимо и полезно.

Формирование этого экономического пояса позволит расширить все сферы сотрудничества между Китаем и Вьетнамом в торгово-экономических отношениях, в инвестициях, туризме, на транспорте, а также в области культурных обменов, защиты окружающей среды, эксплуатации и сохранения ресурсов залива Бакбо.

В первом десятилетии XXI века Китай придавал особое значение экономическому развитию прибрежных районов Восточного моря. Поэтому он был вынужден активно сотрудничать со странами региона, в первую очередь с Вьетнамом. Торгово-экономические отношения со странами АСЕАН имеют для Китая особую важность. Прежде всего, они необходимы для дальнейшего роста экономики в южных провинциях страны. За первые 20 лет реформ состоялось открытие прибрежных районов. Их экономика быстро росла. В заливе начали создаваться лучшие условия для развития, хотя это произошло почти на 10 лет позже, чем в других прибрежных районах. Китай наращивал торгово-экономическое сотрудничество с Вьетнамом и вообще с АСЕАН.

Для прибрежных государств «расширенной зоны залива Бакбо» большое значение имеет сотрудничество в использовании ресурсов моря. Есть даже такое мнение, что по запасам углеводородов Восточное море можно сравнить со всем регионом Ближнего Востока. Очевидно, что Китай и страны ЮВА испытывают все большую и быстро растущую потребность в нефти и газе. По данным Агентства энергетической информации США, потребность прибрежных государств Восточного моря в сырой нефти в 2025 г. составит 15,1 млн баррелей в сутки⁸. Разработка нефтегазовых месторождений Восточного моря является важнейшим мотивом, побуждающим страны региона отстаивать здесь свой суверенитет. Но этот вопрос потребует еще долгого времени для своего решения, а в это время «жажда» нефти и природного газа Китая и других стран региона будет все более усиливаться.

Необходимо найти какие-то временные пути «совместной разработки» этих ресурсов. Но непреодолимым препятствием для этого стал вопрос о месте такой совместной добычи углеводородов. В принципе стороны могут совместно использовать только те участки моря, которые являются спорными между ними. Но на практике некоторые страны считают данный район своим, тогда как другая страна, напротив, считает его спорным. Поэтому формула «споры временно отложить и разрабатывать вместе», предлагаемая Китаем, оказывается на практике трудно реализуемой. Это наглядно показало ее применение в совместных геологических исследованиях трех сторон в Восточном море в 2005—2008 гг., а именно Национальной офшорной нефтяной компании Китая (CNOOC), вьетнамской «Петровьетнам» и Филиппинской государственной нефтяной компании. Китай выдвинул установку «споры отложить и разрабатывать вместе», имея в виду, что суверенитет останется за Китаем.

Сотрудничество в рыболовстве в заливе Бакбо тоже не избежало влияния споров о суверенитете. Восточное море считается одним из самых богатых в мире мест по ресурсам морепродуктов. В нем насчитывается до 2500 видов морепродуктов и 500 видов кораллов. Общее количество ежегодно добываемой продукции достигает 8 млн тонн и составляет 10 % от мировой добычи. В то время как в заливе Бакбо было проведено разграничение суверенитета, в других оставшихся районах Восточного моря споры по суверенитету стали серьезным препятствием для добычи морепродуктов государствами, но особенно для вьетнамских рыбаков, традиционно ведущих лов рыбы в районах Парасельских островов и Спратли. Китай по собственному усмотрению задерживает вьетнамские рыболовецкие суда, а то и обстреливает рыбаков (события 2005 г.), в одностороннем порядке объявляет запрет на ловлю рыбы в ряде районов Восточного моря на произвольно устанавливаемый срок. Так, мораторий на ловлю рыбы, введенный Китаем в 2010 г., осуществлялся в течение 10 недель с мая по июль. Поэтому сотрудничество Вьетнама и Китая в разработке ресурсов Восточного моря очень ограничено. Оно может быть расширено при условии улучшения сложившейся там напряженной обстановки.

Короче говоря, отношения между Вьетнамом и Китаем в последние годы то «тептели», то становились вновь напряженными в зависимости от проблем Восточного моря. Это проявлялось в двух областях: в спорах из-за островов и участков моря и в торгово-экономическом сотрудничестве.

III. Южно-Китайское море и проблема региональной безопасности

Споры в ЮКМ появились с начала XX века, но стали особенно острыми и сложными примерно со второй его половины и до наших дней. В эти годы спор из-за суверенитета над островами оказался тесно связан с развитием морского права (от Женевской конвенции 1958 г., и до Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.), с развитием добычи нефти из-под морского дна и ростом международного значения транспортных коммуникаций, проходящих через это море. С геополитической, геостратегической и экономической точек зрения в Восточном море не только идет спор из-за островов и акватории моря между СРВ, Малайзией, Филиппинами и Брунеем, с одной стороны, и Китаем и Тайванем — с другой, но и усиливаются геостратегиче-

ские противоречия между державами, имеющими интересы в регионе, в первую очередь, между США и Китаем. Его военные мероприятия, особенно меры по усилению контроля над Восточным морем, осуществленные в последнее время, серьезно угрожают миру и региональной безопасности.

1. Планы Китая в сфере региональной безопасности

ЮКМ является одновременно щитом, защищающим безопасность Китая с Юга, и его морскими воротами, через которые, минуя Индию, он попадает на Ближний Восток и в Африку. Оно рассматривается Китаем как плацдарм, на котором необходим его военный контроль с тем, чтобы исключить любую внешнюю угрозу. Военные базы в южной части материкового Китая, связанные с базами в Восточном море и по берегам Индийского океана, образуют «жемчужное ожерелье» из опорных точек, простирающееся до Ближнего Востока. В Китае хорошо понимают важность выхода в море и того, что подъем и процветание Китая должны опираться на использование морей, как это было раньше со многими странами, такими, как Испания, Португалия, Голландия, Англия, Япония и США. С идеей стать хозяином океана, построить мощную морскую державу XVIII съезд КПК официально утвердил морскую стратегию страны, которая заявила о своей решимости усилить разработку ресурсов моря, развивать морскую экономику, защищать экологическую среду, права и государственные интересы на море.

Как ожидается, Китай сможет осуществить свою цель стать морской державой примерно в период 2030—2035 гг. Один из планов руководителей Китая, связанных с его превращением в морскую державу, состоит в том, чтобы такие страны, как Япония, Филиппины и Вьетнам, больше «не могли делать погоду» и «постепенно приучились к тому, чтобы использовать процветание экономики великого Китая для собственного развития в условиях экономической и политической зависимости от Китая»⁹. Грандиозный замысел построить мощную морскую державу нацелен на то, чтобы сделать Китай хозяином Тихого океана, установить экономическое и геополитическое господство на материке.

Почти все форумы АСЕАН и Восточноазиатский саммит, несмотря на все протесты Китая, обсуждают проблему Восточного моря. И даже были моменты, когда Китай попадал в изоляцию на этих международных форумах, что наносило ущерб китайской дипломатии. Китай побуждает крупные державы мира, особенно США, обращать внимание и ускоренными темпами вновь укреплять свои позиции в

Азии. Тот факт, что Китай наращивает мощь своих ВМС, побуждает также страны региона и находящиеся вне его стремиться к большей взаимосвязи.

В настоящее время Китай столкнулся с противоречиями в ЮКМ на трех уровнях:

- с государствами, провозгласившими свой суверенитет в Восточном море;
- с США;
- со странами, имеющими «связанные с этим интересы», например, с Японией, Индонезией, Южной Кореей, Австралией.

Китай подтолкнул ближайших партнеров к сближению на одной стороне, побуждая их к созданию блока, и в основном привел к образованию «мягкого» союза с ними в ЮКМ. Наряду с этим его действия привели к тому, что некоторые страны, не желющие вмешательства Китая, сформировали недружественное окружение против Китая.

2. Возвращение США в Азию — создание равновесия или стратегическое противостояние?

«Возврат США в Азию», в ЮВА при администрации Б. Обамы означает также их «возвращение в Южно-Китайское море». Цели этого «возвращения» были наглядно показаны в выступлении тогдашнего министра обороны США Р.М. Гейтса на IX диалоге Шангри-Ла в Сингапуре¹⁰. В нем Гейтс дал понять, что США вмешаются, если какая-то страна «применит силу» для решения споров или воспрепятствует свободе судоходства.

«Возвращение» США в Азию выглядит как реальный шанс осуществления идеи *стратегического баланса в регионе*. Хотя никто не может предсказать, станет ли XXI век с возвращением США в Азию «американским веком АТР» или китайским, но все легко могут видеть, что главная тенденция в регионе связана с китайско-американскими отношениями сотрудничества и одновременно ожесточенной геополитической и экономической конкуренции.

В действительности, США никогда Азию и не покидали. «Возвращение в Азию» для США означает на практике возобновление и усиление их роли в западной части Тихого океана. США расширили торгово-экономические отношения, довели до финала переговоры о создании Транстихоокеанского партнерства, усилили свое военное присутствие. Объективно «возвращение США в Азию» нацелено на ослабление давления Китая на страны региона. И эти страны тоже должны были внести соответствующие коррективы в свою политику

для извлечения максимальной выгоды из этого для себя. Филиппины и Мьянма в этом отношении являются двумя примерами таких довольно заметных стратегических изменений.

США, проводя политику расширения союзнических связей, укрепили уверенность Филиппин в своих силах, поощрив на более жесткий отпор давлению со стороны Китая. Ослабление китайского давления позволило и Мьянме принять решение об обновлении политических и экономических институтов страны путем реформ и открытости, начать демократизацию и создание рыночной экономики, интегрироваться в региональное и мировое сообщество.

Последствия американского «возвращения в Азию» в каждой стране имеют свои особенности, но в целом они имеют две стороны: позитивную и негативную, дают шанс и одновременно являются вызовом. Возврат США в ЮВА — это часть их общего «возвращения в Азию». В отличие от СВА, где США имеют важных военных союзников — Японию, Южную Корею и в дополнение к ним Тайвань, в ЮВА у США есть только Филиппины и Таиланд в роли «союзников вне НАТО», а также тесные связи с Сингапуром. Кроме этого, Индонезия, Малайзия, Бруней и три страны Индокитая — все имеют свои особенности в отношениях с США и с Китаем.

В прошедшие годы Китай быстро наращивал свое влияние в АСЕАН. При этом нельзя сказать, что позиции США в ЮВА сильно ослабли или стали слабее китайских. В политическом плане у США есть союзники, а у Китая их нет. В военном отношении перевес явно остается на стороне США. В торгово-экономических отношениях Китай занимает сильные позиции, но не прочные. США укрепляют и продвигают торгово-экономические отношения со странами АСЕАН. Геополитическое соперничество США и Китая в ЮВА оказывает всестороннее влияние на все государства ЮВА. Союзные США страны продолжают опираться на их поддержку, но одновременно ограничивают противостояние с Китаем. Мьянма широко открывает двери для сближения с США и Западом, но одновременно не прерывает своих отношений с Китаем. Другие страны тоже поддерживают баланс в отношениях с США и Китаем. Внешнеполитический курс АСЕАН в целом как региональной организации тоже направлен на поддержание этого равновесия в отношениях с США и Китаем.

Вьетнам — это особый случай. Он сохраняет традиционные отношения с Китаем, с которым он связан общностью политического строя, но одновременно испытывает серьезное давление с его стороны в отношении суверенитета и территориальной целостности стра-

ны. США — важный партнер Вьетнама, но сотрудничество с США также ставит Вьетнам перед вызовами, требующими осторожности и бдительности. Основу политики Вьетнама представляет установка на независимость, опору на собственные силы, гибкость политического курса, соответствующую реакцию и изменения в зависимости от положения в каждой области и в каждом конкретном случае.

Перемещение центра тяжести в стратегии и экономике США в АТР, естественно, непосредственно повлияло на политику Китая в Восточном море и значительно усилило геополитические и экономические противоречия между ними. Для того, чтобы избежать конфликта, обе стороны пытаются направить отношения в русло согласия, чтобы соблюсти интересы обеих сторон.

Заключение

Южно-Китайское море имеет не только геополитическое и геоэкономическое значение, но и важное геостратегическое значение. Проблема ЮКМ превратилась в актуальную проблему глобального характера. Именно поэтому споры в этом районе для Китая не ограничены рамками вьетнамо-китайских отношений и региональной безопасности.

Такие страны, как США, Россия, Индия, Япония, Австралия, имеют определенные интересы в Восточном море. Поэтому в спорах по его проблемам всегда есть и их участие. Когда споры достигают глобального масштаба, то для их разрешения требуются многосторонние методы с участием многих сторон и при определенных правилах их поведения, соответствующих нормам международного права. Роль крупных держав в спорах и столкновениях в ЮКМ исключительно важна. Они служат противовесом Китаю, создают баланс сил, а также являются силой, стоящей между участниками противостояния. На практике происходит спор между Китаем, как новой поднявшейся державой со своими планами в отношении глобальной стратегии, с одной стороны, а с другой — с рядом государств ЮВА, значительно более слабыми по сравнению с Китаем. Тот факт, что ряд других держав участвуют в этом споре, хотя и в ограниченном масштабе, помогает и является благоприятным для решения спора и всего конфликта.

Для Вьетнама проблема ЮКМ является в настоящее время и в будущем останется самой чувствительной в отношениях с Китаем и самой «горячей точкой» в плане региональной безопасности. Перед Вьетнамом встает задача четко определить для себя краткосрочную,

средне- и долгосрочную цели в ЮКМ в экономической, политической и военной областях. Он должен выработать дипломатический курс в отношениях с Китаем, США, со странами АСЕАН, включая те, которые участвуют и не участвуют в споре с Китаем. *В долгосрочном плане* первостепенное значение имеет также определение сферы суверенитета Вьетнама в ЮКМ. После уточнения конкретных границ суверенитета могут быть определены и цели борьбы за возвращение или в защиту этого суверенитета. *В среднесрочном плане*, опираясь на существующее положение и возможное развитие событий, необходимо выработать внутреннюю и внешнюю политику, экономические, политические и военные меры, которые будут служить этим целям.

В краткосрочной перспективе до 2020 года цель Вьетнама в спорных районах — «сохранить статус-кво». По своему содержанию эта цель тоже делится на три задачи:

- укреплять и надежно защищать те районы, в которых Вьетнам уже имеет суверенитет;
- упорно добиваться возвращения островов, которые были под суверенитетом Вьетнама, но в настоящее время оккупированы нашими оппонентами (прежде всего, это Парасельские острова);
- сотрудничать со всеми сторонами (Китай, США, АСЕАН) в защите мира, стабильности и совместном развитии в ЮКМ.

Исходя из этих требований, необходимо строить внешнеполитические отношения с Китаем, странами АСЕАН, особенно с теми, кто участвует в спорах в ЮКМ, с США и с другими странами, имеющими там свои интересы.

В условиях все более мощного подъема Китая Вьетнаму необходимо еще более прочное общенациональное согласие, более ясная и единая политика, для того чтобы создать лучшие условия в отношениях с Китаем.

Итак, можно сказать, что проблемы ЮКМ являются ключом к вьетнамо-китайским отношениям, который Китай держит в своих руках. Но можно быть уверенным, что при любых условиях у Вьетнама хватит разума и мудрости, умения сочетать национальную силу народа с движущими силами эпохи для надежной защиты Родины, развития и строительства богатой страны.

Исходя из показанной выше единой позиции правительства Вьетнама, решение спорных проблем ЮКМ связано не только с государственными и национальными интересами, но и с мирными условиями развития в регионе и миром во всем мире. В отношении будущих лет наше исследование приводит к следующим выводам.

1. Необходимо использовать все средства для устранения факторов, вызывающих волнения в ЮКМ. Мир, сотрудничество, стабильность в этом море в интересах всех связанных с ним государств и всего мира. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы решение проблем ЮКМ вызвало противоречия внутри нашего народа, привело к подрыву социальной стабильности. Для этого, как нам представляется, Вьетнам должен вести прямые переговоры с участвующими странами — как ради общих интересов, так и ради интересов каждой страны в отдельности. Необходимо применить принцип «ты сядь на мое место, а я — на твое», чтобы обсуждать и находить приемлемый выход для обеих сторон. В каждой проблеме Восточного моря необходимо соблюдать международное право.

2. Усилить дипломатическую деятельность, добиться того, чтобы весь мир поддержал позиции Вьетнама по проблемам ЮКМ. Придерживаться принципа сохранения статус-кво. *Можно рассмотреть возможности совместного использования ресурсов ЮКМ в спорных районах на базе совместного суверенитета спорящих сторон* (курсив наш. — Ред.).

3. Очень может быть, что Китай не согласится с нашей дипломатической стратегией по проблемам Восточного моря. Однако успех международных научных конференций по проблемам ЮКМ, состоявшихся в последние годы в Ханое, показал высокую оценку этой политики. И поэтому необходимо продолжать еще более широко внедрять ее в мировое общественное мнение и внутри страны. Необходимо создать организационные рамки для участия неофициальных организаций и обмена мнениями, выстраивая согласие между Партией и народом, не допуская, чтобы проблемы ЮКМ превращались во внутренние национальные противоречия, приводящие к подрыву социальной стабильности. В силу сложности и важности этих проблем мы должны спокойно искать наиболее выгодные и реально возможные пути их решения.

Перевел Г.М. Локшин.

Примечания

¹ В статье употребляется вьетнамское название — Восточное море, нами оно изменено на общепринятое в мировой географии Южно-Китайское море — ЮКМ (прим. ред.).

² URL: <http://vietnamnet.vn/vn/tuanvietnam/240162...>

³ Tuyên bố chung về hợp tác toàn diện trong thế kỷ mới giữa nước CHXHCN Việt Nam và nước CHND Trung Hoa // Nhân dân (Общая декларация о всестороннем сотрудничестве между СРВ и КНР // Нян зан). 26.12.2000.

⁴ Declaration on the Conduct of Parties in the South China Sea. URL: <http://www.w.w.asean.sec.org>.

⁵ A diplomatic viclong for China // South China Morning Post. 31.10.2009.

⁶ Залив Бакбо имеет площадь более 126 тыс. кв. км. В самой широкой части он простирается на 310 км, а в самой узкой — 207 км.

⁷ Vì Thụ Tiên. «Một trục hai cánh» và «Hai hành lang, một vành đai» // Kỷ yếu Hội thảo. Hanoi: Nxb Khoa học Xã hội, 2007. Tr. 61—62 : [Ви Тху Тиен. «Одна ось — два крыла» и «Один пояс — два корридора» // Материалы симпозиума. Ханой: изд-во «Общественные науки». 2007. С. 61—62].

⁸ URL: [http://www.cia.doe.gov/emeu/cabs/south China Sea/ Back ground.html](http://www.cia.doe.gov/emeu/cabs/south%20China%20Sea/Back%20ground.html)

⁹ URL: <http://www.biendong.net/binh-luan/1118-trong-l-trinh-tr-thanh-cng-quc-bin-trung-quc-s-khong-tha-hip-v-ch-quyn.html>; URL: <http://nguoiotgach.blogspot.com.au/2013/01/trung-quoc-xay-dung-cuong-quoc-bien.html>

¹⁰ *Robert M. Gates*. Strengthening Securily Partnerships in the Asia-Pacific. Phát biểu tại Hội nghị cao cấp «An ninh Châu Á lần thứ 9 — Đối thoại Shangri-la», Singapore, 5.06.2010 (выступление на 9-м Саммите по азиатской безопасности — Диалог Шангри-Ла в Сингапуре 5 июня 2010 г.).

Е.В. Кобелев

РОССИЙСКО-ВЬЕТНАМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

На современном этапе российско-вьетнамские отношения являются, несомненно, важным фактором обеспечения мира и безопасности как в Юго-Восточной Азии (ЮВА), так и в целом в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Особенно их международная значимость возросла после подписания в 2001 г. Декларации о стратегическом партнерстве между Россией и Вьетнамом. Она стала, по существу, программой развития масштабных отношений и всестороннего сотрудничества между двумя странами в наступившем новом столетии.

В Декларации, состоящей из 17 статей, в развернутом виде представлен весь комплекс вопросов, касающихся как многоплановых российско-вьетнамских отношений, так и наиболее важных международных проблем, в успешном решении которых заинтересованы обе стороны. Говоря о тесном сотрудничестве в международных делах, стороны подчеркнули, что они «последовательно выступают за закрепление позитивных тенденций в мировом развитии, за формирование миропорядка, основанного на справедливости и равноправии между государствами, в интересах мира, стабильности и развития человечества», отметив при этом, что они «придают исключительно большое значение вопросам обеспечения безопасности и укрепления доверия в Азиатско-Тихоокеанском регионе»¹.

Важно при этом отметить, что Россия стала первой страной, с которой Вьетнам установил отношения принципиально нового для вьет-

намской внешнеполитической практики формата — отношения стратегического партнерства. В то же время и для РФ Вьетнам является сегодня единственной страной ЮВА, с которой наша страна установила и развивает отношения стратегического партнерства. Это объясняется тем, что Россия заинтересована в сильном и процветающем Вьетнаме. Как представляется, Вьетнам также заинтересован во всемерном наращивании комплексного потенциала партнерства с Россией.

После подписания Декларации и успешного развития сотрудничества двух стран в новом формате минуло чуть более 15 лет, которые убедительно продемонстрировали, что стратегическое партнерство — это именно та форма взаимоотношений, которая позволяет не только сохранить традиции былой дружбы, но и успешно наращивать взаимодействие во всех сферах двустороннего сотрудничества. В результате 27 июля 2012 г. в ходе официального визита в Россию президента СРВ Чыонг Тан Шанга стороны достигли исторической договоренности о принципиальном повышении уровня стратегического партнерства, подписав Совместное заявление об отношениях *всеобъемлющего стратегического партнерства*. Как заявил президент СРВ, «укрепление и развитие отношений традиционной дружбы и всеобъемлющего стратегического партнерства с Российской Федерацией является одним из важнейших приоритетов внешней политики Вьетнама»².

Через год, 12 ноября 2013 г., в ходе очередного официального визита в СРВ президента России В.В. Путина было подписано Совместное заявление о дальнейшем укреплении отношений всеобъемлющего стратегического партнерства. Выразив в этом документе взаимное удовлетворение результатами развития нового формата отношений, стороны отметили: «Главы государств подтвердили обоснованность придания российско-вьетнамскому стратегическому партнерству всеобъемлющего характера, что открыло качественно новые возможности для наращивания взаимовыгодного сотрудничества по широкому спектру направлений, включая интенсивный политический диалог на высшем и высоком уровнях...»³.

В связи с этим нельзя не отметить, что Россия и Вьетнам весьма гармонично дополняют друг друга по многим важнейшим позициям государственных интересов каждой стороны. Так, по мнению вьетнамских экспертов, в России вьетнамцы видят, прежде всего, дружественную внерегиональную державу, которая не только сохранила, но и наращивает дальше весомый политический, экономический и военный потенциал, и которая может быть и на деле является полезной

для «балансировки» отношений Вьетнама с другими мировыми державами и политико-экономическими центрами.

Что же касается Вьетнама, то, с точки зрения российского научного сообщества, — это крупная, динамично развивающаяся, дружественная России страна, которая к тому же является одним из ведущих членов влиятельной региональной группировки — АСЕАН. В Указе президента России В.В. Путина № 605 от 7 мая 2012 г. СВР названа *одним из трех самых важных* (наряду с Китаем и Индией) *стратегических партнеров России в Азии*⁴.

На сегодняшний день особенно весомыми представляются достижения стратегического партнерства двух стран в сфере политико-дипломатического сотрудничества. В политическом диалоге Россия и Вьетнам занимают одинаковые или схожие позиции по жизненно важным вопросам современного мирового развития, особенно это касается, с учетом географического расположения обеих стран, проблем обеспечения безопасности и сотрудничества в ЮВА и АТР.

В своей политике в азиатском регионе Россия и Вьетнам уделяют приоритетное внимание проблемам обеспечения мира, стабильности, безопасности, устойчивого экономического развития региона, укреплению здесь добрососедских отношений в духе взаимного доверия. Стороны оказывают друг другу взаимную поддержку и координируют свои действия по широкому спектру вопросов, включаемых в повестку дня таких многосторонних структур, как Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ), других многосторонних механизмов сотрудничества, в том числе таких, как Восточноазиатский саммит (ВАС), Совещание министров обороны государств-членов АСЕАН и диалоговых партнеров. Нередко на этих форумах по приоритетным вопросам региональной безопасности, политической и экономической интеграции обе страны выступают с совместными или согласованными инициативами. Взаимодействуют они и по вопросам противодействия терроризму, организованной преступности, наркотрафику, скоординированной борьбы со стихийными бедствиями, энергобезопасности и энергоэффективности и т. п.

В целом внешняя политика — одно из центральных звеньев всеобъемлющего стратегического партнерства России и Вьетнама. В условиях мощного ускорения темпов международной жизни, непрекращающихся опасных потрясений в мировой политике и экономике диалог по важнейшим вопросам глобальной и региональной повестки

дня становится императивом, одним из ключевых факторов, формирующих саму суть стратегического партнерства двух стран.

В СРВ придают большое значение проведению активной внешнеполитической деятельности, которая является эффективным катализатором кардинальных экономических и политических реформ, осуществляемых в стране уже 30 лет в рамках «политики обновления». Так, в принятом на XI съезде КПВ (январь 2011 г.) исправленном и дополненном варианте Программы партии сформулированы следующие задачи: «Последовательно проводить независимый, самостоятельный внешнеполитический курс на поддержание мира, сотрудничества и развития, осуществлять многовекторность и диверсификацию отношений, активную международную интеграцию; укреплять позиции страны на международной арене; выступать за интересы государства и нации, за богатый и сильный социалистический Вьетнам; быть другом, надежным партнером и ответственным членом международного сообщества, вносить свой вклад в дело мира во всем мире, национальной независимости, демократии и социального прогресса». Относительно региональных проблем в Программе указывается, что Вьетнам «вместе с государствами АСЕАН должен вести борьбу по превращению Юго-Восточной Азии в регион мира, стабильности, сотрудничества, развития и процветания»⁵.

Важная характерная особенность российско-вьетнамского стратегического партнерства состоит в высоком уровне многоплановых связей двух стран *в сфере обороны и безопасности*. Об этом четко сказано в Декларации о стратегическом партнерстве: «Стороны будут укреплять сотрудничество в оборонной сфере в интересах безопасности России и Вьетнама. Это сотрудничество не направлено против третьих стран» (п.8)⁶.

При этом и Москва, и Ханой единодушны в том, что сильный в военном отношении, но последовательно миролюбивый Вьетнам, что он убедительно демонстрирует особенно последние четыре десятилетия, является важным фактором обеспечения мира, безопасности и стабильности в регионе ЮВА. Проводя миролюбивую внешнюю политику, руководство СРВ выступает за такой политический курс, который демонстрировал бы всему миру, что Вьетнам действительно хочет мира. Этот политический курс называется *ba khong* («три нет»):

Первое. Вьетнам решительно отказывается от участия в любом коллективном военном союзе.

Второе. Вьетнам не будет вступать в военный союз с любым государством.

Третье. Вьетнам не разрешает любому государству создать военную базу на своей территории, и Вьетнам не опирается на одни страны против других⁷.

В октябре 2008 г. во время визита в Россию президента СРВ Нгуен Минь Чиета был подписан межправительственный меморандум о стратегии военно-технического сотрудничества России и Вьетнама на период до 2020 г. По данным Министерства обороны РФ, в 2009 г. Вьетнам закупил в России вооружений на сумму 3,5 млрд долл., в том числе 6 дизель-электрических торпедных подводных лодок (одновременно предусмотрено строительство с российским участием инфраструктуры их базирования и технического обслуживания во Вьетнаме), в 2010 г. — на сумму 4,5 млрд долл., в том числе закуплены современные сторожевые фрегаты типа «Гепард».

Наряду с ВМС, глубокую модернизацию с помощью России проходят и вьетнамские ВВС. Осуществляется закупка многоцелевых истребителей Су-30МК2 и средств ПВО. Как заявил министр обороны России С.К. Шойгу в ходе переговоров в Ханое в марте 2010 г., Россия готова помочь вьетнамским коллегам также в создании военно-морской авиации, и это — новая серьезная перспектива расширения военно-технического сотрудничества двух стран. По данным Международного института стратегических исследований, ВВС СРВ постоянно пополняются российской авиационной техникой. На их вооружении имеются сегодня 140 истребителей МиГ-21-бис, 53 истребителя-бомбардировщика Су-22М3/М 4, а также 12 истребителей СУ-27 СК/УБК и 4 машины СУ-30 МКК⁸.

РФ и СРВ ведут также обмен разведывательной информацией, касающейся мировой и региональной безопасности, в особенности борьбы против международного терроризма и пиратства. Расширяются контакты между военно-морскими силами двух стран. Корабли Тихоокеанского флота России стали вновь заходить в бухту Камрань и другие порты Вьетнама.

По своим масштабам и качественным характеристикам российско-вьетнамское сотрудничество в военно-технической сфере вышло на одно из лидирующих мест в АТР. По некоторым прогнозам, Вьетнам в течение ближайших нескольких лет может стать вторым по величине покупателем российской военной техники, уступая лишь Индии. Подписаны контракты на поставку вооружений и техники для ВВС, ПВО и военно-морских сил СРВ. Их номенклатура весьма обширна — от истребителей и ракетных катеров до фрегатов, подводных лодок и зенитно-ракетных систем. В России в учебных заведениях

Министерства обороны продолжается подготовка вьетнамских военных специалистов.

Созданная в 1999 г. Межправительственная комиссия по военно-техническому сотрудничеству РФ и СРВ регулярно прорабатывает вопросы поставки запчастей и ремонта вооружения и военной техники советского производства, создания во Вьетнаме при содействии российских специалистов соответствующих ремонтных предприятий. Ведется совместная разработка продукции военного назначения, началось производство на вьетнамских заводах по российским лицензиям различных видов современного оружия. Все это предполагает расширение масштабов и сфер взаимодействия, дальнейшее повышение технологического уровня поставляемой в СРВ наукоемкой продукции. Такое сотрудничество содействует ускорению сокращения технологического отставания Вьетнама от наиболее развитых в научно-технологическом отношении государств. И главное — достигнутый уровень сотрудничества в военно-технической сфере содействует поддержанию высокого уровня и дальнейшему развитию политических отношений между двумя странами, укрепляет их доверительный и дружественный характер.

Россия—Вьетнам—АСЕАН

Наконец, пожалуй, самый важный аспект стратегического сотрудничества между Россией и Вьетнамом в деле обеспечения региональной системы мира и безопасности в ЮВА — это площадка Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Учитывая растущий международный авторитет АСЕАН как системообразующей региональной группировки и весомую роль Вьетнама в развитии и укреплении этой организации, при подготовке проекта Декларации о стратегическом партнерстве по инициативе России в нее был включен следующий текст: «Россия придает важное значение отношениям с АСЕАН и исполнена решимости развивать всестороннее сотрудничество с АСЕАН на основе равноправия, взаимной выгоды, содействия укреплению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии»⁹.

Эта принципиальная позиция была подтверждена в ходе второго визита президента РФ В.В. Путина в СРВ в ноябре 2006 г. в Совместном заявлении по итогам визита сказано: «В духе отношений дружбы и сотрудничества Россия и Вьетнам выразили твердый настрой на дальнейшее упрочение взаимодействия в рамках диалогового парт-

нерства Россия—АСЕАН и по каналам контактов Шанхайской организации сотрудничества с АСЕАН, а также стремление оказывать друг другу взаимную поддержку в действующих и формирующихся в Азиатско-Тихоокеанском регионе многосторонних структурах»¹⁰.

Россия и Вьетнам ведут постоянный многоуровневый диалог по широкому спектру проблем, связанных с ситуацией в ЮВА и АТР, вопросов политической и экономической интеграции, проводимой АСЕАН. В связи с этим важно отметить, что само по себе развитие стратегического партнерства РФ и СРВ является фактором, стимулирующим ускорение диалогового партнерства между Россией и АСЕАН. И наоборот, все более активное включение Вьетнама в региональные интеграционные процессы сопровождается дальнейшим укреплением связей России со странами АСЕАН.

Сотрудничество с АСЕАН через Региональный форум по вопросам безопасности (АРФ) с участием стран-партнеров по диалогу (США, Китай, Россия, Япония, Индия, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия) играет позитивную роль в поддержании стабильности и безопасности в АТР. Россия и СРВ единодушны в том, что АСЕАН, АРФ, а также другие региональные форумы и механизмы, инициированные АСЕАН, в том числе и такие, как Форум Шангри-Ла, совещания министров обороны стран-членов АСЕАН и ее диалоговых партнеров играют важную роль в укреплении мира и безопасности, налаживании эффективного реагирования на вызовы и угрозы как в ЮВА, так и в АТР в целом.

Став официальным членом АСЕАН в 1995 г., СРВ рассматривает участие в этой региональной организации в качестве приоритетного направления внешней политики своей страны. Ханой регулярно выступает с инициативами, направленными на укрепление единства этой организации, упрочение позиций АСЕАН на международной арене, создание климата взаимного доверия между странами ЮВА. СРВ активно участвует в формировании политического курса этой региональной группировки, прилагает усилия для укрепления ее роли как движущей силы в вопросах обеспечения мира, безопасности и развития в ЮВА и АТР.

В 2010 г. Вьетнам успешно исполнил роль председателя АСЕАН и в этом качестве провел большую работу по организации 2-го саммита Россия—АСЕАН, прошедшего в Ханое. Второй саммит Россия—АСЕАН стал еще одной важной вехой в развитии отношений диалогового партнерства между Россией и странами — членами Ассоциации. Саммит продемонстрировал общую политическую волю руково-

дителей России и стран АСЕАН добиваться дальнейшего углубления взаимного сотрудничества, прежде всего, в интересах укрепления мира, безопасности и стабильности в ЮВА и АТР. Нельзя также не отметить, что Вьетнам, используя свой высокий авторитет в АСЕАН, всемерно способствовал тому, чтобы Россия была принята в Восточноазиатский саммит (ВАС) и стала его полноправным участником.

В целом вьетнамские политологи так оценивают роль Вьетнама в АСЕАН: за годы «после вступления в АСЕАН Вьетнам превратился в ядро солидарности, стал важным фактором мира, регионального сотрудничества и достойным доверия партнером, который вносит существенный вклад в решение проблем, имеющих большое значение для будущего АСЕАН»¹¹.

Во время визита в Россию президента СРВ Чыонг Тан Шанга (2012 г.) и его переговоров с В.В. Путиным стороны договорились о дальнейшем взаимодействии в целях всемерной поддержки ведущей роли АСЕАН в региональных процессах, ее инициатив по укреплению мира и безопасности, региональной экономической интеграции в ЮВА, в связи с чем, давая интервью «Российской газете», президент СРВ весьма эмоционально заявил: «Я очень четко вижу светлое будущее отношений между АСЕАН и Россией... И Вьетнам, и остальные члены АСЕАН горячо приветствуют углубление взаимодействия с Россией. Рост ее роли и укрепление позиций имеют очень большое значение для АСЕАН»¹².

Конфликтная ситуация в Южно-Китайском море

К сожалению, в последние годы в позитивный процесс наращивания российско-вьетнамского сотрудничества на базе принципов всеобъемлющего стратегического партнерства неожиданно вмешалось резкое обострение ситуации вокруг спорных островов Южно-Китайского моря (ЮКМ) — Парасельских и Спратли.

И Вьетнам, и Китай считают эти группы островов своей исконной территорией. В январе 1974 г. ВМС КНР установили контроль над теми островами Парасельского архипелага, где находились войска бывшего сайгонского режима. В 1988—1992 гг. ВМС КНР установили контроль над 9 островами и атоллами архипелага Спратли. В феврале 1992 г. китайский парламент — Всекитайское собрание народных представителей — принял закон, в котором указывалось, что острова Парасельские и Спратли «являются частью территории КНР

и включены в провинцию Хайнань». В июне 1994 г. вьетнамский парламент — Национальное собрание, — в свою очередь, принял резолюцию о ратификации Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву, в которой был безоговорочно подтвержден суверенитет Вьетнама над островами Парасельскими и Спратли.

Чтобы понять суть конфликта в ЮКМ, сделаем небольшой экскурс в прошлое. В Совместном коммюнике о нормализации отношений между СРВ и КНР в 1991 г. указывалось, что стороны «договорились путем переговоров мирно разрешать территориально-пограничные проблемы». В 1993 г. был подписан совместный документ об основных принципах урегулирования трех разных по сложности и остроте проблем: 1) демаркация сухопутной границы; 2) разграничение в Тонкинском заливе; 3) создание условий мира и стабильности в зоне Южно-Китайского моря.

Первые две проблемы в основном уже решены, хотя на это и потребовалось почти два десятка лет. Однако третья конфликтная проблема, похоже, с годами становится все более запутанной и острой. В подписанных в 1999, 2000 и 2011 г. совместных заявлениях Ханой и Пекин заявили об обоюдном стремлении «продолжать сохранять действующий режим переговоров по существующим проблемам моря, решительно выступать за мирные переговоры, чтобы найти кардинальное, долговременное взаимоприемлемое решение... Обе стороны будут избегать действий, которые могут усложнить либо расширить конфликт, избегать применения силы или угрозы ее применения..., не позволять, чтобы разногласия влияли на нормальное развитие отношений между двумя странами»¹³.

При этом Ханой последовательно придерживается позиции, что территориальные споры в ЮКМ должны решаться мирным путем, без применения силы или угрозы ее применения, на основе международного права, прежде всего, Устава ООН и Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. Несколько лет вьетнамские дипломаты проводили работу и внутри АСЕАН, и в переговорах с Китаем в пользу необходимости выработки Декларации о поведении сторон в ЮКМ (ДОС), и в 2002 г. она была, наконец, одобрена и подписана всеми странами АСЕАН и Китаем. Сегодня Ханой выступает не только за полную и эффективную реализацию этой Декларации, но и предлагает идти дальше — продвигаться к скорейшему принятию юридически обязывающего Кодекса поведения сторон в ЮКМ (СОС).

Несмотря на договоренности между Ханоем и Пекином «на высшем уровне», конфликтные ситуации в зоне ЮКМ возникают прак-

тически ежегодно. Военные учения ВМС КНР в спорных районах, произвольные аресты китайской стороной судов вьетнамских рыбаков с конфискацией их улова, создание препятствий вьетнамской стороне в проведении изыскательских работ на нефть и газ — все это неизменно вызывает резкую протестную реакцию руководства СРВ и вьетнамского общественного мнения.

Особенно острый конфликт произошел в мае 2014 г., когда китайская сторона неожиданно выдвинула гигантскую платформу HD981 для глубоководного бурения на нефть и газ в районе Парасельских островов на 80 миль в пределы исключительной экономической зоны (ИЭЗ) Вьетнама. В СРВ эти действия китайской стороны вызвали взрыв возмущения общественности: 13—14 мая в Ханое, Хошимине и других городах прошли массовые акции протеста.

В этих условиях стороны вновь прибегли к решению вопроса на «высшем партийном уровне». В апреле 2015 г. генеральный секретарь ЦК КПВ Нгуен Фу Чонг по приглашению генерального секретаря ЦК КПК, председателя КНР Си Цзиньпина прибыл в КНР во главе весьма представительной делегации, включавшей треть членов Политбюро ЦК КПВ. В принятом по итогам визита Совместном коммюнике стороны вновь условились решать все спорные вопросы на море путем переговоров и на основе Совместных заявлений 1999, 2000 и 2011 г.

По мнению крупного специалиста в вопросах региональной безопасности профессора Санкт-Петербургского университета В. Колотова, занимая жесткую бескомпромиссную позицию в территориальном споре, Пекин и Ханой в определенном смысле загнали себя в своеобразный тупик, из которого теоретически есть только три выхода:

1) одна из сторон отказывается от своих требований (на что ни Китай, ни Вьетнам пойти не готовы);

2) происходит очередная китайско-вьетнамская война (что, очевидно, не нужно ни Китаю, ни Вьетнаму);

3) Вьетнам и Китай углубляют двусторонний диалог, возможно, при посредничестве третьей стороны, которая пользуется доверием, и выходят на приемлемое разграничение сфер влияния и/или совместное использование спорных территорий при обоюдных уступках¹⁴.

Россия, естественно, выступает за третий сценарий развития событий. Альтернативы переговорам и поиску компромисса — нет. Понятно, что процесс поиска компромисса — это крайне трудная задача, требующая длительного времени и терпения. Советский Союз и затем Россия почти 40 лет вели переговоры с Китаем о прохождении

линии границы между двумя странами и все-таки достигли взаимоприемлемого соглашения. А в отношениях СССР и России с Японией территориальная проблема, а именно претензии Японии на четыре острова южных Курил, уже более 70 лет находится в подвешенном состоянии, из-за чего до сих пор между двумя странами не подписан мирный договор.

Россия, с пониманием относясь к позиции СРВ в территориальном споре с КНР, глубоко заинтересована в сохранении и развитии дружественных отношений между двумя этими соседними странами. Позиция нашей страны по проблеме ЮКМ состоит в том, что и Вьетнам, и Китай являются сегодня важнейшими стратегическими партнерами России, поэтому Россия исходит из того, что Ханой и Пекин должны решать территориальные проблемы только за столом переговоров и избегать любых односторонних действий, которые могли бы привести к военному конфликту.

К сожалению, как показывает практика современных международных отношений, в конфликтных ситуациях, связанных с территориальными спорами сдержанность и благоразумие часто уступают место непредсказуемым, взрывоопасным действиям, особенно более сильной стороны конфликта, которые часто сводят на нет длительную, кропотливую работу политиков и дипломатов.

Анализ ситуации вокруг ЮКМ и позиций Пекина и Ханоя показывает, что спор о принадлежности островов ЮКМ является крайне серьезным конфликтным фактором, который, судя по всему, будет в обозримом будущем «бросать все более мрачную тень» на отношения между двумя странами, что сегодня уже и происходит. При этом если для Вьетнама стремление к утверждению суверенитета над островами ЮКМ имеет, как представляется, национально-патриотическую и, в определенной мере, экономическую мотивацию, то для Китая важны, прежде всего, конкретные военно-стратегические резоны.

Что касается позиции Ханоя, то представляется маловероятным, что он решится пойти на риск военного столкновения с Китаем из-за спора вокруг островов ЮКМ. В то же время совершенно иначе выглядит оценка возможной эволюции и характера действий Пекина. Военные операции китайских ВМС в ЮКМ, повторяющиеся почти с равными промежутками времени, дают основание предположить, что в Пекине взяли на вооружение известную «тактику шелковичного червя», постепенно, шаг за шагом расширяя свои морские территориальные границы и военное присутствие в этой важной стратегической зоне.

В целом же растущее обострение конфликта в ЮОКМ между двумя стратегическими союзниками России ставит нашу страну в трудное положение. В данной ситуации у России только одна альтернатива — избегать выражать поддержку той или другой стороне конфликта и использовать свои политические возможности, чтобы удержать обе стороны конфликта от непредсказуемых действий. Но, к сожалению, такая позиция все более заметно вызывает у вьетнамской политической элиты и широкой общественности вполне закономерные, с их точки зрения, вопросы, насколько такая позиция соответствует духу всеобъемлющего стратегического партнерства.

Примечания

¹ Цит. по: Это незабываемое слово «Льенсо». М., 2006. С. 410, 412.

² Nghiên cứu quốc tế. 2012. N 3. Tr. 66.

³ Nhân dân. 13.11.2015.

⁴ URL: www.mid.ru (07.05.2012).

⁵ Материалы XI съезда Коммунистической партии Вьетнама (12—19 января 2011 г.). М., 2011. С. 184.

⁶ Это незабываемое слово «Льенсо». С. 410.

⁷ Nguyễn Chí Vịnh. Việt Nam cần sự ủng hộ quốc tế (Вьетнам нуждается в международной поддержке) // Thanh Nien Online. 30.05.2012.

⁸ См.: Современный Вьетнам. Справочник. М.: ИД «ФОРУМ», 2015. С. 268.

⁹ Цит. по: Это незабываемое слово «Льенсо». С. 413.

¹⁰ Цит. по: Тихоокеанское обозрение 2006—2007. М.: Ключ-С, 2007. С. 172.

¹¹ Vai trò của Việt Nam trong ASEAN (Роль Вьетнама в АСЕАН). Hà Nội, 2007. Tr. 198.

¹² Российская газета. 27.07.2012.

¹³ Nhân dân. 16.10. 2011.

¹⁴ Современный Вьетнам. Справочник. С. 232.

До Минь Као

ВЬЕТНАМ И ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЕ: ОБСТАНОВКА И ТЕНДЕНЦИИ

В последние годы возрастающий интерес к вопросу безопасности в Южно-Китайском море сделал спор о суверенитете над ним одной из проблем, имеющих региональный и в какой-то степени глобальный характер. Страны региона, а также многие другие страны мира, заинтересованные в разрешении конфликта, в том числе США, Индия, некоторые страны ЕС, Россия и другие, проявляли и проявляют особое внимание к данной проблеме.

Урегулирование конфликта в Южно-Китайском море, обострившегося в последние годы, не может быть достигнуто, если не будет совместных усилий со стороны международного сообщества, особенно со стороны всех заинтересованных стран. Фактическое изучение вопроса и старания каждого отдельного государства являются важным вкладом в координацию и эффективность практических усилий.

Статья отражает четкую и последовательную позицию Вьетнама в деле разрешения спора в Южно-Китайском море.

1. Вьетнам и Южно-Китайское море в прошедшие годы

Одной из главных задач государственной безопасности и национального суверенитета, в том числе борьбы за суверенитет над вьетнамскими островами в прошлые годы, — это поиск способов обеспечения безопасности в Южно-Китайском море. В рамках этой задачи Вьетнам имеет два приоритета: увеличение комплексных мер для за-

щиты суверенитета на островах Южно-Китайского моря, и правильная оценка своих потенциальных возможностей в этой борьбе.

а) Усиление борьбы в защиту суверенитета

Все последние годы безопасность в Южно-Китайском море оставалась актуальной и важной проблемой для Вьетнама. основополагающие принципы, политика и фактические действия, нацеленные на усиление практического контроля над Южно-Китайским морем в рамках создания «морской сверхдержавы» — китайской реформаторской идеи, выдвинутой Си Цзиньпином в отношении этой морской территории — продолжают создавать из Южно-Китайского моря одну из наиболее «горячих» зон в АТР и среди других морских территорий в целом. Такое отношение особенно опасно для соседних стран, имеющих морские границы с Китаем — Вьетнама, Филиппин и других.

В этой ситуации Вьетнам продолжает усиливать борьбу в защиту своего морского суверенитета. Особого внимания заслуживают следующие действия Вьетнама:

Реализация «Морского права», усиление правовой защиты

В 2012 г. Вьетнам принял Закон о «Морском праве». Этот первый в стране морской закон вступил в силу с 1 января 2013 г.

Закон о морском праве Вьетнама — важный законодательный документ, нацеленный на совершенствование правовой базы и определяющий статус его морских и островных территорий. Впервые во Вьетнаме появился правовой документ, наиболее полно освещающий правовой статус морских и островных территорий, подлежащих национальному суверенитету и суверенному праву в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. Это важная правовая база управления, защиты и развития экономики моря и островов Вьетнама. Закон содержит пункты, определяющие статус вьетнамских морских территорий как подлежащих вьетнамскому суверенитету, вьетнамскому суверенному праву и находящихся в государственной юрисдикции. Отдельно подчеркнут и определен суверенитет Вьетнама над такими островами, как Парасельские и Спратли, которые являются крайне важными во вьетнамском Морском законодательстве, вызывая большой интерес как внутри страны, так и за рубежом.

Стремясь разрешить споры по морским и островным территориям мирными способами, Вьетнам направил важное послание всему мировому сообществу: «Вьетнам — это ответственный член международного сообщества, уважающий и соблюдающий международное законодательство, особенно международные договоры, в которых Вьет-

нам выступает в качестве одной из сторон, в том числе Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года, и заинтересованный в борьбе за мир, стабильность и развитие региона и мира»¹. Данный закон является одним из важнейших орудий по защите и сохранению суверенитета, прав и интересов Вьетнама в Южно-Китайском море.

Помимо принятия и реализации Морского закона, Вьетнам также принял и осуществляет ряд других постановлений, ориентированных на утверждение суверенитета в отношении Южно-Китайского моря. Большое значение имеет Постановление № 162/2013/ND-CP, принятое 12 ноября 2013 г., в котором говорится о наказании за административные нарушения на морской и континентальной территории СРВ. Постановление определяет следующие группы административных правонарушений: нарушение порядка на морских, островных и континентальных территориях СРВ, нарушение порядка мореплавания вне портовых вод, нарушение порядка охраны окружающей среды.

Рост оборонной мощи

В 2013 и начале 2014 г. силы Военно-морского флота Вьетнама значительно увеличились. 23 мая 2013 г. в г. Хайфоне была организована официальная церемония создания Управления подводных сил при штабе ВМФ Вьетнама, направленного на помощь штабу и командованию флота в руководстве, управлении, организации обучения, поддержании боеготовности подводных сил ВМФ.

Впервые у вьетнамского ВМФ появились современные подводные лодки, в том числе 6 подлодок класса «Кило» проекта 636 — самые современные дизель-электрические подлодки в мире на настоящий момент, производимые в России. В целом Вьетнам не намерен применять военную силу, а будет действовать посредством переговоров и консультаций для поиска надлежащих способов защиты национального суверенитета, в том числе в ЮКМ².

Помимо подводных лодок ВМФ Вьетнама также наращивает силы, вводя в строй другие типы военных кораблей. Так, 26 августа 2013 г. в Хайфоне Главное управление оборонной промышленности передало морской погранслужбе 3 пограничных корабля под номерами CSB 8003, CSB 2015 и CSB 2016. Данное событие ознаменовало новый шаг по пути развития и постепенного обновления вооружений пограничных сил Вьетнама, чтобы они успешно выполняли функции охраны порядка и безопасности на море³.

ВМФ Вьетнама также укрепляет свою мощь посредством увеличения сил морской авиации. Так, 954-й авиаполк войск противовоз-

душной обороны (ПВО) был передан в ведение ВМФ. Был создан 930-й вертолетный полк при 372-й дивизии ПВО⁴.

Военно-воздушные силы Вьетнама также получили 3 транспортных самолета CASA-212-400. Самолеты CASA-212 — это современные самолеты четвертого поколения, производимые компанией Airbus и способные осуществлять операции в условиях, соответствующих вьетнамским⁵.

Вьетнам также приобрел у Белоруссии 20 радиолокационных станций метрового диапазона «Восток-Э» для усиления эффективности защиты воздушных и морских границ. Кроме РЛС «Восток-Э», Вьетнам также владеет несколькими системами перехвата самолетов-невидимок и станциями радиотехнической разведки «Кольчуга» украинского производства⁶. ВМФ Вьетнама также получил в свое распоряжение производимый канадской компанией «Викинг» гидро-самолет DHC-6 под номером VNT-777 VIP сил⁷.

Расширение пропагандистской деятельности по вопросу островов для улучшения понимания проблемы со стороны вьетнамских граждан.

Основная деятельность в целях пропаганды включает:

- издание литературы об островах Спратли (по образцу книги «Записки об островах Спратли») и фотоальбомов об островах Спратли и Парасельских, ориентированных на детский возраст, под названием «Колыбель нашей Родины»;
- выставки, посвященные картографии, с нанесенными островами Спратли и Парасельскими на карты Вьетнама и без этих двух архипелагов на территории КНР, из коллекций, собранных как внутри страны, так и за рубежом. Главной среди десятков выставок, организованных в разных городах и провинциях страны, является «Экспозиция недавно обнаруженных фактов, касающихся суверенитета Вьетнама над Парасельскими островами». Она проводилась в музее Дананга и включала 125 карт, 3 атласа и 102 книги, изданных в странах Запада в XVIII — XIX вв. на английском, немецком, французском, испанском, итальянском и голландском языках (с переводом на вьетнамский) и подтверждающих суверенитет Вьетнама над Парасельскими островами и архипелагом Спратли. На другой выставке, в Музее вьетнамской армии были представлены 150 карт, в том числе 110 оригинальных и 40 переизданных, из них 80 карт были напечатаны на Западе с 1626 по 1980 г., На этих картах указано, что крайней южной точкой территории Китая являлся остров Хайнань. На 50 картах Парасельские острова и острова Спратли

расположены вдоль морской территории Вьетнама, на 10 картах они показаны внутри морской территории Вьетнама. 10 общих карт Азии и Юго-Восточной Азии изображают острова Парасельские и Спратли в составе морской территории Вьетнама. 3 атласа изданы в 1908, 1919 и 1933 г.⁸;

- борьбу со лжепропагандой, ведущейся в других странах. Во Вьетнаме были конфискованы и уничтожены около 500 блокнотов и календарей, изображающих карту Вьетнама без Парасельских островов и островов Спратли⁹;
- организацию митингов, демонстраций, проведение Недель моря и вьетнамских островов в целях улучшения понимания гражданами преимуществ вьетнамских морских островов.

Усиление внешнеполитической деятельности по проблемам Южно-Китайского моря.

Вьетнам принял участие в 23-ей Конференции стран-членов Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS) 1982 г. В ходе нее было официально представлено вьетнамское морское право, которое полностью соответствует положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.¹⁰

В ходе официальных встреч на высшем уровне с представителями ряда других стран — Королевства Таиланд, Индонезии, Республики Сингапур, Французской Республики — Вьетнам всегда выражал свою точку зрения по проблемам Южно-Китайского моря и получал одобрение и поддержку этих стран.

Военный диалог — это важная составляющая любой внешнеполитической деятельности. В 2013 г. Вьетнам провел военные переговоры с США, Канадой, Малайзией, Новой Зеландией, Брунеем, Индонезией, ВМФ Королевства Великобритании. Результатом этих переговоров стало то, что указанные страны ясно поняли позицию Вьетнама и выразили согласие быть рядом с Вьетнамом и оказывать ему поддержку в целях сохранения стабильности и мира и обеспечения морской безопасности в регионе.

2013 и 2014 г. явились трудным периодом для борьбы Вьетнама за суверенитет в Южно-Китайском море. В долгосрочной перспективе Вьетнам надеется, что ему хватит внутренних сил для защиты своего суверенитета над островами Южно-Китайского моря.

б) Реальные силы Вьетнама в Южно-Китайском море

Вьетнамская история уже не раз доказывала, что в моменты, когда страна оказывалась в опасности, сплоченность народа вокруг интересов государства всегда являлась важнейшим орудием сохранения

суверенитета страны. В настоящее время в споре за острова Южно-Китайского моря Вьетнам находится именно в такой ситуации. Вьетнам будет действовать наиболее разумным способом, используя всю силу государства, в том числе силу единства — говоря современным языком, силу консолидации — в решении проблем Южно-Китайского моря. Эта сила консолидации проявляется на трех уровнях.

Консолидация вьетнамцев (внутри страны и за ее пределами)

В настоящее время спор в Южно-Китайском море является связующим звеном, способствующим сплочению народа. Более, чем любой другой вопрос, активизация всех мер по защите суверенитета островов в Южно-Китайском море получала и получает солидарную поддержку и готовность к действию от всех вьетнамских патриотов, проживающих в стране и за ее пределами. Внутри страны любое политическое действие, направленное на решение проблем Южно-Китайского моря, одобряется и исполняется на всех уровнях и в соответствующих областях.

В настоящее время во Вьетнаме работа по исследованию моря и островов распределена между 15 министерствами и отраслями. Это министерства природных ресурсов и окружающей среды, науки и технологий, обороны, внутренних дел и другие. Сейчас Департамент моря и морских островов (при Министерстве природных ресурсов и окружающей среды) является главным органом, реализующим с 2006 г. «Генеральный проект общего контроля и управления природными ресурсами и экологией моря до 2010 года и на перспективу до 2020 года» (обычно носит название «Проект 47»).

Отдел общественных и естественных наук Министерства природных ресурсов и окружающей среды также является органом, руководящим исследовательской работой, в том числе программой «Наука о морских технологиях для всестороннего развития экономики и общества» (КС.09/06-10) — одной из ключевых государственных программ. С 2006 по 2010 г. по этой программе предоставлено финансирование для 28 проектов, в том числе исследовательских проектов в области права и суверенитета. Результаты, полученные за период 2006—2010 гг., относительно скромные: 201 научная статья опубликована в отечественных журналах и 32 в международных изданиях. Тем не менее, это является одним из важных вкладов в защиту морских островов Вьетнама.

Как было сказано выше, во Вьетнаме существует множество направлений деятельности, охватывающих различные сферы, для решения проблемы Южно-Китайского моря.

За рубежом вьетнамские диаспоры в разных странах — США, Англии, Франции, Канаде, Австралии и других — постоянно организуют различные патриотические мероприятия в поддержку мирных подходов к решению спора в Южно-Китайском море. Эта политика основана на принципах многополярности, неиспользования военной силы или угрозы ее применения, сопротивления провокационным или захватническим действиям со стороны других государств в отношении морских островов, принадлежащих Вьетнаму, особенно что касается островов Спратли и Парасельских.

Региональная консолидация

В настоящий момент вопрос безопасности Южно-Китайского моря в Юго-Восточной Азии имеет тесную связь с Северо-Восточной Азией. Направления и способы решения спора в Южно-Китайском море были оглашены Вьетнамом на различных саммитах и региональных форумах, в частности, в рамках ASEAN+1 (страны Юго-Восточной Азии плюс Китай), ASEAN+3 (страны Юго-Восточной Азии плюс Китай, Япония, Республика Корея), EAS (Восточноазиатский саммит), ARF (Региональный форум АСЕАН), ADMM+ (Совещания министров обороны АСЕАН совместно с другими странами). Большинство из предложений Вьетнама нашло одобрение и поддержку других стран региона.

Был такой период, когда внешние силы вызывали трения в АСЕАН по вопросу Южно-Китайского моря, примером чего стал 21-й саммит АСЕАН и 7-й Восточноазиатский саммит, проведенные в Камбодже в 2012 г. Выступая в качестве страны-хозяйки саммитов, Камбоджа объявила о несогласии выносить на международный уровень спор об островных территориях в Южно-Китайском море, что противоречило ожиданиям других стран-членов АСЕАН. Уже в 2014 г. лидер камбоджийской оппозиции Сам Рэнси сообщил, что Партия национального спасения Камбоджи «полностью поддерживает КНР» в претензиях к Вьетнаму (в том числе в притязаниях на острова Парасельские и Спратли, находящиеся под суверенитетом Вьетнама).

Тем не менее, позиция Вьетнама по вопросу Южно-Китайского моря, с которой солидарны остальные страны АСЕАН, недавно была понята ввиду ее справедливости и с радостью поддержана самими камбоджийцами, которых представлял премьер-министр Хун Сен. Во время своего визита во Вьетнам в 2013 г. и встречи с премьером Вьетнама Нгуен Тан Зунгом в Камбодже в 2014 г. премьер Хун Сен полностью поддержал Вьетнам во всех вопросах, в том числе касающихся

спора в Южно-Китайском море. Хун Сен сказал: «Вьетнам — это самый лучший и наиболее заслуживающий доверия друг камбоджийского народа как в прошлом, так в настоящем и будущем»¹¹. Недавно премьер-министр Хун Сен открыто обозначил позицию Камбоджи в поддержку Японии, Вьетнама и стран АСЕАН в территориальных спорах с Китаем, будь то Восточно-Китайское море или Южно-Китайское море¹². *Это не помешало Камбодже полностью изменить свою позицию в июне 2016 г. на встрече министров иностранных дел Китая и АСЕАН в Куньмине (прим. редакции).*

Таким образом, позиция Вьетнама по решению проблем Южно-Китайского моря многосторонним способом, прежде всего посредством соблюдения Декларации поведения сторон в ЮКМ (DOC), в целом международного права и, в частности, Конвенции ООН по морскому праву 1982 г., отвечает взглядам и общими интересами стран-членов АСЕАН и к настоящему времени единодушно принята и поддержана ими.

Международная консолидация

В урегулировании споров в Южно-Китайском море Вьетнам придерживается линии: Мир — Сотрудничество — Дружба — Совместное мировое развитие с целью получить поддержку со стороны миролюбивой общественности.

Действительно, в деле обеспечения своей безопасности, решения территориальных споров и конфликта в Южно-Китайском море Вьетнам получил и получает согласие и поддержку от многих стран, в том числе великих держав: США, России, Индии, Японии... Солидарность и поддержка Вьетнаму выражается в различных действиях в зависимости от позиции, взглядов и стратегии каждой из вышеперечисленных стран.

Придерживаясь стратегии глобализации, США объявили о том, что они возвращаются в Азиатско-Тихоокеанский регион, и в этой связи Америка мощно активизировала сотрудничество с Вьетнамом, в том числе и в области обороны.

Наряду с США, Россия также придерживается стратегии возврата в Азию. Ранее Вьетнам поддерживал хорошие отношения с СССР, а теперь с Россией. В настоящее время Российская Федерация полностью разделяет позицию Вьетнама в решении споров в Южно-Китайском море. Такая позиция наиболее четко была выражена на международной научной конференции по проблемам Южно-Китайского моря, организованной в Москве в 2013 г. и на научной конференции «Парасельские острова 40 лет спустя: эскалация территориальных

споров в Южно-Китайском море и геополитические последствия на региональном уровне», состоявшейся в Санкт-Петербурге в январе 2014 г. Есть и другие факты поддержки Вьетнама со стороны России по проблемам Южно-Китайского моря. Это поставки военной техники, в том числе современных подводных лодок и надводных кораблей, а также участие передовых российских энергетических компаний в разработке новых нефтяных месторождений в Южно-Китайском море, невзирая на протесты третьей стороны. Регулярные визиты высшего руководства обеих стран подтверждают политическую волю и важный уровень доверия в целях взаимной поддержки.

Индия также является азиатской сверхдержавой, имеющей хорошие отношения с Вьетнамом. Эта страна всегда поддерживает позицию Вьетнама в вопросе Южно-Китайского моря. Так же как и российские, индийские энергетические компании совместно с Вьетнамом разрабатывают несколько нефтяных месторождений в Южно-Китайском море, невзирая на претензии третьей стороны. У Индии сложились хорошие отношения с Вьетнамом в сфере военного сотрудничества: она оказывает помощь в подготовке военных для службы на подлодках класса Кило и др.

Вьетнамско-японские отношения — одни из самых благоприятных в этом плане в сравнении с другими странами Азии. Проблемы с морскими островами Японии практически схожи с проблемами Вьетнама. Обе страны сталкиваются с трудностями в связи с претензиями со стороны соседнего государства в споре вокруг островов. Япония и Вьетнам сходятся в способах разрешения проблемы островов на основе многостороннего механизма, международного права, особенно Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Австралийская общественность также полностью поддерживает позицию Вьетнама и стран-членов АСЕАН в решении спора в Южно-Китайском море без применения военной силы или угрозы ее применения.

В современной сложной международной обстановке некоторые иностранные политические аналитики сравнивают положение Вьетнама в Южно-Китайском море с положением Украины в случае с Крымом. Однако если более глубоко проанализировать данную ситуацию, то можно увидеть, что лишь внешняя сторона вопроса имеет некоторые схожие моменты в положении двух вышеперечисленных территорий. На самом деле, о чем и свидетельствуют уроки вьетнамской истории, Вьетнам четко понимает суть воссоединения. Придерживаясь независимых и самостоятельных взглядов, соблюдая прин-

ципы Мир — Дружба, Сотрудничество — Развитие, Вьетнам принципиально выбрал в этой ситуации позицию нейтралитета.

С одной стороны, Вьетнам сохраняет независимую, суверенную, гибкую, но решительную позицию во внешней политике в споре с Китаем по проблеме островов. С другой стороны, Вьетнам получает поддержку стран региона и великих внерегиональных держав, преследующих собственные интересы, однако не зависит от выдвигаемых ими требований, не преследует цель одержать победу, чтобы при этом попасть в долгосрочное рабство.

Можно сказать, что основная реальная сила Вьетнама в решении трудного и сложного спора в Южно-Китайском море — это сила консолидации. Всем ясно, что если полагаться на военную, экономическую и другую мощь, то Вьетнам вряд ли сможет устоять перед натиском воинственно настроенных сил, значительно превосходящих по своей мощи Вьетнам.

Для Вьетнама применительно к ситуации в Южно-Китайском море фраза президента Хо Ши Мина «Сплочение, сплочение, великое сплочение — победа, победа, великая победа» и в наше время сохраняет свою актуальность.

2. Сценарии развития ситуации в Южно-Китайском море и действия Вьетнама в ближайшем будущем

За последние годы многие исследователи в мире и во Вьетнаме выдвинули различные сценарии будущего развития Китая, изменения ситуации безопасности, решения конфликта и споров в Южно-Китайском море, основанные на различных аргументах в зависимости от способа оценки и мнения автора¹³.

Для того чтобы найти понимание, определить способы предотвращения конфликтов в Южно-Китайском море и управления ими, участники конфликта должны представить себе сценарии развития событий, которые могут стать реальностью. Ниже предложены 3 сценария возможного развития ситуации, связанной с безопасностью в Южно-Китайском море, как это понимает автор данной статьи.

Оптимистичный сценарий — мирное и безопасное Южно-Китайское море в интересах регионального и мирового развития

Условия:

- а) упадок Китая (экономики, армии, общества и т. д.);
- б) укрепление великих держав;

- в) укрепление АСЕАН;
- г) принятие Кодекса поведения сторон в ЮКМ (СОС).

Согласно этому сценарию политической безопасности Южно-Китайского моря события в 2025—2030 гг. будут развиваться следующим образом:

Китай из-за чрезмерной занятости решением внутренних проблем, к тому времени ставших уже весьма серьезными, не сможет превратить эти проблемы во внешние, как он делает сейчас, с целью продолжения конфликта в Южно-Китайском море. Требования о суверенитете над островами будут временно забыты. Пекин будет вынужден следовать пунктам Кодекса поведения сторон в ЮКМ и положениям Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

Страны, имеющие свои интересы в Южно-Китайском море, в том числе внерегиональные, такие, как США, Россия, Индия, Япония, ЕС и другие, а также страны восточноазиатского сообщества, совместно развиваются в атмосфере мира, дружбы и торговой конкуренции на основе принципов ВТО.

Реализация данного сценария развития ситуации в Южно-Китайском море была бы выгодна большинству вовлеченных стран.

Пессимистичный сценарий — война с участием нескольких стран

Условия:

- а) Китай становится сверхдержавой (экономической, военной, социальной и т. д.);
- б) укрепление великих держав;
- в) укрепление АСЕАН;
- г) кодекс поведения сторон в ЮКМ (СОС) не принят.

Следуя ранее намеченному замыслу, в период 2030—2035 гг. Китай производит захват Южно-Китайского моря.

После нескольких успешных попыток оклеветать Вьетнам и Филиппины Китай проводит масштабную военную операцию, захватывая все острова и рифы в Южно-Китайском море, которые считает своей суверенной территорией. Мобилизуя гигантские силы военно-морского флота — число авианосцев, военных кораблей, подводных лодок и гражданских судов сильно превысит совокупный объем вооружений других стран — участниц конфликта в Южно-Китайском море, — Китай будет использовать управляемые ракеты дальнего действия, поражая все цели, которые необходимо уничтожить.

Несмотря на то, что другие страны, участвующие в конфликте, будут готовы к нападению со стороны Китая, тем не менее, нападение застанет их врасплох, и на начальном этапе они будут нести поте-

ри. Морская пехота Китая сможет оккупировать острова и рифы Южно-Китайского моря.

В войне в Южно-Китайском море примет участие несколько стран, и она закончится только тогда, когда Китай решит прекратить здесь боевые действия.

Этот сценарий является категорически нежелательным для Южно-Китайского моря.

Шансы, что данный сценарий станет реальным — невелики, так как отсутствуют базовые условия. По мнению академика М.Л. Титаренко, возможность реализации сценария неожиданного укрепления Китая в среднесрочной перспективе крайне мала¹⁴. Однако нельзя полностью исключать такую возможность.

Сценарий «конфликта в малых масштабах»

Условия:

а) постепенное, стабильное и нарастающее развитие Китая (в сфере экономики, обороны, общества и др.);

б) укрепление позиций великих держав;

в) укрепление АСЕАН;

г) принятие Кодекса поведения сторон в ЮКМ (СОС);

д) в Конвенцию ООН по морскому праву 1982 года внесены изменения, которые выгодны также и для морских сверхдержав.

Следует рассмотреть каждое из условий в отдельности.

А) Постепенное, стабильное и нарастающее развитие Китая (в сфере экономики, обороны, общества и др.). В этом мы согласны с прогнозом академика М.Л. Титаренко: «Наиболее вероятный сценарий развития событий, удовлетворяющий интересам соседних стран, в том числе России и Вьетнама, — это постепенное, стабильное и нарастающее развитие китайской экономики при одновременном сохранении современных направлений базовой консолидации во внутреннем развитии страны, преимущество манеры развития хотя и не очень быстрой, зато более равномерной и гармоничной, более социально направленной»¹⁵.

Такой сценарий развития ситуации оценивается как наиболее вероятный, соответствующий стремлениям самого китайского народа и большинства вышеназванных государств мира, в том числе США, России, Индии и Вьетнама.

Б) Укрепление позиций великих держав

Вышеуказанная тенденция развития Китая является также общей тенденцией для других стран мира, включая США, Россию, Индию, Японию и др. К 2020 году США разместят 60 % своих военно-мор-

ских сил в Тихом океане¹⁶. Россия, Индия также будут увеличивать свое военно-морское присутствие в этом регионе¹⁷.

В) Укрепление АСЕАН

Страны-члены АСЕАН успешно развиваются в направлении создания сообщества стран АСЕАН. Некоторые менее развитые страны догоняют более развитые, и все вместе активно развиваются дальше.

Г) Принят Кодекс поведения сторон в ЮКМ (СОС)

Проект Кодекса поведения сторон в ЮКМ, принятый странами АСЕАН 24 мая 2012 г. в Пномпене (Камбоджа)¹⁸, в последующем будет подписан Китаем и станет стандартом морской политики, соблюдаемой каждой из сторон.

Д) Конвенция ООН по морскому праву 1982 г. существует уже более 30 лет. В настоящее время бытует мнение, что в новых международных условиях некоторые пункты этого документа необходимо изменить и дополнить. При внесении правок морские сверхдержавы, такие как США и Китай, постараются внести выгодные для себя пункты.

В сегодняшних условиях ситуация в сфере безопасности Южно-Китайского моря может развиваться также следующим образом.

Китай продолжит применять традиционные меры по обеспечению безопасности в Южно-Китайском море.

Традиционная безопасность — это использование способов, имеющих военный характер, для сохранения суверенитета отдельной страны. Согласно «китайской мечте», провозглашенной Си Цзиньпином, которая предусматривает становление Китая как сильной морской сверхдержавы, в ближайшие годы Китай значительно увеличит военно-морские силы в целом и присутствие в Южно-Китайском море в частности, что считается этой страной одним из главных способов обеспечения победы и защиты собственного суверенитета в случае перерастания конфликта в современную войну. Странам Азии и всего мира необходимо осознать, что происходит появление воинственно настроенной китайской морской сверхдержавы.

Также будут задействованы нетрадиционные способы обеспечения Китаем морской безопасности в Южно-Китайском море

Китай проявит активность в постепенном урегулировании совместно с АСЕАН проблем Южно-Китайского моря, которые не раз вызывали и вызывают споры между двумя сторонами. Это — положительное направление, открывающее перспективу разрешения спора в Южно-Китайском море между Китаем и АСЕАН. Однако не все страны АСЕАН, причастные к спору в Южно-Китайском море, разделяют

вышеизложенную позицию Китая, Филиппин и Вьетнама. Существуют определенные опасения относительно намерений Китая в этом районе. Они исходят из того, что Китай в начале XXI века стал морской сверхдержавой, осуществляет расширение «южноазиатского коридора» на суше и следует «Стратегии двух морей» в Южно-Китайском море.

Помимо вышеперечисленных конкретных действий, в Китае также ссылаются на аргументы, которые не могут быть приняты. Там называют захват островов, являющихся предметом спора в Южно-Китайском море, например, островов Сенкаку, их «возвращением» под свой суверенитет. Такая игра слов уже не раз становилась опасной ловушкой в предыдущих международных спорах, в которую попадали некоторые страны, в том числе в регионе Юго-Восточной Азии.

Китай продолжает осуществлять твердую политику в отношении других стран, проявляющуюся на всех международных форумах; в каждом разъяснении Пекином своей позиции ощущается неясность политической линии, что создает разного рода догадки со стороны других государств.

Китай выступает категорически против вынесения спора в Восточно-Китайском море на международную арену для многосторонних переговоров. С помощью двустороннего способа решения проблемы Китай может разделять и властвовать, в то время как многосторонние механизмы решения вопроса поставят Китай в более слабое положение. Конечной целью Китая, когда он окрепнет, будет, как полагают многие наблюдатели, применение военных мер для завоевания Южно-Китайского моря с помощью маломасштабных конфликтов. Сценарий захвата Южно-Китайского моря может быть реализован примерно через 20 лет.

Китай использовал и будет использовать целый комплекс мер для удовлетворения своих притязаний в ЮКМ. Он может:

- 1) предпринимать вооруженные нападения в ограниченных масштабах;
- 2) в одностороннем порядке осуществлять разведку и разработку природных ресурсов на спорных территориях;
- 3) угрожать военной силой простым гражданам или использовать экономические рычаги давления на международные нефтегазовые корпорации с целью предостеречь соперников от разработки природных ресурсов на оспариваемой территории;
- 4) разделять страны региона посредством экономики и дипломатии;

5) пропагандировать на мировой арене свой суверенитет и твердую позицию в отношении Южно-Китайского моря для запугивания других стран.

Данная китайская формула нацелена на фактическое установление китайского суверенитета в Южно-Китайском море (*de facto*) ввиду невозможности доказать его с юридической точки зрения (*de jure*)¹⁹.

Возможные механизмы урегулирования споров в ЮКМ

Страны АСЕАН, особенно Вьетнам и Филиппины, вынуждены дополнительно закупать вооружение для возможной обороны. В то же время они будут также активно пытаться обязать соперника соблюдать пункты Декларации поведения сторон в ЮКМ (DOC), а особенно Кодекса поведения сторон в ЮКМ (COC), если и когда он будет принят.

Некоторые внерегиональные страны, такие, как США, Россия, Япония, Индия, Австралия..., более активные в отношениях со странами АСЕАН, должны будут принять конкретные меры, «препятствуя» Китаю совершать акции «сверх дозволенного» по международному праву в Южно-Китайском море. Внерегиональным странам также придется принять те правила поведения в Южно-Китайском море, которые будут зафиксированы в Кодексе поведения сторон (COC).

Этот путь обладает большими шансами стать реальным, что обусловлено следующим: а) он является актуальным для Южно-Китайского моря в отношениях между Китаем и всеми другими странами мира; б) он будет существовать до тех пор, пока внутренние и внешние условия в Китае не создадут подходящую возможность, как в прогнозах двух первых сценариев, которые мы привели выше, для того чтобы один из них мог реализоваться; в) он будет продолжаться до тех пор, пока Китай не реализует свои намерения, как в сценарии «конфликта в ограниченных масштабах».

По вышеперечисленным причинам, на наш взгляд, все действия по урегулированию споров в Южно-Китайском море, как региона в целом, так и каждой страны, особенно Вьетнама, следует направлять по этому пути.

Заключение

В настоящее время решение территориальных споров в Южно-Китайском море для Вьетнама является первостепенной, актуальной и очень трудной задачей. В 2013—2016 гг. продолжалось противо-

стояние Вьетнама внешнему давлению в вопросе суверенитета над островами Южно-Китайского моря. Он применял и применяет все возможные меры, прежде всего направленные на преодоление современных трудностей. Однако это лишь временные меры.

В среднесрочном и долгосрочном плане наиболее реальный сценарий эволюции проблемы безопасности в Южно-Китайском море — это сценарий «конфликта в ограниченных масштабах». Претендуя на господство в Южно-Китайском море, северный сосед Вьетнама может развязать малые конфликты, чтобы захватить морские и островные территории, находящиеся под суверенитетом Вьетнама в Южно-Китайском море.

На самом деле у Вьетнама достаточно внутренних сил для защиты национального суверенитета как на суше, так и на островах Южно-Китайского моря. Эта сила состоит в сплоченности народа, сохранении традиционного единства, подтвержденного историей сопротивления внешним захватчикам на протяжении многих веков. Когда весь народ, в венах которого, как говорят, течет кровь дракона, объединяется и получает бескорыстную поддержку всех патриотов за пределами страны, то ни один враг не в силах покорить такой народ.

Перевел В.М. Мазырин.

Примечания

¹ Постановление Национального собрания от 23.06.1994 о ратификации Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.

² URL: <http://vietnamnet.vn/vn/chinh-tri/128768/viet-nam-mua-6-tau-ngam.html>

³ URL: <http://www.vietnamplus.vn/Home/Trang-bi-ba-tau-tuan-tra-hien-dai-cho-can-h-sat-bien/20138/213059.vnplus>

⁴ URL: <http://www.qdnd.vn/qdndsite/vi-vn/61/43/4/39/39/250241/Default.aspx>

⁵ URL: <http://www.qdnd.vn/qdndsite/vi-vn/61/43/4/37/37/252348/Default.aspx>

⁶ URL: <http://dantri.com.vn/the-gioi/bao-trung-quoc-viet-nam-sam-them-20-mat-than-can-h-bien-dong-755865.htm>

⁷ URL: <http://www.thanhniennews.com/index/pages/20131030-vietnam-navy-receives-first-twin-otter-from-canada.aspx>

⁸ URL: <http://vtc.vn/311-394302/quoc-te/trien-lam-hang-tram-tu-lieu-quy-v-e-hoang-sa-truong-sa.htm>

⁹ URL: <http://www.baomoi.com/Huy-lich-in-ban-do-Viet-Nam-khong-co-Hoang-Sa-Truong-Sa/122/10487824.epi>

¹⁰ URL: <http://www.vietnamplus.vn/Home/Viet-Nam-keu-goi-duy-tri-hoa-binh-hop-tac-o-Bien-Dong/20136/201819.vnplus>

¹¹ URL: <http://www.baomoi.com/Tai-sao-Hun-Sen-tham-Viet-Nam-dau-ti-en-ma-khong-phai-Trung-Quoc/122/12785402.epi>

¹² URL: <http://m.baodatviet.vn/the-gioi/quan-he-quoc-te/campuchia-lo-so-c-hinh-sach-nuoc-doi-cua-trung-quoc-3000757/>

¹³ Среди множества прогнозов в качестве примера можно привести слова академика РАН Титаренко М.Л.: «...Сценарий застоя, упадка и даже вовсе остановки в развитии Китая. С точки зрения теории, такой вариант развития событий может состояться в случае, если произойдут какие-либо нестандартные явления, например: Китай прибегнет к использованию силы в споре за Тайвань, чем втянет себя в гонку вооружений и конфронтацию с США и другими крупными странами. В современных условиях развития событий мало оснований для того, чтобы такое будущее стало реальностью». См.: Титаренко М.Л. Китай в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2010. С. 494.

¹⁴ См.: *Титаренко М.Л.* Китай в начале XXI века. С. 494.

¹⁵ Там же.

¹⁶ URL: <http://www.baomoi.com/Lau-Nam-Goc-se-dua-60-ham-doi-hai-quan-toi-Thai-Binh-Duong/119/8598398.epi>

¹⁷ ВМФ России увеличивает свое присутствие в Южно-Китайском море. URL: <http://www.baomoi.com/Home/TheGioi/phunutoday.vn/Hai-quan-Nga-tang-cuong-xuat-hien-tai-bien-Dong/8605798.epi>; Индия перемещает свои суда в Южно-Китайское море. URL: <http://vn.news.yahoo.com/%E1%BA%A5n-%C4%91%E1%BB%99-%C4%91i%E1%BB%81u-t%C3%A0u-chi%E1%BA%BFn-t%E1%BB%9Bi-bi%E1%BB%83n-%C4%91%C3%B4ng-190552307.html>

¹⁸ URL: <http://www.cand.com.vn/vi-VN/quocte/2012/5/172809.cand>

¹⁹ URL: <http://vongal.wordpress.com/tag/chia-doi-thai-binh-d%C6%B0%C6%A1ng>

Г.М. Локшин

АСЕАН И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ СПОРЫ В ЮЖНО-КИТАЙСКОМ МОРЕ

Между Китаем и США

Значение территориальных противоречий, разгоревшихся в ЮКМ, вышло далеко за рамки спора о суверенитете над теми или иными участками акватории и островами. Они оказались в поле экономических, геополитических и военно-стратегических интересов Китая и США, а также Японии, Индии и других государств АТР. Их борьба за контроль над проливами и за гегемонию в регионе переплелась со сталкивающимися интересами и устремлениями малых и средних государств АСЕАН. И все вместе это делает возможность возникновения здесь опасного регионального конфликта вполне реальной.

Неутихающие территориальные споры в ЮКМ в последние годы резко повысили градус международной напряженности в ЮВА, осложнили отношения между Китаем и его соседями, особенно с Вьетнамом и Филиппинами. Они поставили под вопрос центральную роль АСЕАН в формировании новой архитектуры безопасности и международных отношений в Восточной Азии. В определенной мере они стали также проверкой того, удастся ли США сохранить там свои позиции и военное превосходство, а также насколько мирным будет дальнейший подъем Китая.

Китай располагает территорией и населением в 2 раза больше, чем все 10 стран АСЕАН, не говоря о том, что его ВВП в 3 раза больше, а военные расходы в 4 раза больше их всех вместе взятых. Но Китай заинтересован в сохранении АСЕАН по многим причинам, и одна из главных состоит в том, что АСЕАН официально придерживается

принципа «одного Китая» и не поддерживает никакие сепаратистские шаги Тайваня.

В 2016 г. Китай и АСЕАН отметили 25-летие установления диалогового партнерства, перешедшего в 2003 г. в отношении «стратегического партнерства ради мира и процветания». Несмотря на продолжающиеся территориальные споры, торговля Китая с АСЕАН развивалась исключительно быстрыми темпами. С 2009 г. Китай стал главным торговым партнером АСЕАН, оттеснив с этой позиции США, Японию и ЕС. В 2013 г. стороны договорились довести объем торговли в 2015 г. до 500 млрд долл., а к 2020 г. до 1 трлн долл.¹

Соглашения и договоренности Китая с АСЕАН в экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве долгое время были вполне успешной демонстрацией «мягкой силы», которая подняла престиж и усилила влияние КНР в регионе. Все больше стран АСЕАН попадало в экономическую зависимость от Китая. Однако возобновившаяся в 2009 г. наступательная политика Китая в ЮКМ сильно подпортила его репутацию и посеяла в политической элите и общественном мнении большинства стран АСЕАН серьезные опасения «китайской угрозы». Ускоренная модернизация НОАК, включая строительство мощного ВМФ, вместе с ужесточением политики в ЮКМ поставили ряд стран АСЕАН перед необходимостью обеспечения своей национальной безопасности и быстрого увеличения военных расходов.

Проблема отношений с Китаем, как справедливо замечает профессор Д.В. Мосяков, для стран АСЕАН состоит и в том, что Китай уже давно не служит им «образцом для подражания». Ни сама КНР, ни ее модели политической организации и политического поведения как некая матрица для копирования в странах ЮВА, да и вообще в Азии, считает он, всерьез не рассматриваются².

С начала XXI века политика США в ЮВА все более определяется соперничеством с Китаем. Его стремление к односторонним преимуществам в ЮКМ за счет ущемления интересов соседей вызывает опасения в США, поскольку их главные политические и экономические интересы, прежде всего, обеспечение надежных морских коммуникаций через проливы явно зависят от отношений с Китаем.

Если Китай с начала 90-х годов делает главный акцент в отношениях со странами АСЕАН на экономическое сотрудничество и многого достиг на этом направлении, то США концентрируют свои усилия на увеличении своего военного присутствия и укреплении военных союзов. США не собираются никому уступать свою доминирующую

роль в вопросах безопасности в АТР, в первую очередь, в его западной части. Это реализуется активным участием в существующих региональных институтах безопасности (из 7 военных союзов США 5 приходятся на АТР) и подтверждением на практике, хотя и в определенных пределах, того, что США остаются надежным союзником и стратегическим партнером, сохраняющим свое военное присутствие и взятые обязательства.

За прошедший период XXI века США потеряли многие свои позиции в ЮВА. В 2013 г. они оказались уже на 4-м месте по объему двусторонней торговли товарами — 206,949 млрд долл.³ По объему инвестиций в 2011—2013 гг. (23,9 млрд долл.) они также спустились на 4-е место, пропустив вперед ЕС (74,7 млрд), Японию (51,4 млрд) и Китай (вместе с Гонконгом 35,7 млрд, а отдельно 21,8 млрд долл.)⁴ Главными объектами инвестиций США являются Сингапур, Индонезия, Вьетнам, Мьянма и Малайзия.

В Вашингтоне с опозданием, но осознали, что поддержка АСЕАН в вопросах интеграции в Восточной Азии («асеаноцентричность»), углубление многостороннего сотрудничества с АСЕАН как с региональной организацией и перестройка отношений со странами ЮВА в торговле и инвестициях — наиболее эффективный способ противодействия возвышению Китая. Ставка с тех пор в Вашингтоне делается на «умную силу» (smart force) — стратегию максимального сочетания «жесткой» (военной и экономической мощи) с «мягкой» силой через так называемую публичную дипломатию.

Вторая администрация Б.Обамы продолжает широко разрекламированный «разворот» в АТР по всем направлениям — в политике, экономике, дипломатии и в военной области, наращивая усилия на четырех главных направлениях: партнерство, военное присутствие, проецирование силы и обеспечение свободного доступа к энергетическим ресурсам в ЮКМ.

США официально не поддерживают ни одну из сторон в территориальных спорах в ЮКМ, но активно продвигают любой формат многостороннего обсуждения проблем безопасности в этом регионе. Они считают, что их озабоченность потенциально возможным разрывом своих морских коммуникаций через ЮКМ никак не может быть интерпретирована как попытка «сдерживания» Китая. Убедить в этом руководство Китая им явно не удастся. Притом американские политики и многие эксперты замалчивают, что речь идет вовсе не о торговом судоходстве, а о свободе действий ВМФ США в ИЭЗ других государств, прежде всего Китая. К тому же США и Китай по-разному толкуют по-

ложения Конвенции 1982 г. о так называемом мирном проходе (innocent passage), которую США не ратифицировали до сих пор⁵.

С момента своего возникновения в 1967 г. АСЕАН преследует двойную цель: автономию ЮВА и «асеаноцентричность», т. е. решающую роль в вопросах региональной безопасности. В подтверждение первой в 1995 г. АСЕАН провозгласила ЮВА Зоной, свободной от ядерного оружия, а второй задаче служат созданный в 1994 г. АРФ, а также ВАС (2005 г.) и АДММ+ 8 (2010 г.).

Страны АСЕАН несравнимы по мощи ни с кем из внерегиональных «тяжеловесов». У них нет другого выбора, кроме как балансировать хорошие отношения с одними тесным сотрудничеством с другими. И они вместе, а чаще в одиночку, руководствуясь своими собственными интересами и специфическими особенностями отношений с Китаем и с США, вот уже многие годы ведут эту игру, которая получила название «хеджирование» (от англ. hedging — управление рисками). Она означает привлечение всех крупных держав к сотрудничеству, поддержание их заинтересованности в стабильном развитии региона и связывание их определенными нормами поведения. Главное при этом заключается в том, чтобы не допускать доминирования какой-то одной страны во всем регионе и чтобы правила поведения в нем вырабатывались самими странами АСЕАН, а не привносились извне.

Всегда, когда есть возможность, страны АСЕАН предпочитают не занимать чью-либо сторону. Они не желают быть втянутыми в конфликт интересов между Китаем и США, как и между ним и Японией или Индией. Но они при этом рассматривают угрозу такого конфликта и как шанс воспользоваться ею в своих собственных интересах. Деловые круги, например, хотели бы больше и напрямую торговать именно с США, Японией и другими промышленно развитыми странами, откуда к ним поступают новые технологии. Не все, но многие из них поощряют США к сохранению военного присутствия в регионе, обеспечивают им определенные услуги и доступ к базам (ранее покинутым, как на Филиппинах), охотно участвуют в совместных учениях.

«Асеаноцентричность» под вопросом

АСЕАН прошла большой исторический путь и объединяет ныне 10 очень разных государств ЮВА (рис. 1). Сингапур, например, является процветающей страной. Его невозможно сравнивать с Мьянмой

или Лаосом. Население Филиппин в подавляющем большинстве состоит из католиков, а в Индонезии — из мусульман. У всех разные экономики, религии и языки. СРВ позиционирует себя как социалистическое государство, а Таиланд и султанат Бруней — это монархии, в Мьянме до недавнего времени правила военная хунта, начавшая некоторые демократические преобразования, а в Сингапуре многие годы сохраняется вполне демократический режим, добившийся почти полного искоренения коррупции — главного бедствия всех остальных членов АСЕАН.

Ассоциации предстоит еще долгий путь к единству ценностей и позиций по многим вопросам. Тем не менее, она играет свою важную роль в интеграционных процессах, развернувшихся в АТР. «Асеаноцентричность», т. е. лидирующая роль АСЕАН в региональной архитектуре безопасности — это главный принцип, на котором строятся международные отношения АСЕАН с тем, чтобы защитить свои интересы и сохранить региональную стабильность.

Учитывая большие различия между членами АСЕАН, она никак не может стать эффективным противовесом Китаю. Заинтересованность в том, чтобы как-то вместе противостоять ему у стран АСЕАН есть, но удается им это пока не часто.

Стратегическое соперничество США и Китая стало вызовом единству и сплоченности АСЕАН. «Поворот» США к АТР и возросшая экономическая и политическая роль Китая в регионе ставят под вопрос весь замысел построения триединого Сообщества АСЕАН (безопасности, экономического и социально-культурного). Попытки некоторых членов этого Сообщества государств оставаться, по крайней мере, на словах «нейтральными» становятся все более сомнительными. Это порождает разногласия и противоречия внутри АСЕАН, особенно между теми, кто участвует в территориальных спорах с Китаем, и теми, кто в них не участвует.

Территориальные споры в ЮКМ

Спорные территории в ЮКМ включают два архипелага — Парасельский и Спратли, а также отдельно расположенную к северо-востоку от Спратли гряду небольших островов и коралловых рифов Скарборо. Парасельские острова служат предметом двустороннего спора между Китаем и Вьетнамом, хотя на них претендует и Тайвань. Рифы Скарборо также являются предметом двустороннего спора Ки-

тая и Филиппин. На весь архипелаг Спратли целиком формально претендуют Вьетнам, Китай и Тайвань, а частично, на отдельные его острова — Филиппины, Малайзия и Бруней. Положение на архипелаге Спратли на сегодня таково, что он де-факто уже поделен. По данным Национальной геокосмической разведки США от 2004 г., это выглядит следующим образом.

Вьетнам занимает всего 21 территориальный объект, из которых 5 считаются естественными островами, а еще 4 — скалами или песчаными отмелями, достаточно высоко расположенными над водой. Всего не более 17 объектов могут иметь свой территориальный статус по Конвенции 1982 г., а именно 200-мильную ИЭЗ вокруг острова или только 12-мильную зону территориальных вод вокруг необитаемых объектов. Оставшиеся — это небольшие возвышения над водой или затопляемые в прилив рифы, которые, по Конвенции 1982 г., входят в акваторию положенной данной стране ИЭЗ. У Вьетнама имеется несколько десятков наблюдательных постов, причалов, складов продовольствия и других построек на островах архипелага⁶.

Филиппины занимают 9 объектов, в том числе 5 они считают островами, 3 возвышающиеся над водой скалы и 1 затопляемый риф.

Китай занимает 7 объектов, один из которых (риф Огненный крест) постоянно возвышается над уровнем моря на достаточную высоту. Остальные до недавнего времени могли считаться только незначительными возвышениями над водой. Но 6 из них в последнее время были превращены в ощутимые по размерам искусственно намытые острова с взлетно-посадочными полосами, причалами и складами.

Малайзия занимает 5 объектов, один из которых является скалой, а остальные — коралловыми рифами или отмелями.

Тайвань занимает один, но самый большой остров Тайпиндао, и контролирует все близлежащие возвышения. На нем имеется самая длинная посадочная полоса для современных самолетов и построены многочисленные другие военные объекты.

Бруней не обладает территориальными объектами, но отстаивает от посягательств КНР свою небольшую ИЭЗ, в которой у него работают нефтяные и газовые скважины.

Индонезия в споре за острова не участвует, но претендует на положенную ей ИЭЗ вокруг острова Натуна, на которую тоже налагается пресловутая «линия бычьего языка», обозначившая претензии КНР⁷.

Конфликт в ЮКМ формально не является общей проблемой между Китаем и всем Сообществом АСЕАН. Надо иметь в виду, что коор-

динацией работы АСЕАН занимается не более чем довольно малочисленный Секретариат в Джакарте. Это никакой не наднациональный институт, и лидеры государств-членов не поручали ему заниматься вопросами территориального суверенитета в ЮКМ. Они сами нередко расходятся в том, как следует добиваться урегулирования споров с Китаем в ЮКМ. Но ни одна из 10 стран-членов АСЕАН никогда не соглашалась с упомянутой «линией бычьего языка». В этом вопросе АСЕАН можно разделить на три группы.

Первая включает континентальные страны — Таиланд, Камбоджу, Лаос и Мьянму, которые не являются сторонами в споре. Политика каждой из этих стран отличается своими особенностями, но в целом, за исключением в некоторых случаях Камбоджи, они выступают против китайской экспансии в ЮКМ, но делают это осторожно и пассивно. Таиланд, например, всегда был против того, чтобы споры в ЮКМ мешали развитию отношений АСЕАН с Китаем. Эта политика продолжалась и после военного переворота. Таиланд в период выполнения функций координатора отношений с КНР (2012—2015) активно способствовал переговорам по проекту Кодекса поведения в ЮКМ.

Камбоджа, как и Лаос, долго отталчивалась по территориальным спорам с Китаем. Став в 2012 г. во главе АСЕАН, Камбоджа с самого начала провозгласила себя нейтральной стороной в этих спорах. Это не помешало ей активно поддержать интересы Китая, заблокировав впервые в истории АСЕАН принятие совместного коммюнике 45-й встречи министров иностранных дел АСЕАН (АММ-45) в июле 2012 г. Возрастающая экономическая зависимость заставляет камбоджийских руководителей, оказавшихся в свое время у власти при решающей помощи Вьетнама, вести двойную игру между ним и Китаем. Особенно активна на этом направлении политическая оппозиция правящему режиму премьер-министра Хун Сена, действующая не без поддержки из Китая.

История повторилась на мемориальной встрече министров иностранных дел АСЕАН и КНР в Куньмине (Китай) в июне 2016 г., где Камбоджа и Лаос сначала присоединились к заявлению, в котором открыто выражалась обеспокоенность действиями Китая, превращающего занимаемые им рифы в архипелаге Спратли в искусственные острова с посадочными полосами и другими объектами, а сразу после этого под нажимом китайской дипломатии заявили об отказе поддержать этот документ, что сделало его недействительным.

Вторая группа стран АСЕАН состоит из прибрежных государств — Филиппин, Вьетнама, Малайзии и султаната Бруней. Их

претензии на ИЭЗ по Конвенции 1982 г. и на суверенитет над островами оспариваются Китаем. Среди них наибольшую тревогу по поводу действий Китая проявляют только Вьетнам и Филиппины, которые находятся на переднем крае спора и активно противостоят территориальным амбициям Китая. Малайзия и Бруней этим озабочены гораздо меньше. Они предпочитают играть менее заметную роль в споре, хотя и присоединяются к общей позиции АСЕАН в тех случаях, когда ее удастся сформулировать. Малайзия, претендуя на несколько рифов в южной части архипелага Спратли, в отличие от Вьетнама и Филиппин занимает весьма осторожную позицию с учетом того, что более трети населения страны составляют этнические китайцы. Ее отношения с Китаем долго развивались без каких-либо публичных противоречий.

Этому способствовала и антиамериканская направленность внешней политики премьер-министра Мохатхира Мохаммада, много лет подряд возглавлявшего малайзийское правительство. Китайские рыболовные суда беспрепятственно работают в ИЭЗ Малайзии. В 2013—2014 гг. ВМС Китая неоднократно проводили учения со стрельбами и высадкой десанта на те самые рифы в южной части архипелага Спратли, на которые претендует Малайзия, но протестов с ее стороны не последовало. Ужесточение китайской политики в ЮКМ все же встревожило новое поколение лидеров страны, особенно в связи с тем, что «линия бычьего языка» проходит через ИЭЗ Малайзии и отсекает крупные месторождения нефти и газа. Отношения между ними осложнились в 2014 г. в связи с так и не раскрытой катастрофой малайзийского «Боинга» в Индийском океане, большинство пассажиров которого были гражданами КНР. Заняв пост председателя АСЕАН в 2015 г., Малайзия сделала все возможное для сохранения единства АСЕАН, пошатнувшегося после председательства Камбоджи в 2012 г. Малайзия и Китай, по мнению австралийского эксперта по проблемам ЮВА Карла Тэйера, все-таки достигли негласной договоренности между собой, т. е., как говорят, «согласились не соглашаться»⁸.

Бруней заметно активизировался в 2013 г., когда стал председателем в АСЕАН. Аналогично несколько изменилась и позиция Мьянмы, когда пришла ее очередь возглавить АСЕАН в 2014 г. На этот период пришелся один из самых острых кризисов в ЮКМ, вызванный введением 1 мая 2014 г. китайской буровой платформы со всем многочисленным сопровождением в центр ИЭЗ Вьетнама. В этом качестве Мьянма сделала все возможное для сохранения солидарности госу-

дарств-членов. Это позволило Вьетнаму и Филиппинам впервые за долгое время добиться совместной негативной реакции АСЕАН на действия Китая.

И, наконец, третья группа тоже состоит из морских государств — Индонезии и Сингапура, но которые формально не являются участниками спора в ЮКМ, хотя и весьма заинтересованы в поддержании мира и стабильности в регионе, включая свободу судоходства. Позиция Индонезии имеет особое значение для АСЕАН. Это самая крупная страна ЮВА, предложившая в свое время саму идею создания АСЕАН. Все годы существования АСЕАН Индонезия уделяла большое внимание укреплению ее сплоченности и повышению эффективности. И не случайно именно в Джакарте находится Секретариат АСЕАН.

Индонезия заинтересована в решении проблем ЮКМ все из-за той же «линии бычьего языка», которая разрезает воды ее ИЭЗ вокруг небольшой группы островов Натуна, где эксплуатируются крупнейшие месторождения природного газа. Они также являются излюбленным местом рыбного промысла для рыбаков не только Индонезии, но и других прибрежных стран, особенно Китая и Вьетнама. Джакарта многие годы добивается от Китая разъяснения его требований, но четкого и однозначного ответа пока так и не получила. Она категорически отказывается признавать, что в этом районе есть какой-то спор, хотя и настаивает на том, что обе страны должны провести переговоры о морской границе между ними. Время от времени Индонезия проводит здесь крупные военные учения. Новое правительство страны ужесточило свою политику в отношении «чужих» рыбаков вплоть до все более частого применения силы. Оно значительно усилило военный гарнизон на группе островов Натуна и направило туда дополнительно несколько сторожевых кораблей. Крайне негативное отношение в Китае вызывают и шаги Индонезии по формированию стратегического партнерства с Австралией, Индией и США.

Многие годы Индонезия пыталась взять на себя роль нейтрального посредника между странами-претендентами и Китаем. С 1990 г. там проходили неформальные международные семинары экспертов и политиков по спорным проблемам ЮКМ. Одним из важнейших результатов этих неформальных дискуссий стала Декларация 2002 г., а также ряд договоренностей о проведении научных исследований и спасении терпящих бедствия. Именно Индонезия взяла на себя миссию активного продвижения проекта будущего Кодекса поведения сторон в ЮКМ, а в 2012 г. благодаря «челночной дипломатии» индонезийского министра иностранных дел удалось преодолеть возник-

ший раскол и согласовать общую позицию АСЕАН по проекту Кодекса поведения сторон в ЮКМ.

Главными оппонентами Китая в территориальных спорах с Китаем в ЮКМ выступают Вьетнам и Филиппины. Спор с Китаем в ЮКМ является самой «горячей» проблемой в общественном мнении обеих стран. Для Вьетнама 2014 год выдался в этом отношении особенно напряженным. 1 мая Китай выдвинул свою платформу для глубоководного бурения на нефть и газ HD 981 в район Парасельских островов на 80 миль в пределы ИЭЗ Вьетнама.

Вьетнамская дипломатия оказалась, по словам заместителя премьер-министра и министра иностранных дел Фам Бинь Миня, «перед самым серьезным вызовом за многие годы. Во весь рост перед ней встала задача сохранить мирные условия и стабильность в регионе, необходимые для развития страны, и одновременно защитить независимость и территориальный суверенитет в штормящих волнах Восточного моря»⁹.

Руководство страны не дало втянуть себя в ловушку, проявило высокую ответственность, выдержку и хладнокровие, несмотря на беспрецедентное давление извне со стороны некоторых кругов вьетнамской диаспоры в США и изнутри со стороны определенной части собственной интеллигенции и студенческой молодежи.

Вьетнам неоднократно заявлял о стремлении мирно разрешить споры в ЮКМ путем переговоров на основе действующего международного права, особенно Конвенции 1982 г., а также Декларации 2002 г., совместного заявления лидеров СРВ и КНР от 2011 г. Вьетнам также выступает за то, чтобы эти переговоры были открытыми, а не тайными, как предпочитает Китай, который обвиняет Вьетнам в стремлении интернационализировать спор.

Открытость, как считают во Вьетнаме, позволяет всему мировому сообществу видеть, кто прав, кто нет. Для малой страны — это средство защитить себя, убедить всех в своей правоте и возможность для других оказать ей поддержку. Отказ от открытости означает неуверенность в своей правоте и обоснованности своих аргументов. Вьетнам не пытается привлечь кого-либо в качестве арбитра. Если вопрос касается только двух стран, как в случае с Парасельскими островами, то, как, считают во Вьетнаме, он должен решаться на двусторонних переговорах, если же вопрос касается 3–4 стран, то он должен рассматриваться с их равноправным участием. Эта позиция была согласована на переговорах с Китаем в 2011 г. и зафиксирована в Совместном заявлении двух лидеров.

С точки зрения вьетнамских политиков, защита территориальной целостности и сохранение стабильных мирных отношений в регионе — это две задачи, которые не только не противоречат друг другу, но неразрывно связаны, так как одно невозможно без другого. Ключ к достижению обеих целей — неукоснительное соблюдение норм международного права и осуществление на практике принципа мирного разрешения всех споров и разногласий. И потому даже в самые напряженные моменты летнего кризиса 2014 г. в ЮКМ они терпеливо вели диалог, добиваясь его мирного разрешения, и одновременно продолжали сотрудничество с Китаем во многих областях.

Географически Вьетнам — это небольшая страна, живущая в тени своего гигантского соседа. Для большой страны свойственно оказывать влияние на меньшего соседа, как столь же естественно для малой страны сопротивляться этому давлению и защищать свою независимость до тех пор, пока обе страны не достигнут взаимно удовлетворяющего положения (*модус вивенди*).

На острие противоречий с Китаем оказались и Филиппины. Вместе с Вьетнамом они наиболее активно отстаивают свои интересы в ЮКМ. Филиппины решительно требуют от Китая вернуться к статус-кво до 1995 года, т. е. до оккупации Китаем рифа Мисчиф архипелага Спратли, и ликвидации там китайских укреплений, складов, геодезических знаков и других сооружений.

Филиппины не поддерживают тесных связей с КНР по всем линиям, как Вьетнам. У них практически нет своих ВМС и ВВС, но Филиппины имеют долгосрочный Договор 1951 г. о взаимной обороне с США. И это, как там считают, позволяет им проявлять более жесткую позицию в отношении Китая, чем Вьетнам, а заодно и часто тестировать действенность этого договора. Филиппинам приходится еще вести внутреннюю войну против мятежных островов на юге с мусульманским населением. Она ведется при военной помощи США. По самым последним соглашениям, Филиппины предоставили кораблям ВМФ США право захода в порты страны, а военным самолетам — право посадки и стоянки на аэродромах. США обязались предоставить Филиппинам некоторые современные виды оружия и боевой техники.

Филиппины при явном поощрении США с 2013 г. прилагали всемерные усилия для интернационализации проблемы ЮКМ и вовлечение партнеров по АСЕАН в ее решение. В апреле 2012 г. развернулось двухмесячное противостояние Филиппин и Китая в районе отмели Скарборо, находящейся в 130 км от берегов Филиппин, Там, в

ИЭЗ Филиппин они попытались пресечь браконьерский промысел китайских рыбаков. Те вызвали на помощь полувоенные корабли морской полиции. Разгорелся конфликт, в конечном счете, завершившийся явно в пользу Китая, который фактически аннексировал эти острова. За два месяца кризиса ни одна страна АСЕАН, за исключением Вьетнама, официально не сделала по этому поводу никаких заявлений. Министр иностранных дел Филиппин, обратившийся за помощью к партнерам по АСЕАН, получил от них лишь приватные выражения «понимания и сочувствия».

События у островов Скарборо стали поводом для Филиппин 22 января 2013 г. возбудить иск против Китая в Постоянном арбитражном суде в Гааге (ПСА) по трем вопросам.

1. Утверждения Китая об «исторических правах» на воды, морское дно и ресурсы под ним в границах «линии бычьего языка» за пределами того, что ему полагается по Конвенции 1982 г., несостоятельны и не имеют силы.

2. Претензии Китая на ИЭЗ и границы континентального шельфа вокруг затопляемых скал и коралловых рифов противоречат Конвенции 1982 г.

3. Осуществление Китаем этих претензий на практике представляет собой нарушение суверенных прав, юрисдикции и свободы мореплавания Филиппин.

Это вызвало категорические возражения Китая, который решительно отказался сотрудничать с трибуналом, не признавая его юрисдикции. Одновременно началось давление китайской дипломатии на Филиппины по всем направлениям и на другие страны АСЕАН с целью добиться отзыва иска Филиппин.

Ни одна из 10 стран-членов АСЕАН, как уже говорилось выше, никогда не соглашалась с «линией бычьего языка», но все довольно сдержанно реагировали на акцию Филиппин, предпринятую в одностороннем порядке и без консультаций с ними. И сделано это было в момент, когда с большим трудом удалось добиться возобновления переговоров с Китаем по Кодексу поведения в ЮКМ.

За прошедшее с тех пор время, несмотря на возражения Китая, арбитражный трибунал был сформирован, разбирательство проходило в течение более трех лет в отсутствие китайских представителей, что, впрочем, допускается в уставе Постоянного арбитражного трибунала.

8 декабря 2014 г. в правовой спор косвенно вступил и Вьетнам, направив в арбитраж свою позицию. Он выразил поддержку иску Фи-

липпин, поставил под вопрос обоснованность «линии бычьего языка» и обратился с просьбой при рассмотрении этого иска «уделить должное внимание законным правам и интересам Вьетнама».

12 июля 2016 г. ПСА в Гааге вынес свой вердикт по иску Филиппин. Он пришел к выводу, что постоянно упоминаемая «линия из девяти пунктиров», которой Китай представляет свои потенциальные претензии на акваторию ЮКМ, **не имеет под собой никаких юридических оснований**. КНР не может при этом ссылаться и ни на какие «исторические права», так как самим фактом подписания и ратификации Конвенции 1982 г. юридически отказался от любых ссылок на какие-либо «исторические факты» и привилегии.

В 500-страничном вердикте ПСА также сказано, что ни один из участков суши, занимаемых Китаем в настоящее время в архипелаге Спратли, **не является естественным островом**. Значит, КНР не имеет права претендовать на 200-мильную ИЭЗ вокруг них, а в ряде случаев даже и на 12 миль территориальных вод¹⁰. ПСА осудил действия Китая, не допускающего филиппинских рыбаков в традиционные места промысла. Судьи также раскритиковали деятельность китайских властей по созданию искусственных островов на коралловых рифах и отмелях как наносящие серьезный ущерб экологии ЮКМ.

Вердикт ПСА нарушал всю стратегию Пекина. Именно поэтому Китай заранее отказался участвовать в процессе, не признавая его правомочность. В последние месяцы перед его опубликованием на разных площадках и во всех доступных им СМИ китайские дипломаты, ученые и пропагандисты заявляли, что Китай не считает арбитраж легитимным и не намерен подчиняться его решению. В развернутом дипломатическом наступлении они предупреждали, что решение ПСА, подрывающее суверенитет Китая, усилит напряженность и нарушит мир в регионе.

Однако мощная дипломатическая и пропагандистская кампания Китая желаемых результатов не принесла. В поддержку его позиции высказалось менее десятка государств, среди которых в основном оказались весьма далекие от ЮКМ малые страны Африки.

В ответ на вердикт ПСА Китай развернул самые крупные за последние годы военные учения с применением боевых снарядов в районе Парасельских островов. В прессе появились предсказания, что КНР выйдет из Конвенции 1982 г. или установит опознавательную зону ПВО (ADIZ) в ЮКМ, подобную той, что в 2013 г. была установлена в ВКМ. Напряженность в регионе, действительно, возросла. Но в то время к более активным действиям Пекин перейти сразу был не

готов, а новый президент Филиппин Родриго Дутерте, получив ожидаемое решение ПСА, заговорил о готовности к переговорам и компромиссу с КНР в обмен на инвестиции.

В конце концов, именно жесткие действия КНР заставляют все больше стран региона искать покровительства Вашингтона. Они могут стать серьезным препятствием на пути осуществления грандиозных планов строительства Шелкового пути XXI века, для которых в регионе должны быть мир и стабильность.

В самих же США консенсуса по вопросу стратегии в Южно-Китайском море нет, а в случае победы на выборах в ноябре 2016 г. Дональда Трампа и так не слишком четкая линия поведения Америки может стать совсем непредсказуемой. Если Пекин решит, что виной всех его проблем с соседями являются американцы и надо лишь еще упорнее следовать ранее избранной тактике давления на соседей и укрепления военного присутствия в Южно-Китайском море, то ситуация в регионе начнет все больше развиваться по сценарию действие—противодействие, чреватому все более серьезными инцидентами. Именно такие инциденты в прошлом нередко вели к серьезным конфликтам.

ПСА не обладает никаким механизмом принуждения государства-ответчика к исполнению его решений, хотя по Конвенции 1982 г. они являются обязательными для всех участников Конвенции и обжалованию не подлежат. Отказ Китая признать вердикт ПСА может нанести ему значительный репутационный ущерб.

Тем не менее, страны АСЕАН по-разному восприняли итоги арбитража. Не все положения принятого вердикта отвечают интересам Вьетнама. Особенно это касается отказа признать естественными островами все территориальные объекты на Спратли. В вердикте ПСА нет ни слова о Парасельских островах. Да и в архипелаге Спартли его требования суверенитета противоречат некоторым требованиям Филиппин. Не случайно, МИД СРВ сделал заявление, приветствующее сам факт вынесения вердикта ПСА, но не дающее оценки его содержания. В нем говорится, как всегда, о поддержке мирного разрешения споров без применения силы или угрозы силой.

Малайзия, как еще одна претендующая на суверенитет страна, призвала всех участников спора к проявлению сдержанности и недопущению эскалации напряженности в реализации принятого вердикта ПСА. Довольно общий характер имело и заявление Индонезии, в котором вердикт ПСА даже не упоминался. Сингапур через своего министра иностранных дел заявил, что он занимает сугубо нейтральную

позицию в этом споре, но призвал все стороны уважать «правовые и дипломатические процессы» в их разрешении.

Все говорило о том, что страны АСЕАН решили воздержаться от провокации Китая на какие-либо решительные действия после вынесения вердикта ПСА. Министры иностранных дел, собравшиеся на очередную встречу в столице Лаоса Вьентьяне 26—27 июля 2016 г. приняли явно компромиссное заявление, в котором не упомянули конкретно ни Китай, ни вердикт гаагского арбитража, но призвали использовать все возможные дипломатические и правовые инструменты мирного урегулирования споров. Вместе с тем, в нем впервые изложена общая позиция АСЕАН по проблеме ЮКМ, которая целиком выражает интересы государств, отстаивающих свой суверенитет.

Как бы не развернулись дальнейшие события, вердикт ПСА имеет немаловажное значение. Он укрепляет позиции не только Филиппин, но и Вьетнама, и других стран АСЕАН в продолжающемся территориальном споре с Китаем в ЮКМ.

От Декларации 2002 г. к Кодексу поведения сторон в ЮКМ

В ноябре 2011 г. страны АСЕАН на очередном саммите на о. Бали договорились начать работу над текстом Кодекса пока внутри АСЕАН, чтобы подготовить основу для его последующего обсуждения с Китаем. Была создана контактная группа, которая провела 7 раундов своих встреч. 24—25 июня 2012 г. на встрече высших должностных лиц (SOM) в Ханое они пришли к согласию по тексту. 11 июля 2012 г. министры иностранных дел АСЕАН согласовали между собой основные положения совместного проекта Кодекса поведения сторон в ЮКМ, что было их большим достижением.

В дискуссии по проекту Кодекса Филиппины добивались учреждения специального органа для разрешения споров в ЮКМ. Но для ряда других стран эта идея не оказалась особенно важной. Филиппины также хотели включить в Кодекс свои предложения о Зоне мира и сотрудничества, но другие страны с этим тоже не были согласны. Вьетнам и Филиппины хотели, чтобы текст Кодекса сначала был выработан в АСЕАН, а затем предложен Китаю, но Камбоджа в роли председателя АСЕАН в 2012 г. настояла на том, чтобы в процессе всей работы не прерывались консультации с Китаем, что позволяло ему практически участвовать в выработке Кодекса.

20 июля 2012 г. в Пномпене было оглашено Заявления из 6 пунктов, в котором страны АСЕАН договорились о следующем.

1. Полностью выполнять Декларацию о поведении сторон в ЮКМ (DOC).

2. Соблюдать Директивы 2011 г. по выполнению Декларации 2002 г.

3. Скорейшим образом принять Кодекс поведения сторон (COC).

4. Полностью уважать общепринятые принципы международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. (UNCLOS).

5. Проявлять сдержанность и не применять силу.

6. Мирно решать все споры в соответствии с общепринятыми нормами международного права¹¹.

В Китае это заявление было принято с одобрением. Представитель МИД КНР заявила, что Китай высоко ценит свои отношения с АСЕАН, желает продолжать работать вместе с этой группой государств над выполнением Декларации 2002 г. и «открыт для консультаций с АСЕАН по разработке Кодекса поведения сторон в ЮКМ»¹². Но дипломатическое смягчение позиций последовало одновременно с усилением военных приготовлений, что характерно для двойственной политики Китая в регионе. Китай не желает показаться слабым, но и не может выступать в роли агрессивного регионального гегемона.

Тем временем Индонезия продолжила реализацию взятой на себя инициативы. В сентябре 2012 г. в кулуарах сессии ГА ООН в Нью-Йорке министр иностранных дел Индонезии представил коллегам по АСЕАН так называемый нулевой проект Кодекса, который, как сообщалось, был ими всеми одобрен¹³. Проект базировался на согласованных ранее ключевых элементах и Заявлении из 6 пунктов, но в нем был и ряд новых положений относительно прав и обязанностей сторон. В целом разработанный Индонезией проект представлял значительное развитие позиции АСЕАН.

Он состоит из трех частей. Преамбула подтверждает все ранее достигнутые договоренности и соглашения АСЕАН с Китаем. Во второй части содержатся оперативные нормы Кодекса, направленные на мирное решение споров и предотвращение их эскалации. В третьей части говорится об обязательстве сторон создать два механизма, обеспечивающих соблюдение Кодекса и разрешение споров, в том числе один на уровне министров, а другой на уровне экспертов для рассмотрения различий в толковании тех или иных положений Кодекса. Проект намечает, что сначала стороны, по взаимной договоренности,

должны попытаться вместе достичь согласия на основе принципов Договора 1976 г. (ТАС), т. е. терпеливым поиском консенсуса. Но если это все-таки не удастся, они могут прибегнуть к помощи ООН или предусмотренных Конвенцией 1982 г. по морскому праву различных форм международного арбитража, посредничества и даже Морского трибунала.

В первом случае предлагается использовать существующий механизм, который предусматривает образование, при необходимости, Высшего совета, уполномоченного предоставлять сторонам услуги по посредничеству, расследованию и примирению. К этому добавлено, что все участники каждые пять лет будут оценивать действие этого механизма на министерском уровне и на базе консенсуса всех заинтересованных сторон.

Однако все эти элементы будущего Кодекса отражают позицию только одной стороны — АСЕАН, хотя твердого единства мнений по этому проекту и в АСЕАН пока еще нет. У Китая же были и остаются серьезные возражения. Он всегда отвергал оба предусмотренных в проекте механизма рассмотрения споров и постоянно заявлял, что готов участвовать в выработке Кодекса только в целях укрепления мер доверия в ЮКМ, а не для того, чтобы решать спорные вопросы о суверенитете, которые могут быть решены только непосредственно оппонентами на двусторонней основе.

И все же в 2013 г. появились первые признаки того, что усилия АСЕАН втянуть Китай в переговоры по Кодексу начали приносить первые плоды. В начале мая в Джакарте было решено провести заседание Рабочей группы Китай—АСЕАН по проблемам реализации Декларации 2002 г. и в ее рамках начать консультации по проекту Кодекса. Одновременно в дополнение к ней была создана Группа выдающихся деятелей (EPG) по 10 представителей от АСЕАН и Китая. Таким образом, усилиями Индонезии, Вьетнама, Таиланда и Брунея была достигнута договоренность, что консультации с Китаем по Кодексу начнутся в Таиланде в августе 2013 г. на уровне генеральных директоров МИД. Китай дал свое согласие, и это было важным позитивным шагом китайского руководства.

С тех пор прошло два десятка раундов консультаций в Китае, Таиланде и Сингапуре. Заметного успеха пока не достигнуто. Китай не спешит связывать себя юридическими обязательствами. Есть большие сомнения, что Китай вообще пойдет на принятие каких-либо обязательных для него правил. Но он может получить и немалые выгоды, если поддержит эффективный Кодекс поведения в ЮКМ. Это

откроет путь к сотрудничеству в осуществлении планов морского Шелкового пути, которым в Китае придают большое значение. Его имидж в регионе радикально улучшится, желание соседей втянуть США в этот спор уменьшится, а шансы ввязаться в конфликт исчезнут вообще. Если и когда такой Кодекс будет все-таки принят, то откроется возможность сделать его обязательным для присоединения и других стран вне региона, по опыту Договора 1976 г., что, не решит территориальные споры, но создаст атмосферу доверия, необходимую для их решения, и сделает его эффективным инструментом поддержания регионального мира и стабильности.

Заключение

Хотя образование Экономического сообщества АСЕАН считается формально завершившимся в 2015 г., все же вряд ли можно констатировать, что удалось к этому времени выработать общую внешнюю политику или политику в области безопасности. Процесс будет продолжаться. Сложность сотрудничества в вопросах безопасности состоит в том, что оно строится параллельно, а часто и накладывается на связи и обязательства индивидуальных государств в этой сфере. Так, например, Таиланд и Филиппины — союзники США по действующим договорам, Малайзия и Сингапур — члены оборонительной группировки 5 держав, включая Великобританию, Австралию и Новую Зеландию, тогда как Сингапур еще и важный стратегический партнер США.

Нерешенная задача внутренней консолидации АСЕАН лишает ее возможности стать посредником для великих держав в строительстве нового регионального порядка в ВА. Другими словами, самым главным препятствием для активизации роли АСЕАН в решении споров в ЮКМ является отсутствие внутреннего единства между ее членами в том, что касается территориального суверенитета. В этой связи «асеаноцентричность» становится скорее средством хоть как-то сохранить безопасность в регионе, чем целью, которую необходимо достичь любой ценой. Здесь очевиден главный принцип политики лидеров АСЕАН — процесс, обеспечивающий их мирное сосуществование и стабильность политических режимов, важнее, чем сам итоговый результат.

Таким образом, пять государств — Филиппины, Вьетнам, Малайзия, Индонезия и Сингапур — образуют некую довольно хрупкую коалицию в АСЕАН, которая иногда вырабатывает и отстаивает об-

щую позицию в дискуссиях с Китаем. Континентальные страны проявляют большую склонность к удовлетворению требований Китая. Прибрежные страны, особенно Малайзия и Бруней, проводят двойственную стратегию приспособления к его позициям с упором на дипломатические договоренности. Но и главные оппоненты Китая — Вьетнам и Филиппины — тоже проводят похожую двойственную политику согласия и противостояния, но с большим акцентом на укрепление своего оборонительного потенциала и на сотрудничество с США, Японией, Индией и Австралией, на мобилизацию общественного мнения в поддержку своих позиций. Однако войны не хочет и не может позволить себе никто.

АСЕАН находится в переходном периоде. Первоначальные цели, ставившиеся отцами-основателями, по большей части достигнуты и превзойдены в сотрудничестве государств-членов между собой и с другими странами АТР. Но возникло много проблем и противоречий, тормозящих переход на новый уровень. В прошлом такое уже случалось, и каждый раз был необходим какой-то сильный толчок извне: то быстрый подъем Китая и Индии на фоне ускоряющейся глобализации и информатизации, то кризис в Камбодже, то азиатский финансовый кризис 1997 г. В наши дни таким вызовом стал конфликт из-за акватории и островов в ЮКМ. Хотелось бы надеяться, что и из этой ситуации страны АСЕАН сумеют найти адекватный выход.

А время торопит. В водах ЮКМ остается все меньше морепродуктов, а загрязненность моря становится все опасней. В регионе разворачивается серьезная гонка вооружений. Акватория ЮКМ наполняется военными и полувоенными сторожевыми кораблями Китая, других прибрежных и далеких от региона стран. Идут постоянные военные маневры с участием ВМС и ВВС США и других государств. Возникает угроза случайного или ошибочного применения самого современного разрушительного оружия.

Проблема суверенитета над островами и богатствами континентального шельфа на данном этапе кажется неразрешимой. В экспертном сообществе иногда высказывается идея, что территориальные споры в ЮКМ могут быть разрешены путем создания общего «восточноазиатского экономического пространства». Вопрос только, когда оно будет создано и будет ли вообще когда-нибудь? Но на Востоке с древнейших времен известно: какова бы ни была проблема, ее следует терпеливо решать путем переговоров и компромиссов. Важно не загонять оппонента в угол, а давать ему выход из неприятной ситуации без потери лица.

Спор о суверенитете в ЮКМ в обозримом будущем, похоже, не может быть разрешен. Сохранение статус-кво в условиях мира, без угрозы применения силы, совместное освоение и эксплуатация ресурсов в определенных по договоренности районах и наращивание сотрудничества в рамках обязывающего Кодекса, если и когда он будет все-таки принят, как представляется, могло бы удовлетворить все претендующие стороны.

За многие годы АСЕАН приобрела уникальный опыт коллективной выработки общей линии поведения на международной арене, а также практики совместного нахождения решений имеющихся проблем на основе последовательного применения принципов консенсуса, взаимопомощи, консультаций, доверия, терпимости и учета интересов всех участников. Он получил широкое международное признание как «метод АСЕАН» (ASEAN Way) — реальное воплощение культуры мира, выработанной многовековым опытом азиатских народов и, в сущности, не имеющий разумной альтернативы в современном мире.

Примечания

¹ Chairmen Statement of the 16th ASEAN-China Summit. 9 October 2013. Bandar Seri Begawan, Brunei, Darussalam.

² Новое Восточное обозрение. 06.09.2012.

³ URL: [http:// www.ASEANsec.org](http://www.ASEANsec.org) — ASEAN statistic (Table 19).

⁴ Ibid. ASEAN statistics, Table 26. Foreign Direct Investments (Inflows in ASEAN from Selected Countries/regions).

⁵ Конвенция 1982 г., например, предусматривает право «мирного прохода» для военных судов неприбрежных государств через ИЭЗ, кроме 12-мильной зоны территориальных вод. Китай, как и целый ряд других государств, включая Вьетнам и бывший СССР, при подписании Конвенции, сделали оговорку, которая требует для этого предварительного оповещения и согласия прибрежной страны. Он не без оснований считает, что «мирный проход» не означает ведение военной разведки, а США заявляют, что такая деятельность миру не угрожает и потому вполне допустима.

⁶ 12 июля 2016 г. Постоянный арбитражный суд по морским делам в Гааге вынес вердикт по иску Филиппин против КНР, в котором постановил, что ни один территориальный объект в архипелаге Спратли не является островом, так как не удовлетворяет требованиям Конвенции 1982 г. и им не положена 200-мильная ИЭЗ.

⁷ См. подробнее: *Локиин Г.М.* Острова раздора // Азия и Африка сегодня. № 9. 2015.

⁸ *Thayer, Carlyle A.* Deference/defiance Sotheast Asia, China &the South China Sea. Paper to the Workshop «The Deer and the Dragon; Southeast Asia and China in 21st Century. Singapore, November 15—16, 2012. URL: [http:// www.scribd.com/Carlylethayer](http://www.scribd.com/Carlylethayer)

⁹ URL: <http://www.bongoaigiao.vn>. Chuong trình «Dân hỏi — Bộ trưởng trả lời» (04.01.2015) (МИД Вьетнама, программа «Люди спрашивают — министр отвечает»).

¹⁰ Следует отметить, что ПСА не признал островом в юридическом смысле вообще ни один террриториальный объект (риф, атолл или отмель) в этом архипелаге, как не отвечающие критериям Конвенции 1982 г. относительно необходимых условий для постоянного пребывания, администрации и экономической деятельности людей.

¹¹ VNA. 20.07.2012.

¹² Xinhua. 22.07.2012.

¹³ *Thayer, Carlyle A.* ASAEAN's Code of Conduct (inoficial), Thayer Consultancy Background Brief, July 11.2012. URL: [http:// www.seridd.com/doc/101698395/Thayer-ASEAN's-Code-of-Conduct-inoficial](http://www.seridd.com/doc/101698395/Thayer-ASEAN's-Code-of-Conduct-inoficial)

Е.В. Кобелев

ДИАЛОГОВОЕ ПАРТНЕРСТВО «РОССИЯ—АСЕАН»: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Роль Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) в мировой политике и экономике неуклонно возрастает. Здесь даже в условиях глобального финансово-экономического кризиса наблюдается динамичный рост большинства экономик, а процессы интеграции не только не затухают, но и усиливаются. За этим регионом — будущее, и в этом сегодня единодушно все мировое научно-политологическое сообщество. Именно здесь формируется новый мировой полюс экономической мощи, именно здесь расположено большинство наиболее динамично развивающихся государств мира. Доля АТР в суммарном мировом ВВП стремительно растет и, по оценкам проф. Дергачева В.А., к 2025 г. может составить 45—50 %¹.

После распада СССР лидеры России совершенно неоправданно развернули внешнюю политику страны в сторону Запада. Они почему-то видели в США и Западной Европе главных политических и идеологических союзников, важнейших доноров и образец социально-экономического развития для России. Но жизнь показала, что все это были не больше, чем иллюзии. Поэтому нельзя не приветствовать тот факт, что с избранием президентом России В.В. Путина Москва сделала, наконец, единственно разумный и рациональный шаг — «повернулась лицом» к АТР.

Российская политическая элита наконец-то осознала очевидный факт, что Россия исторически неразрывно связана с АТР, имеет в этом регионе жизненно важные политические и экономические ин-

тересы — две трети нашей территории находятся в Азии. Более того, выяснилось, что и в АТР, а не только в США и Европе, можно получить и необходимые кредиты, и передовые технологии. Был сделан логический вывод, что модернизация отсталых восточных районов России — кладовой природных ресурсов — невозможна без участия азиатских соседей. В итоге Азиатско-Тихоокеанское направление выдвинулось на роль одного из основных в российской внешней политике. Особенную важность для России АТР приобрел в 2014 г., когда из-за трагических событий на Украине Запад встал на путь жестких необоснованных санкций против России.

Благодаря взаимополезному сотрудничеству России и Китая в 2001 г. в Восточной Азии появилась мощная региональная группировка — Шанхайская организация сотрудничества (ШОС). На сегодняшний день население стран ШОС вместе со странами-наблюдателями составляет более 3 млрд человек. ШОС — не военный союз, но стратегический потенциал ШОС велик — это 4 ядерные державы: Россия и Китай, а также Индия и Пакистан².

Не менее важным регионом АТР является и Юго-Восточная Азия (ЮВА), которая с началом XXI века вырвалась на позиции одного из наиболее важных геополитических и геоэкономических регионов мира. Регион ЮВА занимает уникальное место в АТР, прежде всего за счет того, что расположен на стыке различных цивилизаций и экономических потоков. В результате усиления политического влияния и впечатляющих темпов экономического роста, значительно превышающих среднемировые, ЮВА заняла в последние годы видное стратегическое место на шахматной доске мирового устройства. С учетом этого фактора в настоящее время перед РФ стоит серьезная задача — обеспечить активное и эффективное участие в международном сотрудничестве в регионе ЮВА, причем на новой платформе — не зависящей от идеологии, как это было во времена СССР, а на платформе национальных интересов.

Своему политико-экономическому взлету ЮВА по праву обязана крупнейшей и влиятельной региональной группировке, играющей, помимо всего прочего, важнейшую роль *ядра интеграции в АТР*, — *Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)*. Эта успешно развивающаяся субрегиональная политико-экономическая организация стала в последние годы одной из самых авторитетных не только в Восточной Азии, но и во всем мире.

В своей учредительной Декларации (1967 г.) АСЕАН представила себя как «региональное объединение», которое будет добиваться ре-

шения задач преимущественно в социально-экономической сфере. Однако в реальности с момента ее возникновения, и особенно после вступления в нее Вьетнама (1995 г.), в деятельности АСЕАН *на первое место вышли задачи обеспечения мира и стабильности в ЮВА.*

АСЕАН играет все более важную роль как фактор мира и безопасности не только в ЮВА, но и в АТР в целом. Поэтому вполне естественно стремление АСЕАН к установлению рабочих отношений с другими региональными объединениями в АТР, прежде всего с ШОС. Так, в январе 2007 г. в городе Себу (Филиппины) в ходе Восточноазиатского саммита (ВАС) Филиппины выступили с инициативой установить тесные отношения с ШОС, а затем, по предложению России, был подписан Протокол о сотрудничестве между АСЕАН и ШОС, где обе стороны высказались в поддержку устойчивого развития отношений между двумя организациями³.

В нынешних условиях, когда правительство России наконец приняло судьбоносное решение об «опережающем развитии» районов Дальнего Востока, все более важное значение приобретают отношения нашей страны не только с Китаем, Японией и Республикой Корея, которые в целом проявляют готовность к инвестированию капиталов в выгодные для них проекты, но и с наиболее развитыми государствами — членами АСЕАН. Отсюда растущее внимание российской дипломатии к этой по-своему уникальной, системообразующей региональной группировке.

В практическую плоскость отношения нашей страны с АСЕАН вступили с окончанием холодной войны и эры биполярного противостояния. В июле 1991 г. впервые в истории АСЕАН делегация СССР была приглашена в качестве гостя правительства Малайзии для участия в 24-й конференции министров иностранных дел Ассоциации в Куала-Лумпуре. В 1994 г. между Россией и АСЕАН были установлены отношения консультативного партнерства, и фактически уже тогда начался двусторонний диалог. Наконец, в июле 1996 г. Россия получила статус полноправного партнера по диалогу с АСЕАН. Тем самым было положено начало формированию нормативно-правовой базы и созданию многостороннего механизма партнерства «Россия—АСЕАН». Одной из первых важных акций после этого стало создание в 1997 г. Рабочей группы Россия—АСЕАН, приоритетами которой были заявлены взаимосвязи и сотрудничество в областях науки и технологий, окружающей среды, развития людских ресурсов.

В последующем были поочередно подписаны еще два важных документа: Совместная декларация о партнерстве в деле мира и безо-

пасности, а также процветания и развития в АТР (19 июня 2003 г., Пномпень) и Совместная декларация о сотрудничестве в борьбе с международным терроризмом (2 июля 2004 г., Джакарта). В 2006 г. утверждена Концепция научно-технологического сотрудничества между Россией и странами АСЕАН⁴.

С учетом «особого характера» российско-вьетнамских отношений в 1996 г. Секретариат АСЕАН поручил Вьетнаму взять на себя роль координатора отношений АСЕАН с Россией. И Вьетнам с честью справился с этой задачей. Те годы были для России очень трудными: отсутствовала стабильность, экономика находилась в глубоком кризисе, не хватало денежных средств. Все это, естественно, мешало развитию продуктивных отношений с АСЕАН, углублению диалогового партнерства по существу. Вьетнамские сотрудники технических организаций АСЕАН по-дружески помогали российским представителям разобраться в сложных механизмах диалоговой деятельности АСЕАН. Выполняя роль координатора, Вьетнам добился проведения заседания Комиссии совместного сотрудничества «АСЕАН—Россия» и предложил конкретные меры по уменьшению трудностей для России. И именно в 1996 г. Россия получила статус полномасштабного диалогового партнера АСЕАН. Так было положено начало формированию многостороннего механизма диалогового партнерства «Россия—АСЕАН».

С началом XXI века Россия развернула активную политико-дипломатическую деятельность в отношении с АСЕАН. В 2004 г. она присоединилась к Договору о дружбе и сотрудничестве в Юго-Восточной Азии (ТАС), который уже 40 лет определяет фундаментальные основы обеспечения мира и стабильности в регионе. Затем Россия подписала Совместное заявление о сотрудничестве в борьбе против международного терроризма. Наконец, наша страна также заявила о своем позитивном отношении к усилиям АСЕАН по созданию в Юго-Восточной Азии зоны, свободной от ядерного оружия, рассматривая их как реальный вклад в укрепление режима нераспространения ядерного оружия, в упрочение региональной и глобальной безопасности.

13 декабря 2005 г. произошло, вне всякого сомнения, историческое для нашей страны событие — состоялся первый саммит «Россия—АСЕАН» (Куала-Лумпур, Малайзия) с участием президента РФ В.В. Путина. На нем был принят основополагающий документ, регулирующий все аспекты отношений между Россией и АСЕАН — Совместная декларация главы Российской Федерации и глав государств

и правительств стран Юго-Восточной Азии о развитом и всеобъемлющем партнерстве. Основной целью Декларации было объявлено обеспечение «экономического роста, устойчивого развития, процветания и социального прогресса Российской Федерации и АСЕАН на основе принципов равенства, взаимной выгоды и общей ответственности, а также содействия миру, стабильности, безопасности и процветанию в Азиатско-Тихоокеанском регионе»⁵.

Одновременно участники саммита приняли Комплексную программу действий по развитию сотрудничества на 2005—2015 гг., конкретизировавшую содержание и параметры партнерства. Специальный раздел Программы был посвящен проблемам развития сотрудничества в сфере экономики, включая торговлю и инвестиции, промышленность, энергетику, транспорт, финансы, малое и среднее предпринимательство, науку и технику, информационно-коммуникационные технологии. Важное место в Программе отводилось сотрудничеству в области предупреждения и преодоления последствий стихийных бедствий, природопользования, восстановления и охраны окружающей среды. В документе была также закреплена договоренность о расширении сотрудничества в сфере культуры, информации, туризма, спорта, продовольствия, сельского и лесного хозяйства⁶.

Принципиально важной является достигнутая в Куала-Лумпуре договоренность о том, чтобы саммиты «Россия—АСЕАН» проводились на регулярной основе, не реже одного раза в два-три года, а в перспективе они должны были стать ежегодными. К сожалению, эта договоренность, как часто бывает, не стала реальностью.

Второй саммит «Россия—АСЕАН» состоялся в Ханое лишь 30 октября 2010 г. и стал важной вехой в развитии отношений диалогового партнерства между двумя сторонами. Саммит продемонстрировал общую политическую волю руководителей России и стран АСЕАН добиваться дальнейшего углубления партнерского сотрудничества. Он позволил выявить новые возможности активизации взаимодействия на приоритетных направлениях сотрудничества в интересах модернизации и инновационного развития наших государств, укрепления мира, безопасности и стабильности в ЮВА и АТР.

Таким образом, если первый саммит «Россия—АСЕАН» открыл новый этап активного, многоуровневого, разнопланового диалога по самому широкому кругу проблем в многостороннем и двустороннем форматах, то второй, прошедший в Ханое, поднял сотрудничество между Россией и АСЕАН на качественно новый уровень.

Ключевое значение для развития диалогового партнерства «Россия — АСЕАН» имеют ежегодные конференции министров иностранных дел двух сторон в формате «АСЕАН+1», а также встречи диалоговых партнеров в формате «10+10». В подготовку таких встреч, как правило, включаются значительное количество министерств и ведомств, а также деловые круги, что позволяет делать переговоры насыщенными, направленными на реализацию договоренностей, достигнутых по итогам двух саммитов «Россия—АСЕАН».

В настоящее время Россия участвует практически во всех мероприятиях АСЕАН, связанных с партнерским диалогом по проблемам безопасности и сотрудничеству, по вопросам установления мирного и стабильного порядка в регионе и во всем мире. Страны-члены АСЕАН также высоко оценивают важный вклад России в обеспечение энергетической, экологической и региональной безопасности в ЮВА⁷.

Россию объединяет с АСЕАН общность позиций по большинству актуальных и международных проблем, что убедительно подтверждает многолетний опыт участия России в деятельности Регионального форума АСЕАН по проблемам мира и безопасности (АРФ). Странам АСЕАН экономически и политически сильная Россия нужна прежде всего потому, что она проводит конструктивную, ориентированную не на односторонние преимущества, а на взаимное уважение и равные выгоды для всех, политику в области безопасности. Такая политика оказалась сегодня очень востребованной в этом обширном и конфликтном регионе, где АСЕАН уже приспособилась маневрировать в треугольнике США—Китай—Япония, а теперь многие ее члены не против того, чтобы добавить сюда и четвертый угол — Россию.

По мнению вьетнамских экспертов, «многоплановое сотрудничество России и АСЕАН — это важный фактор укрепления стабильности и процветания в регионе АТР. Россия считает АСЕАН своего рода «ядром» процесса интеграции региона АТР, и укрепление сотрудничества с АСЕАН — это одна из первостепенных задач России. Сознавая конструктивную и все более важную роль России в мировых делах, страны АСЕАН выступают за все более широкое участие России в процессах интеграции в Азии и в решении важных проблем этого региона»⁸.

В Указе президента РФ В.В. Путина № 605 от 7 мая 2012 г. сформулирована четкая позиция России в отношении АТР и АСЕАН. Задача российских внешнеполитических организаций, подчеркивается

в указе, — «продвигать инициативы по формированию в Азиатско-Тихоокеанском регионе новой архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на коллективных внеблоковых началах, нормах международного права и принципе равной и неделимой безопасности; разработать дополнительные предложения для включения в повестки дня Восточноазиатских саммитов и диалогового партнерства Россия—АСЕАН»⁹.

Позиции России подкрепляет то обстоятельство, что в составе АСЕАН мы имеем очень важного союзника — Вьетнам, который является сегодня одним из ведущих членов этой организации.

В 2010 г. Вьетнам успешно исполнил роль председателя АСЕАН и в этом качестве провел большую работу по организации 2-го саммита «Россия—АСЕАН» в Ханое. Кроме того, с 1 января 2013 г. представитель Вьетнама Ле Лыонг Минь сроком на пять лет избран генеральным секретарем Ассоциации.

В связи с обостряющейся дискуссией о территориальном суверенитете над архипелагом Спратли и Парасельскими островами в число внешнеполитических приоритетов АСЕАН в последние годы вошла *ситуация в ЮКМ*. Россия не является участником конфликтных споров о суверенитете в ЮКМ и, естественно, стремится избежать втягивания в них. Позиция России состоит в том, что все вовлеченные в эти споры государства должны строго следовать принципу неприменения силы или угрозы ее применения, терпеливо и настойчиво искать пути политико-дипломатического урегулирования спорных проблем на основе международного права и Конвенции ООН 1982 г. по морскому праву.

Хотя установление отношений стратегического партнерства между РФ и СРВ в основном нацелено на более эффективное развитие двусторонних отношений сотрудничества в различных областях, вместе с тем обе стороны придают большое значение и вопросам безопасности в регионе ЮВА и АТР. Так, пункт 14 Декларации о стратегическом партнерстве гласит: «Стороны придают исключительно большое значение вопросам обеспечения безопасности и укрепления доверия в Азиатско-Тихоокеанском регионе».

Более того, российская сторона, учитывая растущий международный авторитет АСЕАН как системообразующей региональной группировки и весомую роль Вьетнама в развитии и укреплении этой организации включила в текст Декларации следующий принципиально важный текст: «Россия придает большое значение отношениям с АСЕАН и исполнена решимости развивать всестороннее сотрудниче-

ство с АСЕАН на основе равноправия, взаимной выгоды, содействия укреплению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии»¹⁰.

Эта принципиальная позиция России была подтверждена в ходе визита В.В. Путина в СРВ в ноябре 2006 г. в Совместном заявлении по итогам визита: «В духе отношений дружбы и сотрудничества Россия и Вьетнам выразили твердый настрой на дальнейшее упрочение взаимодействия в рамках диалогового партнерства Россия—АСЕАН и по каналам контактов ШОС с АСЕАН, а также стремление оказывать друг другу взаимную поддержку в действующих и формирующихся в Азиатско-Тихоокеанском регионе многосторонних структурах»¹¹.

Россия и Вьетнам ведут постоянный многоуровневый диалог по широкому спектру проблем, связанных с ситуацией в ЮВА и АТР, вопросов политической и экономической интеграции, проводимой АСЕАН. В этой связи важно отметить, что само по себе развитие стратегического партнерства России и Вьетнама является фактором, стимулирующим ускорение диалогового партнерства между Россией и АСЕАН. И наоборот, все более активное включение Вьетнама в региональные интеграционные процессы сопровождается дальнейшим укреплением связей России со странами АСЕАН.

Вьетнамские эксперты следующим образом оценивают связку «Вьетнам—АСЕАН—Россия»: «Вьетнам является страной, которую связывают с Россией давние традиционные отношения дружбы, и которая играет все возрастающую роль в АСЕАН. Вьетнам занимает важное геополитическое и геоэкономическое положение в Юго-Восточной Азии и стал рычагом в сотрудничестве между Россией и АСЕАН. Вьетнам является «катализатором» в деле распространения российского влияния в регионе»¹².

Нельзя также не отметить, что Вьетнам, используя свой высокий авторитет в АСЕАН, всемерно способствовал тому, чтобы Россия, одновременно с США, была принята в Восточноазиатский саммит (ВАС) и стала его равноправным участником.

К сожалению, как и в отношениях со многими развивающимися азиатскими странами, наиболее слабым звеном наших отношений с АСЕАН остается торгово-экономическое сотрудничество, объем которого совершенно не соответствует уровню политических отношений. АСЕАН — это большой и быстро растущий рынок. В конце 2015 г. АСЕАН стала формально единым экономическим пространством.

Конечно, позитивная динамика есть: благодаря в том числе неуклонному укреплению политических отношений объем взаимного то-

варооборота между Россией и АСЕАН в последние годы устойчиво растет, достигнув в 2014 г. рекордной отметки в 21,5 млрд долл.¹³ Тем не менее, это весьма скромные цифры, совершенно не сопоставимые, например, с Китаем, объем торговли которого с АСЕАН в 2014 г. составил 480,1 млрд долл. и, по планам обеих сторон, к 2020 г. должен достичь 1 трлн долл.¹⁴

Развиваются связи между представителями деловых кругов обеих сторон. В 1998 г. в Куала-Лумпуре было подписано соглашение о сотрудничестве между ТПП России и Конфедерацией ТПП АСЕАН, создан Деловой совет Россия—АСЕАН. Под его эгидой организовано несколько Деловых форумов Россия—АСЕАН.

Это может существенно укрепить позиции российского бизнеса, позволит всерьез говорить о том, что во внешнеэкономических отношениях с АСЕАН начался переход от слов к делу. А главное, откроется возможность реализации крупных совместных инвестиционных проектов как в странах АСЕАН, так и на территории Российской Федерации.

Выступая на Международной конференции «Сотрудничество в целях развития между Вьетнамом — АСЕАН и Российской Федерацией: современное состояние и перспективы» в Ханое в октябре 2014 г., генеральный секретарь АСЕАН Ле Лыонг Минь заявил: «АСЕАН придает большое значение хорошим отношениям с Россией и активно выступает за укрепление сотрудничества с ней во всех областях, представляющих взаимный интерес. И Россия, и АСЕАН успешно проводят интеграционную политику, включая содействие созданию Экономического сообщества АСЕАН (АЕС) и Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (РСЕР). В будущем АСЕАН и Россия могут успешно продолжать двустороннюю интеграцию, укреплять координацию усилий на основе глобальных и региональных механизмов, таких как Региональный форум АСЕАН (АРФ), в рамках Восточно-Азиатского саммита (ВАС), саммитов министров обороны в целях поддержания мира и стабильности ... в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Я уверен в перспективах светлого будущего отношений сотрудничества между АСЕАН и Россией»¹⁵.

Наибольшие перспективы для экономического сотрудничества России и АСЕАН открывают уникальные возможности нашей страны в области энергетики. Российские энергетические компании имеют богатый опыт работы на рынках Юго-Восточной Азии. Так, на протяжении многих лет СССР оказывал всестороннее содействие в создании топливно-энергетического комплекса Вьетнама — основы его со-

временной экономики. При технико-экономическом содействии нашей страны во Вьетнаме были построены современные гидро- и теплоэлектростанции, линии электропередачи, налажена работа национальной диспетчерской энергослужбы.

В настоящее время Россия активно участвует в реализации намеченного правительством СРВ 10-летнего плана развития всей электроэнергетической отрасли. К 2020 г. совокупная мощность всех ТЭЦ и ГЭС во Вьетнаме должна достигнуть 330 млрд кВт·ч против 100 млрд кВт·ч в 2010 г.¹⁶ В последние годы Россия и Вьетнам объединили усилия для совместного выхода на энергетические рынки третьих стран.

Совсем недавно Вьетнам принял судьбоносное решение использовать атомную энергию в мирных целях, поступательно развивая ядерно-энергетическую инфраструктуру. В соответствии с утвержденной правительством стратегией, к 2030 г. Вьетнам намерен построить и ввести в эксплуатацию 13 блоков АЭС общей мощностью 15 ГВт, которые дадут около 10 % общего объема производимой в стране электроэнергии¹⁷.

Строительство первой вьетнамской АЭС будет осуществляться при участии ГК «Росатом». Помимо АЭС, «Росатом» построит здесь также Центр ядерной науки и технологий, в котором будут исследовательский ядерный реактор, а также ряд лабораторий.

Россия готова обеспечить гарантированные поставки топлива для объектов атомной энергетики во Вьетнаме и других странах ЮВА, если они также примут решение о строительстве АЭС. Об этом заявил в интервью ИТАР-ТАСС коммерческий директор Международного центра по обогащению урана (МЦОУ) Глеб Ефремов в ходе 5-й международной конференции по атомной энергетике, состоявшейся в конце 2013 г. в Ханое¹⁸.

Сегодня в странах АСЕАН все заметнее растет интерес к сотрудничеству с Россией по таким важным направлениям, как энергетическая безопасность, военная техника, воздушный транспорт и космические исследования. Так, на первом саммите Россия—АСЕАН (2005) и втором (2010) главным пунктом обсуждения содержания многообразного сотрудничества двух сторон на 2005—2015 гг. было взаимодействие в энергетической сфере. Стороны обстоятельно обсудили меры по обеспечению энергетической безопасности АСЕАН путем предоставления Россией нефти, газа, угля, строительства в странах региона атомных, гидро- и теплоэлектростанций. По данным Секретариата АСЕАН, согласно Энергетической стратегии РФ до 2030 г.

экспорт российских энергоносителей в страны региона составит 26—27 % от общего объема российского энергетического экспорта¹⁹.

Развитие сотрудничества с РФ в сфере энергетики служит приоритетом не только для Вьетнама, но и для других членов АСЕАН. Все эти вопросы являются постоянной темой обсуждения созданного и регулярно действующего Энергетического диалога Россия—АСЕАН.

Неуклонному расширению сотрудничества в столь высокотехнологичных и наукоемких областях во многом благоприятствует то обстоятельство, что в общественном мнении большинства стран АСЕАН доминирует благожелательное отношение и доверие к России. И это касается не только Вьетнама и Лаоса, где еще живы и сильны чувства благодарности за помощь, оказанную народам этих стран в их борьбе за национальное освобождение и независимость и где успешно работают сотни предприятий, построенных с помощью СССР.

В июне 2012 г. произошло важное событие, которое может дать долгожданный толчок развитию торгово-экономического сотрудничества двух сторон. Торгово-промышленная палата РФ приняла концепцию развития Делового совета Россия—АСЕАН. Основными направлениями работы Делового совета были утверждены поддержка делового взаимодействия и поощрение гуманитарных контактов России и стран-членов АСЕАН. Он провел интенсивную работу в экономико-инвестиционном, технологическом, общественно-культурном и политическом блоках, провел мониторинг экономического состояния стран АСЕАН, создал базу данных, в том числе по инвестиционным проектам, проявил инициативу по проведению тематических мероприятий, как двусторонних, так и регионального уровня. Одним из таких мероприятий стал проведенный 22 июня 2013 г. Деловой форум Россия—АСЕАН в рамках Санкт-Петербургского международного экономического форума²⁰.

Сделаны также важные шаги в информационной и научной сферах. Так, при Московском государственном институте международных отношений (МГИМО) открыт Центр АСЕАН, который призван содействовать более полному информированию общественности России и государств Юго-Восточной Азии о возможностях и перспективах развития российско-асеановского партнерства, стать базой для налаживания контактов между деловыми и научными кругами сторон, придать импульс расширению гуманитарных связей нашей страны с Ассоциацией. Важную роль в успешном решении указанных задач играет также созданный в 2008 г. в Институте Дальнего Востока РАН Центр изучения Вьетнама и АСЕАН.

1 июля 2014 г. министр иностранных дел РФ С.В. Лавров провел в Москве встречу с генеральным секретарем АСЕАН Ле Лонг Минем, находившимся в России с рабочим визитом. Состоялся обмен мнениями о путях наполнения диалогового партнерства Россия—АСЕАН весомым практическим содержанием, создания необходимых условий для проведения очередного саммита Россия—АСЕАН. Была констатирована взаимная заинтересованность в расширении политических контактов, углублении экономических, научных и культурных связей между Российской Федерацией и АСЕАН. В ходе обсуждения международной проблематики особое внимание стороны уделили перспективам формирования в АТР новой системы межгосударственных отношений, способной обеспечить надежную безопасность и устойчивое развитие государств региона²¹.

В ходе дальнейших встреч генерального секретаря АСЕАН с представителями МИД РФ, бизнес-сообщества и российских научных кругов были обстоятельно обсуждены перспективы углубления российско-асеановского взаимодействия в контексте подготовки новой Комплексной программы действий по развитию сотрудничества России и АСЕАН на период после 2015 г. Особый упор был сделан на мерах по расширению диалога по вопросам политики и безопасности, а также практической кооперации в сфере экономики, чрезвычайного реагирования, науки и техники, культуры и туризма.

Развивается сотрудничество России и АСЕАН в борьбе против различных видов международной преступности. Так, растущее внимание уделяется обеими сторонами эффективному противодействию терроризму, в том числе на транспорте и в информационной сфере, отмыванию преступных доходов, браконьерству и морскому пиратству, контрабанде наркотических и психотропных средств, предотвращению и ликвидации последствий стихийных бедствий и борьбе против опаснейших эпидемических болезней. В октябре—ноябре 2013 г. МВД и ФСБ России организовали для представителей правоохранительных органов стран-членов АСЕАН курсы по контртеррористической и антиэкстремистской тематике. Дополнительные возможности для расширения контактов между правоохранительными органами обеих сторон открывает предоставление МВД России в феврале 2014 г. статуса наблюдателя при организации полицейских служб «асеановской десятки» — АСЕАНПОЛ.

В предстоящие годы АСЕАН готовится взять новые важные рубежи. В декабре 2015 г. было объявлено о создании Сообщества АСЕАН, которое интегрировано в трех сферах: политики и безопас-

ности, экономики и в социально-культурной. Положительный опыт выживания в условиях последнего экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., когда на фоне общего падения производства в мире большинство стран региона продемонстрировали завидную стабильность, сохранив рост экономики за счет масштабного внутреннего потребления, — наилучшее подтверждение жизнеспособности этой политико-экономической модели.

19—20 мая 2016 г. в Сочи успешно прошел юбилейный саммит «Россия—АСЕАН», посвященный 20-летию установления диалогового партнерства между двумя сторонами. По итогам саммита было принято несколько важных документов, главные из которых — Сочинская декларация «На пути к взаимовыгодному стратегическому партнерству» и «Комплексный план действий по развитию сотрудничества Российской Федерации и Ассоциации государств Юго-Восточной Азии».

В Сочинской декларации дана высокая оценка успехов, достигнутых за 20 лет диалогового партнерства и взаимодействия между РФ и АСЕАН по широкому кругу направлений, прежде всего в сфере политики и безопасности, что способствовало укреплению и продвижению отношений двух партнеров, а также обеспечению мира, стабильности и процветания в регионе ЮВА.

Стороны договорились продолжать укрепление диалогового партнерства на основе принципов равенства, взаимной выгоды и общей ответственности, расширять взаимодействие на высоком уровне и сотрудничество в рамках диалогового партнерства Россия—АСЕАН и асеаноцентричных механизмов, таких как Восточноазиатский саммит (ВАС), Региональный форум АСЕАН по безопасности (АРФ) и Совещания министров обороны государств — членов АСЕАН с партнерами по диалогу, а также сотрудничество в области политики и безопасности²².

Сильное впечатление производит второй документ — Комплексный план действий, рассчитанный на пятилетие 2016—2020 гг., который насчитывает 142 пункта, представляющих собой подробно расписанную Дорожную карту действий практически по всем вопросам международных и региональных отношений — в сфере политики, экономики, торговли и инвестиций, безопасности, культуры, образования и многого другого.

В ходе Сочинского саммита все его участники единодушно одобрили Комплексный план действий и поручили соответствующим министрам контролировать его выполнение по курируемым ими направ-

лениям через профильные совместные механизмы²³. Есть все основания рассчитывать, что реализация этого плана будет способствовать кардинальному улучшению российско-асеановских торгово-экономических отношений. Этой же цели служит готовность сторон регулярно обновлять по взаимной договоренности Программу действий по его реализации в целях наращивания взаимовыгодных торговых и инвестиционных потоков между Россией и АСЕАН.

* * *

Какие тенденции возобладают в АТР в предстоящие десятилетия, в немалой степени зависит от того, как будут складываться отношения между Россией и АСЕАН. Важно, что между двумя сторонами нет никаких политических разногласий и противоречий. Россия неизменно и последовательно поддерживает усилия АСЕАН по превращению ЮВА в «регион прочного мира, стабильности и устойчивого экономического развития», как это записано в Хартии АСЕАН, принятой в 2008 г. По всем главным проблемам мирового развития позиции России и АСЕАН совпадают либо очень близки.

В условиях нарастания напряженности на евразийском пространстве и проведения со стороны США и ЕС политики необоснованных жестких санкций Россия, естественно, особо заинтересована в укреплении сотрудничества со своими давними и надежными партнерами в Восточной Азии, в том числе и со странами АСЕАН. В политических элитах стран АСЕАН понимают, что Россия в качестве великой мировой и азиатской державы с мощным военным потенциалом и как постоянный член Совета Безопасности ООН остается существенным фактором поддержания мира и стабильности в регионе. Она может играть важную роль в формировании будущей системы безопасности в АТР вообще и в ЮВА, в частности, как в качестве активного участника, так и надежного гаранта договоренностей.

В отношениях с АСЕАН Россия имеет важные морально-политические преимущества в сравнении с другими великими державами. Между нею и странами АСЕАН никогда не было никаких серьезных, тем более вооруженных, конфликтов. После окончания холодной войны Россия никогда не вмешивалась во внутренние дела этих стран, в том числе по таким чувствительным вопросам, как права человека, демократические свободы, территориальные и межконфессиональные конфликты. Все эти преимущества дают России то, что

называется «мягкой силой». Важно только использовать эту силу целенаправленно и эффективно.

Внешнеполитическая линия России в АТР направлена на то, чтобы последовательно претворять в жизнь положения Совместного заявления России и АСЕАН, принятого на их втором саммите в Ханое: «Мы считаем, что международная безопасность неделима и убеждены в том, что национальную безопасность нельзя обеспечить в ущерб безопасности других. Мы подчеркнули необходимость полностью уважать и принимать в расчет как законные интересы и озабоченности всех государств, так и действующие в них законы и правила»²⁴.

Примечания

¹ Дергачев В.А. Геополитика. Русская геополитическая энциклопедия. 2010—2014. М., 2015. URL: <http://dergachev.ru/Russian-encyclopaedia/01/24.html> (Дата обращения: 15.05.2016).

² Лузянин С.Г. Шанхайская организация сотрудничества // Позиции России в АТР. М., 2007. С. 84.

³ Там же. С. 108.

⁴ Википедия. Диалоговое партнерство Россия—АСЕАН. 13.10.2014.

⁵ URL: <http://www.mid.ru> (14.12.2005).

⁶ Там же.

⁷ Tạ Ngọc Tấn. Tài liệu của Hội thảo quốc tế «Hợp tác phát triển giữa Việt Nam — ASEAN với Liên Bang Nga»: [Та Нгок Тан. Материалы международной конференции «Сотрудничество в целях развития между Вьетнамом, АСЕАН и РФ: современное состояние и перспективы»]. Hà Nội, 2014. Tr. 3.

⁸ Vai trò của Việt Nam trong ASEAN: [Роль Вьетнама в АСЕАН]. Hà Nội, 2007. Tr. 125.

⁹ Российская газета. 09.05.2012.

¹⁰ Цит. по: Это незабываемое слово «Льенсо». М., 2007. С. 412.

¹¹ Там же.

¹² Mai Hoài Anh. Hợp tác phát triển giữa Việt Nam — ASEAN với Liên Bang Nga. Tài liệu của Hội thảo quốc tế. Op. cit. Tr. 15: [Май Хоай Ань. : [Материалы международной конференции «Сотрудничество в целях развития между Вьетнамом, АСЕАН и РФ: современное состояние и перспективы»].

¹³ URL: <http://tass.ru/politika/3293705> (13.07.2016).

¹⁴ Россия и Китай. Азиатское иллюстрированное обозрение. 27.06.2015.

¹⁵ Lê Lương Minh. Tài liệu của Hội thảo quốc tế : [Ле Лыонг Минь. Материалы международной конференции]. Ор. cit. Tr. 10.

¹⁶ См.: *Фам Тхань Суан*. Грани стратегического партнерства Вьетнама с Россией в начале XXI века // Вьетнамские исследования. Вып. 3. М.: ИДВ РАН, 2013. С. 25.

¹⁷ Tập chí «Bạch dương» (журнал «Березка»). Hà Nội, 2014. № 3. Tr. 11.

¹⁸ Lê Lương Minh. Tài liệu của Hội thảo quốc tế : [Ле Лыонг Минь. Материалы международной конференции]. Ор. cit. Tr. 11.

¹⁹ Tạ Ngọc Tấn. Hợp tác phát triển giữa Việt Nam — ASEAN với Liên Bang Nga: Thực trạng và triển vọng : [Та Нгок Тан. Материалы международной конференции «Сотрудничество в целях развития между Вьетнамом, АСЕАН и РФ: современное состояние и перспективы»]. Tài liệu của Hội thảo quốc tế. Ibid. Tr. 4.

²⁰ URL: <http://Russia-asean.com.ru> (15.10.2014).

²¹ Там же.

²² Russia — ASEAN20.ru (20.05.2016).

²³ Там же.

²⁴ URL: www.mid.ru (01.10.2010).

Заключение

В первые полтора десятилетия XXI века произошло много геополитических и региональных изменений, не предвиденных политиками и ведущими мировыми специалистами. Регион, испытавший наибольшее воздействие и влияние этих изменений — Восточная Азия. Великие державы изменили здесь вектор основных действий для защиты своих геополитических, экономических и стратегических интересов.

Ситуация в регионе во многом определяется его ролью нового локомотива мировой экономики. В целом сегодня Восток возрождает свои позиции, а Запад заметно отстывает. Россия явно обозначила собственный маршрут движения — ослаблять зависимость от Запада и занимать центральное положение в геополитическом раскладе между Востоком и Западом, т. е. возвращаться на свое традиционное самостоятельное место в истории. Именно такая посылка положена российскими учеными в основу проведенного исследования.

Восточная Азия признана в 2014—2016 гг. по части безопасности одним из сложных регионов мира. В то же время ситуация здесь, за исключением ряда эпизодов, не была столь взрывоопасной и сложной, как в Европе (особенно в 2014 г. в связи с событиями на Украине) и на Ближнем Востоке в 2015 г. (из-за событий в Сирии). Главными очагами конфликта в ВА определены Корейский полуостров, Восточно-Китайское и Южно-Китайское моря. В данных конфликтах очевидна экономическая основа, так как они вызваны обострением борьбы за энерго- и морские ресурсы и территории, ростом разрыва в уровне развития конфликтующих стран (КНДР и Республика Корея, КНР и ее соседи). Эти конфликты могли бы остаться локальными по составу участников, если бы в них не участвовали великие державы, прежде всего США, пытающиеся сохранить свое мировое господство, и на них не отражался бы передел сфер влияния. Сделан вывод, что ситуацию в ВА диктуют главным образом тектонические геополитические сдвиги, происходящие в современном мире.

Характеризуя политические процессы в регионе как динамичные и противоречивые, участники исследования констатировали как общую тенденцию снижение устойчивости и рост напряженности. В дополнение к традиционным угрозам безопасности возникли и обострились нетрадиционные. Так, получили распространение терроризм и пиратство, трансграничная преступность, природные бедствия и экологические проблемы, напрямую обусловленные глобальным потеплением климата и разрушением окружающей среды ввиду ускоренного экономического подъема ряда стран. К этому добавляются проблемы продовольственной, энергетической и информационной (кибер) безопасности. Нарастали территориальные споры на грани военных столкновений, гонка вооружений, угроза применения оружия массового уничтожения. Методологический вклад в изучение этих проблем состоит в классификации конфликтов с энергетической основой как традиционных угроз и в пополнении категории нетрадиционных угроз действиями по подрыву кибербезопасности.

Наиболее горячими точками признаны **территориальные споры** в Южно-Китайском и Восточно-Китайском морях между КНР, Японией, Вьетнамом и другими прибрежными странами. Значение противоречий в Южно-Китайском море вышло далеко за рамки спора о суверенитете над теми или иными участками акватории и островами. Они оказались в поле экономических, геополитических и военно-стратегических интересов, прежде всего, Китая и США, а также Японии, Индии и других государств АТР. Особенностью очередного осложнения обстановки стало то, что США требуют свободы мореплавания и воздушных полетов в исключительных экономических зонах (ИЭЗ) Китая и других стран ЮКМ для своих ВМФ и ВВС, выступают против активного строительства Китаем искусственных островов в южной части архипелага Спратли. Действия Вашингтона, подрывая претензии Пекина на роль региональной державы, подтолкнули КНР к большей милитаризации этих территорий, что лишь дестабилизировало обстановку. До тех пор, пока поведение этих двух держав в ЮВА концептуально не изменится, будет нагнетаться холодная война вместо построения отношений нового типа между ними. В такой ситуации малые страны региона будут вынуждены «выбирать сторону» или становиться разменной монетой в их споре.

Дан ряд новых оценок политики великих и региональных держав в Восточной Азии. Основное внимание уделено **Китаю**, демонстрирующему не просто подъем, а возрождение как великой державы. Именно в этом авторы видят причину активного участия КНР в делах

региона, включая конфликтные ситуации, что было расценено в США как серьезная угроза их интересам и вызвало новый рост американской активности, известный как «возвращение в Азию». При этом констатируется, что баланс сил меняется в пользу Китая, овладевающего стратегической инициативой. Ответом на курс «возвращения в Азию» стали объявленная в Пекине задача превращения КНР в мощную морскую державу и активизировавшаяся деятельность по «выходу в океанские воды». Участники исследования с обеих сторон согласны, что Пекин твердо намерен расширить свою сферу влияния в окружающих морях, при этом российские ученые полагают, что он не стремится к мировой гегемонии.

Вместе с тем новые инициативы КНР при Си Цзиньпине («Один пояс, один путь» и другие) оценены как способные превратить эту страну в главного экономического и политического игрока обширного региона, охватывающего Центральную, Южную и Западную Азию. Сделан прогноз, что в целом политика Китая в Азии, в которой до сих пор преобладало восточноазиатское направление, получает хорошие шансы стать в перспективе географически более сбалансированной и комплексной.

Пятое поколение лидеров КНР, избранное на XVIII съезде КПК, начало обновление и дополнение национальной стратегии в соответствии с достигнутым уровнем развития страны. С 2014 г. Китай строит более выгодную для себя архитектуру региональной безопасности, значительно активизировав внешнюю политику и сделав акцент на новый характер отношений с великими державами, прежде всего с США. Его цель — заставить США считаться с Китаем и его интересами, признать выбор его пути развития, отдать ему «справедливую долю» в мировых делах и играть «на равных». Признав, что объективно КНР нуждается в региональной стабильности для концентрации всех сил на национальном развитии государства, ученые ИДВ прогнозируют ее дальнейшее мирное возвышение при рациональном выстраивании баланса интересов с соседними странами региона на основе равной безопасности и взаимной выгоды.

Российские и вьетнамские исследователи дали во многом отличные оценки роли и политики Китая в регионе, что впервые удалось столь наглядно зафиксировать. В отличие от ученых РФ, коллеги из СРВ считают Китай «главной угрозой региональной безопасности, деструктивной силой», обвиняя Пекин в гегемонистских устремлениях и провокационных действиях, экономическом господстве над соседними странами. В то же время они признают объективную бли-

зость своей страны к Китаю в силу географического соседства, идеологических установок, необходимости сохранения власти компартии наряду с историческим недоверием к политике Вашингтона.

Соответственно ученые РФ и СРВ по-разному трактуют поведение США в регионе. Формируя и отражая мнение руководства своей страны, участники исследования из ВАОН видят в Вашингтоне потенциально возможного защитника ущемленных Китаем интересов соседних государств, исходящего из своих собственных целей и интересов; источник новых технологий, а вместе с Японией, Индией и Австралией — «антикитайский противовес» и инструмент для обеспечения баланса сил в регионе. Эта логика в условиях возникшего противостояния западного блока с Россией привела к относительной конвергенции стратегических интересов Вьетнама и США, что следует иметь в виду в условиях возникшего противостояния западного блока с Россией.

Российские эксперты признают США главным источником большинства конфликтов в ВА, инициатором укрепления военных союзов в целях сохранить собственное доминирование. Вашингтон привлекает новых партнеров, проводит «азиатизацию» своей политики и влияния в духе доктрины «вьетнамизации» войны в Индокитае. В этом он добивается определенных успехов, опираясь на экономические и технологические преимущества и свое военное превосходство. Американское поведение в Сирии и на Ближнем Востоке в последнее время создает впечатление, что главную ставку в борьбе за сохранение своих позиций в мире США делают именно в Восточной Азии, а значит, она будет эпицентром конфликтов в период неизбежного реформирования мирового порядка. Отсюда следует необходимость серьезной корректировки внешней политики России в целом, в том числе в плане большего внимания к данному региону.

Однозначно негативная оценка дана российскими экспертами политике премьер-министра Японии Синдзо Абэ, нацеленной на силовое сдерживание Китая и вызывающей соответствующую реакцию в Пекине. Это достаточно новый подход, учитывая большие надежды, которые еще недавно Россия возлагала на сотрудничество с Японией, прежде всего в сфере экономики. Характерно, что политика С. Абэ вызывает одобрение в Ханое, который переходит от масштабного экономического партнерства с Токио к скрытому военному сотрудничеству. В СРВ, судя по всему, не придают значения тому, что здесь в русле концепции «активного пацифизма» принята «Стратегия национальной безопасности», разрешающая японским Силам самообо-

роны наращивать потенциал и защищать интересы Японии за рубежом. В Ханое полагают, что интересам Вьетнама служит укрепление военного сотрудничества Японии и США, в том числе в сфере противоракетной обороны (ПРО) в Восточной Азии. Но при этом во вьетнамской столице, похоже, не учитывают, что такие сдвиги вызывают большое беспокойство не только в Пекине, но и в Москве, поскольку свидетельствуют о создании регионального элемента глобальной ПРО США и укреплении проамериканской коалиции в АТР.

В целом единые оценки участники исследования дали ситуации на **Корейском полуострове**, где противостояние то и дело грозит перейти в горячую форму и серьезно подрывает региональную безопасность. Отмечено, что угроза распространения оружия массового поражения, развертывания ракетно-ядерной программы КНДР требует совместного противодействия. Поэтому шестисторонние переговоры считаются самым эффективным путем решения проблемы, а замена соглашения о перемирии между корейскими сторонами мирным договором — назревшей необходимостью. Российские эксперты делают вывод, что политика Пхеньяна вызвана этой линией «давления» со стороны США и НАТО, которая сопровождается потерей гарантий безопасности со стороны СССР и КНР. Также поддержана идея сначала заключить договор между КНДР и США, а затем решать проблему разоружения. США же, напротив, ставят разоружение на первое место и не готовы взять ответственность за примирение корейских сторон.

Важным вкладом российских участников проекта в изучение ситуации в Восточной (Тихоокеанской) Азии стала объективная оценка роли, которую здесь играет формально внерегиональная держава — **Индия**. Показано, что этот регион стал в ее внешней политике объектом повышенного внимания. Данное направление обретает структурированность, системность и оформляется в виде правительственных программ, прежде всего, специальной политики «Внимание к Востоку» (Look East Policy), которая при нынешнем правительстве Н. Модии с 2014 г. поднялась на более активный уровень и стала именоваться «Действовать на Востоке» (Act East Policy). Составными элементами восточноазиатской политики Дели являются активное участие в многосторонних структурах региона — АСЕАН, ВАС, «Россия—Индия—Китай» (РИК) и диверсифицированное углубление (сферы экономики, безопасности и т. д.) двусторонних связей. Повышенная активность Индии в большинстве случаев оценена участниками исследования позитивно, как элемент формирования разумного баланса сил и укрепления безопасности.

Индия стремится сбалансировать влияние Китая и на этой почве укрепляет связи с такими странами, как Вьетнам, Филиппины, развивая отношения с другими странами ЮВА. Не случайно проекты сотрудничества, которые носят главным образом экономический и гуманитарный характер, все годы неуклонно дополняются и новой, военно-оборонительной составляющей.

На этой основе с успехом работают такие форматы, как Индия плюс, Россия—Индия—Китай (РИК), выступающие в качестве механизмов консультаций. Россия активно участвует в формате РИК, так как он помогает формированию равной безопасности и равного доверия между участниками и видит в РИК инструмент, который создает условия, способствующие урегулированию двусторонних (китайско-индийских) споров. В этом смысле имеется хороший пример, полезный и для решения *разногласий между КНР и Вьетнамом*. Это практическая рекомендация наших экспертов.

Сходные позиции ученые обеих сторон заняли в том, что роль **России** в Восточной Азии пока не поднята на должную высоту, и это тоже не способствует оздоровлению ситуации. Лишь ее отношения с Вьетнамом оказывают позитивное воздействие на безопасность и сотрудничество в регионе. Вьетнам является одним из самых важных (наряду с Китаем и Индией) стратегических партнеров РФ в Азии. Характерной особенностью российско-вьетнамского стратегического партнерства признано то, что оно основано на высоком уровне доверия сторон и сотрудничества во всех областях, включая сферу обороны и безопасности, которое не направлено против третьих стран. Российские эксперты признают целесообразным оказывать поддержку Ханюю в деле сохранения баланса с Китаем, для чего предлагают форму «выражения понимания позиции СРВ в территориальном споре с КНР». Главным же является призыв к сторонам всемерно воздерживаться от конфронтации и добиваться решения спорных вопросов за столом переговоров. Особое внимание уделено созданию новой платформы взаимодействия с СРВ в рамках заключенного соглашения о ЗСТ с Евразийским экономическим союзом. ЕАЭС признан не только базовым механизмом безопасности и развития для стран СНГ, но и основой укрепления сотрудничества в Восточной Азии через АСЕАН.

Определена тенденция развития в регионе **интеграционных связей** на фоне усиления мировой военно-политической конфронтации. В подтверждение показаны многократный рост количества преференциальных торговых соглашений как на двусторонней, так и на многосторонней основе, увеличение объемов внутрирегиональной

торговли и инвестиционного сотрудничества, создание нескольких площадок для диалога. Сделан важный вывод, что страны ВА через поиск экономических форматов сближения и удовлетворения общих интересов пытаются не только обеспечить устойчивость роста, но и упрочить свою безопасность. Это признано новой закономерностью развития региона, наряду с поощрением азиатского многополярного регионализма в противовес недавно еще доминировавшей тенденции глобализации. Вместе с тем данный процесс охарактеризован как только начинающийся и сдерживаемый отсутствием всеобъемлющего регионального соглашения в формате ЗСТ и др., недостаточно выстроенной базовой инфраструктурой, неравномерностью в развитии отдельных стран.

Участники исследования предложили ускорить поиск и реализацию выгодных России многосторонних экономических проектов, способных подключить ее к процессам регионализации в ВА, при этом делая ставку на тесную кооперацию со своими ведущими партнерами — КНР, РК, Индией, Вьетнамом и рядом стран АСЕАН. Обосновано, что интересам РФ отвечают все форматы регионального сотрудничества, способствующие созданию благоприятных условий для экономического развития, образованию новых рабочих мест и т. д. Вместе с тем поставлены под вопрос действия США по созданию Транстихоокеанского партнерства, как направленные, среди прочего, на консолидацию стран АТР на антикитайской и антироссийской основе.

Признано, что основой многих региональных конфликтов стало обострение борьбы за источники **энергии**, и это мировой тренд. Причина в том, что, во-первых, ни одно из государств Восточной Азии, кроме Индонезии, пока не способно полностью обеспечить себя энергией. Особенно уязвим в этом отношении Китай, экономика которого не может поддерживать высокие темпы роста без импорта углеводородов. Во-вторых, нефть и газ превратились в глобальный товар. Сделан прогноз, что в ближайшие годы спрос мировой экономики на энергоносители снова вырастет и проявится большой потенциал сланцевой нефти, так как развитие технологий позволяет удешевлять ее добычу. У Восточной Азии отмечена возможность укрепить свою энергетическую безопасность благодаря появлению на ее рынках нефти из России, США и Австралии.

Для России «поворот на Восток» в этом плане оценен как чрезвычайный проблемами, так как привязка к одному основному азиатско-тихоокеанскому покупателю углеводородов — Китаю создает излишнюю зависимость от него, к тому же с учетом попыток Пекина диктовать

свои условия. Признано, что Вьетнам не может служить здесь альтернативой, как и другие страны АСЕАН. Поскольку вне Китая участие РФ в обеспечении энергетической безопасности Восточной Азии невелико, в случае возникновения интеграционных структур в сфере энергетики шансов участвовать в них у нашей страны будет немного.

Выявлена растущая актуальность в регионе проблем **экологической безопасности**: за экономический успех и ускоренную индустриализацию пришлось заплатить высокую цену. К тому же экономика стран ВА через экспорт ориентирована на внешние рынки, где требования к экологической чистоте продуктов растут при снижении ее уровня. Показана тяжелая и ухудшающаяся ситуация в Китае, дан прогноз, что он не сможет решить экопроблемы, в том числе роста выброса газов, вызывающих парниковый эффект, до 2030 г., так как не готов создать действенную систему экологической безопасности. Проведено сравнение с Южной Корей, Японией и Тайванем, где реализуется стратегия «зеленого развития» за счет внедрения новых технологий. Признано, что в ЮВА экологические проблемы представляют угрозу национальной безопасности, а природный капитал утрачивается. Бедные слои населения живут за счет использования природных ресурсов, риски здоровью населения несут вода и воздух в городах, где сосредоточено примерно 40 % населения стран региона. Сделан вывод, что выработка нового международного договора по климату вряд ли облегчит эту ситуацию, а с учетом последствий глобального потепления, которое в этом регионе проявляется очень сильно, она может в ближайшие два десятилетия стать катастрофической.

Экономическое положение в ВА и, как следствие, политическое оценены с точки зрения последствий глобального финансово-экономического кризиса. Кризис признан очень глубоким, а ожидания быстрого выхода из него — преждевременными. Темпы роста ВВП в 2010-е годы охарактеризованы как волнообразные, неустойчивые, несмотря на подъем в середине десятилетия. Из анализа ситуации сделан вывод о ее неопределенности и зависимости во многом от Китая и Индии, в то время когда эти моторы роста ослабли. Ввиду ускоренной глобализации происходит заражение экономик стран ВА внешней «инфекцией»: сбои передаются из ЕС и США в другие страны. Сокращение потребления на западных рынках создает серьезные проблемы для стран-экспортеров, что усугубляется снижением мировых цен на такие товары, как продовольствие, нефть и газ. Опасный характер приобрела проблема долгов.

С учетом последнего кризиса авторы пришли к выводу: если страны ВА хотят обеспечить устойчивое развитие, им требуется повышать уровень своей экономической самостоятельности, не полагаясь только на меры монетарной и бюджетно-налоговой политики. Обнаруженное в ряде стран ВА желание двигаться самостоятельно, в направлении открытого регионализма, тем более «отцепления» от Запада, названо трудновыполнимым во взаимосвязанной хозяйственной системе, основанной на цепочках создания добавленной стоимости. К тому же оно не имеет широкой поддержки изнутри. Но этот объективный процесс в Восточной Азии признан перспективным.

В итоге авторы исследования пришли к выводу, что безопасность в регионе серьезно подорвана и может дальше снижаться. Геополитическая обстановка в Восточной Азии претерпевает глубокие изменения: превращаясь в новый центр мировой политики и экономического развития, регион сталкивается с новыми вызовами. Весь мир переживает беспрецедентный период нестабильности и нарастания конфронтации, а механизмы сохранения безопасности строятся медленно и противоречиво. Эти перемены напрямую связаны с изменением соотношения сил в мире.

«Цветные революции» в ряде стран, в том числе события 2014 г. на Украине, вынудили Россию переключить внимание на Запад и ослабить свою активность на Востоке, чем авторы объясняют заметное торможение целого ряда ее проектов. В 2015 г. Россия бросила открытый вызов США, в результате чего действовавший с 1991 г. мировой порядок на основе гегемонии США начал рушиться: активизировался переход от де-факто однополярной системы международных отношений к многополярной.

Обострение большого числа противоречий вызвало попытки прежних хозяев сохранить свою власть. Фактически мир вернулся во времена холодной войны, хотя и не разделен, как прежде, на идеологически противоборствующие блоки. Поэтому прогноз на среднесрочную перспективу сделан негативный, в то же время не предвидится и опасности перерастания конфронтации в горячую форму. Перспективы урегулирования проблем здесь оцениваются невысоко и обострение обстановки считается возможным, но не обязательно по вине Китая.

Краткие сведения об авторах

---

1. До Минь Као — кандидат исторических наук, консультант Института китаеведения Вьетнамской академии общественных наук

2. До Тиен Шам — доктор исторических наук, профессор, Почетный доктор ИДВ РАН, главный редактор журнала «Китайские исследования» Вьетнамской академии общественных наук

3. Жебин Александр Захарович — кандидат политологических наук, руководитель Центра корейских исследований ИДВ РАН

4. Кистанов Валерий Олегович — доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований ИДВ РАН

5. Кобелев Евгений Васильевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН

6. Локшин Григорий Михайлович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН

7. Мазырин Владимир Моисеевич — доктор экономических наук, руководитель Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИДВ РАН, профессор Института стран Азии и Африки МГУ

8. Нгуен Динь Лиём — доктор наук (PhD), сотрудник Института китайских исследований Вьетнамской академии общественных наук

9. Нгуен Куанг Тхуан — Президент Вьетнамской академии общественных наук, профессор, доктор наук

10. Нгуен Суан Кыонг — доктор наук (PhD), зам. директора Института китайских исследований Вьетнамской академии общественных наук

11. Нгуен Хюи Хоанг — доктор наук (PhD), старший научный сотрудник Института гуманитарных наук Ханойского государственного университета

12. Петровский Владимир Евгеньевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН

13. Портяков Владимир Яковлевич — доктор экономических наук, зам. директора ИДВ РАН, главный редактор журнала «Проблемы Дальнего Востока»

14. Рогожин Александр Александрович — кандидат экономических наук, зав. сектором социально-экономических проблем ИМЭМО РАН

15. Рогожина Наталия Григорьевна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ИМЭМО РАН

16. Сулина Светлана Серафимовна — доктор экономических наук, главный научный сотрудник ИДВ РАН

17. Титаренко Михаил Леонтьевич — академик РАН, научный руководитель ИДВ РАН

18. Уянаев Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, зам. директора ИДВ РАН, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений ИДВ РАН

19. Хоанг Кхак Нам — доктор наук (PhD), доцент Института гуманитарных наук Ханойского государственного университета

20. Чан Кхань — доктор наук (PhD), главный редактор журнала «Изучение Юго-Восточной Азии» Вьетнамской академии общественных наук

Научное издание

Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Компьютерная верстка *И.В. Кондратьевой*
Оформление *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 01.09.2016. Формат 60×90/16.
Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Усл. печ. л. 27,5.
Уч.-изд. л. 28,2. Бумага офсетная. Тираж 300 экз. Заказ №

Издательский Дом «ФОРУМ»
101000, Москва — Центр, Колпачный пер., д. 9а
Тел./факс: (495) 625-39-27
E-mail: forum-books@mail.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

Отдел продаж «ИНФРА-М»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в, стр. 1
Тел.: (495) 280-15-96
Факс: (495) 280-36-29
E-mail: books@infra-m.ru